

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Саломатова Оксана Ивановна
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция); **Роберт Филлипсон**, PhD, почетный профессор (Копенгагенская школа бизнеса, Дания).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Е. И. Мишина**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. Р. Желтухина**, доктор филологических наук, профессор (Волгоград); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстири**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Кавус, Иран).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.
Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162-в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
от 01.07.2016 г.

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректура *А. А. Селютин*
Верстка *А. А. Селютин*

Подписано в печать 15.08.25.
Выход в свет 29.08.25.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 22,56.
Уч.-изд. л. 19,4.

Тираж 500 экз. Заказ 579.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

ISSN 1994-2796 (print)

ISSN 2782-4829 (online)

doi 10.47475/1994-2796

ACADEMIC
PERIODICAL

Founded in 1991

№ 6 (500) 2025

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

O. I. Salomatova

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Yu. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France); **R. Phillipson**, PhD, Prof. Emer. (Copenhagen Business School, Denmark).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. I. Minina**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **T. V. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

“Philological Sciences” editorial
office's address:

162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: rus slang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate III № ФЦ77-66312
dated 01.07.2016

Index 33077
in the “Press of Russia” catalog

Proofreader *A.A. Selyutin*
Imposition by *A.A. Selyutin*

Approved for printing 15.08.25.
Date of publication 29.08.25.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 22,56.
Ac.-publ. sh. 19,4.
Circulation 500 copies.
Order 579. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

НАРРАТОЛОГИЯ, СТИЛИСТИКА, ТЕОРИЯ ТЕКСТА

- Акинъшина Е. В., Селютина Е. А.* Событийный аспект в нарративных стратегиях женского письма (на материале «Памятных записок» Г. И. Ржевской) 7
- Бабаев А. М., Питина С. А.* Лингвокультурный образ «студент» в антиколониальном контексте романа Р. Куанг «Вавилон» 15
- Буряковская В. А., Бикус Д. С.* Жанр черной комедии в кинематографе. 23
- Иванов С. С.* Грамматические девиации как способы создания временных, пространственных и личностных характеристик в художественном тексте (на примере англоязычной прозы первой половины XX века) 32

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОНЦЕПТОЛОГИЯ, КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ДИСКУРСЕ

- Латипов О. Ж.* Лингвокультурологическая интерпретация фразеологизмов с компонентами-зоонимами собака // it в русском и узбекском языках 43
- Савченко А. А.* Понятийная сфера «Неживая природа» как источник метафоризации киберугроз в медийном дискурсе (на материале английского языка) 52

АНАЛИЗ ДИСКУРСА, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА, КОММУНИКАТИВИСТИКА

- Басовская Е. Н., Воронцова Т. А.* Позитивная токсичность в медиадискурсе 61
- Воронцова Т. А., Нургалева Д. В.* Тактика опровержения когнитивного стереотипа о жанре и стиле научно-популярного текста в авторских предисловиях. 70
- Месеняшина Л. А., Валеева К. И.* Институциональный и семейный дискурс младшего дошкольника: жанрово-синтаксический аспект 78
- Роднова М. А., Кормазина О. П.* Специфика реализации тактики иронии в коммуникативном взаимодействии участников интеллектуальной игры 88
- Фирсова М. А.* Когнитивно-прагматический потенциал «агрессивной» глагольной лексики 97

ПСИХОЛИНГВИСТИКА, РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН

- Коновалова М. В.* Эвокативное воздействие на примере вербализации концепта Нью-Йорк в заголовках медиатекстов. 106
- Коренькова С. А.* Геополитонимы как инструмент воздействия в политическом дискурсе 115
- Шелестюк Е. В.* Фасцинация и ее феномены: фасцины, фасциномы, фасцимемы 124
- Яковлев А. А.* Наименования алкогольных напитков в ментальном лексиконе российских девушек 134

ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ

- Будыкина В. Г., Андреева А. А.* Об источниках терминов в корейском языке и особенностях их лексикографирования (на примере терминов образования). 141

Двинина С. Ю., Цвентух Т. С. Возможности GigaChat при обучении русскому языку как иностранному: нейросеть, создание учебных текстов и развитие видов речевой деятельности на уровне В1 150

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПЕРЕВОДЕ

Волошина К. С., Большак А. В. Предпереводческий анализ текста: критерии и структура. 159

Лю Шижяо Реалии московской жизни в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в переводе на китайский язык 167

Нефедова Л. А., Болдырева А. С. Проблема перевода китайских фразеологических единиц типа ченьюй (成语) в текстах политического дискурса 176

Семенов А. А., Филиппова И. Н. Ошибки межъязыковой передачи полимодального текста (на примере русскоязычного перевода комиксов Marvel) 185

CONTENTS

NARRATOLOGY, STYLISTICS, AND TEXT THEORY

- Akinshina E. V., Selyutina E. A.* The Event Aspect in Narrative Strategies of Female Writing (Based on the Material of G. I. Rzhevskaya's «Memoirs») 7
- Babaev A. M., Pitina S. A.* The Linguocultural Image of the “Student” in the Anticolonial Context of R. Kuang's Novel “Babel” 15
- Buryakovskaya V. A., Bikus D. S.* The Genre of Dark Comedy in Cinema 23
- Ivanov S. S.* Grammar Deviations Creating Temporal, Spatial and Personal Characteristics in a Literary Text (Exemplified by English Prose of the Early 20th Century) 32

LINGUOCULTUROLOGY, CONCEPTOLOGY, CONCEPTUAL METAPHOR IN DISCOURSE

- Latipov O. J.* Linguocultural Interpretation of Phraseologisms with Zoonymic Components ‘*sobaka/it*’ (*dog*) in the Russian and Uzbek Languages 43
- Savchenko A. A.* Conceptual Sphere “Inanimate Nature” as a Source of Metaphorization of Cyber Threats in English-language Media Discourse. 52

DISCOURSE ANALYSIS, LINGUISTIC PRAGMATICS, COMMUNICATION STUDIES

- Basovskaya E. N., Vorontsova T. A.* Positive Toxicity in Media Discourse 61
- Vorontsova T. A., Nurgaleeva D. V.* Tactics of Refuting the Cognitive Stereotype about the Genre and Style of Popular Science Text in Author's Prefaces 70
- Mesenyashina L. A., Valeeva K. I.* Institutional and family discourse of the younger preschooler: genre-syntactic aspect. 78
- Rodnova M. A., Kormazina O. P.* Specifics of the Irony Tactics in the Communicative Interaction of the Intellectual Game Participants 88
- Firsova M. A.* Cognitive and Pragmatic Potential of “Aggressive” Verbal Vocabulary. 97

PSYCHOLINGUISTICS, SPEECH INFLUENCE, MENTAL LEXICON

- Konovalova M. V.* Evocative Impact Based on the Example of Verbalization of the Concept of New York in the Headlines of Media Texts 106
- Korenkova S. A.* Geopolitonyms as a Tool of Influence in a Political Discourse. 115
- Shelestyuk E. V.* Fascination and its Phenomena: Fascinos, Fascinoms, Fascimemes 124
- Yakovlev A. A.* Names of Alcoholic Beverages in the Mental Lexicon of Russian Young Women. 134

TERMINOLOGY, LEXICOGRAPHY

- Budykina V. G., Andreeva A. A.* Notes on the Sources of Terms in the Korean Language (on the Example of Educational Terms) and Special Dictionary Compilation 141

INTELLIGENT SYSTEMS IN LINGUISTIC AND LANGUAGE TEACHING

- Dvinina S. Yu., Tsvetoukh T. S.** GigaChat Opportunities in Teaching Russian As a Foreign Language:
Developing Kinds of Language Activities at Level B1 150

TRANSLATION STUDIES. DIALOGUE OF CULTURES IN TRANSLATION

- Voloshina K. S, Bolshak A. V.** Pre-translation analysis of the text: criteria and structure 159
- Liu Shirao** The Realities of Moscow Life in M.A. Bulgakov’s Novel “The Master and Margarita”:
a Study of Chinese Translation 167
- Nefedova L. A, Boldyreva A. S** The problem of Translating Chinese Phraseological Units Such as
Chenyu (成语) in Political Discourse Texts 176
- Semenov A. A., Filippova I. N.** Interlanguage Transmission Mistakes of Polymodal Text
(on the Example of the Russian-language Translation of Marvel Comics). 185

НАРРАТОЛОГИЯ, СТИЛИСТИКА, ТЕОРИЯ ТЕКСТА

NARRATOLOGY, STYLISTICS, AND TEXT THEORY

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 7–14.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(6(500):7-14.

Научная статья

УДК 83.3(2Рос-Рус)6

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-7-14

СОБЫТИЙНЫЙ АСПЕКТ В НАРРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ ЖЕНСКОГО ПИСЬМА (НА МАТЕРИАЛЕ «ПАМЯТНЫХ ЗАПИСОК» Г. И. РЖЕВСКОЙ)

Евгения Валерьевна Акиншина¹, Елена Александровна Селютина²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, akinshina.evgeniya@mail.ru

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, l22502@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5982-6208

Аннотация. В статье исследуется событийный аспект в нарративных стратегиях женского эго-письма на материале «Памятных записок» Г. И. Ржевской. Актуальность данной темы обусловлена тем, что нарратологический метод учитывает проблему конструирования идентичности, применимый к нарративам различного типа, позволяет исследовать в том числе нехудожественные произведения под новым углом зрения, в связи с чем возобновляется интерес к текстам, ранее бывшим на периферии филологического интереса. Анализ эго-письма в контексте нарратологического метода открывает возможность изучения структуры и семантики художественного мира наррации с точки зрения ценностного ранжирования событий. Исходя из полученных результатов, можно отметить, что конструирование женского эго-нарратива определяется нарративной стратегией, объективно зависящей от контекста эпохи и ее ведущих стилей (сентиментальный дискурс, классицистическая дидактика), субъективно обусловленной специфическим статусом нарратора внутри системы обучения девушек-институток, особенностями его личности. На примере анализа нарративного эпизода (большого нарратива) показано, какие стратегии конструирования нарратива демонстрируют профессиональный статус нарратора: возможности саморефлексии в традиционном жанре «записок», отсутствие интроспекции нарратора в сознание других героев при внутренней фокализации, перцептивный персональный способ передачи событий, исповедальный характер повествования, диететический тип наррации, ненадежный тип наррации, энигматический тип интриги. Выявленные в ходе исследования противоречия между имплицитной и эксплицитной целью создания «Памятных записок» позволяют сделать вывод о сложности фигуры нарратора и, соответственно, конструируемого им мира: взаимодействие бессознательно воплощенного внутреннего конфликта и осознанно выбранных стратегий организует нарратив.

Ключевые слова: память, нарратив, нарратор, записки, мемуаристика, женское эго-письмо, мнемический нарратив, наррататор.

Для цитирования: Акиншина Е. В., Селютина Е. А. Событийный аспект в нарративных стратегиях женского письма (на материале «Памятных записок» Г. И. Ржевской) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 7–14. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-7-14.

Original article

THE EVENT ASPECT IN NARRATIVE STRATEGIES OF FEMALE WRITING (BASED ON THE MATERIAL OF G. I. RZHEVSKAYA'S "MEMOIRS")

Evgeniya V. Akinshina¹, Elena A. Selyutina²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, akinshina.evgeniya@mail.ru

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, l22502@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5982-6208

Abstract. This article is devoted to the study of the event aspect in the narrative strategies of female ego-writing based on the material of G. I. Rzhevskaya's "Memoirs". The relevance of this topic is due to the fact that the narratological method, which takes into account the problem of identity construction and is applicable to various types

of texts, allows us to explore non-fictional works from a new angle, which leads to renewed interest in materials that were previously on the periphery of research interest. In particular, the analysis of ego-writing in the context of the narratological method opens up the possibility of studying the structure and semantics of the artistic world of narrative in terms of the value ranking of events. Based on the results obtained, it can be noted that the construction of a female ego narrative is determined by a narrative strategy that objectively depends on the context of the era and its leading styles (sentimental discourse, classical didactics), subjectively conditioned by a specific status of the narrator within the educational system of female institutions, personality traits. Using the example of an analysis of a large narrative episode, it is shown which narrative construction strategies demonstrate the narrator's professional status: the possibilities of self-reflection in the traditional genre of "notes", the absence of introspection of the narrator into the minds of other characters during internal focalization, a perceptual personal way of conveying events, the confessional nature of the narrative, the diegetic type of narrative, the unreliable type of narrative, the enigmatic type of intrigue. The contradictions revealed in the course of the study between the implicit and explicit purpose of creating "Memos" allow us to conclude about the complexity of the narrator's figure and, accordingly, the world he constructs: the interaction of an unconsciously embodied internal conflict and consciously chosen strategies organizes the narrative.

Keywords: memory, narrative, female ego-narrative, memory narrative.

For citation: Akinshina EV., Selyutina EA. The Event Aspect in Narrative Strategies of Female Writing (Based on the Material of G. I. Rzhevskaya's "Memoirs"). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):7-14. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-7-14

Введение

Рубеж XX–XXI веков характеризуется междисциплинарным синтезом в гуманитарных науках, в частности, особым «нарратологическим поворотом» [6. С. 29], актуализирующим нарративный метод как новый инструмент познания культуры, искусства, социума и психологии отдельной личности. Такой подход, учитывающий проблему конструирования идентичности, применимый к текстам различного типа, позволяет исследовать в том числе нонфикциональные произведения под новым углом зрения, в связи с чем возобновляется интерес к материалам, ранее бывшим на периферии исследовательского интереса. В этом контексте является актуальным изучение женского эго-нарратива, исследующегося в связи с проблемой «женского канона», непроявленности женщин в дискурсе литераторов XVIII–XIX века (см., например, [9], [20]), ретроспективном изучении гендерности как таковой (см., например, [4], [5]). В связи с чем пересмотру подвергаются сочинения Екатерины II, Екатерины Дашковой, Анны Буниной, Надежды Дуровой, Евдокии Ростопчиной, Елены Ган и др. Для нас имеет принципиальное значение взгляд на женское письмо, представленный в работах И. Л. Савкиной [14], М. П. Абашевой [1], А. Б. Богдановской [10], Е. О. Труфановой [17], Н. В. Александровой [2, 3], учитывающих культурспецифическую обусловленность женского неинституционального письма, определяющих гендерную ориентированность эго-письма как наиболее влиятельную в определении проблемно-тематических позиций жанров-меморатов. Таким образом, практика ведения дневника,

которая была широко распространена среди представителей дворянского сословия в XIX веке вне зависимости от гендера (Е. Р. Дашкова, императрица Екатерина II, А. И. Дружинин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. И. Тургенев, император Николай II, князь Ф. Ф. Юсупов и т.д.), должна анализироваться не только и не столько в контексте границ жанра («записки», «воспоминания», «дневник»), сколько как область самоосмысления женщины/мужчины и определения границ идентичности. Кроме того, специфика нарратора женского дневника, не считающегося профессиональным в силу положения женщин-литераторов в этот период (об этом подробнее см. [14. С. 12–15]), может быть пересмотрена в отношении некоторых групп писательниц, получивших образование в женских образовательных учреждениях, подобных Смольному институту. Материалом данной публикации являются «Памятные записки» кавалерственной дамы ордена Св. Екатерины, фрейлины Екатерины II, одной из «смолянок Левицкого», впервые изданные в 1871 году¹ и вновь появившиеся в сборнике «Дневники институток» (издательство «Новое литературное обозрение»²). Записки оставлены экстраординарным нарратором: Глафира Ивановна выпустилась из института в 1776 году — это первый выпуск, закончила обучение «первою», награждена золотой медалью первой величины и «знаком отмены» — золотым вензелем Екатерины

¹ Ржевская Г. И. Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской // Русский архив, 1871. С. 1–52.

² Ржевская Г. И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 33–66.

на белой ленте с тремя золотыми полосками. Цель настоящей статьи — выявление особенностей конструирования женского эго-нарратива XIX века на материале «Памятных записок» Г. И. Ржевской¹ в аспекте осмысления категории «событие».

Методы исследования

В ходе данного исследования мы опираемся на типологии нарратива И. В. Тивьяевой [16] и М. Бамберга [22], позволяющие проанализировать событие с точки зрения автономности и значимости. В свою очередь, под событием вслед за В. И. Тюпой [18] мы подразумеваем любое изменение (реальное или метальное), которое претерпевает субъект наррации. Инструментом для анализа повествовательных инстанций послужили уровни наррации, выявленные в работах В. Шмида [21], В. И. Тюпы [18], Б. А. Успенского [19], Ф. Штанцеля [26], Ж. Женнета [7], подходы которых взаимодополняют друг друга.

Стоит отметить, что вслед за У. Лабовым [24] под нарративом мы понимаем не столько любое устное или письменное повествование, сколько схему организации опыта, определенным образом структурированную. Структура нарратива личного опыта, предложенная У. Лабовым и Д. Валецки [24, 25], позволяет изучить эпизод, расчленив его на элементы, и выделить отклонения от классической структуры, характеризующие особенности нарратора и нарратива. Классификация типов интриги, предложенная П. Рикером [12], универсальна, поэтому дает возможность «вписать» нарратив в контекст эпохи, а также определить цель «рассказывания».

Обсуждение

Покажем, как осмысляется «Я» через самоанализ переломного события на примере фрагмента из «Памятных записок» Г. И. Ржевской², относящегося к 1776–1777 году. Нарратору записок в этот момент 8–9 лет, она обучается в первом классе. Нарратив данного эпизода по классификации И. В. Тивьяевой [23. С. 303] можно отнести к типу неавтономного мнемического, поскольку настоящая история стала ключевой в становлении личности главной героини, определив ее характер и основную модель поведения: «*Это обстоятельство сделало на меня сильное впечатление...*»³. По степени значимости данного воспоминания это большой нарратив [22. С. 63–79], в основе ко-

торого лежит жизнеопределяющее событие. Наказание за проявление гордыни послужило уроком: впоследствии героиня упрекала себя за недостаточную старательность, стремилась нивелировать эту отрицательную черту характера и сохранить всеобщее расположение в обществе. По уровню автономности рассказ о наказании институтки является малым нарративом [22. С. 63–79], поскольку история заключает в себе одно событие.

Опираясь на схему нарратива, предложенную У. Лабовым и Д. Валецки [24. С. 63–83], мы можем разделить эпизод на определенные части. Резюме: «Около этой же поры я действительно провинилась, и проступок мой был такого рода, что обличал необыкновенную гордость и упрямство; но он же послужил мне уроком, и потому я стала недоверчиво смотреть на самые качества свои»; *ориентация*: «Случилось это вследствие наказания...»; *конкретизация*: «Их поставили на колени во время обедни, а после службы простили и всем позволили играть по обыкновению...»; *разрешение ситуации*: «Образцовым поведением старалась я загладить случившееся. Старания мои увенчались таким успехом, что впоследствии ко мне стали требовательнее, чем к кому-либо <...> я стала до того строга к себе, что, чем более меня отличали, тем старательнее становилась я, желая усовершенствоваться и сохранить общее расположение»; *оценка происходящего нарратором*: «Это обстоятельство сделало на меня сильное впечатление <...> проступок мой был такого рода, что обличал необыкновенную гордость и упрямство...»; *кода*: «Это обстоятельство сделало на меня сильное впечатление».

Анализ показывает следующие отклонения от канонической схемы: 1. Дважды встречается оценка события: в начале и в финале текста. Повтор выражает ключевую роль в жизни нарратора; с психологической точки зрения, героиня, вспоминая этот случай, испытывает страдание от открытого проявления гордыни и продолжает борьбу с этим пороком. Христианство гласит: необходимо покаяние перед Богом. Институтка, находящаяся под влиянием религиозно обусловленного воспитания, исповедуется перед читателем. 2. Вставка дополнительных элементов: «*Сама не знаю почему, я имела превосходство над подругами...*»⁴. Нарратору важно подчеркнуть свою исключительность, что свидетельствует о гордыне, присущей автору в момент говорения, ведь отсутствует негативная коннотация в приведенных предложениях, невзначай подчеркивается уни-

¹ Там же.

² Там же.

³ Ржевская Г. И. *Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц*. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. С. 39–40.

⁴ Там же.

кальность героини, что отражает ее властолюбие, заносчивость и веру в собственную исключительность. Автор настоящего фрагмента акцентирует внимание на гордыне и пути исцеления от грехов, поэтому главная тема — гордость, побочная тема — наказание. Данной истории присущ энигматический принцип интриги (модель «узнавание — откровение») [18, с. 88], поскольку нарратор открывает в себе порок (узнавание) и выбирает путь нравственного становления, о чем повествует читателю (откровение).

Опираясь на теорию линеаризации нарратива В. Шмида [21. С. 88], мы приходим к заключению: нарратор продолжительное время находится в процессе наррации, хотя фабула истории проста (преступление — наказание — раскаяние), тем самым автор расширяет историю с помощью саморефлексии, которая приносит как страдание, так и удовлетворение путем самоутверждения (героиня самолюбива, но при этом религиозна, в чем и заключается основное противоречие).

С точки зрения лингвистико-антропологического подхода, событие происходит в закрытом пространстве в кругу сверстниц, что способствует нагнетанию психологической обстановки. Психологическая реакция неоднозначна: смолянка раскаивается в грехе из-за страха перед Богом: «*Но, преследуемая угрызениями совести и страхом прогневать Бога*»¹. Героиня внутренне терзает себя ввиду давления религиозного воспитания, ею движет страх Бога, именно поэтому искренним признание в полной мере считать нельзя. Так, внутренний конфликт остается неразрешенным, а последствия таковы: ради общественного одобрения и внешнего соответствия религиозной добродетели нарратор стремится поддерживать образа во всех смыслах положительной героини.

В тексте преобладает книжная лексика, находящаяся в инвективно-дидактическом смысловом ядре (*наказание, проступок, приговор, угрызение, беда, оракул, горести*). На синтаксическом уровне прослеживаются сложные и осложненные предложения: длинные, последовательно построены, непрерывные, поэтому мы можем прийти к заключению, что воспоминание представлено в письменной форме, обдуманно и переписано неоднократно, что предоставляет возможность рассказчику обдумать логику повествования.

Пафос истории драматический, ведь в ходе наррации отражается внутренняя борьба религиозного мировоззрения и порочной природы человека: «противоречие между внутренней свободой само-

определения и внешней несвободой самопроявления» [15. С. 54–77]. Героиня, воспитанная в христианских традициях и наказанная за проявление гордыни, скрывает истинное «я». Можно выявить и наличие дидактического пафоса, свойственного литературной традиции XVIII–XIX века. Однако дидактический пафос лишь становится оболочкой истории, поскольку нарратор вводит читателя в заблуждение, повествуя о пути покаяния. Ядром является драматический пафос. Фиктивный нарратор данного эпизода эксплицитный [21. С. 38], поскольку осуществляет редуцированное самоизображение, рассказывая историю своей жизни. Формально это выражено путем использования местоимения первого лица единственного числа и его форм, глаголов первого лица. Это неспонтанный нарратив: рассказчик разрабатывал линию повествования, внедрял риторические приемы для осуществления коммуникативной стратегии — убеждения читателя в пути собственного покаяния: «*Сама не знаю почему, я имела превосходство над подругами <...> я привыкла, чтобы подчинялись моему приговору*»². Такой прием, как антитеза (изображение героини до и после наказания), тоже свидетельствуют о риторическом модусе истории.

Все вышеперечисленные характеристики приводят к заключению: нарратор — аристократка, ученица института благородных девиц с блестящим образованием и высоким уровнем читательского опыта. Настоящая история обнажает двойственную картину мира. С одной стороны, внешнее воздействие религиозного воспитания сформировало верующего человека. С другой — эта вера основана не на любви, а на страхе. Будучи сформировавшейся личностью, Ржевская пишет о событиях из детства, чтобы поведать историю становления. Для этого используется традиционная форма дидактической литературы (создается образ мученицы, страдавшей от гордыни, но преодолевшей ее, что может послужить примером для читателя). Но истинный характер проявляется в таких фрагментах, указывающих на самолюбование Ржевской: «*Сама не знаю почему, я имела превосходство над подругами; они всегда собирались вокруг меня, во всем спрашивали моего совета и спорили из-за дружбы со мной*»; «*Этой выходки я не ожидала, так как я привыкла, чтобы подчинялись моему приговору*»³.

Отсутствие интроспекции в сознание других персонажей, ограниченность восприятия наррато-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

ра, диегетический тип наррации (нарратор-протагонист (повествование о самом себе) [21. С. 51–53]) имплицитно выражают позицию: героиня сконцентрирована на саморефлексии. Нарратор с выраженным желанием заявляет о себе как о повествователе и главном герое: об этом свидетельствует эксплицитность и диегетичность изображения, а также высокая степень выявленности. Авторитарный тип личности нарратора (об этом свидетельствует властность по отношению к подругам) проявляется в первичной степени обрамления, личном, антропоморфном и едином нарративе (поскольку передать роль нарратора для нее было бы так же болезненно, как потерять авторитет среди сверстниц) [21. С. 39–45]. Внеаходимость, субъективность, ограниченность по знанию и местонахождению свидетельствуют о ненадежном типе наррации [21. С. 45], ведь для рассказчица важно представить свое видение ситуации для получения читательского одобрения. Профессионально выстроенный текст при первом прочтении, действительно, побуждает к сочувствию героине, ведь она сумела побороть греховное начало путем страданий. Однако рассказчик невольно обличает себя повторами предложений о собственной значимости, признанием в страхе божьего гнева, а при анализе сконструированного мира наррации — высоким уровнем субъективности.

Такой тип повествования рассчитан на имплицитного нарратора, синхронного нарратору [21. С. 56–57]. Исповедальный характер «Памятных записок» предполагает безапелляционное доверие и эмоциональное сопереживание. Г. И. Ржевская пишет о жизни в Смольном институте, при дворе на рубеже XVIII–XIX веков, как следствие, предполагаемым адресатом данных воспоминаний могли быть лишь образованные люди. Специфика местопребывания и конфликта могла вызвать особый интерес у воспитанниц Смольного института. Глафира Ивановна Ржевская — первая смолянка (первый выпуск и первенство среди остальных воспитанниц) — свои «Памятные записки» адресует молодым ученицам института благородных девиц, преодоление тернистого пути от греховного начала к праведности в итоге приводит Ржевскую к благополучию и счастью. А такой порок, как гордыня, институтка в саморефлексии переводит в положительный полюс — гордость. Отчасти нарратор предвосхищает поведение воображаемого реципиента: зная особенности психологии институток, их стремление выделиться, высокий уровень соперничества, нарратор угождает истинным желаниям реципиента познать секрет благополучия при дворе.

Достичь желаемого эффекта позволяет внутренняя фокализация [21. С. 64], ведь фигура повествователя совпадает с персонажем, отражается лишь то, что известно и важно второму. Таким образом, исключительно субъективное повествование способствует глубокому сопереживанию со стороны читателя, а также позволяет отразить единственно верную точку зрения, внушаемую нарратору. Так, Ржевская предстает непорочной благородной институткой, единственным недостатком которой является отсутствие опыта и наивность, потому что ее цель — создать образ образцовой дворянки (верующей, благопристойной, образованной, сильной, милосердной, бескорыстной и, несмотря на одаренность, смиряющей гордыню), на который будут ориентироваться ее последовательницы («*Рассказ мой ... может принести пользу неопытному*»).

Опираясь на концепцию В. Шмида [21. С. 73], мы определяем способ передачи событий перцептивным персональным, так как мир воспринимается глазами героини, чья идеологическая точка зрения транслируется в тексте, а именно богобоязненность, приведшая героиню от гордыни к гордости, жажда стать образцом, ориентиром для окружающих, заполучив признание и заняв устойчивое положение в обществе (такая тяга обусловлена ранней потерей родителей, как следствие, недостатком любви, отсутствием материальной опоры, что повлекло зависимость от И. И. Бецкого и от воли правителей Екатерины II, Павла I, обладающими влиянием над ее судьбой). Момент повествования и развития событий не совпадают (нарраториальная точка зрения в плане времени [19. С. 89–100]), поскольку это мнемонический нарратив, что доказывают такие анафорические наречия времени: *с этой поры, в тот день, тогда, после этого происшествия, около же этой поры*. Нарраториальная точка зрения в зависимости от пространственной [19. С. 78–88] не маркированная, что связано с вездесущностью. Таким образом, повествовательные инстанции сливаются в одном лице. Персонаж — Глафира, Глафира Ивановна Алымова и Глафира Ивановна Ржевская — в разные периоды жизни и нарратор — Глафира Ивановна Ржевская в преклонном возрасте, вспоминающая свой жизненный путь и желающая оставить о себе след как материальный, так и метафизический — воспоминания в письменной форме. На впечатления юности наслаивается саморефлексия взрослой женщины. Именно по этой причине чередуются нарраториальная и персональная точки зрения.

Подводя итоги, мы приходим к выводу: данный мнемический нарратив открыто дидактичен, направлен на ориентацию и воспитание подобных себе (благородных девиц). Стремление к совершенствованию заложено в личности Ржевской как семейными обстоятельствами, так и двенадцатилетней учебой. Героиня мемуаров на протяжении всей жизни стремилась к всеобщему признанию и уважению, благодаря чему ей удалось добиться столь значительных успехов. На закате жизни человеку свойственны размышления о собственном наследии. Рефлексия и высвобождение гордыни созидательным способом — писательством — позволяет героине не забывать урока, преподнесенного в Смольном институте в 6 лет: скрывать порочную часть своей личности и обращать ее в противоположный полюс — гордость.

Заключение

Блестящее образование, незаурядные способности, стремление увековечить свою фигуру в исто-

рии и нахождение в высшем свете, среди профессиональных писателей (А. Н. Радищев, Г. Р. Державин), брак с писателем А. А. Ржевским и переводчиком И. П. Маскле объясняют стремление Г. И. Ржевской-Алымовой к литературе. «Памятные записки» — мемуары в традиции сентиментальной прозы рубежа XVIII-XIX веков, которые могут соперничать с профессиональным письмом этого периода. Ржевская, следуя канону, обращается к внутреннему миру героини, излагает историю исповедального характера, пронизанную дидактическим пафосом, с целью воспитать образованных дворянок. Энигматический тип интриги усиливает дидактический эффект, а размещение большого нарративного эпизода в начале произведения способствует пробуждению читательского интереса. Г. И. Ржевская-Алымова мастерски владеет литературной формой, симметричной содержанию.

Список источников

1. Абашева М. П., Воробьева Н. В. Русская женская проза на рубеже XX–XXI веков : учебное пособие по спецкурсу. Пермь: ПониЦАА, 2007. 170 с.
2. Александрова Н. В. Любовь и дружба в русской дворянской культуре рубежа XVIII-XIX веков (по источникам мемуарного характера) // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. № 2. С. 33–42.
3. Александрова Н. В. Дети и детство в русской мемуаристике и портретном жанре во второй половине XVIII века // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2003. № 1 (15). С. 35–47.
4. Белова А. В. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII — первая половина XIX вв.) // *Новый исторический вестник*. 2007. № 16. С. 5–19.
5. Борисов С. Б. Культурантропология девичества. Шадринск: Шадр. пединститут, 2000. 87 с.
6. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // *Вопросы философии*. 2000. № 3. С. 29–42.
7. Женетт Ж. Повествовательный дискурс. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. С. 60–282.
8. Лисицына О. И., Пушкарева Н. Л. Представления о женской чести в Российской дворянской культуре (конец XVIII — начало XIX в.) // *Женщина в российском обществе*. 2015. № 2 (75). С. 76–89.
9. Папилова Е. В. Образ Европы в мемуарах Е.Р.Дашковой // *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*. 2024. № 2 (53). С. 80–87.
10. Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters). URL: <http://www.emissia.org/offline/2015/2347.htm> (дата обращения: 09.12.2024).
11. Приказчикова Е. Е. Антропологическая утопия Смольного института и её отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века // *Вестник Челяб. гос. ун-та*. 2009. № 27 (165). С. 105–114.
12. Рикёр П. *Время и рассказ*. Т. 1–2. М. ; СПб.: Университетская книга, 1998–2000. 537 с.
13. Рикёр П. *Я-сам как другой*. М.: Изд-во гуманитар. лит-ры, 2008. 416 с.
14. Савкина И. Л. *Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века* // *Новое литературное обозрение*, 2007. 416 с.
15. Тмарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. *Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика*. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 512 с.

16. Тивьяева И. В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 303–314.
17. Труфанова Е. О. Я-нарратив и его автор // Философия науки. 2010. № 15. Эпистемология: актуальные проблемы. С. 183–194.
18. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию: научно-учебное пособие для самостоятельной исследовательской работы. М.: Intrada, 2016. 145 с.
19. Успенский Б. А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 223 с.
20. Фатеева А. В. Екатерина II как писатель // Высшее образование в России. 2006. № 6. С. 121–132.
21. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
22. Bamberg M. Biographic-Narrative Research, Quo Vadis. A Critical Review of ‘Big Stories’ from the Perspective of ‘Small Stories’ // Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts. 2006. P. 63–79.
23. Booksite. URL: <https://www.booksite.ru/recollection/03.htm> (дата обращения: 10.12.2024).
24. Labov W. Uncovering the event structure of narrative. Georgetown: Georgetown University Round Table, 2001. P. 63–83.
25. Labov W., Waletzky, J. Narrative analysis // Essays on the Verbal and Visual Arts. 1967. P. 12–44.
26. Stanzel F. K. A theory of narrative. New York: Cambridge University Press, 1984. 336 p.

References

1. Abasheva MP., Vorob'eva NV., Russkaya zhenskaya proza na rubezhe XX-XXI vekov: Uchebnoe posobie po speckursu = Russian women's prose at the turn of the XX-XXI centuries: A textbook for a special course. Perm: PONICAA; 2007. 170 p. (In Russ.).
2. Aleksandrova NV. Lyubov' i druzhba v russkoj dvoryanskoj kul'ture rubezha XVIII-XIX vekov (po istochnikam memuarного haraktera) = Love and friendship in the Russian noble culture of the turn of the XVIII-XIX centuries (according to memoir sources). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 1999;(2):33-42. (In Russ.).
3. Aleksandrova NV. Deti i detstvo v russkoj memuaristike i portretnom zhanre vo vtoroj polovine XVIII veka = Children and childhood In Russian memoiristics and the portrait genre in the second half of the 18th century. *Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archeology*. 2003;(1-15):35-47. (In Russ.).
4. Bamberg M. Biographic-Narrative Research, Quo Vadis. A Critical Review of ‘Big Stories’ from the Perspective of ‘Small Stories’. In: Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts. 2006. P. 63-79.
5. Belova AB. Russkaya devushka-dvoryanka: seksual'nost' i gendernaya identichnost' (XVIII pervaya polovina XIX vv.) = (XVIII-first half of the XIX centuries). *New Historical Bulletin*. 2007;(16):5-19. (In Russ.).
6. Booksite. Available at: <https://www.booksite.ru/recollection/03.htm> (accessed 10.12.2024).
7. Borisov SB. Kul'turanthropologiya devichestva = The cultural anthropology of girlhood. Shadrinsk: Shadrinsky Pedagogical Institute; 2000. 87 p. (In Russ.).
8. Brockmeier J., Harre R. Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoj al'ternativnoj paradigmy = Narrative: the challenges and promises of one alternative paradigm. *Questions of philosophy*. 2000;(3):29-42. (In Russ.).
9. Fateeva A. Ekaterina II kak pisatel' = Catherine II as a writer. *Higher education In Russia*. 2006;(6):121-132. (In Russ.).
10. Labov, W. Uncovering the event structure of narrative. Georgetown : Georgetown University Round Table, 2001. P. 63-83.
11. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis/ In: Essays on the Verbal and Visual Arts. 1967. P. 12-44.
12. Lisicyna OI., Pushkareva NL. Predstavleniya o zhenskoj chesti v Rossijskoj dvoryanskoj kul'ture (konec XVIII — nachalo XIX v.) = Ideas about women's honor In Russian noble culture (late XVIII — early XIX centuries). In: ZHenshchina v rossijskom obshchestve = Woman In Russian society. 2015;(2-75):76-89. (In Russ.).
13. Papilova EV. Obraz Evropy v memuarah E. R. Dashkovej = The image of Europe in the memoirs of Ye. R. Dashkova. In: Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv = Culture and education: a scientific and informational journal of universities of culture and arts. 2024;(2-53):80-87. (In Russ.).
14. Prikazchikova EE. Antropologicheskaya utopiya Smol'nogo instituta i eyo otrazhenie v memuarно-avtobiograficheskoy literature vtoroj poloviny XVIII veka = The anthropological utopia of the Smolny Institute and

its reflection in the memoir and autobiographical literature of the second half of the XVIII century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009;(27-165):105-114. (In Russ.).

15. Rikyor P., *Vremya i rasskaz. T. 1-2 = Time and the story. Vol. 1-2*. Moscow; Saint Petersburg: University Book; 1998-2000. 537 p. (In Russ.).

16. Rikyor P., *YA-sam kak drugoj = I am different myself*. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature; 2008. 416 p. (In Russ.).

17. Savkina IL. *Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: Avtodokumental'nye zhenskije teksty v russkoj literature pervoj poloviny XIX veka = Conversations with a Mirror and the Looking Glass: Women's Auto-documentary Texts In Russian Literature of the first Half of the 19th Century*. Moscow: New Literary Review; 2007. 416 p. (In Russ.).

18. Schmid V., *Narratologiya = Narratology*. Moscow: Languages of Slavic Cultures; 2003. 312 p. (In Russ.).

19. Stanzel F. K. *A theory of narrative*. New York: Cambridge University Press, 1984. 336 p.

20. Tamarchenko ND., Tyupa VI., Brojtman SN. *Teoriya hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika = Theory of artistic discourse. Theoretical poetics*. Moscow: Publishing Center "Academy"; 2004. 512 p. (In Russ.).

21. The Emissia. *Offline Letters*. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2015/2347.htm> (accessed 09.12.2024).

22. Tiv'yaeva IV. *Strukturnaya organizaciya mnemicheskogo narrativa = Structural organization of mnemonic narrative*. *Siberian Philological Journal*. 2020;(1):303-314. (In Russ.).

23. Trufanova E. O. *YA-narrativ i ego avtor = Ego-narrative and its author*. *Philosophy of Science*. 2010;(15):183-194. (In Russ.).

24. Tyupa VI. *Vvedenie v sravnitel'nyu narratologiyu: nauchno-uchebnoe posobie dlya samostoyatel'noj issledovatel'skoj raboty = Introduction to Comparative Narratology: a scientific textbook for independent research work*. Moscow: Intrada; 2016. 145 p. (In Russ.).

25. Uspenskij BA. *Poetika kompozicii: cstruktura hudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozicionnoj formy = The poetics of composition: the structure of the literary text and the typology of the compositional form*. Moscow: Art; 1970. 223 p. (In Russ.).

26. Zhenett Zh. *Povestvovatel'nyj diskurs. Kniga 2 = Narrative discourse. Book two*. Moscow: The Sabashnikovs Publishing House; 1998. pp. 60-282. (In Russ.).

Сведения об авторах

Е. В. Акинъшина — магистрант направления «Литература в кросс-культурных проекциях».

Е. А. Селютина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории медиа.

Information about the authors

E. V. Akinshina — Master degree student, Faculty of History and Philology, Russian Language and Literature Department, Chelyabinsk State University.

E. A. Selyutina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Media Theory, Chelyabinsk State University.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2024; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 24.02.2024; approved after reviewing 31.03.2024; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Contribution of the authors: all author contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-15-22

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ «СТУДЕНТ» В АНТИКОЛОНИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ РОМАНА Р. КУАНГ «ВАВИЛОН»

Анар Мирсалам оглы Бабаев¹, Светлана Анатольевна Питина²

¹Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 151», Челябинск Россия, anar.babaev0128@gmail.com, ORCID 0000-0003-2639-9550

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, sap.pitina@rambler.ru, ORCID 0000-0003-4983-6872

Аннотация. Лингвокультурный образ студент в романе американской писательницы Р. Куанг «Вавилон» во многом формируется в историко-культурном контексте колониальных империй. Кроме того, произведение является частью антиколониального движения, которое стало особенно популярным в странах Западной Европы и США, где проходили многочисленные акции протеста с требованием пересмотра истории колониализма и создания иных условий для этнических меньшинств, проживающих на территории бывших колониальных империй. Представленный в произведении образ — это студент-иностранец или студент смешанного происхождения, который учится в Британской империи и воспитывается колонизаторами. Благодаря этому мышление, внешний вид, речевой портрет героев определяются их положением в метрополии. Так, в статье выявлено, что особенности произношения героев строятся не на основе их национальности, а на основе того, какая европейская нация является доминирующей в их регионе. Например, японская студентка Ильзе Дэдзима говорит с голландским акцентом. Это объясняется наличием голландского торгового порта Дэдзима в Японии. В то же время студентка с острова Гаити Виктуар говорит с французским акцентом. Также установлено, что в этом контексте лингвокультурный образ студент строится на бинарной оппозиции «свой»-«чужой». Персонажи Куанг являются чужими по расовым или гендерным признакам, поэтому общество, в котором они живут, отказывается принимать их полностью. Кроме того, сами герои также не способны принять свою личность. Это проявляется как в противопоставлении различных групп студентов, так и в конфликтах, которые герои испытывают внутри себя, сталкиваясь с внутренними противоречиями своей двойственной идентичности.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурный образ, концепт, деколонизация, антиколониальный, колониализм.

Для цитирования: Бабаев А. М., Питина С. А. Лингвокультурный образ «студент» в антиколониальном контексте романа Р. Куанг «Вавилон» // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 15–22. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-15-22.

Original article

THE LINGUOCULTURAL IMAGE OF THE “STUDENT” IN THE ANTICOLONIAL CONTEXT OF R. KUANG’S NOVEL “ABEL”

Anar M. Babaev¹, Svetlana A. Pitina²

¹Municipal Budget Educational Institution “Secondary General Education School № 151”, Chelyabinsk, Russia, anar.babaev0128@gmail.com, 0000-0003-2639-9550

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, sap.pitina@rambler.ru, 0000-0003-4983-6872

Abstract. The linguocultural image of the student in the novel “Babel” by the American writer R. Kuang is largely formed in the historical and cultural context of colonial empires. In addition, the novel is part of the anticolonial movement, which has become especially popular in Western Europe and the United States, where numerous protests have taken place demanding a revision of the history of colonialism and the creation of different conditions for ethnic minorities living in the former colonial empires. The image presented in “Babel” is a foreign student or a student of mixed origin who studies in the British Empire and is raised by the colonialists. Due to this, the characters’ think-

ing, appearance, and manner of speech are determined by their position in the metropolis. Thus, the article reveals that the pronunciation of the characters is based not on their nationality, but on which European nation is dominant in their region. For example, Ilse Dejima, a Japanese student, speaks with a Dutch accent. This is due to the presence of the Dutch trading port of Dejima in Japan. At the same time, Victoire, a student from Haiti, speaks with a French accent. It is also established that in this context, the linguistic and cultural image of the student is based on the binary opposition of the “same or foe.” Kuang’s characters are outsiders because of their race or gender, so the society in which they live refuses to accept them completely. Additionally, the characters themselves are also unable to accept their identity. This is manifested both in the opposition of different groups of students, and in the conflicts that the characters experience within themselves, faced with the internal contradictions of their dual identity.

Keywords: linguoculturology, linguocultural image, concept, decolonization, anticolonial, colonialism

For citation: Babaev AM, Pitina SA. The Linguocultural Image of the “student” in the Anticolonial Context of R. Kuang’s novel “Babel”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):15-22. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-15-22.

Введение

Изучение лингвокультурных образов важно для описания поведенческих доминант, которые характерны для какой-либо культуры или нации.

В настоящий момент существует ряд значимых работ в этой области. Например, исследования В. И. Карасика [7, 8, 9, 10], О. А. Дмитриевой [6] или Е. А. Ярмаховой [14]. При этом необходимо отметить, что в основе изучения лингвокультурного образа лежит исследование связи языка и мышления. В этом контексте значимыми учеными являются И. А. Бодуэна де Куртенэ [2], Ж. Вандриеса [3], В. фон Гумбольдта [5], Э. Сепира [12], Б. Уорфа [16] и др. Результатом изучения взаимосвязи языка и мышления, а также языка и культуры стала гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа. Эта гипотеза представлена в двух формулировках. Одна (строгая версия гипотезы) утверждает, что язык определяет мышление. Суть второй формулировки (мягкая версия) заключается в том, что язык лишь влияет на мышление наряду с другими, неязыковыми факторами [1. С. 10]. Отметим, что, тем не менее, и вторая формулировка гипотезы говорит о влиянии языка на культуру и на формирование мировоззрения народа. Таким образом, лингвокультурологию можно назвать дисциплиной, которая изучает проявление, отражение и фиксацию культуры в языке [11. С. 12].

Одним из ключевых терминов этой области является концепт, который в общем виде представляет собой «сгусток культуры, сознание человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [13. С. 43].

Концепт обладает рядом характеристик, среди которых можно выделить национально-культурное содержание и принадлежность к категории именно коллективного языкового сознания. Также концепт является единицей картины мира народа [4. С. 12–13].

Отметим также, что в качестве синонима понятия «лингвокультурного концепта» может быть использован «лингвокультурный образ». В качестве трактовки лингвокультурного образа примем следующую формулировку: обобщенный тип, который изучается с точки зрения языка, сознания и культуры, и который проявляется в дискурсе [4. С. 15].

В рамках данной работы предпочтительнее обратиться именно к термину «лингвокультурный образ». Это связано с тем, что исследование будет проводиться на материале персонажей художественного текста, которые представляют собой созданный автором образ. В работе ставится цель изучить лингвокультурный образ *студент* на примере персонажей романа американской писательницы Р. Куанг «Вавилон».

Говоря об этом произведении, следует понимать, что персонажи Куанг вписаны в колониальный и вместе с тем антиколониальный контексты. Герои романа — выходцы из колоний, которые оказались в метрополии — Оксфорде 30-х годов XIX века.

Роман Р. Куанг стал откликом на волну деколонизации, которая возникла преимущественно в Европе и США в 2020 году после случая с убийством Джорджа Флойда¹.

Среди примеров реакции можно назвать событие, произошедшее в Бристолле в 2020 году, когда протестующие сбросили памятник филантропу и работоторговцу Эдварду Кольстону в городскую гавань². Таким образом, лишь на территории Ве-

¹ Culture&. URL: <https://www.cultureand.org/news/reflections-on-black-lives-matter-decolonisation-and-what-museums-can-do-next-dr-errol-francis/> (дата обращения: 10.12.2024).

² The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/jun/08/who-was-edward-colston-and-why-was-his-bristol-statue-toppled-slave-trader-black-lives-matter-protests> (дата обращения: 10.12.2024).

ликобритании было изменено 39 названий улиц, школ, институтов, которые когда-то получили свои имена в честь рабовладельцев, работорговцев или людей, которые каким-то образом связаны с этими действиями. Кроме того, пересмотру подверглись около 30 статуй и мемориальных досок¹.

Исходя из этого, укажем, что «Вавилон» Куанг — это еще одно проявление антиколониальных настроений в Западном обществе. И сам роман во многом направлен на деконструкцию ряда устоявшихся образов: образ Британской Империи, образ колониста как цивилизатора, образ туземного населения, образ «белого спасителя» и т.д. В рамках настоящей статьи наиболее важным становится лингвокультурный образ *студент*, поскольку именно через этот слой населения Куанг пересматривает все указанные выше образы.

Реализация лингвокультурного образа *студент* в романе

Примечательно, что с самого начала автор использует в «Вавилоне» стереотип о «белом спасителе» — профессор Лавелл спасает от смерти главного героя Робина Свифта — подростка китайского происхождения, который лежит рядом с телом матери². Если рассматривать «белого спасителя» с точки зрения реализации лингвокультурного образа *студент* в романе, то необходимо сказать, что разрушение стереотипа достигается благодаря тому, что на самом деле спасителями в «Вавилоне» являются именно иностранные студенты, которые работают на Оксфордский университет и Британию в целом. Без их помощи, как становится очевидно позже, колониальная империя не способна функционировать полноценно³.

Далее в тексте типаж «белого спасителя» продолжает разрушаться и позволяет реализоваться лингвокультурному образу *студент* благодаря своему отношению к персонажам-иностранцам. Так, профессор будет проявлять агрессию, демонстрировать свою недоброжелательность по отношению к другим народам. Р. Куанг передает эти настроения в том числе через лексику, которую Лавелл использует, говоря, например, о китайцах:

¹ The Guardian. URL: https://www.theguardian.com.translate.google.com/news/2023/may/05/how-the-fall-of-edward-colstons-statue-revolutionised-the-way-british-history-is-told?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 10.12.2024).

² Kuang R. F. *Babel: Or the Necessity of Violence: An Arcane History of the Oxford Translators' Revolution*. New York : Harper Voyager, 2022. P. 4–6.

³ Kuang R. F. *Babel: Or the Necessity of Violence: An Arcane History of the Oxford Translators' Revolution*. New York : Harper Voyager, 2022. 560 p.

*This is why China remains an indolent and backwards country while her neighbours hurtle towards progress*⁴.

Это высказывание сопровождается сужением внимания профессора к Робину как к представителю китайского народа. Лавелл говорит:

*You are, by nature, foolish, weak-minded, and disinclined to hard work. You must resist these traits, Robin. You must learn to overcome the pollution of your blood*⁵.

И затем образ Робина регулярно будет ассоциироваться с аналогичными высказываниями в других эпизодах. Используется оскорбительная лексика, которая концентрирует внимание на интеллекте и на лени: *backwards, stupid, indolent, fools, weak-minded, foolish* и т.д. Все это противопоставляется образу развитых англичан и технологичного Лондона. Так же на языковом уровне Куанг подчеркивает, что ее герой (равно как и другие герои-представители колониальных народов) не способен вписаться в общество европейцев целиком.

Остановимся на этом подробнее. Несмотря на то, что Англия отвергает главного героя, Робин Свифт, тем не менее, представляет собой проводника между Востоком и Западом. Характерным для персонажа является сочетание элементов европейской и китайской культур. Настоящего имени китайского мальчика не знает никто, кроме него самого. Профессор Лавелл настаивает на том, чтобы мальчик взял себе английские имя и фамилию⁶. Таким образом, герой подвергается культурной ассимиляции.

При этом Куанг снова подчеркивает инаковость героя, к примеру, за счет одежды: костюмы, которые дают Робину, автор характеризует как европейскую одежду и тут же противопоставляет ее физическим данным персонажа. На лексическом уровне писательница отказывается от детального описания внешнего вида и использует лексику *Western*.⁷ Несмотря на то, что персонаж пытается вписаться в британское общество и ради этого отказывается от своей прошлой жизни, разница между ним и народом метрополии все равно заметна. Так, Робин подписывает колониальный контракт рабочего. Аналогичный контракт ему показал китайский работник, собравшийся с помо-

⁴ Там же. P. 40.

⁵ Там же. P. 40–41.

⁶ Там же. P. 12.

⁷ Kuang R. F. *Babel: Or the Necessity of Violence: An Arcane History of the Oxford Translators' Revolution*. New York : Harper Voyager, 2022. P. 8.

щью этого документа поехать в Англию¹. То есть империя требует от народа колонии полного повиновения, а взамен предлагает только должность рабочего и условное принятие в свое общество.

Все эти действия по ассимиляции заставляют Свифта отказаться от своей этнической принадлежности. Вместе с тем эти действия сугубо искусственны, и это подчеркивается на языковом уровне:

He buried his past life, not because it was so terrible but because abandoning it was the only way to survive. He pulled on his English accent like a new coat, adjusted everything he could about himself to make it fit, and, within weeks, wore it with comfort².

Сама манера общения Робина, его новый акцент, сравнивается с пальто. То есть Куанг демонстрирует, что речевой портрет персонажа в сущности искусственный. Важно отметить, что языковое преобразование героя является ключевым и таким образом подытоживает процесс ассимиляции. Превращение героя в англичанина описывается следующим образом:

In weeks, no one was asking him to speak a few words in Chinese for their entertainment. In weeks, no one seemed to remember he was Chinese at all³.

И только после условного изменения языковой личности Робина в романе следует описание внешних изменений: заключение договора между Свифтом и профессором. Как говорит Лавелл, этот договор сделает Робина англичанином.

На этом фоне следует обратить внимание на второго персонажа романа — Рамиза, которого сокращенно называют Рами. Это студент, приехавший в Англию из Индии. Куанг сразу подчеркивает разницу между Рами и Робинотом: в отличие от Свифта, индийский студент сохранил свое этническое имя. К тому же герой произносит свое имя с гордостью:

'Ramiz Rafi Mirza', the other boy pronounced proudly, extending his hand.⁴

Этим их различия не ограничиваются. Индийский студент не только не пытается ассимилироваться, но, напротив, старается сохранить свою этническую принадлежность. В случае с Рами автор «Вавилон» создает более очевидное противостояние метрополии и колонии. С одной стороны, англичане уделяют Рами внимание как иностранцу из-за его внешности:

Ramy attracted more attention than Robin did. Robin was foreign only when viewed up close and in certain lights, but Ramy was immediately, visibly other⁵.

Даже в тех эпизодах, когда англичане интересуются происхождением персонажа, они обращаются именно к Рами, а не к Робину⁶. С другой стороны, индийский студент, тем не менее, подвержен влиянию метрополии на речевом уровне. У персонажа настолько правильная дикция, что в своей речи он похож на профессора Лавелла:

He spoke with such proper English diction he sounded nearly like Professor Lovell⁷.

Однако в эпизодах, которые демонстрируют героям, что они чужие в Англии, английское произношение Рами не является ключевым элементом. Гораздо важнее его внешний вид. Так, местные студенты, увидев Рами в традиционном оксфордском наряде, требуют от него снять эту одежду.

'But he's got a gown.' Mark raised his voice at Ramy. 'Hey! What have you got a gown for?'

'You can't wear a gown,' Mark insisted. 'Take that off'⁸.

Примечательно, что до приведенной сцены героям уже говорили о том, насколько университетские мантии, этот внешний атрибут, почитается:

'They take gowns very seriously here,' Colin said solemnly. 'I read it in my guidebook. They won't even let you into lectures if you're not in the proper attire. So are you a gentleman-commoner or a servitor?'⁹

То есть, несмотря на языковую ассимиляцию обоих героев, британское общество находит какой-либо признак, по которому можно отделить студентов-иностранцев от себя и считать «чужими». В результате автор указывает:

They were men at Oxford; they were not Oxford men¹⁰.

Таким образом складывается бинарная оппозиция «свой»-«чужой». Под «своим» в «Вавилоне» понимаются привычные уклады жизни Оксфорда и Британской империи в целом, а также стереотипная внешность местного населения. «Чужим» в романе, как правило, представляются иностранные студенты и преподаватели.

Оппозиция «свой»-«чужой» возникает и в рамках одной личности. Как мы уже отметили, несмотря на

⁵ Там же. Р. 53.

⁶ Там же. Р. 54.

⁷ Там же. Р. 49.

⁸ Там же. Р. 63.

⁹ Там же. Р. 57.

¹⁰ Там же. Р. 68.

¹ Там же. Р. 11–13.

² Там же. Р. 18.

³ Там же. Р. 18.

⁴ Там же. Р. 49.

внешние различия, Рами говорит с образцовым английским произношением. В нем сталкиваются индийское происхождение и английское воспитание. Однако, что еще важнее — колониальная империя стремится подчинить себе и ассимилировать народы именно на языковом уровне. Сама писательница также обращает особое внимание на язык:

*...translation and the acquisition of knowledge about various languages served as a tool of empire. When we think about the technologies of empire and colonialism, we usually think of guns and ships. But in what ways has the understanding of knowledge — or the knowledge of languages of people that are in colonized territories — enhanced or exacerbated the brutalities of colonial rule?*¹

Не настолько явно, но гораздо сильнее эта оппозиция проявляется в случае с Робинсом. Кроме того, что уже было упомянуто выше, необходимо отметить ряд иных особенностей героя. Так, Свифту постепенно отказывают в его китайской идентичности. Когда герой оказывается на своей исторической родине, персонаж по фамилии Бейлис не только не относится к Робину как к чужеземцу, но и не догадывается о китайском происхождении студента.

'Mr Baylis, I'm a Chinaman.'

Mr Baylis, for once, fell silent. His eyes roved over Robin's face, as if trying to detect the truth of this statement in his features. Then, to Robin's great surprise, he burst out laughing.

*'No, you're not.' He leaned back and clasped his hands over his chest, still guffawing. 'Good Lord. That's hilarious. No, you're not.'*²

И Робин, прежде желавший стать частью метрополии, теперь сопротивляется в сущности завершенному процессу ассимиляции. Поэтому в своей речи он подчеркивает этническую принадлежность и говорит о том, что родился в Китае.

'Where are you going?' asked Mr Baylis.

'I want to go and see the city.' Robin's irritation made him bold. 'We're done for the day, aren't we?'

'Foreigners aren't allowed in the city,' said Mr Baylis.

*'I'm not a foreigner. I was born here.'*³

Укажем, что такое изменение возникает на фоне готовящейся войны. Когда перед персонажем возникает выбор, то он предпочитает быть на

стороне Китая. Также отметим, что Куанг демонстрирует, как Робин был чужим в Англии, а затем стал чужим в Китае. Таким образом, ассимиляция привела Свифта к потере связи с корнями. При этом важно сказать, что в дальнейшем становится известно, что Робин смешанного происхождения — он наполовину англичанин. То есть его не принимает ни одна из его родин. Внешность и речевой портрет персонажа создают явную бинарную оппозицию «свой»-«чужой» в рамках одного лингвокультурного образа.

В «Вавилоне» представлена еще одна пара персонажей, которые противопоставляются как друг другу, так и устоям Британской империи. Эти персонажи — две студентки. Одна из них, Виктуар, как Робин и Рами, — представительница колониального народа, вторая, Летиция, — англичанка. В силу особенностей исторического периода студентки вынуждены сталкиваться с дискриминацией. В случае с Летицией дискриминация опирается исключительно на гендерный признак, поскольку она девушка; а в случае с Виктуар неприятие возникает не только на половой почве, но и на расовой.

Таким образом, Летиции и Виктуар, к примеру, запрещено жить на территории университета.

*The girls were not allowed to live in college, which was why they hadn't crossed paths with Robin and Ramy until the first day of instruction*⁴.

Однако Виктуар, будучи чернокожей студенткой, сталкивается с большим числом ограничений. Она является носителем гаитянского креольского языка⁵, который оказывается ненужным в Оксфорде.

*'It's impossible,' she said. 'I want to work on Kreyòl, which he's not wholly opposed to despite thinking it's a degenerate language, but all he wants to know about is Vodou.'*⁶

То есть преподаватели университета не особенно интересуются подобным языком, таким образом, в сущности, отвергая родную для Виктуар среду. Также некоторое неприятие можно проследить в реакции Летиции, когда Виктуар упомянула вуду:

'That pagan religion?' Letty asked.

*Victoire shot her a scathing look. 'The religion, yes. He keeps asking about Vodou spells and poems, which he can't access, of course, because they're in Kreyòl.'*⁷

¹ The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/26/books/review/babel-r-f-kuang.html> (дата обращения: 15.12.2024).

² Там же. Р. 299.

³ Там же. Р. 301.

⁴ Там же. Р. 88.

⁵ Там же. Р. 71.

⁶ Там же. Р. 191.

⁷ Там же. Р. 191.

Эта сцена демонстрирует, как в речевом портрете англичанки Летиции прослеживаются следы имперского сознания — гаитянская религия для нее в первую очередь языческая. На такое пренебрежительное позиционирование чужой культуры Виктуар отвечает, во-первых, «резким» или «уничжительным» взглядом; а во-вторых, подчеркивает, что вуду — это в первую очередь религия. В тексте лексема *religion* в ответе Виктуар выделяется курсивом.

Восприятие Виктуар как стереотипного представителя негроидной расы этим не ограничивается. Так, один из преподавателей, желая испытать новую систему контроля рабов в США, предлагает Виктуар опробовать механизм на ней:

*'He said he wanted to make sure it worked on Negroes.'*¹

Кроме того, Виктуар отказывают и в тех вещах, которые доступны Летиции:

*'You didn't care,' Victoire continued. 'Letty, you don't even care that our landlady doesn't let me use the indoor bathroom—'*²

С точки зрения половой принадлежности двум этим образам студента — Летиции и Виктуар — противопоставляется Рами и Робин, а шире — студенты. В то же время Виктуар сталкивается с дополнительными ограничениями своих прав, обусловленными ее расовой принадлежностью.

Возвращаясь к языковым портретам, следует также отметить, что Куанг обращает внимание на акцент персонажей. К уже указанным особенностям Робина и Рами, добавим речевые особенности Виктуар:

*Her English carried a faint accent, which Robin thought resembled French, though he wasn't sure*³.

Кроме того, в тексте встречается японская студентка, Ильзе Дэдзима, которая говорит с голландским акцентом:

*Robin tried to befriend a Japanese third-year student named Ilse Dejima, who spoke with a faint Dutch accent.*⁴

¹ Там же. Р. 354.

² Там же. Р. 355.

³ Там же. Р. 70.

⁴ Там же. Р. 127.

В случае с Виктуар французский акцент объясняется тем, что она родом из французской колонии⁵.

Говоря о втором указанном персонаже, отметим, что особенности речевого портрета Ильзе Дэдзима обусловлены ее принадлежностью к японцам, имевшим опыт взаимодействия с голландцами. На это указывает и лексема *Dejima*, которая отсылает к единственному голландскому порту Дэдзима (по-английски *Dejima*) в Японии⁶.

Соответственно, в рамках «Вавилона» при помощи образа студента-иностранца или студента смешанного происхождения Куанг демонстрирует, как благодаря контролю над языком европейские империи подчиняли себе страны. С помощью языка колонисты открывали для себя новые культуры, при этом оставляя подчиненные народы в статусе «неполноценных» людей.

Заключение

Исходя из всего написанного, можно сказать, что Р. Куанг изобразила процесс колонизации через языковую призму. Лингвокультурный образ *студент* в этом случае создается на основе бинарной оппозиции «свой»-«чужой» на различных уровнях: одни студенты противопоставляются другим студентам, прочие персонажи конфликтуют к тому же с собой, с другой частью своей личности. При этом в первую очередь подчеркиваются особенности языковой личности, поскольку именно это является определяющим фактором подчинения народа в романе «Вавилон». Это же становится ключевым элементом в формировании образа студента в произведении, поскольку Куанг использует студента-иностранца или студента смешанного происхождения, который вынужден использовать свой родной или первый язык исключительно в утилитарных целях.

⁵ Kuang R. F. *Babel: Or the Necessity of Violence: An Arcane History of the Oxford Translators' Revolution*. New York : Harper Voyager, 2022. 560 p.

⁶ JSTOR. URL: https://www.jstor.org/stable/44158176?read-now=1&seq=2#page_scan_tab_contents (дата обращения: 29.12.2024)

Список источников

1. Абдурахманова Н. Г. Гипотеза «Лингвистической относительности» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 9–2. С. 8–11.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Язык и языки. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. 391 с.
3. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Едиториал УРСС, 2004. 408 с.

4. Гвоздева А. В. Лингвокультурный образ детектив: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2009. 188 с.
5. Гумбольдт В. фон. Характер языков. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
6. Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж «французский буржуа» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сборник научных трудов. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 74–88.
7. Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 10. С. 4–11.
8. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сборник научных трудов. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 25–61.
9. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2001. С. 3–16.
10. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сборник научных трудов. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 5–25.
11. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
13. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2001. 824 с.
14. Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2005. 19 с.
15. Kuang R. F. Babel: Or the Necessity of Violence: An Arcane History of the Oxford Translators' Revolution. New York: Harper Voyager, 2022. 560 p.
16. Whorf B. L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. New York; London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology and John Wiley & Sons, Inc., 1956. 278 p.

References

1. Abdurahmanova NG. Gipoteza «Lingvisticheskoj otositel'nosti» = The Linguistic Relativity Hypothesis. In: Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk = Current problems of the humanities and natural sciences. 2015;(9-2):8-11. (In Russ.).
2. Baudouin de Courtenay IA. YAzyk i yazyki = Language and languages. Vol. 2. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1963. 391 p. (In Russ.).
3. Vendryes Zh. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu = A linguistic introduction to history. Moscow: Unified URSS; 2004. 408 p.
4. Gvozdeva AV. Lingvokul'turnyj obraz detektiv : special'nost' 10.02.19 «Teoriya yazyka» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk = Linguocultural image detective : specialty 02/10/19 "Theory of language." Thesis. Chelyabinsk; 2009. 188 p. (In Russ.).
5. Humboldt V. Harakter yazykov = The nature of languages. Moscow: Progress Publisher; 1984. 400 p. (In Russ.).
6. Dmitrieva OA. Lingvokul'turnyj tipazh «francuzskij burzhua» = The linguistic and cultural type of the "French bourgeois": a collection of scientific papers. Volgograd: Paradigma; 2005. 74-88. (In Russ.).
7. Karasik VI. Koncept kak edinica lingvokul'turnogo koda = Concept as a unit of linguistic and cultural code. In: Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2009;(10):4-11. (In Russ.).
8. Karasik VI. Lingvokul'turnyj tipazh «russkij intelligent» = The linguistic and cultural type of "Russian intellectual." In: Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: sbornik nauchnyh trudov = Axio-logical linguistics: linguistic and cultural types: a collection of scientific papers. Volgograd: Paradigma; 2005. 25-61. (In Russ.).
9. Karasik VI. O kategoriyah lingvokul'turologii = On the categories of linguoculturology. In: YAzykovaya lichnost': problemy kommunikativnoj deyatelnosti : sbornik nauchnyh trudov = Linguistic personality: problems of communicative activity: a collection of scientific papers. Peremena Publisher; 2001. 3-16. (In Russ.).
10. Karasik VI, Dmitrieva OA. Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniyu ponyatiya = Linguocultural type: the definition of the concept. In: Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: sbornik nauchnyh

trudov = Axiological linguistics: linguistic and cultural types: a collection of scientific papers. Volgograd: Paradigma Publisher; 2005. pp. 5–25. (In Russ.).

11. Krasnyh VV. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lekcij = Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: A course of lectures. Moscow: ITDGC "Gnosis"; 2002. 284 p. (In Russ.).

12. Sapir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniju i kul'turologii = Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow: Progress; 1993. 656 p. (In Russ.).

13. Stepanov YUS. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury = Constants: Dictionary of Russian Culture. Moscow: Languages of Russian culture; 2001. 824 p. (In Russ.).

14. Yarmahova EA. Lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij chudak» = Linguistic and cultural type of "English crank". Abstract of thesis. Volgograd; 2005. 19 p. (In Russ.).

15. Kuang RF. Babel: Or the Necessity of Violence: An Arcane History of the Oxford Translators' Revolution. New York : Harper Voyager; 2022. 560 p.

16. Whorf BL. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. New York-London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology and John Wiley & Sons, Inc.; 1956. 278 p.

Сведения об авторах

А. М. Бабаев — аспирант 1 курса, кафедра теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета.

С. А. Питина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета

Information about the authors

Anar M. Babaev — 1st year postgraduate student, Faculty of History and Philology, Theoretical and Applied Linguistics Department.

Svetlana A. Pitina — Doctor of Sci. (Philology), Professor, Faculty of History and Philology, Theoretical and Applied Linguistics Department.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 02.02.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 02.02.2025; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Contribution of the authors: all author contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81`42

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-23-31

ЖАНР ЧЕРНОЙ КОМЕДИИ В КИНЕМАТОГРАФЕ

Валерия Анатольевна Буряковская¹, Дарья Сергеевна Бикус²✉

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, vburyakovskaya@yandex.ru, ORCID 0000-0001-5600-9328

²Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия, curiousworm32485@gmail.com*, ORCID 0009-0008-5452-0083

Аннотация. Данная статья посвящена истории зарождения жанра черной комедии в англоязычном кинематографе (на материалах фильмов/сериалов и мультсериалов США и Великобритании). В ней рассматривается феномен черного юмора через призму исторических событий в период начала XX — XXI вв. Анализ материала проводится с точки зрения вербальных (сравнения, слэнг, аллюзии, эллипсис и др.) и невербальных (работа оператора, костюмы, реквизит, мимика и язык тела актеров, различные приемы кинопунктуаций) компонентов. Приводятся тематики черного юмора и описывается, как они менялись с течением времени: от немых короткометражных фильмов про вампиров до полнометражных цветных кинокартин и сериалов. В частности, затрагиваются такие важные этапы, как золотой век Голливуда, когда черная комедия только начинала набирать популярность, и переход к новым формам повествования в эпоху цифрового кино. Так, например, фильмы начала XX века часто исследовали темы смертности и морали через призму гротескного и абсурдного юмора, а современная черная комедия все чаще обращается к остросоциальным и политическим вопросам, использует более сложные и разнородные отношения между героями. В качестве практической базы использовался материал кинотекстов жанра черная комедия. Анализу подверглись как классические произведения, так и современные представители жанра. Примеры включают такие фильмы, как «Великий диктатор» Чарли Чаплина, фильмы комик-труппы «Monty Python», «Любовь и смерть» Вуди Аллена, а также популярные сериалы и мультсериалы («Зачистка» и «Archer» и др.). Отдельное внимание уделяется визуальным и стилистическим приемам, которые помогают создавать атмосферу черного юмора и усиливать его эффект. Рассматриваются роль освещения, монтажных решений и особенностей операторской работы, которые вносят дополнительное измерение в восприятие и интерпретацию картины зрителями. Исследование подчеркивает важность синтеза всех этих компонентов для создания уникального воздействия черной комедии на аудиторию.

Ключевые слова: черный юмор, слэпстик, вербальные и невербальные компоненты в кинотексте, кинопунктуации.

Для цитирования: Буряковская В. А., Бикус Д. С. Жанр черной комедии в кинематографе // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 23–31. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-23-31.

Original article

THE GENRE OF DARK COMEDY IN CINEMA

Valeriya A. Buryakovskaya¹, Darya S. Bikus²✉

¹Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia, vburyakovskaya@yandex.ru, ORCID 0000-0001-5600-9328

²Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia, curiousworm32485@gmail.com, ORCID 0009-0008-5452-0083

Abstract. This article is devoted to the history of the origin of the genre of dark comedy in English-language cinema (based on the materials of films / TV series and animated series in the USA and Great Britain). It examines the phenomenon of black humor through the prism of historical events during the early XX — XXI centuries. The analysis of the material is carried out from the point of view of verbal (comparisons, slang, allusions, ellipsis, etc.) and non-verbal (operator's work, costumes, props, facial expressions and body language of actors, various techniques of film punctuation) components. The topics of dark humor are presented and how they have changed over time: from silent short films about vampires to full-length color films and TV series. In particular, such important

stages as the golden age of Hollywood, when dark comedy was just beginning to gain popularity, and the transition to new forms of storytelling in the era of digital cinema are touched upon. For example, films of the early 20th century often explored the themes of mortality and morality through the prism of grotesque and absurd humor, and modern dark comedy increasingly turns to acute social and political issues, uses more complex and multi-level relationships between the characters. The material of film texts of the dark comedy genre was used as a practical base. Both classical works and modern representatives of the genre were analyzed. Examples include films such as Charlie Chaplin's "The Great Dictator", films by the comedy troupe Monthly Python, "Love and Death" by Woody Allen, as well as popular TV series and animated series ("The Cleaner" and "Archer", etc.). Special attention is paid to visual and stylistic techniques that help create an atmosphere of black humor and enhance its effect. The role of lighting, installation solutions and features of camerawork, which add an additional dimension to the perception and interpretation of the picture by the audience, is considered. The study highlights the importance of synthesizing all these components to create a unique impact of black comedy on the audience.

Keywords: dark humour, slapstick, verbal and non-verbal components in the film script, film punctuation.

For citation: Buryakovskaya VA, Bikus DS. The genre of dark comedy in cinema. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):23-31. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-23-31.

Введение

Жанр черной комедии в киноиндустрии насчитывает почти 130 лет. С самого начала своего существования черная комедия является провокационным и спорным направлением в кино.

История черного юмора в кинематографе проходила в несколько этапов. Первыми были комедии, построенные на слэпстик приемах (slapstick comedy, буффонада, балаганный юмор — тип комедии, для которой характерны падения, комичные позы и гиперболизированная мимика) [14. С. 13]. Слэпстик приемы включают в себя нелепые падения, удары, бросание еды, подкалывания на банановой кожуре и другие визуальные эффекты, построенные на физическом взаимодействии с актерами, предметами или животными [Цит. по: 15. С. 14]. Данный вид юмора можно встретить среди работ пионеров жанра, таких как Чарли Чаплин, Бастер Китона, братья Маркс, Сэм Рейми и др.

В нашей работе мы рассмотрели работы режиссеров периода начала XX — XXI вв. Изученные нами киноленты являются ярчайшими представителями жанра черной комедии.

Цель данной статьи является описание истории жанра черного юмора в диахроническом срезе, его тематик, каким образом проявляются шутки черного юмора в кинодискурсе, а также описать языковые вербальные и невербальные приемы этого вида юмора.

Материалы и методы исследования

Теоретической базой данного исследования являются работы Х. Арендт (2008), А. Бергсона (1992), Р. Вуда (2018), С. Грофа и Дж. Хэлифакса (2003), М. А. Кулинич (2000), А. В. Лаврентьева (2009), Н. П. Романовой и М. В. Скрипкарь (2010), В. И. Самохваловой (2012), Г. Г. Слышки-

на и М. А. Ефремовой (2004), Э. Тюдора (2018), Ж. Шенье-Жандрон (2002), Е. F. Beaver (2015), В. G. Hallenbeck (2009), F. K. M. Hillenbrand (1995), Bowser E. (1988).

Материалом исследования послужили шутки из американских и британских фильмов, сериалов и мультсериалов (Tucker & Dale vs. Evil, Archer, Rick and Morty, Family Gut и др) за период с начала XX века и до сегодняшнего времени. В ходе написания статьи были использованы методы дискурсивного анализа, контент-анализа и кейс-метод.

Жанр черной комедии в диахроническом аспекте

Точкой отсчета появления жанра черной комедии в кино можно считать фильм «Замок Дьявола» Жоржа Мильеса 1896 г., который даже «с <...> изображением дьявола в образе летучей мыши-вампира, несомненно, является первым фильмом ужасов, но по атмосфере и ощущениям фильм гораздо ближе к традиции комических фантазий, в которых ожидаемой реакцией были улыбка и изумление, а не ужас» [15. С. 5].

На рубеже XX — XXI вв. в период черно-белого кинематографа картинка и актерская игра являлись основными способами передачи информации от режиссера к зрителю. Немое кино лишено звуков, голоса, музыки. Поэтому для анализа этого периода кинематографа нам представляется важным сосредоточиться на невербальных способах передачи информации. Под невербальными компонентами кинематографической картины мы, вслед за Г. Г. Слышкиным и М. А. Ефремовой, будем понимать следующее: 1) внешность, одежда, предметы быта; 2) декорации; 3) жест, мимика, пантомимика, проксемика; 4) естественные шумы, музыка [10. С. 28].

Следовательно, актеры использовали мимику и язык тела для передачи комических ситуаций. Например, в вышеупомянутом фильме дьявол ходит нарочито прямо (прямо = осанка = аристократия = гордость), его помощники-демоны передвигаются на корточках или в полуприсяде (ниже хозяина и господина = раболепие, подчинение), одна из жертв изображает страх тряской коленями. Спецэффекты были просты: для связи сцен были использованы простейшие кинопунктуации [13. С. 96–97] — обрезка кадра, затемнение. В одной из сцен при обрезке кадра внезапно появляется скелет человека там, куда собирался сесть один из героев. Мужчина резко вскакивает, замечая скелет, и пытается проткнуть скелет шпагой. Совмещение актерской игры (в частности, гиперболозированных поз и телодвижений) и кинопунктуаций создает скорее комических эффект там, где зритель должен был испытывать первобытные эмоции (ужас, суеверный страх). Тематика дьявола, суеверных и религиозных страхов прослеживалась на протяжении всей истории кинематографа. Режиссеры возвращались к данной теме неоднократно, но на основе проанализированного кинематографического материала мы можем утверждать, что рубеж XIX — XX в. был пиком интереса к сверхъестественному, где зачастую страшное выглядело смешным (фильм «Замок дьявола» имел ремейки и фильмы-подражатели в дальнейшем).

В 20-х гг. XX в. акцент в жанре кино «смешно-страшно» сместился в сторону социальных проблем. В фильме «The Birth of a Nation» 1915 г. Ку-клукс-клан выступают в качестве поборников справедливости, избавляя мир «белых людей» от «черных». Комический эффект достигался за счет белых актеров, которые играли африканцев.

1930-е г. прошлого века ознаменовались крахом фондового рынка в октябре 1929 г. и последующей Великой Депрессией. Первым фильмом, который может быть идентифицирован как черная комедия, является «Дракула» Тода Браунинга, вышедший на экраны в 1931 г., когда депрессия приближалась к своему пику [7. С. 56]. По словам Брюса Хелленбека «человеческая натура снова нуждалась в предохранительном клапане для своих волнений, и 30-е г. ознаменовались расцветом жанра черной комедии. Несмотря на то, что денег было мало и каждая копейка в семейном бюджете была дорога, люди стекались в кинотеатры смотреть «говорящие» фильмы ужасов в огромном количестве» [15. С. 15]. Его слова подтверждают мнения ученых и исследователей

Н. Л. Шмелевой, Ж. Шенье-Жандрон и других, о том, что смех является защитной реакцией против страха, способом сохранения здравого смысла при самых разнообразных угрозах из внешнего мира [12. С. 102]. Тематикой шуток 1930-х стали зомби, гигантские летающие мыши-людоеды и вампиры.

Середина 1940-х гг. была посвящена шуткам про Гитлера и нацистов. Тема таких шуток активно развивалась в кинематографе на протяжении 40-х — 50-х гг. Кинематограф получил звук и визуальная составляющая шуток дополнилась акустической и лингвистической, раскрыв все богатство потенциала языкового черного юмора. Вербальным элементом в кино-дискурсе вслед за Г. Г. Слышкиным и М. А. Ефремовой мы считаем «диалоги, реплики персонажей, закадровая речь (соответствующая авторскому рассказу в книге), а также различные надписи в фильме (плакаты, письма, вывески, названия улиц и домов и др.)» [10. С. 25].

В фильме «Ghosts on the Loose» 1943 г. преобладают шутки на тему, которая беспокоила людей больше всего в данный период времени — нацизм и Гитлер. Снова африканцев в фильме играют светлокожие актеры. Расизм шуток состоит в том, что именно «чернокожий» герой в фильме находит в доме военные ордена и не может удержаться от присваивания их себе. В финале фильма у одного из героев на лице зритель может заметить множество мелких свастик, и он, демонстративно, кашляет и чихает. Его друг говорит: «*Why you always make everything in a hard way? Any normal person can get normal measles, but you gotta pick a fight with a Nazi and get German measles.*»

Модальность долженствования и противопоставление двух частей предложения, а также выдуманная болезнь-аллюзия на корь *German measles* продуцирует комический эффект, потому что в повседневной жизни такой болезни не существует. Эффект комизма усиливает упрекающая интонация говорящего. Вербальный компонент здесь — нарисованные свастики на лице, — создает двойственное ощущение у реципиента, что 1) такой болезни не бывает; 2) свастика является табуированным знаком. Так же один из актеров фильма Бела Лугоши, звезда фильма про Дракулу, уже известен зрителям, что добавляет эффект сцене про «оживший портрет» — зритель заранее ждет, что будет страшно. Эффект страха смазывается резким комичным падением «чернокожего» актера, что в сумме дает эффект падения «на банановой кожуре» — то есть, зритель испытыва-

от страха, но тут же начинает улыбаться при виде резко упавшего актера.

Середина XX в. ознаменовалась переходом от слэпстик приемов к более глубоким сюжетным проблемам. Ссылаясь на мнение философа Х. Арендт «маленький человек (роли Ч. Чаплина, например) стал не нужен, и на сцену вышел сверхчеловек» [1. С. 78]. Эту метаморфозу мы можем увидеть в сатирическом фильме о нацизме Ч. Чаплина «Великий диктатор». Тем не менее, допустимость и уместность шуток о нацизме и Гитлере все еще являются предметом споров и дискуссий. Тема евреев в работе Голливуда рассматриваемого периода времени была табуирована. Однако, в киноленте «Великий диктатор» евреи являются положительными героями. Разберем лингвистическую составляющую шуток из фильма.

Schultz: *Strange, and I always thought of you as an Aryan.*

Jewish barber: *I'm a vegetarian.*

Шутка, которая теряет свой комический эффект при переводе на русский:

Шульц: *Странно, я всегда думал, что ты ариец.*

Еврейский цирюльник: *Я вегетарианец.*

Комический эффект достигается за счет омонимичное звукоподражания в словах «*Aryan*» и части слова «*vegetarian*».

В следующей шутке комический эффект достигается за счет нескольких вербальных компонентов: 1) говорящее имя немца Garbitsch созвучно с англоязычным «garbage» — мусор, передано транслитом на немецкий язык; 2) правый министр Гарбич является аллюзией на Геббельса. Аденоид Хинкель является пародией на самого Гитлера.

Garbitsch: *Just a few dissenters, that's all.*

Adenoid Hynkel: *What do they dissent about?*

Garbitsch: *The working hours, the cut in wages, chiefly the synthetic food, the quality of the sawdust in the bread.*

Adenoid Hynkel: *What more do they want? The finest lumber our mills can supply.*

Аденоид Хинкель задается вопросом, отчего же оппозиционеры протестуют и, когда узнает, что против качества опилок в хлебе, недоумевает — отчего люди протестуют, ведь на опилки идут лучшие стройматериалы. При этом все остальные причины протеста игнорируются. Эффект комедии происходит из двойственного противопоставления:

1) Аденоид Хинкель(=Гитлер)

2) Лучшие опилки идут в хлеб = значит хлеб должен быть лучше, но оппозиционеры все равно недовольны.

То, что в жизни является страшным (Гитлер, нацисты, гонения евреев) становится смешным за счет языковых средств, работы режиссера и актерской игры.

Как можно заметить склонность людей любить ужасы и комедию только усиливается, когда ситуация в мире становится наиболее отчаянной. На протяжении 1940–1950-х гг. комедийные фильмы ужасов заставляли зрителей смотреть в лицо худшим страхам и смеяться в лицо злу (здесь — Гитлеру) [16. С. 79].

В 1950-х жанр черной комедии только начал появляться в британском кинематографе таких фильмах, как «Добрые сердца и короны» и «Знакомьтесь, убийца». В этом фильме трупы разбросаны по всему отелю, и они продолжают появляться в самых неожиданных местах, вызывая истерический смех у зрителя. Они в шкафах, спальнях, коридорах. В одной сцене два героя играют в карты с двумя трупами, пытаются убедить третьего, довольно недалекого персонажа, в том, что трупы — это просто два очень уставших игрока в покер. Нарушение табуированных тем повлек за собой общественные санкции — фильм был отредактирован (сцены с участием мертвых тел были вырезаны из киноленты) прежде чем попасть в прокат в некоторых странах. Это тот вид юмора, который гораздо позже был воплощен Альфредом Хичкоком в фильме «Неприятности с Гарри» (1955) и, в конечном счете, в фильме «Выходные у Берни» (1989).

В Великобритании периода 1970-х гг. в жанре комедии абсурда работала комик-группа «Monty Python». Деятельностью данной группы являлись ярчайшие произведения жанра черной комедии. Свои наиболее известные произведения на тему смертности «Monty Python» выпускали в 1980-х, хотя и в более ранних работах группы эта тематика присутствовала: «Monty Python And The Holy Grail» и «Monty Python's Life of Brian» (1975, 1979).

Обратим внимание на пример из фильма «Monty Python And The Holy Grail». Сцена описывает сбор мертвых тел сборщиком во время чумы. За тело полагается плата тому, кто его доставил. Один герой приносит старика, но тот утверждает, что еще жив и чувствует себя хорошо. Принесший настаивает, что старику недолго осталось. Сборщик отказывается принимать «еще живое» тело, поэтому у принесшего возникает идея добить «живого».

“Dead” Man: *I'm getting better.*

Large Man: *No you're not, you'll be stone dead in a moment.*

Dead Collector: *Well, I can't take him like that. It's against regulations.*

“Dead” Man: *I don't want to go on cart.*

Large Man: *Oh, don't be such a baby.*

Dead Collector: *I can't take him.*

Диалог сопровождается уговорами принесшего «*don't be such a baby*», «*he is*», и обещанием «*He won't be long*». Ужасная сцена, подразумевающая сдачу на тележку тела, возможно близкого родственника, сопровождается безразличием в интонациях сборщика и героя, который принес старика. Вербально юмор выражается сравнениями «stone dead» и «be such a baby», которые используются для того, чтобы уговорить старика умереть. Абсурд сцены заключается в том, что черная сатира безразличия к смерти соединяется с абсолютно спокойной игрой актеров. Герои не заламывают руки, не плачут, не бьются в истерике (кроме старика), они спокойно делают свою работу. Сочетание вербальных компонентов (обыденная тональность диалога) и невербальных компонентов (костюмы, декорации) превращает сцену в комедийную.

Расцвет жанра черной комедии приходится на 1980е, так как к актерской игре, спецэффектам и звуку добавляется цвет. Режиссеры снова возвращаются к фильмам о зомби и вампирах. Сэм Рейми снимает серию знаменитых фильмов «*Evil Dead*». Кинематограф совершенствует невербальные выразительные средства (т.н. кинопунктуации): затемнения или усиления цветности, расфокусировка, фокусировка, приближение камеры; интенсивная смена фреймов; затемненный или полностью черный экран; паузы между сценами для того, чтобы снять напряжение сцены: приемы, обозначающие смену времени: высветление и вывод камеры из темного экрана, смена освещения, преобразование одного кадра в другой, сужающийся круг, титры и пр. То, что считается ужасным, превращается в комедийное с помощью комически гипертрофированных спецэффектов, океанов крови, гноя и др.

Эксперименты в сфере жанра черной комедии продолжил Вуди Аллен. Рассмотрим пример из кинофильма «*Любовь и смерть*» (1975), посвященного классической русской литературе XIX в. Здесь он добавляет в сценарий изысканный черный юмор:

1: *What are you going to do when the French soldiers rape your sister?*

2: *I don't have one.*

1: *That's no answer.*

2: *They won't rape Ivan. They'd throw up.*

В диалоге затронута тема, провоцирующая дискомфорт — тема физического насилия. В ее контексте реципиент не ожидает замещение объекта насилия на другой объект. То, что звучит бесчеловечно по началу, провоцирует смех зрителя, так как Иван имеет внешность внушительную, устрашающую и отталкивающую. Наложение шаблонов «насилие» — «страшно» на «насилие» — «смешно» обманывает ожидания зрителя и продуцирует смеховую реакцию.

Sonya: *Do you know the only truly happy person I know is Berdykov, the village idiot?*

Boris: *It's easier to be happy if your only concern is figuring out how much saliva to dribble.*

Тема физической неполноценности является табуированной во многих культурах, но здесь дискомфорт от концепта «физическое уродство» нивелируется за счет рассмотрения только одного недостатка человека [9. С. 75].

Зритель наблюдает главного героя, который многократно и непосредственно контактирует со смертью — во время войны и на дуэлях. Родные и близкие героя умирают и однажды смерть приходит за ним. В различных сценах смерть это антропоморфная фигура в черном балахоне с капюшоном, — она сопровождает умерших людей, а главный за этим наблюдает. Люди, сопровождаемые смертью, абсолютно спокойны, не испытывают страх и панику, они ведут диалог со смертью и просят передать что-то на словах родным. Представление смерти по образу и подобию человека нивелирует чувство страха и заменяет его на смех [10. С. 210].

В 1990-е хоррор-комедии затрагивают разные, в том числе и интимные и/или сакральные темы — смерть, расизм, буллинг, религия, гомосексуальность, межгендерные отношения. Даже те персонажи, которые были главными героями фильмов ужасов, Фредди и Джейсон, выродились в самопародию (как например в серии фильмов «*Очень страшное кино*») [3]. Наступает эпоха экспериментов с жанрами — ром ком объединился с хоррором, например как в кинолентах «*Смерть ей к лицу*» (1992) или «*Четыре свадьбы и одни похороны*» (1993). Здесь смерть является сюжетным ходом.

Над шутками о смерти всегда смеялись с осторожностью, так как тематика была и остается суеверной. Темой шуток являлись не только остросоциальные проблемы (болезни, теракты, природные катаклизмы, физическое уродство и пр.), но и затрагивалась тема смерти как феномен смерти экзистенциальной — личной, затрагивающей конкретную личность [4].

Таким образом, в жанре кинокомедии сосуществовали параллельно два представления о смерти. В первом смерть являлась инструментом. Во втором смерть есть явление и выступает в качестве социальной репрезентации данного факта. Исследователи особенно интересуются вторым представлением с точки зрения лингвистических особенностей, одновременно с этим первое ограничено жанровыми чертами черного юмора [11]. Второй способ претерпел существенные изменения с конца 90-х гг. до нашего времени. Ввиду своей долгой истории в кинематографе черный юмор постепенно развился в самостоятельный жанр, привлекающий зрителей своей уникальной способностью сочетать комические и трагические элементы [8. С. 34].

В мультсериале «Family Guy», который подвергался критике и его запрещали в ряде стран (страны Азии, например) за шутки на табуированные темы, одним из постоянных персонажей второго плана появляется смерть. Ей посвящены многие сюжетные линии в мультсериале. Шутками на запрещенные темы (даже в большей степени, чем «Family Guy») также изобилует мультсериал «South Park». «South Park» в грубой и пошлой манере высмеивает такие темы как СПИД, политика, расизм, сексизм и прочее. Но здесь есть тема, которую шоу не затрагивают — холокост. Некоторые исследователи полагают, что данная тема не должна подниматься в современной массовой культуре [6. С. 138].

Мультсериалы, фильмы и сериалы нового времени (2010е-2020е) ознаменовались выходом бондианы «Archer» и научно-фантастического «Rick and Morty». Тематики черного юмора в данных сериалах весьма разнообразны. Герои шутят на тему смерти, секса, религии, расовой принадлежности, гомосексуальности, болезней, нацизма и пр.

Рассмотрим пример из сериала «Archer»:

<in the kitchen>Lana: *So we've got a dead Italian prime minister in the living room, which...*

Archer: *Sucks. **Bet he knew how to make sauce.***

Lana: *..which will be hard to explain!*

Диалог героев происходит на кухне, рядом с комнатой, где находится труп итальянского премьер-министра. Агент Арчер готовит соус к спагетти и сетует на то, что премьер точно бы знал, как готовить соус «*Bet he knew how to make sauce*». Комический эффект сцены достигается благодаря оппозиции скрипта смерть — жизнь (готовка и потребление еды как часть человеческой жизни).

В сериале «Rick and Morty» темы смерти, болезни, расизма и др. так же используются в каче-

стве основы для шуток. Зачастую, фоном для шуток являются другие цивилизации, миры и инопланетные формы жизни, различные монстры и антропоморфные клоны, так как шоу посвящено путешествиям во времени и пространстве. Шутки над смертями разных существ кажутся смешными и далекими, так как в нашем мире не существует развитых цивилизаций, которые бы вошли с землянами в контакт, как регулярно происходит в «Rick and Morty», что является темой для конфликтов, нелепых смертей, случайных увечий и недопониманий культур.

Monster Teacher: *Ah, well, Mr. Terry, **why don't you tell the whole class the proper wordplay to use when one is chasing one's victim through a pumpkin patch?***

Scary Terry: *Oh, uh... "Bitch."*

(The class laughs at him)

Monster Teacher: *Oh, come on, Terry, you can't think of a pun involving pumpkins, bitch?*

Morty: *Hey, leave him alone!*

Rick: *Yeah, this is a bunch of bullcrap. Who cares what stupid pun you make when you kill someone? Why don't you let the poor guy say whatever he wants?*

Зритель наблюдает урок в школе маньяков-убийц. Комического эффект во втором примере достигается посредством столкновения двух разных контекстов. Первый связан с уроком в школе, который включает в себя лексические единицы, ассоциируемые с учебой «*why don't you tell the whole class*». Второй контекст посвящен смерти от рук маньяка, который преследует жертву. Герои сериала советуют учителю позволить убийце говорить то, что он хочет. Эффект обманутого ожидания вызывает улыбку, так как из мирной картины школьного урока делается довольно мрачное умозаключение.

VP Dwayne: *Jesus ever-loving Christ, why don't you two just f**k and get it over with?*

President: *Careful, Dwayne. You're only Vice President because I need 10% of the white vote.*

Комизм ситуации обусловлен вербальными и визуальными составляющими диалога. Вербально юмор строится на сарказме персонажа президента, который нивелирует всю работу и полезность персонажа вице-президента только до разнообразия в кадровом вопросе. Визуально это подтверждается черной кожей президента и белой кожей вице-президента.

Morty: *I just killed my family!*

Rick: *I dunno, some people would pay top dollar for that kind of breakthrough.*

Morty: *You know what, Rick? That's it! I'm done with these insane adventures. That was really traumatizing!*

В одном из приключений Морти убивает злобных клонов своей семьи и в момент рефлексии после этого события осознает ужас происшедшего. Смеховая ситуация складывается из абсурдных тем: смерть родных с одной стороны и предположение Рика, что некоторые люди бы заплатили много денег за возможностью убить свою семью.

В британском сериале «Зачистка» 2021г. работник клининговой компании Пол прибывает на место преступления и наблюдает кровь повсюду: на стенах, полу, и даже потолке. Зритель наблюдает сцену диалога офицера полиции и уборщика на кухне на месте преступления.

Paul: *It's (blood) on everything. Look, it's on the curtains! Bloody clock. Who puts a white rug in a kitchen? Jesus, what happened?*

Police officer: *A woman killed her husband.*

Paul: *What with? A combine harvester?*

Police officer: *Stabbed him. 38 times.*

Paul: *Why? To piss me off? You only need five stabs. Anything else is showboating.*

Police officer: *You'll be alright, you've got ages.*

Paul: *I am a cleaner, not Jesus. Oh God, she's even got it (blood) on the pot plants!*

Police officer: *Oh, good luck Mr. Mop, see ya later.*

Разберем особенности речи героев. Пол выражает недовольство фронтом работ и использует сравнение «combine harvester», эллипсис (пропуск слова *blood*), слэнговый фразовый глагол «piss me off» (озн. бесить), сниженную лексику «bloody» (озн. долбаный), сарказм «only need five stabs», антитезу «am a cleaner, not Jesus». Речь офицера полиции имеет краткие сухие предложения и сравнение «Mr. Mop» (Мистер Швабра). Краткие ответы офицера добавляют динамики повество-

ванию, в то время как основной юмор ситуации описывается через реплики уборщика. Сцена абсурдна и вызывает смех за счет противопоставления двух тем: смерти и обыденного разговора об уборке. За счет вышперечисленных лексических средств и визуальной составляющей (фокусировка кадров на каждом говорящем во время его реплики/реакции, кровавые разводы и лужи на месте преступления) создается комический эффект.

Выводы

Подводя итоги, мы можем заключить, что культуры США и Великобритании вполне допускают так или иначе использование тем смерти, болезней, расизма и др. в комедийном жанре, что является показателем того, что существуют остросоциальные проблемы, которые имеют отражение в массовой культуре. Темы жанра многочисленны, но ядро составляет тема смерти. Большое количество шуток мортального юмора помогает примириться с неизбежным и осознавать, что смерть в ее многочисленных проявлениях не так уж и страшна. Таким образом, предлагая смеяться над смертью или над ее репрезентацией, юмор фиксирует точку в социальной истории, когда обществу становится ясно, что данная тема перестала быть слишком острой [5. С. 205]. Как мы заметили в нашем исследовании, тема смерти на протяжении времени постоянно циркулирует и режиссеры в разные годы часто обращаются к ней. Комический эффект достигается посредством противопоставления смешного/страшного, а также за счет разных языковых средств (упрощенная грамматика, звукоподражание, созвучие и др.). Вербальные и невербальные компоненты фильма взаимодействуют и взаимодополняют друг друга и составляют полную картину для реципиента/зрителя.

Список источников

1. Арендт Х. Скрытая традиция. М.: Текст, 2008. С. 78.
2. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. С. 20.
3. Брыжина Т. С. Интерпретация пародийной тональности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5 (39). С. 20–24.
4. Вуд Р. Ужасы: возвращение вытесненного. URL: <http://www.russ.ru/pole/Uzhasy-vozvrashchenie-vytesnennogo> (дата обращения 10.01.2024).
5. Гроф С., Хэлифакс Дж. Человек перед лицом смерти. М.: АСТ, 2003. 239 с.
6. Кулинич М. А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 284 с.
7. Лаврентьев А. В. Чёрный юмор и американский характер: учеб. пособие по спецкурсу УдГУ. Ижевск, 2009. 290 с.
8. Романова Н. П., Скрипкарь М. В. Молодежь и кинематограф. Чита: ЧитГУ, 2010. 181 с.

9. Самохвалова В. И. Безобразное: размышления о его природе, сущности и месте в мире (К феноменологии, метафизике, методологии понимания). М., 2010.
10. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
11. Тюдор Э. Специфические удовольствия от популярного жанра. URL: <http://www.russ.ru/pole/Specificcheskie-udovol-stviya-ot-populyarnogo-zhanra> (дата обращения 10.01.2024).
12. Шенье-Жандрон Ж. Сюрреализм. М.: НЛЮ, 2002. 165 с.
13. Beaver E. F. Dictionary of Film Terms. New York, 2015. Pp. 96–97.
14. Bowser E. “Subverting the Conventions: Slapstick as Genre” in *The Slapstick Symposium* ed. Eileen Bowser. Brussels: Federation International Des Archives du Film, 1988. Pp.13-17
15. Hallenbeck B. G. Comedy-Horror Films: a Chronological History, 1914–2008. Jefferson; North Carolina, and London: McFarland & Company, 2009. Pp. 5–15.
16. Hillenbrand F. K. M. Underground Humour in Nazi Germany: 1933–1945. London: Routledge, 1995.

References

1. Arendt H. Hidden tradition. Moscow: Text, 2008. P. 78. (In Russ.).
2. Bergson A. Laughter. Moscow: Iskustvo, 1992. P. 20. (In Russ.).
3. Bryzhina TS. Interpretatsiya parodiynoy tonal'nosti = Interpretation of Parodic Tone. *Izvestiya of Volgograd State Pedagogical University*. 2009;5(39):20-24. (In Russ.).
4. Wood R. Horrors: The Return of the Repressed. URL: <http://www.russ.ru/pole/Uzhasy-vozvraschenie-vytesnennogo> (accessed 10.01.2024). (In Russ.).
5. Grof S., Halifax J. The Human encounter with death. Moscow: ACT, 2003. 239 p. (In Russ.).
6. Kulinich MA. Semantika, struktura i pragmatika angloyazychnogo yumora = Semantics, structure and pragmatics of English-language humor: diss. Philol. sciences. Moscow, 2000. 284 p. (In Russ.).
7. Lavrentiev AV. Chernyy yumor i amerikanskiy kharakter = Black humor and American character: studies. the manual on the UdGU special course. Izhevsk, 2009. 290 p. (In Russ.).
8. Romanova NP., Skripkar MV. Molodezh' i kinematograf = Youth and cinema. Chita: Chita State University, 2010. 181 p. (In Russ.).
9. Samokhvalova VI. Bezobraznoe: razmyshleniya o ego prirode, sushchnosti i meste v mire (K fenomenologii, metafizike, metodologii ponimaniya) = Ugly: reflections on its nature, essence and place in the world (On phenomenology, metaphysics, methodology of understanding). Moscow, 2010. (In Russ.).
10. Slyshkin GG., Efremova MA. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza). = Kinotext (experience of linguistic and cultural analysis). Moscow: Aquarius Publishers, 2004. 153 p. (In Russ.).
11. Tudor E. The specific pleasures of the popular genre. URL: <http://www.russ.ru/pole/Specificcheskie-udovol-stviya-ot-populyarnogo-zhanra> (accessed 10.01.2024). (In Russ.).
12. Chenier-Gendron J. Surrealism. Translated from French by S. Dubin. Moscow: UFO, 2002. 165 p. (In Russ.).
13. Beaver EF. Dictionary of Film Terms. New York, 2015. Pp. 96–97.
14. Bowser E. Subverting the Conventions: Slapstick as Genre. In: *The Slapstick Symposium* ed. Eileen Bowser. Brussels: Federation International Des Archives du Film, 1988. Pp. 13-17
15. Hallenbeck BG. Comedy-Horror Films: a Chronological History, 1914–2008. Jefferson; North Carolina, and London: McFarland & Company, 2009. Pp. 5-15
16. Hillenbrand FKM. Underground Humour in Nazi Germany: 1933–1945. London: Routledge, 1995.

Информация об авторах

В. А. Буряковская — доктор филологических наук, профессор.

Д. С. Бикус — старший преподаватель.

Information about the authors

V. A. Buryakovskaya — Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor.

D. S. Bikus — Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 80

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-32-42

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ВРЕМЕННЫХ, ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)

Сергей Сайярович Иванов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, s.san@mail.ru, ORCID 0000-0001-6247-3717

Аннотация. В статье рассматриваются примеры грамматических девиаций в текстах произведений У. С. Моэма и Дж. Оруэлла и оценивается их потенциал в создании многомерности текста с пространственно-временными параметрами и актуализацией дополнительных характеристик героев при помощи исключительно грамматических методов. Поскольку работа не относится к области литературоведения, в ней анализируются не сами произведения, но текст, проходящий сквозь них и его особенности. Актуальность работы заключается в том, что исследуются случаи отступления от нормативной грамматики авторами-классиками не для характеристики речи героев, а как средство создания художественных эффектов; такие случаи редки и выделяются на фоне основного грамматически нормативного текста. Работа структурирована по разделам, содержащим анализ примеров грамматических девиаций, создающих временные, пространственные, количественные и личностные характеристики соответственно. Грамматические отклонения включают в себя случаи нетрадиционного использования времён, артиклей и количественных числительных. Хронотоп, создаваемый авторским использованием грамматики, реализует такие эффекты, как эффект замедленной съёмки, остановки кадра, вакуумного пространства; трансформацию личностных характеристик героев, таких как персонификация, деперсонификация и др. Анализируются случаи грамматических отклонений с целью выявления дополнительных коннотативных пластов текста, ими создаваемых, а также их перевод на русский язык. Ставится вопрос о лакунах в тех случаях, где отход от нормативной грамматики в исходном тексте оказывается не передан в его переводе из-за отсутствия аналогичных грамматических средств русского языка и не компенсирован другими языковыми средствами. Помимо этого, ставится вопрос о развитии традиции отступления от нормативной грамматики в английских художественных текстах более позднего периода, т.е. конца XX века, чему могут быть посвящены дополнительные исследования. Положения, отражённые в настоящей статье, могут быть полезны в области преподавания иностранных языков и зарубежной литературы и представлять интерес для специалистов, занимающихся художественным переводом.

Ключевые слова: языковая и грамматическая норма, грамматические девиации, лакуны, хронотоп.

Для цитирования: Иванов С. С. Грамматические девиации как способы создания временных, пространственных и личностных характеристик в художественном тексте (на примере англоязычной прозы первой половины XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 32–42. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-32-42.

Original article

GRAMMAR DEVIATIONS CREATING TEMPORAL, SPATIAL AND PERSONAL CHARACTERISTICS IN A LITERARY TEXT (EXEMPLIFIED BY ENGLISH PROSE OF THE EARLY 20TH CENTURY)

Sergey S. Ivanov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, s.san@mail.ru, ORCID 0000-0001-6247-3717

Abstract. Grammar deviations in W. S. Maugham's and G. Orwell's texts are considered in the article, estimating their potential in creating a multi-dimensional text with spatiotemporal parameters and actualization of extra char-

acters' features solely by means of grammar. As long as the article does not deal with literature studies, it analyzes not the novels as a whole but the text piercing through them and this text's characteristics. The work is relevant because it researches the classical authors' deviations from normative grammar describing not their characters' speech peculiarities, but employed as a means of creating artistic effects, such cases being rare and standing out in grammatically normal texts. The structure of the paper includes sections illustrating grammar fluctuations' analysis, which build up temporal, spatial, quantitative and personal characteristics respectively. Grammar variations comprise non-conventional uses of tenses, articles and cardinal numerals. Chronotopos, which is formed by the author-customized uses of grammar, brings about several effects: stop motion, super still and vacuum space effects; the characters' personal traits transformation, such as personification, de-personification, etc. Grammar fluctuations are studied in order to single out additional connotation layers of the text, with translation of these cases into Russian analyzed as well. The paper raises the issue of lacunae where deviations from normative grammar in the original text are not adequately translated due to the absence of corresponding grammar means in the Russian language, nor compensated by other linguistic means. Another issue is raised concerning the tradition to deviate from normative grammar in later English literary texts, i.e. the end of the XX century, calling for further research. Findings of the article may appear of practical use in teaching foreign languages and literature, as well as attracting fiction translators' attention.

Keywords: linguistic and grammar norm, grammar deviations, lacunae, chronotopos.

For citation: Ivanov SS. Grammar deviations creating temporal, spatial and personal characteristics in a literary text (exemplified by English prose of the early 20th century). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):32-42. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-32-42.

Введение

Несмотря на то, что к теме грамматических девиаций в художественном тексте неоднократно обращались разные исследователи, и «давно утвердилось мнение, что авторов, вовсе не отступающих от нормы, не существует» [1. С. 81], их интерес направлен либо на изучение творчества авангардистов (чему посвящены работы В. П. Григорьева, В. В. Фещенко, Н. В. Морженковой и др.), либо на анализ подобных отклонений в речи персонажей как характеристику их социального происхождения, уровня образованности или специфику перевода подобных конструкций [12; 1]. Однако авторским отклонениям от грамматической нормы как средству достижения различных художественных эффектов в классической английской литературе первой половины XX в. не всегда уделялось пристальное внимание. В настоящей работе делается попытка несколько восполнить эту нишу, в чём и заключается её *актуальность*. Языковую и грамматическую норму мы понимаем как основной признак литературного языка, то есть в рамках узкого подхода, обозначенного С. И. Ожеговым, Н. В. Немцовой и др. *Научная новизна* заключается в раскрытии потенциала *сугубо грамматических девиаций* в авторском тексте или в речи героев, являющихся рупором голоса автора, для создания художественных эффектов, без отвлечения на остальные уровни текста, такие как лексический, фонетический и др. Основанием для этого является положение М. М. Бахтина о том, что автор неотделим от образов и персонажей, «так как он входит в состав этих образов как их неотъемлемая часть

(образы двуедины и иногда двуголосы). Но образ автора можно отделить от образов персонажей, но этот образ сам создан автором и потому также двуедин» [4. С. 487]. А также точка зрения Р. Барта о том, что в произведении мы имеем дело с «призраком автора, который может «явиться» в своём тексте, но <... > запечатлевается в нём как один из персонажей» [2. С. 420]. *Целью* работы является проследить грамматические девиации в текстах нескольких художественных произведений и выявить, какие именно эффекты достигаются посредством лишь грамматических трансформаций, специфичных для английского языка. Исходя из заявленной цели, ставятся следующие *задачи*, определить: 1) какие трансформации используются авторами для создания и изменения пространственных, временных и личностных характеристик; 2) как данные трансформации меняют коннотативное пространство текста; 3) каким образом отражаются или не отражаются подобные моменты в русском переводе. *Объектом* исследования являются три произведения: «Маг» и «Узорный занавес» У. С. Моэма и «1984» Дж. Оруэлла; *предметом* исследования — содержащиеся в текстах данных произведений грамматические девиации и их перевод на русский язык.

Выбор объекта и задач требуют небольшого пояснения. Поскольку работа не посвящена проблемам литературоведения (хотя, безусловно, соприкасается с ними), а носит лингвистический характер, здесь не преследовалась цель анализировать многие произведения одного автора, или многочисленные произведения авторов какого-то определённого жанра или эпохи. Выбор пал на

выше обозначенные произведения как образец литературного языка первой половины XX в. с подразумевающимся само собой нормативным употреблением грамматики, не принадлежащие перу авторов-авангардистов и экспериментаторов. Также следует оговориться, что некоторое внимание уделяется в статье и вопросам перевода, поскольку их замалчивание обеднило бы её содержание и лишило бы нас возможности обозначить возможные направления текущих и будущих исследований в этой области. Это обусловило структуру работы: примеры из оригинальных текстов соседствуют с их переводами, пронумерованы и помещены в таблицы, после чего комментируются. *Теоретическая ценность* работы состоит в том, что её положения могут представлять интерес как для лингвистов, занимающихся проблемами стилистики и переводоведения, так и литературоведов при анализе художественных произведений отечественной и зарубежной литературы; пристальный грамматический анализ фактического материала определяет *практическую значимость* для преподавания и изучения английского языка.

Материалы и методы

Материалом исследования являются примеры девиаций, взятые из обозначенных произведений английских авторов первой половины XX века методом сплошной выборки. Для выявления грамматических и синтаксических отклонений от литературной нормы использовался метод структурного анализа. Некоторые из интересующих нас единичных примеров грамматических отклонений представлены параллельно примерам с нормативным употреблением грамматики, как правило намеренно соседствующими с ними и, конечно, характерные для всего произведения в целом. Внутритекстовое рассмотрение сосуществующих в произведениях нормативной и девиантной грамматик, а также сопоставления подлинника и его перевода, обусловили привлечение метода сравнительно-сопоставительного анализа. Образные коннотации грамматических отклонений от нормы и выявление их стилистических функций потребовали использования метода стилистического анализа.

Результаты и их обсуждение

I. Создание пространственно-временных характеристик

В действительности, все примеры, описываемые в данном разделе работы, именуется хронотопом, отображающим «существенную взаимосвязь временных и пространственных отно-

шений, художественно освоенных в литературе» [4. С. 121]. Модель, создающая формы хронотопа при помощи грамматических девиаций и производящая воздействие на читателя, может быть описана следующим образом. Как уже упоминалось ранее, отклонения в анализируемых произведениях единичны, основное же пространство произведения заполнено нормативными грамматическими формами, и данные примеры соседствуют друг с другом, как бы намеренно сталкиваясь автором в пределах непосредственного или близкого контекста. Следуя точке зрения Л. Н. Мурзина, «осознать текст мы можем, только создав параллельный, аналогичный, но всё-таки другой текст. Чужие тексты человек понимает через посредство своего собственного текста» [11. С.167]. В процессе восприятия читатель классического произведения руководствуется нормативными грамматическими пресуппозициями и как только сталкивается с девиацией — возникает разрыв; а чтобы подчеркнуть этот разрыв, автор немедленно возвращается к норме. Однако в этот разрыв входит коннотативное означаемое; сама грамматическая девиация создаёт коннотативную пелену, сквозь которую гулко стучат денотативные компоненты, обеспечивающие связь с реальностью, восприятие которой уже изменилось в сознании реципиента. Рассмотрим эту модель на примерах 1a¹ и 1б², представленных в таблице 1.

В английском тексте слова, выделенные курсивом, представляют те авторские формы Past Simple, где нормативно напрашивается употребление Past Continuous (при том, что невыделенные случаи обычного употребления Past Simple соседствуют с девиантными). Благодаря употреблению «грамматического субстандарта» (термин Н. В. Немцовой) достигается эффект «замедленной съёмки», и в размеренно идущую бытовую реальность, выраженную каноническими формами, вторгается потусторонняя составляющая, всё происходит как во сне. В этом случае можно говорить о так называемом *онейрическом хронотопе*, то есть том типе хронотопа, который «реализуется посредством сновидений, фантазий, воспоминаний, иного бытия и т.п., т.е. ирреальности» [7, с. 390]. Помимо этого, автором реализуется прагматическая цель: читатель, размеренно пролистывающий описание хода событий, фокусирует своё внимание на этом эпизоде, замед-

¹ Maugham W.S. The Magician. М.: Изд-во «Менеджер», 2005. Р. 98.

² Моэм У. С. Маг // пер. с англ. Н. Кролик. М.: АСТ. 2024. С. 106-107.

ляет прочтение и начинает воспринимать детали сквозь коннотативную пелену, наброшенную на его глаза в момент разрыва между конвенциональным и неконвенциональным; происходит «настраивание Я на ритм внешнего мира (текста) <...> объясняющего удовлетворительную степень скоррелированности потребителя текста и самого текста» [15. С. 228].

Таблица 1

Table 1

Неконвенциональное и нормативное использование Past Simple в пределах одного контекста

1a. Margaret had a class that afternoon and set out two or three minutes later. As she *walked* through the courtyard she started nervously, for Oliver Haddo passed slowly by. He did not seem to see her. Suddenly he stopped, put his hand to his heart, and fell heavily to the ground. The concierge, the only person at hand, ran forward with a cry. She knelt down and, looking round with terror, caught sight of Margaret. 'Oh, mademoiselle, venez vite!' she cried. Margaret was obliged to go. Her heart *beat* horribly. She looked down at Oliver, and he seemed to be dead.

1б. А у мисс Донси в этот день были занятия, и она вышла на несколько минут позже. Едва очутившись во дворе, она вздрогнула: мимо прошел Оливер Хаддо. И как будто не заметил ее. Вдруг он остановился, приложил руку к сердцу и тяжело повалился на землю. Консьержка, единственный человек, видевший это, с криком подбежала к нему. Присела возле и с ужасом огляделась вокруг. Тут она увидела побледневшую Маргарет.

– О, мадемуазель, – взмолилась она, – идите скорее сюда!

Девушка была вынуждена подойти. Ее сердце бешено колотилось. Посмотрела на Оливера. Ей показалось, что он мертв.

Умело обойдя авторское отступление от грамматической нормы, переводчица передала в русском языке этот эффект замедления, воспользовавшись причастной формой и синтаксически разбив предложения исходного текста на более короткие; таким образом компенсировав отсутствие аналогичных грамматических средств русского языка лексическими и синтаксическими в случае с “*walked*”, и его контекстуальным окружением. Однако в случае с “*beat*” этого сделать

не удаётся (несмотря на то, что перевод эквивалентен, т.е. основной план содержания передан), и это неудивительно, поскольку «при межъязыковом преобразовании неизбежны потери, то есть имеет место неполная передача значений, выражаемых текстом подлинника» [3. С. 11]. В таблице 2 приведены аналогичные примеры из этого же произведения — в примерах 2a¹ и 2б² восприятие героини обусловлено властью чар, в примерах 3a³ и 3б⁴ герои общаются не с самой Маргарет, а с её духом во время спиритического сеанса:

Таблица 2

Table 2

Неконвенциональное использование Past Simple для создания онейрического хронотопа

2a. Her heart *beat* like a prisoned bird, with helpless flutterings, but it seemed too late now to draw back.

3a. In her anguish she sought not to hide her face. She *looked* at the ground, and the tears *fell* down her cheeks. Her bosom *heaved* with the pain of her weeping.

2б. Ее сердце трепетало, как птица, бьющаяся в силке, но было уже поздно – не вырвешься.

3б. Охваченная отчаянием, Маргарет не пыталась скрыть свое лицо. *Уставилась* в землю, и слезы градом *катились* по щекам, грудь *вздыхалась* от рыданий.

Особенно интересен пример 3, в котором по сюжету герои видят дух Маргарет, и выглядит он как застывшее изображение; благодаря грамматическим трансформациям создается даже не эффект замедления, а остановки кадра, образ предстаёт как скульптура, а не как живой человек.

Несмотря на утверждение, что «наличие безэквивалентной единицы не является препятствием для установления отношений эквивалентности между высказываниями в оригинале и в переводе» [8. С. 177], обращаясь к переводу вышеприведённых примеров, можно говорить о таком явлении

¹ Maugham W.S. The Magician. М.: Изд-во «Менеджер», 2005. Р. 109.

² Моэм У. С. Маг // пер. с англ. Н. Кролик. М.: АСТ. 2024. С. 118.

³ Maugham W.S. The Magician. М.: Изд-во «Менеджер», 2005. Р. 228.

⁴ Моэм У. С. Маг // пер. с англ. Н. Кролик. М.: АСТ. 2024. С. 262.

нии, как грамматическая лакуна, то есть «отсутствие в системе одного языка элемента, который вербализован в другом языке» [1. С. 78]. Не используя ещё термин «лакуна», Э. Сепир отмечал, что «присущие данной литературе формальные ограничения и возможности никогда не совпадают вполне с ограничениями и возможностями любой другой литературы» [13. С. 196]. Действительно, грамматические девиации в английском языке, создающие тот коннотативный флёр, который служит средством выразительности и создания определённых художественных эффектов, оказывается не переданным (как в примерах 2 и 3) в русском языке из-за отсутствия аналогичных выразительных средств русской грамматики. Если бы в приведённых примерах автор использовал нормативную грамматику, то русский перевод выглядел бы точно так же. Здесь мы сталкиваемся со «стилистической утратой, то есть потерей образных, и других коннотативных значений лингвистической единицы подлинника» [12. С. 17]. При этом прагматическая сила воздействия текста-подлинника снижается и не компенсируется другими средствами, например, лексическими или синтаксическими, в переводе. Интересна в этом отношении мысль Ю. М. Лотмана о языке художественного пространства как особой моделирующей системы и образом сравнении пейзажа из окна и этого же пейзажа, запечатлённого на картине и повешенного в рамку. В первом случае, когда реципиент смотрит на вид из окна, он воспринимается «как видимая часть более обширного целого, и вопрос о том, что находится в закрытой от взора наблюдателя части, вполне уместен; <...> во втором он, сохраняя эту функцию, получает дополнительную: воспринимаясь как замкнутая в себе художественная структура, он кажется нам соотнесенным не с частью объекта, а с некоторым универсальным объектом, становится моделью мира» [9. С. 416]. Англоязычный реципиент оказывается в более выгодном положении по сравнению с русскоязычным: он воспринимает художественное пространство текста-оригинала как более чёткую картину, ограниченную, однако рамкой; русскоязычный видит её же, но более блёклую с отдельными непрорисованными участками; наибольшее же удовольствие получает двуязычный наблюдатель, перед которым открывается «пейзаж из окна» как часть большего пространства. Двуязычный реципиент получает возможность «вырваться из плена родного языка, увидеть мир по-новому» [14. С. 65].

В примерах 4a¹ и 4b², представленных в таблице 3, автор создаёт особое художественное пространство при помощи нетрадиционного использования грамматики:

Таблица 3
Table 3

Неконвенциональное использование Future Perfect для создания хронотопа

4a. “We shall turn you into gas and pour you into the stratosphere. Nothing will remain of you, not a name in a register, not a memory in a living brain. You will be annihilated in the past as well as in the future. *You will never have existed*”.

4b. «Мы превратим тебя в газ и рассеем в стратосфере. От тебя не останется ничего – ни имени в архивах, ни живого воспоминания. Ты обнулешься и в прошлом, и в будущем. *Раз – и нет тебя, никогда не было и не будет*».

Ни в самой фразе “*you will never have existed*”, ни в контексте не содержится той временной точки, к которой действие должно завершиться, как того требует нормативное употребление времени Future Perfect³. Одной грамматической девиацией автор создаёт «объёмное художественное пространство» [9. С. 414], межзвёздное и безжизненное, лишённое как привычных географических, так и временных координат; бесконечный временной и пространственный вакуум. Необходимо отметить, что в этом случае грамматический субстандарт, используемый в тексте-оригинале, компенсирован и передан лексико-синтаксическими средствами в переводе. Пример смешения временных пластов, создающих хронотоп как вакуум, как единство безпространства и безвременья, не единственный в произведении. Таблица 4 содержит схожие примеры 5a⁴ и 5b⁵, адекватно

¹ Orwell G. 1984 (a novel by George Orwell with an afterword by Erich Fromm). Signet Classic. Penguin Books Ltd. 1977. P. 254.

² Оруэлл Дж. 1984 // пер. с англ. Л. Бершидского. М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 280.

³ Данное правило зафиксировано в разных грамматических учебниках разных лет, например: М. А. Ганшина, Н. М. Василевская Практическая грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1964; R. Murphy English Grammar in Use. Cambridge University Press, 2004.

⁴ Orwell G. 1984 (a novel by George Orwell with an afterword by Erich Fromm). Signet Classic. Penguin Books Ltd. 1977. P. 48.

⁵ Оруэлл Дж. 1984 // пер. с англ. Л. Бершидского. М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 55.

переданные в переводе, при том временная чехарда в тексте-оригинале нормально воспринимается читателем под давлением художественного образа:

Таблица 4
Table 4

**Смешение временных пластов
в одном контексте**

5a. Comrade Ogilvy, who *had never existed in the present, now existed in the past*, and when once the act of forgery *was forgotten*, he would exist just as authentically, and upon the same evidence, as Charlemagne or Julius Caesar.

5б. Товарищ Огилви, никогда не живший в настоящем, теперь часть прошлого, а когда подлог забудется, он станет не менее реальным, чем Карл Великий или Юлий Цезарь, – по крайней мере его существование будет подтверждено ничуть не хуже.

Создание подобного хронотопа в произведении согласуется с восприятием главным героем окружающей реальности, по его же словам как человеком «в открытом космосе, не знающим, где верх, а где низ»¹.

II. Создание количественных характеристик

Интерес представляют также примеры искажения количественных (а значит и хронологических) характеристик в тексте при помощи грамматических девиаций 6a² и 6б³, проиллюстрированных в таблице 5.

Намеренное употребление “millions” после числительного, контрастирует со стандартным употреблением “millions of” без числительного, означающего «миллионы — точно не определённое количество», и одновременно создаёт коннотативный пласт, усиливающий и накладывающийся на то, что прямо выражено лексически, а именно «несметное количество, никто не знает, да и знать не хочет».

Описываемое грамматическое отклонение, подчёркивающее неизвестность и невозможность применения точного числа для измерения количества и времени, используется как ещё один инструмент создания хронотопа временно-

го и пространственного вакуума, наряду с искажением видо-временных форм глагола в примерах 4a и 5a.

Таблица 5
Table 5

**Неконвенциональное использование
количественных числительных**

6a. For example, the Ministry of Plenty's forecast had estimated the output of boots for the quarter at 145 million pairs. The actual output was given as sixty-two *millions*. Winston, however, in rewriting the forecast, marked the figure down to fifty-seven *millions*, so as to allow for the usual claim that the quota had been overfulfilled. In any case, sixty-two *millions* was no nearer the truth than fiftyseven *millions*, or than 145 *millions*. Very likely no boots had been produced at all. Likelier still, nobody knew how many had been produced, much less cared. All one knew was that every quarter astronomical numbers of boots were produced on paper, while perhaps half the population of Oceania went barefoot. And so it was with every class of recorded fact, great or small. Everything faded away into a shadow-world in which, finally, even the date of the year had become uncertain.

6б. «Например, Главбог прогнозировал выпуск ста сорока пяти миллионов пар ботинок за квартал. В отчете о фактическом производстве сообщалось о шестидесяти двух миллионах. Однако, переписывая прогноз, Уинстон уменьшал цифру до пятидесяти семи миллионов, чтобы создать возможность, как обычно, отрапортовать о перевыполнении плана. В любом случае шестьдесят два миллиона не ближе к истине, чем пятьдесят семь или сто сорок пять. Вполне вероятно, что ботинки не выпускались вовсе. Еще вероятнее – никто не знает, да и знать не хочет, сколько их произвели. Известно лишь, что каждый квартал на бумаге выпускают несметное количество ботинок, а пол-Океании ходит босиком. И так со всеми зафиксированными где бы то ни было фактами, важными и не очень. Все они стираются до призрачного состояния, пока не исчезает уверенность даже в том, какой на дворе день или год.

В данном случае необходимо отметить наличие грамматической лакуны в примере б, а именно: количественные грамматические девиации не компенсируются и не отражаются в переводе. Как отмечалось в начале работы, девиации соседствуют с нормативным употреблением грамматики,

¹ Оруэлл Дж. 1984 // пер. с англ. Л. Бершидского. М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 218.

² Orwell G. 1984 (a novel by George Orwell with an afterword by Erich Fromm). Signet Classic. Penguin Books Ltd. 1977. P. 41

³ Оруэлл Дж. 1984 // пер. с англ. Л. Бершидского. М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 48.

как в примерах 7a¹ и 7б², отображённых в таблице 6:

Таблица 6
Table 6

Нормативное использование количественных числительных

7a. Three hundred *million* people all with the same face

7б. Триста миллионов людей, и все на одно лицо.

На двух контрастирующих примерах 6 и 7 особенно чётко проявляется наличие грамматической лакуны: ненормативное и нормативное употребление грамматики переведено абсолютно одинаково, что обедняет восприятие перевода русскоязычным читателем, сдёргивая с него дополнительный коннотативный флёр, созданный автором в тексте-оригинале.

III. Создание личностных характеристик

Данный раздел посвящён анализу случаев ненормативного употребления грамматики для описания ненормативных, то есть неожиданных характеристик персонажа, выходящих за рамки образа, изначально созданного автором. Важно отметить, что нас интересуют не те случаи, где ненормативная грамматика характеризует социальное происхождение, или уровень образованности говорящего, хотя таких примеров у обоих авторов немало. Интерес представляют именно те случаи, когда нормативно и правильно говорящие персонажи на протяжении всего произведения вдруг допускают единичное отклонение, которое бросается в глаза и создаёт художественный эффект. Рассмотрим пример употребления определённого артикля перед именем собственным в таблице 7 в примерах 8a³ и 8б⁴:

Таблица 7
Table 7

Использование артикля перед именем собственным

8a. "You will marry *the* excellent Mr. Burdon".

8б. «Выйдешь замуж за своего замечательного Бардона».

¹ Orwell G. 1984 (a novel by George Orwell with an afterword by Erich Fromm). Signet Classic. Penguin Books Ltd. 1977. P. 74.

² Оруэлл Дж. 1984 // пер. с англ. Л. Бершидского. М.: Альпина Паблицер, 2021. С. 84.

³ Maugham W.S. The Magician. М.: Издательство «Менеджер», 2005. P. 128.

⁴ Моэм У. С. Маг // пер. с англ. Н. Кролик. М.: АСТ. 2024. С. 140.

В данном случае артикль придаёт фразе иронический окрас: таким образом Оливер Хаддо выражает презрение своему сопернику, что находит адекватное отражение в переводе. Но помимо этого, в контексте тайного союза между Хаддо и Маргарет, артикль наделяет Артура чертами чуждыми их тандему, отделяет и отдаляет данного персонажа от их новой совместной сюжетной линии. Аналогичный случай в таблице 8 в примерах 9a⁵ и 9б⁶:

Таблица 8
Table 8

Артикль перед именем собственным для деперсонификации

9a. "Ah, I feel that," cried Arthur. "If Margaret has broken her word to me, if she's gone to him so callously, it's because it's not *the* Margaret I know."

9б. «Если Маргарет нарушила данное мне слово, если так легко ушла к нему, то это случилось лишь потому, что она стала уже не Маргарет, которую я знал».

В данном примере артикль *the* опять же служит для придания героине характеристик, чуждых и непривычных для неё в русле изначально созданного автором образа, при том, контекстуально это вербализуется и на лексическом уровне. Описываемая грамматическая девиация в исходном тексте не нашла своего отражения в переводе. Например, возможен был бы вариант перевода артикля *the* указательным местоимением: «уже не *та* Маргарет». Кроме того, употребление артикля перед именем собственным и в примере 8, и особенно явно в примере 9, создаёт эффект деперсонификации. Данный эффект закреплён ещё одной грамматической девиацией, приведённой в примере 3, где благодаря употреблению Past Simple вместо более уместного с нормативной точки зрения Past Continuous, образ героини предстаёт как скульптура, как неодушевлённая вещь, а не как живой человек. Создание эффектов деперсонификации или персонификации путём отхода от грамматических норм нередки. Ю. Лотман приводит пример из А. С. Пушкина: «И ты взыграл, неодолимый, — И стая тонет кораблей...». Как известно «море» является существительным среднего рода, однако поэт наделяет его характеристиками мужского рода, поскольку «в русском языке формы мужского рода имени суще-

⁵ Maugham W.S. The Magician. М.: Издательство «Менеджер», 2005. P. 147.

⁶ Моэм У. С. Маг // пер. с англ. Н. Кролик. М.: АСТ. 2024. С. 162.

ствительного способны выражать признаки одушевленности в несравненно большей степени, нежели формы среднего рода. Море для поэта совсем как друг — и значит оно для него совсем живое, одушевленное» [10, с. 398]. Персонафикация моря, созданная при помощи грамматической «ошибки» А. С. Пушкина, прямо противоположна примеру из Моэма, где постройка автором артикля перед именем собственным овеществляет героиню.

Создание характеристик персонажа, которые чужды ему или непривычны в рамках созданного образа, не ограничиваются вышеописанными примерами использования артиклей перед именем собственным. Они также могут включать неожиданное употребление времён в примерах 10а, 11а¹ и 10б, 11б², использованное автором для создания стилистического эффекта, как это показано в таблице 9.

Таблица 9
Table 9

Неконвенциональное использование Future Simple в придаточных условия

10а. *“If Mrs. Townsend will give me her assurance that she will divorce her husband and if he will give me his written promise to marry you within a week of the two decrees being made absolute, I will do that.”*

11а. *“He agrees to my divorcing him if your wife will give him the assurance that she will divorce you.”*

10б. «Если миссис Таунсенд заверит меня, что разведётся с мужем, и если он даст мне письменное обещание жениться на тебе не позже, чем через неделю после того, как оба судебных решения вступят в силу, и тогда я выполню твою просьбу».

11б. «Он согласен, чтобы я развелась с ним, если твоя жена разведётся с тобой».

В приводимых примерах глагол *will* можно было бы трактовать не как вспомогательный, а как самостоятельный глагол, выражающий волеизъявление (тогда мы бы имели дело с составным глагольным сказуемым), однако данные единичные случаи резко контрастируют с повсеместно употребляемой в произведении нормативной грамматикой, где в придаточных условия стандартно употребляется Present Simple (приводить

¹ Maugham W.S. *The Painted Veil*. СПб.: Антология, КАРО, 2008. Р. 67, 73.

² Моэм С. *Узорный покров*. Пер. с английского. М.: ВЕЧЕ, 1993. С. 60, 64.

данные примеры мы не будем из-за их очевидности и объективных ограничений объёма статьи). В примерах 10 и 11 речь идёт о поступках, несвойственных и не ожидаемых от персонажей, на которые они если и согласятся пойти, то только сделав над собой сверх усилие, выйдя за рамки привычного образа, став не самими собой, — и для описания этих действий автор прибегает к грамматическим искажениям, употребляя Future Simple в придаточных условиях.

Следует также отметить, что в примерах 10 и 11 «грамматические ошибки» автора не нашли отражения в русском переводе, однако именно они использовались для придания высказываниям иронического оттенка в тексте-оригинале. Руководствуясь скопос-теорией, целью адекватного перевода литературного произведения является сохранение не только семантических, но и всех остальных элементов подлинника, включая стилистические и индивидуально-авторские [17], то есть тех, «которые в него «вдохнул» автор подлинника» [6. С. 116]. В данном случае можно было бы предложить как лингвистические, так и экстралингвистические способы сохранения иронии в переводе. Выбор «соответствующих средств для достижения функции целевого текста» [17. С. 190] может включать, например: перевод слова “will” во фразе “will give him the assurance that she will divorce you”, соответственно «соизволит/соблаговолит развестись», выделение этого слова/словосочетания жирным, разреженным шрифтом или курсивом.

В некоторых случаях «с течением времени девиантные формы как средства, реализующие креативный потенциал языка, становятся нормативными» [5. С. 19], как это произошло по аналогии со слоганом компании Макдональдс в английском языке “I am loving it”, когда «стало общеупотребительным использование глаголов в форме Continuous: I am liking/enjoying it» [5. С. 21]. Схожим образом грамматическая «не норма» в названии произведения Айзека Азимова “I Robot” спустя годы обрела вторую, общеупотребительную жизнь в названии гаджетов iPhone, iPad и пр. В нашем случае, частные случаи авторского использования грамматики не стали (и не стремились стать) нормативными, однако традиция использования девиаций в качестве художественного приёма развилась и продолжилась в более поздний период — второй половины и конца XX века. Авторы песен неоднократно прибегали к подобным отступлениям от нормы, что показано в таблице 10:

Таблица 10
Table 10**Продолжение традиции
использования грамматических девиаций**

12. “One day she tells me that she cares,
Another day she tells me
She *don't* love me.” (группа Queen “My baby
does me.”)
13. “He doesn't play for the money he wins,
He *don't* play for respect.”
(Sting “Shape of my heart.”)

Подобного рода примеров можно было привести ещё множество, однако это не входит в цели и задачи нашей работы. Здесь важно отметить то, что всех их объединяет один общий приём, заложенный авторами классиками: когда действия героя соответствуют норме его поведения в рамках созданного образа — грамматика употребляется нормативно; когда описываются чуждые ему характеристики — происходит грамматическое отклонение.

Заключение

Проведённое исследование показало, что используемые англоязычными авторами грамматические девиации обладают большим потенциалом в создании хронотопа как взаимосвязи временных и пространственных отношений, а также описания личностных характеристик ге-

роев, где, употребляясь наряду с нормативной грамматикой, они вводят дополнительные коннотативные пласты; всё это вкуче способствует созданию многомерности художественного текста. Отсутствие в русском языке грамматических возможностей для передачи в переводе девиаций исходного текста ставит проблему так называемых грамматических лакун и способов их преодоления и компенсации другими средствами языка перевода с целью достижения его максимальной эквивалентности, что может представлять обширное поле для дальнейших исследований. Сугубо грамматические отклонения способны создавать многочисленные стилистические и художественные эффекты: замедленной съёмки, остановки кадра, вакуумного «межзвёздного» пространства, иронии, персонификации и деперсонификации, временные и количественные характеристики. Таким образом, единичные отступления авторов в «алогичную языковую реальность, открывают для них возможность прорваться в глубины внеязыковой реальности» [16, с. 22]. Анализ примеров и выводы могут оказаться полезными для специалистов, занимающихся преподаванием иностранных языков и зарубежной литературы, и переводческой проблематикой.

Список источников

1. Акай О. М. Грамматические девиации vs элиминация грамматических лакун // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 3. С. 78–89. DOI: 10.23683/2070-1403-2019-74-3-78-89.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отн., 1975. 240 с.
4. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. 543 с.
5. Джусупов Н. М. Активные стилистически релевантные процессы как результат выдвижения языковых девиаций (на материале русского и английского языков) // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 1. С. 19–27.
6. Жулидов С. Б., Золотова М. В., Иванов С. С. Роль интралингвистических факторов в воссоздании стилистических эквивалентов в художественном переводе (на материале американской прозы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, Вып. 2. С. 115–121. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-2-115-121.
7. Екабсонс А. В. Концепция времени и пространства в современном литературоведении // Academic Research in Educational Sciences. 2022. Vol. 3, Iss. 3. P. 377–391. DOI: 10.24412/2181-1385-2022-3-377-391.
8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС. 2002. 424 с.
9. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
10. Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 томах, Т. 3. Таллинн: Александра, 1993. 480 с.
11. Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // Человек — Текст — Культура: Коллект. монография. Екатеринбург, 1994. С. 160–169.

12. Немцова Н. В. Способы передачи грамматических отклонений от нормы при переводе с английского языка на русский (на материале произведений М. Твена): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2011. 22 с.
13. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, Универс, 1993. 656 с.
14. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.
15. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
16. Фещенко В. В. Языковой эксперимент в русской и английской поэтике 1910-1930 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.
17. Reiss K., Vermeer H. Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained. Translated from German by Christiane Nord. New York: Routledge, 2014. 221 p.

References

1. Akay OM. Grammatical deviations vs grammar lacunae elimination. *Gumanitarnie i sotsialnie nauki = Humanitarian and Social Sciences*. 2019;(3):78-89. DOI: 10.23683/2070-1403-2019-74-3-78-89. (In Russ.).
2. Barthes R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika = Selected works: Semiotics: Poetics. Moscow; 1989. 616 p. (In Russ.).
3. Barkhudarov LS. Yazik i perevod (Voprosi obshey i chastnoy teorii perevoda) = Language and translation (Issues of general and partial translation theory). Moscow; 1975. 240 p. (In Russ.).
4. Bakhtin MM. Literaturno-kriticheskie statyi = Literature and critical essays. Moscow; 1986. 543 p. (In Russ.).
5. Dzhusupov NM. Active stylistically relevant processes as a result of foregrounding of linguistic deviations (using the materials of English and Russian). *Rossiyskiy universitet druzhbi narodov = Peoples' Friendship University of Russia*. 2016;(1):19-27. (In Russ.).
6. Zhulidov SB, Zolotova MV, Ivanov SS. The role of intralinguistic factors in recreating stylistic equivalents in literary translation (exemplified by American fiction). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistika = Bulletin of Saratov University. A New Series. Philology and Journalism series*. 2023;23(2):115–121. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-2-115-121. (In Russ.).
7. Yekabsons AV. Konceptsiya vremeni i prostranstva v sovremennom literaturovedenii = The concept of time and space in contemporary literature studies. *Academic Research in Educational Sciences*. 2022;3(3):377-391. DOI: 10.24412/2181-1385-2022-3-377-391. (In Russ.).
8. Komissarov VN. Sovremennoe perevodovedenie = Contemporary translation studies. Moscow; 2002. 424 p. (In Russ.).
9. Lotman YuM. Statyi po semiotike i tipologii kultury = Essays on culture semiotics and typology. Tallinn; 1992. 497 p. (In Russ.).
10. Lotman YuM. Izbrannye statyi: v trekh tomakh, Tom 3 = Selected essays. In three volumes, Vol. 3. Tallinn; 1992. 480 p. (In Russ.).
11. Murzin LN. Yazik, tekst i kultura. Chelovek — Tekst — Kultura: kollektivnaya monografiya = Language, text and culture. Person — Text — Culture: joint monograph. Yekaterinburg; 1994. P.160-169. (In Russ.).
12. Nemtsova NV. Sposobi peredachi grammaticheskikh otkloneniy ot normi pri perevode s angliyskogo yazika na russkiy (na materiale proizvedeniy M. Tvena) = Methods to convey grammar deviations from the norm when translating from English into Russian (based on the material of M. Twain's novels). Thesis abstract. Yaroslavl'; 2011. 22 p. (In Russ.).
13. Sapir E. Izbrannye trudi po yazikoznaniyu i kulturologii = Selected works on philology and culture studies. Moscow; 1993. 656 p. (In Russ.).
14. Ter-Minasova SG. Voyna i mir yazikov i kultur = War and peace of languages and cultures. Moscow; 2008. 344 p. (In Russ.).
15. Toporov VN. Prostranstvo i tekst. Tekst: semantika i struktura = Dimension and text. Text: semantics and structure. Moscow; 1983. Pp. 227-284. (In Russ.).
16. Feshchenko VV. Yazikovoy experiment v russkoy i angliyskoy poetike 1910-1930 gg. = Language experiment In Russian and English poetry of the 1910-1930s. Thesis abstract. Moscow; 2004. 24 p. (In Russ.).

17. Reiss K, Vermeer H. Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained. New York: Routledge; 2014. 221 p.

Информация об авторе

С. С. Иванов — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей.

Information about the author

S. S. Ivanov — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Department of English for Humanities.

Статья поступила в редакцию 25.10.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 25.10.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 15.08.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОНЦЕПТОЛОГИЯ, КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ДИСКУРСЕ LINGUOCULTUROLOGY, CONCEPTOLOGY, CONCEPTUAL METAPHOR IN DISCOURSE

*Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 43–51.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(6(500):43-51.*

Научная статья

УДК: 811.161.:811.512.134

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-43-51

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ-ЗООНИМАМИ *СОБАКА* // *IT* В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Латипов Окил Журакулович

Университет общественной безопасности Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан, latipovoqil1970@mail.ru, ORCID: 0009-0009-7819-1170

Аннотация. В статье путем диахронного и синхронного сопоставительного анализа исследуются лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентами-зоонимами рус. собака и узб. it. В ней на материале текстов художественной литературы раскрыты их сигнификативные и коннотативные значения, выявлены сходства и различия относительно семантики фразеологических и паремиологических единиц русского и узбекского языков с данными компонентами. Отмечается, что животный мир, занимает особое место в жизни человека, в частности, собака (узб. it) в силу своей многофункциональности (животное для охоты, охраны, прогулки, езды) издавна служит ему верой и правдой и считается символом преданности. Установлено, что такие свойства, как поведение, образ жизни, черты характера животного собака // it, являющиеся основой образования большинства устойчивых сочетаний с их названиями, часто ассоциируются с людьми, обладающими подобными качествами. В рамках данной статьи проведен анализ научных работ относительно рассматриваемой нами темы. Рассуждения большинства авторов сходятся к общему мнению о том, что фразеологизмы, связанные с зоонимом собака, выражают негативную эмоционально-экспрессивную оценку человеческих действий, ассоциируемых с такими понятиями, как «низость», «подлость», «подхалимство», так как данная лексема употребляется носителем языка в обыденной речи в качестве инвективного слова. Помимо анализа семантической структуры исследуемого нами концепта в сопоставительном аспекте, в данной работе затронут вопрос об этимологии лексем собака и it, приведено научное обоснование известных ученых, полемизирующих в отношении данных зоонимов. Следует также особо отметить, что в русской и узбекской культурах наблюдается разница в плане выполняемых функций данных животных: в русском народе животное собака служит для охоты, охраны, езды, прогулки и домашнего уюта, а в узбекском народе — только для охоты и охраны, так как содержать собаку в узбекских семьях без надобности нецелесообразно по религиозным соображениям.

Ключевые слова: лингвокультурология, русский язык, узбекский язык, зооним, собака, it, фразеология, паремия, сигнификат, коннотат.

Для цитирования: Латипов О. Ж. лингвокультурологическая интерпретация фразеологизмов с компонентами-зоонимами собака // it в русском и узбекском языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 43–51. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-43-51.

Original article

LINGUOCULTURAL INTERPRETATION OF PHRASEOLOGISMS WITH ZOONYMIC COMPONENTS ‘SOBAKA/IT’ (DOG) IN THE RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Okil J. Latipov

University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan, latipovoqil1970@mail.ru, ORCID: 0009-0009-7819-1170

Abstract. This article presents a diachronic and synchronic comparative analysis of the linguocultural features of phraseological units containing the zoonymic components ‘*sobaka*’ (Rus. “dog”) and ‘*it*’ (Uzb. “dog”). Drawing upon examples from literary texts, the study reveals the significative and connotative meanings of these units and identifies the similarities and differences in the semantics of phraseological and paremiological expressions in Russian and Uzbek languages that include these components. It is noted that animals – in particular, the Russian ‘*sobaka*’ and Uzbek ‘*it*’ – occupy a special place in human life. Due to their multifunctionality (e.g., for hunting, guarding, walking, riding), they have long served humans faithfully and are considered symbols of loyalty. The study establishes that the behavior, lifestyle, and character traits of the animal ‘*sobaka/it*’ (dog), which form the basis for many stable expressions with their names, are often associated with people who possess similar qualities. This article also includes a review of scholarly works related to the topic. The prevailing view among researchers is that phraseologisms involving the zoonym ‘*sobaka*’ typically convey a strongly negative emotional and expressive evaluation of human actions, often associated with concepts such as “vileness,” “meanness,” or “sycophancy,” as the lexeme is frequently used in everyday Russian speech as an invective term. In addition to the comparative analysis of the semantic structure of the concept in question, the article addresses the etymology of the lexemes ‘*sobaka*’ and ‘*it*’, citing scientifically grounded theories and hypotheses proposed by notable scholars who have debated these zoonyms. It is particularly noteworthy that in Russian and Uzbek linguocultures, there is a significant difference in the roles assigned to this animal. In Russian culture, the ‘*sobaka*’ is used for hunting, guarding, riding, walking, and as a domestic companion. In contrast, among Uzbeks, the ‘*it*’ is typically used only for hunting and guarding, as keeping dogs without practical necessity is generally deemed inappropriate due to religious beliefs.

Keywords: linguocultural studies, the Russian language, the Uzbek language, zoonym, dog, it, phraseology, paremiology, signification, connotation.

For citation: Latipov OJ. Linguocultural interpretation of phraseologisms with zoonymic components ‘*sobaka/it*’ (dog) in the Russian and Uzbek languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):43-51. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-43-51.

Введение

Изучение этногенеза истории народов и их языков на сегодняшний день является одной из весьма важных проблем современной лингвистической науки. Согласно мнению Вильгельма фон Гумбольдта [8], каждый народ «членит» мир по-своему. В связи с этим лингвисты большое внимание уделяют проблемам взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры¹. В этом отношении особое место занимает научное направление, сложившееся в 60-х–70-х годах прошлого столетия — сопоставительная лингвокультурология [5. С. 13], рассматривающее языки с точки зрения ментальных особенностей того или иного народа, национально-культурные отличия как родственных, так и неродственных языков. Для того, чтобы убедиться в этом, на фактическом материале рассмотрим фразеологизмы с компонентами-зоонимами рус. *собака* и узб. *it*, содер-

жащиеся в лексикографических источниках, а также русских и узбекских паремиях — пословицах и поговорках.

Материалы и методы исследования определяются указанной выше целью. Для лингвистического анализа были выбраны методы: обобщения и систематизации теоретических сведений; культурологический; сравнительно-сопоставительный.

Семантика фразеологических и паремиологических единиц была рассмотрена в научных работах ряда языковедов, в частности, Е. В. Кудрявцевой [9], Ням Тхи Ван Ань [11], К. С. Абдолмалеки, Н. Аштиани Маджабади Кохнех [1] и других.

Е. В. Кудрявцева в своей статье «Фразеологизмы с компонентом-зоонимом собака: лингвокультурологический комментарий» подчеркивает: «интерес к исследованию таких фразеологизмов объясняется тем, что в образах, создаваемых посредством зоонимов, раскрываются черты животных, которые человек проецирует на себя» [9. С. 131].

¹ Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов. 2006. 112 с.

Ням Тхи Ван Ань на основе фактического материала «выявляет характеристики собаки как животного, которые используются для описания внутренних и внешних качеств человека и его образа жизни» [11. С. 76].

К. С. Абдолмалеки, Н. Аштиани Маджабади Кохнех проводя на основе фактического материала — толковых словарей и сборников паремий сравнительный анализ, в частности, отмечают: «...на общем фонде пословиц и фразеологизмов каждого народа сказывается религия. В сравнении с Россией, в Иране существует отрицательное отношение к собакам. Ее считают нежелательным и опасным существом. Истоком таких представлений является ислам. В священном Коране утверждается, что собака нечистое животное. Пророк ислама Мухаммад (с.а.в.) сказал: «В дом, где есть собака, не войдут ангелы»» [1. С. 66]. Данное высказывание не могло не сказаться на формировании культуры исламских народов, в том числе и узбекского народа.

Но в перечисленных работах, к сожалению, истоки формирования и развития лексем *собака* и *it*, содержащихся в качестве компонента-зоонима в структуре фразеологизмов родственных и разнотематических языков, рассмотрены недостаточно глубоко.

На наш взгляд, любая лексема, характеризующая словарное богатство языков, должна быть исследована с привлечением достоверных источников, свидетельствующих о ее эволюции. Очевиден тот факт, что в каждом языке (по крайней мере, в большинстве языков мира) встречаются фразеологизмы с компонентом *собака*. Это вполне объяснимо: ведь первым одомашненным животным и верным помощником человека является, именно, собака. По справедливому замечанию О. Н. Трубачёва, собака «оказывается почти повсюду первым древнейшим домашним животным» [13. С. 5].

Результаты исследования и их обсуждение

Фразеологизмы с компонентами-зоонимами являются одной из самых многочисленных групп фразеологического фонда русского и узбекского языков. Среди них большой интерес представляют фразеологизмы с компонентами-зоонимами *собака* // *it*. Прежде, чем перейти к их анализу, рассмотрим историю появления самых компонентов — рус. *собака* и узб. *it* в словарном составе рассматриваемых нами языков.

По поводу появления слова *собака* в русском языке существует ряд версий. Одни ученые, такие, как Миллер и Фасмер, опиравшиеся в своих исследованиях на труды Геродота, считали, что

термин «собака» «был заимствован из иранских языков. В них он употреблялся в значении ‘быстрый’ в несколько иной форме — *sabka* (*sabāka*) и был близок к персидскому *sabah*, скифскому *spaka*, авестийскому *spā*, мидийскому, по сведениям Геродота, *спака*, древнеиндийскому *svā*. Предполагается, что слово *собака* (рус., укр. *собака*, белорус. *сабака*, польск. и кашуб. *sobaka*) в значении ‘распущенный человек’ возникло от иранской лексемы *sabka* (*sabāka*)»¹. Н. М. Шанский отмечает, что лексема собака является древним заимствованием из иранского языка, вероятно, из языка скифов (ср. авест. *spaka*, мидийск. *spaka* и т.д.). К такому заключению приходит и Х. Хохул [16].

Академик О. Н. Трубачев относительно происхождения слова *собака* в русском языке выдвигает свою версию. На большом фактическом материале ему удалось провести скрупулёзный этимологический анализ данной лексемы. Им приведен целый ряд противоречивых по отношению друг к другу предположений ученых-лингвистов, занимавшихся этимологией зоонима *собака*. Относясь скептически к их версии об иранском происхождении данного слова — от мидийского *spaka*, он ведёт с ними научную полемику и вовсе опровергает их мнение: «Когда говорят об иранском происхождении слова *собака*, указывают обычно на скифов, с которыми славяне долго соприкасались. Но если вспомнить, что о скифском языке имеются самые общие сведения (в частности, неизвестно, как называлась у них собака) и что надёжный древнеиранский прототип для нашего слова фактически отсутствует, предположение об иранском источнике славянского *собака* представляется слабо аргументированным» [15. С. 674–675]. И в итоге он приходит к заключению о том, что «по происхождению слова *собака*, употребляющееся активно в словарном составе русского языка, восходит к тюркскому слову *кобяк* (*köbäk*), подразумевающему ‘пса’» [14. С. 29].

Таким образом, мы наблюдаем разделение мнений по поводу происхождения слова *собака* в русском языке: одни считают, что данная лексема содержит в своей основе иранские корни, другие утверждают, что этот зооним заимствован из тюркского языка, третьи предпочитают народную этимологию.

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует данное слово в значении ‘собака’ в «Актах социально-экономической истории Северо-Вос-

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель–АСТ, 2004. Т. 4. 703 с.

точной Руси» конца XIV — начала XVI в. под 1475 г. «И псари деи мои с собаками въ их д(е)р(е)вни ѓздать полничяти»¹. Однако, следует заметить, что первое зафиксированное употребление слова «собака» относится примерно к VIII веку н.э.², а в памятниках древнерусской письменности встречается с XII века³. В Никоновской же летописи оно зарегистрировано под 1135 г.⁴ и т.д. В «Русской Правде» (XI в.) ст. 13 и 14 говорится о собаке как имуществе хозяина, что уже подтверждает о давнем существовании в русском обществе собак⁵.

В связи с этим, возвращаясь к вопросу о происхождении слова *собака*, необходимо отметить следующее: наиболее приемлемым и убедительным, на наш взгляд, считается версия, предложенная О. Н. Трубачевым, где выдерживается логическая последовательность мыслей, аргументированных на живых примерах, как уже было отмечено выше. Как свидетельствуют сами факты, лексема *собака* с небольшими изменениями до сегодняшнего дня употребляется во многих тюркских языках: в киргизском — *kobok*, нагайском — *kobek*, в туркменском и кипчакском — *kobäk*, в узбекском — *ko'ppak*. Эти данные опровергают мнения ученых об иранском происхождении исследуемого слова. Более того, «большинство лингвистов склоняются к заимствованию слова из тюркских языков, где собаку называют «кобьяк» (*köbäk*). Именно так все тюркские народы называли одомашненное с древнейших времен хищное животное семейства псовых»⁶.

Относительно этимологии лексемы *собака* (*kobak/ko'ppak*) в тюркских языках мнения большинства ученых сходятся в следующем: «КӨПАЙ *тур.*; копай *гаг.* — 1) собака, пес; крупная и лох-

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2002. Вып. 26. С 11.

² Древние породы собак. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 02.05.2025).

³ Собака. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 02.05.2025).

⁴ Храмов Ю. В. О роли языковых данных разговорников в историко-этимологических реконструкциях. URL: <https://www.jstor.org/stable/40160710> (дата обращения: 02.05.2025).

⁵ Собаки в древней Руси. URL: <https://vk.com/@dogrurik-sobaki-v-drevnei-rusi> (дата обращения: 02.05.2025).

⁶ Лохматая терминология: кто появился раньше — пес или собака? URL: <https://www.techinsider.ru/portem/1562939-kto-poyavilsya-ranshe-ps-ili-sobakazaputannoe-proishozhdenie-lohmatyh-slov/> (дата обращения: 02.05.2025).

матая собака; собака с длинной шерстью; (большая) охотничья собака; дворовая собака, дворняга — *уз.*; кобель — *турк.* 2) охотничья собака — *тур.* Көпек в словаре, изданном Хаутсма, выступает как определитель к *ит* ‘собака’, т.е. является обозначением особой разновидности собаки, а именно, ‘собаки с длинной шерстью’. Это значение, подтверждаемое и другими источниками, вероятно, является первичным. В современном *каз.* языке көпек ‘маленький, низкорослый’; в *ккал.* (каракалпакском) көпек ‘небольшая собака’. Исходя из семантики слова (собака с длинной шерстью, крупная и лохматая собака) можно допустить, что оно генетически связано с корневой основой көп ‘мохнатый, пушистый’ и является производным именем с афф. -ек»⁷.

Согласно данным этимологического словаря узбекского языка: «КО'РПАК ‘qo'riqlövchi itlarning hashaki zoti’ (непородистая разновидность охотничьих собак). “– На noinsof, ha ko'ppak!” — Qoratoy boyni so'ka boshladi (Oybek) — ‘Ах ты бессовестный, ах ты собака (сволочь, подлец)! — начал бранить бая Коратой’. Qadimgi turkiy tilda shunday ma'noni anglatgan bu so'z asli köpäk tarzida talaffuz qilingan (DS, 317), keyinchalik p undoshi qatlangan, o'zbek tilida ö unlisining yumshoqlik belgisi yo'qolgan: köpäk>köppäk>коппäk»⁸ (употребляясь в древнетюркском языке в данном значении это слово произносилось в форме көпäk, (ДС, 317), затем ввиду свернутости согласного п признак мягкости гласного ö в узбекском языке исчез, и в результате этой трансформации данное слово приобрело следующую форму: көпäk>көппäk>коппäk).

Тюркоязычные народы издавна занимались животноводством. Следовательно, существовала необходимость безопасности стада, люди сильно нуждались в собаках, охраняющих домашних животных от нападения диких хищных зверей. И эта традиция продолжает существовать в регионах Центральной Азии.

Как свидетельствуют древнетюркские источники, слово *it* ‘собака’ «имеет очень раннее происхождение, и не подверглось изменениям. В любом из тюркских языков это слово по звуковому составу почти не различается. К примеру: по-татарски «et», по-тувински «et», по-узбекски «it», по-туркменски и по-кыргызски «it». Если обратиться к языкам Саха и чувашей, считающимся самы-

⁷ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. V. С. 112.

⁸ Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати (туркий сўзлар). Т.: Ўзбекистон, 2000. 229 б.

ми древними среди тюркских, то мы увидим: «it» (сах), «yita» (по-чувашски). Учитывая звуковое соответствие между собой тюркских слов, по закономерности перестановки звуков: «a-i» и «d-t» можно допустить возможность изменения корня «ad» в слове «aday» на «it» (хакасы называют собаку «aday»). Даже эти малые сведения дают понять, что слово «it» имеет в тюркском языке глубочайшие корни¹. Исходя из этих данных, можно предполагать, что слово *it* появилось раньше, чем лексема *собака*. На тюркское происхождение данного слова указывает также Э. В. Севортян: «*um/it* — турк., тур., аз.»².

Ссылаясь на труды известного лексикографа Махмуда Кошгари, ученый Ш. Рахматуллаев приводит лаконичное определение зоонима *it* в этимологическом словаре узбекского языка: «‘qo’riqlash uchun, ov qilish uchun saqlanadigan uy hayvoni’ (‘домашнее животное для охраны и охоты’, Devon, I, 71; DS, 215, 221): iyt>i:t>it»³, (‘данное существительное в древнетюркском языке употреблялось в форме *iyt* (в некоторых диалектах узбекского языка эта форма произношения сохранилась и поныне), еще в те времена согласный звук у перестал произноситься, вследствие чего гласный звук *i* произносился растянуто, как долгое *i*, позже эта растянутость тоже исчезла’).

Во «Фразеологическом словаре русского языка» с компонентом *собака* зафиксированы фразеологизмы, несущие, в основном, негативную оценку человеческих действий: «*как собак нерезанных кого* ... — ‘очень много кого-нибудь’; *всех собак вешать на кого* ... — ‘неосновательно возводить обвинения на кого-нибудь’; *как собака устал* ... — ‘очень сильно’; *как кошка с собакой* — ‘постоянно ссориться, враждовать’; *собачий холод* — ‘очень холодно’⁴ и другие. Однако встречаются пословицы и с позитивным значением: *собака — первый друг человека; собака человеку неизменный друг; собачка лает — хозяйну весть подает; без собаки зайца не поймаешь; у всякой собаки своя кличка; молодая собака от старых лаять учится; бел снег, да по нем собака бежит, черна земля, да хлеб родит; собака ка-*

тается — к дождю и снегу (значение приметы); *собака хватает, а сыта не бывает; собака сколь ни полат, да отстанет; собака собаке на хвост не наступит*.

Известно, что кошка и собака как вечные враги изо всех сил стараются завоевать доверие своего хозяина, о чем свидетельствуют следующие клишированные единицы: *жить как кошка с собакой; без кошки нет дома, без собаки — двора; собака привыкает к человеку, а кошка — к дому* и другие.

Со словом *пес*, имеющим одно денотативное (синоним слова *собака*) и одно коннотативное значение (‘о человеке, готовом на низкие поступки, дела’ — ср.: *верный пес*), встречаются такие фразеологизмы, как «*псу под хвост* (то же, что ‘кошке, коту под хвост’, прост.); *пес возьми; легавый пес; как пёс* (прост.) — то же, что как собака; *пёс его (тебя, её, их) знает* (прост.) — то же, что черт его знает; *пёс с ним (с тобой, с ними)* (прост.) — ‘что чёрт с ним’, несущие семантически отрицательный заряд; *пес на своего хозяина похож* — ‘каков хозяин, таков и его пес’» [2. С. 111].

Как в русской, так и узбекской лингвокультуре употребление лексемы *it* по отношению к человеку выражает негативные ассоциации: “– *Itga o’xshab, o’zi ketib, o’zi keldi*”⁵ — ‘Сам ушел и сам вернулся, как собака’ — перевод наш; “*Ana, ko’chada itday tentirab qoldi*”⁶ — ‘Вот, бродит по улице, как собака’.

Клишированные единицы, образованные в узбекском языке, также несут отрицательную эмоционально-экспрессивную оценку: “*boshiga it kunini solmoq* (‘устроить кому-либо собачью жизнь’); *it azobi* (буквально: ‘собачьи муки; крайне затруднительное положение’); *kambag’alni tuyaning ustida ham it qopadi* (буквально: бедного человека собака достаёт даже на верблюде, то есть здесь речь идет о крайне невезучем человеке)”⁷: «*Onamiz tap-taqir kallamni ushlab-ushlab ko’rdi. Ich-ichidan kuydi. Aytib-aytib yig’ladi. — Kambag’alni tuyaning ustida it qopadi, degani shuda, — dedi*»⁸ — ‘Мама дотронулась до моей лысины и сильно загоревала, зарыдала. — Не зря в народе говорят: бедного человека собака достаёт даже на верблюде’.

¹ Роль собаки среди тюркских народностей. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/6717> (дата обращения: 02.05.2025).

² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. Т. I, С. 385.

³ Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати (туркий сўзлар). Т.: Ўзбекистон, 2000. 126 б.

⁴ Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. С. 442–443.

⁵ Тоғай Мурод. От кишнаган окшом (қисса). www.ziyouz.com кутубхонаси. 2008. 41 с.

⁶ Там же: 55 с.

⁷ Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Т.: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2008. т. II. 281 с.

⁸ Тоғай Мурод. От кишнаган окшом (қисса). www.ziyouz.com кутубхонаси. 2008. 1 с.

Особый интерес вызывает этимология паремии “*it — vafo, xotin — jafo*” (буквально: ‘собака преданна, а жена приносит страдания’). Согласно преданиям, «мясник Жумард приходится близким родственником Ахуры Маздаха, а Шамун Наби — его ребенком. Он борется с девом Ахримана, который считался врагом его отца. После долгой битвы жена Шамун Наби, предав своего мужа, сыплет под его ногами просо, однако в это время ему на помощь приходит его собака и спасает хозяина, вследствие чего образовалось и сохранилось в народе данное выражение со значением ‘собака в почете’»¹. С тех пор оно стало употребляться по отношению к неверным жёнам (аналогичное в русском — *собака умней бабы: на хозяина не лает*).

Помимо слова-зоонима *it* в узбекском языке также бытуют лексемы: *ko‘pak, kuchuk, laycha, tozi, olapar*.

Компонент *ko‘pak* (согласно версии О. Н. Трубачева именно эта лексема легла в основу образования в русском языке зоонима собака) может быть употреблен в двух значениях: «1. *Qo‘riqlovchi itlarning xashaki bir zoti* (одна из пород сторожевых собак). 2. *Shunday itga nisbatli haqoratni (nisbatlashni) bildiradi* (употребляется как бранное слово по отношению к такой собаке). *Mur meshkobchi ichida: «Sen ko‘ppakning qo‘lingdan shu ish keladi, albatta», dedi-yu, indamay jo‘nab ketdi. Mirmuhsin, Me‘mor»*² — ‘Водонос произнес про себя: “Разумеется, ты, собака, способен на такое дело”, и молча ушел’.

Зооним *kuchuk* (слово заимствовано из таджикского — *kuchukina; mayda; kichik yoshli* ‘маленькая собачка’): «*Hovli supuruvchi bola suv sepmay changitib yuborgani uchun, «Ablah, kuchuk!» deb qo‘ydi. A. Qodiriy, Mehrobdan chayon»*³ — ‘Подлец, собака!’ — *процедил мальчику за то, что он подметал двор не поливая водой, отчего пыль поднималась столбом*’.

Зооним *laycha* («*Bu so‘z ‘kuchuk ma‘nosini anglatgan läy otidan ‘kichik ma‘nosini ifodalovchi –chä qo‘shimchasi bilan hosil qilingan: läy+chä=läychä*»⁴ — данное слово образовано от существительного *läy*, обозначающего ‘собаку’ путем добавления аффикса *–chä*, употребляюще-

гося в значении ‘маленький’, то есть ‘собачка’) имеет одно денотативное и одно коннотативное значение: 1. Низкорослая собачка. 2. О человеке, слепо выполняющем любые чьи-либо поручения; слуга, прислуга.

Компонент *tozi* («*TOZI Bu ot ‘tez yugur- ma‘nosini anglatadigan tojikcha toxtan fe‘lining toz hozirgi zamon asosiga -y qo‘shimchasini qo‘shib hosil qilingan bo‘lib, ‘tez yuguradigan ot’, ‘tez yuguradigan it’ ma‘nolarini anglatadi*»⁵ — существительное *този* образовано путем добавления окончания *–й* к современной основе *тоз* от глагола в таджикском языке *тохтан*, обозначающего ‘быстро бегущий-’, то есть ‘быстро бегущая лошадь’, ‘быстро бегущая собака’) имеет отношение параллельно к двум животным: *собаке* и *коню*: *har yerning tulkisini o‘z tozisi bilan ovlar* (буквальный перевод данной пословицы: *на лису той или иной местности следует охотиться местной собакой, так как она хорошо знает нрав лисы, обитающей поблизости*); «*asbi tozi — arabiy ot* (арабская лошадь), *arg‘umoq. Qamchi urib tarlonday asbi toziga. «Oysuluv»»*⁶ — ‘Ошпарил быстро скачущего коня’.

Не исключено, что именно “непривлекательный” с точки зрения носителя узбекского языка внешний вид этого животного лежит в основе паремии с участием зоонима “**tozi**”: «*tanlab-tanlab tozisiga uchramoq*»⁷ — ‘выбирая, нарваться на самое худшее, в поисках лучшего нарваться на худшее, то есть долго выбирать не приходится’).

«*Olapar ‘ola tusli’ (itga tusiga qarab beriladigan ism — кличка собаки, даваемая в зависимости от ее оттенка цвета). Bu so‘z asli qadimgi turkiy tildagi ‘har xil tusli’ ma‘nosini anglatgan ala sifatiga ‘belgi’, ‘nishona’ ma‘nosini anglatgan par so‘zini qo‘shib tuzilgan bo‘lsa kerak* (есть вероятность того, что данное слово образовалось путем добавления слова *par*, подразумевающего ‘знак’ к прилагательному *ala*, имеющему значение в древнем тюркском языке ‘с разным оттенком цвета’); *o‘zbek tilida so‘z boshlanishidagi a unlisi ä unlisiga, ikkinchi, uchinchi bo‘g‘inlardagi a unlilari ä unlilariga almashgan* (в узбекском языке гласное *a* в начале слова перешло в гласную *ä*, во втором и третьем слогах гласная *a* заменена на гласную *ä*):

¹ <https://kknews.uz/uz/58915.html> (дата обращения: 02.05.2025).

² Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Т.: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2008. Т. II. 542 с.

³ Там же: т. II. 517 с.

⁴ Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати (туркий сўзлар). Т.: Ўзбекистон, 2000. Т. I. 233 с.

⁵ Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати (туркий сўзлар). Т.: Ўзбекистон, 2000. Т. III. 227 с.

⁶ Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Т.: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2008. т. IV. 140–141 с.

⁷ Там же: т. III. 716 с.

*ala+par=alapar> âläpär»*¹. Предположение о том, что в основе слова *olapar* лежит оттенок цвета находит свое подтверждение в дефиниции, приведенной в толковом словаре узбекского языка, согласно которой данная лексема подразумевает кличку собаки нестрого цвета: «OLAPAR *Ola tusli it laqabi va shunday laqabli it*»²: «*Olapar itimiz darvozaga tarmashib-tarmashib hurdi. Olaparimizga do'qlab-do'qlab bordim. Olapar dumini likillatib-likillatib, o'zini chetga oldi*»³ — ‘Наша собака Олапар залаяла, бросаясь к воротам. Мне пришлось поднять свой голос на нее, вследствие чего она, виляя хвостом, отошла в сторону’.

«Узбекско-русский словарь» содержит оригинальные по смыслу клишированные единицы типа: «*it bilan it talashar, og'iz-burun yalashar* (буквально: ‘собаки дерутся друг с другом и тут же облизываются’), аналогичное в русском: *свой своему поневоле брат; it egasini, mushuk bekasini tanimaydi* (буквально: ‘собака не узнаёт своего хозяина, а кошка — свою хозяйку’) ‘полная неразбериха, беспорядок’ (аналогичное в русском: *весь дом вверх дном или сам черт ногу сломит); it irrilar* — этн. “собачье рычание” (древний свадебный обычай, заключающийся в том, что какая-нибудь женщина изображает собаку и как бы не допускает жениха к невесте; затем, получив подарок, она освобождает дорогу)»⁴.

Примеры фразеологизмов и паремий с компонентом *it*, приведенные выше, отражают негативную оценку человеческих поступков, так как согласно исламским канонам, ангелы не посещают те дома, в которых водятся собаки без особой надобности. Возможно, поэтому собаки в узбекских семьях не пользуются такой большой популярностью, как у других народов. В русских семьях собак содержат для прогулки и домашнего уюта, что не встречается в узбекской лингвокультуре.

В ходе сопоставительного анализа семантической структуры фразеологических и паремиологических единиц с зоонимами *собака/it* в двух неродственных языках были выявлены следующие соответствия:

№	В русском языке	В узбекском языке
1	<i>собака умней бабы: на хозяина не лает</i>	<i>it vafo, xotin — jafu</i>
2	<i>собака бела, собака черна, а дух один</i>	<i>oq it, qora it, baribir it</i>
3	<i>каждая собака знает</i>	<i>otning qashqasiday ma'lum</i>
4	<i>пес на своего хозяина похож</i>	<i>mol egasiga o'xshamasa, harom o'ladi</i>
5	<i>лошадь сдохла — собаке праздник</i>	<i>otning o'limi — itning bayrami</i>
6	<i>собака собаке хвоста не откусит</i>	<i>qarg'a qarg'aning ko'zini cho'qimaydi</i>

Данные соответствия могут служить в качестве полезного материала в деле переводоведения и при составлении двуязычных тематических словарей.

Заключение

Таким образом, как в русском, так и в узбекском народах животное *собака* олицетворяет такие позитивные качества, как «верность», «преданность», «надежность», что и послужило в обоих языках образованию идиоматических выражений, несущих положительный семантический заряд. Однако их мало, так как основной фразеологический пласт с участием данного зоонима составляют устойчивые обороты речи с негативной оценкой человеческих поведений (бранная лексика, черты и поведения неодобрительного характера). Следует отметить, что в двух данных языках с названием животного собака (ввиду ее многофункциональности) образовано максимальное количество фразеологических оборотов и паремий, аналогичных и различных по семантике.

В ходе изучения всех гипотез относительно этимологии слова *собака* стало ясно, что до сих пор нет однозначного ответа по поводу его происхождения.

На основе рассмотренного материала можно заключить:

— во-первых, как в русском, так и в узбекском языках коннотации лексем *собака/it* носят инвективный характер, оно часто употребляется в качестве бранного слова;

— во-вторых, большинство фразеологизмов с участием данных зоонимов выражают негативную эмоционально-экспрессивную оценку человеческих действий;

— в-третьих, в обоих сопоставляемых языках с компонентами-зоонимами *собака/it* оказалось больше паремий, чем фразеологизмов, сложившихся на протяжении нескольких веков в русской и узбекской лингвокультурах;

¹ Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати (туркий сўзлар). Т.: Ўзбекистон, 2000. Т. I. 251 с.

² Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Т.: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2008. т. III. 113 с.

³ Тоғай Мурод. От кишнаган окшом (кисса). www.ziyouz.com кутубхонаси. 2008. I с.

⁴ Абдурахимов М. М. Узбекско-русский и русско-узбекский словарь. Т.: Академнашр. 2014. 87 с.

– в-четвертых, компоненты *собака/it* имеют богатый синонимический ряд: *пес, дворняга, щенок, кобель, лайка, полкан/ко'ррак, лауша, този, кичук, оларар*, что еще раз подтверждает мысль о важном месте данного животного в человеческом хозяйстве;

– в-пятых, в сопоставляемых языках эквивалентных фразеологических и паремиологических единиц с участием зоонимов *собака/it* оказалось больше, чем аналогичных устойчивых выражений;

– в-шестых, в двух исследуемых лингвокультурах (русской и узбекской) наблюдается разница в плане выполняемых функций данным животным: в русском народе животное собака служит для охоты, охраны, езды, прогулки и домашнего уюта, а в узбекском народе только для охоты и охраны, так как содержать собаку в узбекских семьях без надобности нецелесообразно по религиозным соображениям.

Список источников

1. Абдолмалеки К. С., Аштиани Мадждабади К. Н. Концепт «собака» в пословицах и фразеологизмах русского и персидского языков // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 5. С. 62–69.
2. Бакиров П. У. Пословицы — энциклопедия народной жизни. Т.: Академнашр, 2018. 176 с.
3. Бичер О. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологические и лексикографические аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2016. 174 с.
4. Ванг Зан Р. Животные в персидских и китайских пословицах // Журнал критических исследований литературы. 2014. Вып. 2. С. 11–30.
5. Воробьев В. В., Полякова Г. М. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2012. № 2. С. 13–18.
6. Гимадеева А. А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в татарском и английском языках и их лексикографирование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.20. Казань, 2011. 243 с.
7. Голами Х., Махмуди А. А. Общие символические значения зоонима «собака» во фразеологизмах (пословицах и поговорках) русского и персидского языков в лингвокультурологическом аспекте // Litera. 2023. №9.
8. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
9. Кудрявцева Е. В. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом собака: лингвокультурологический комментарий // Вестник Костромского государственного университета. 2015. Т. 21. №. 2. С. 131–134.
10. Никитина А. Х., Синельникова А. П. Фразеологизмы с компонентом собака/пёс в современном русском языке как отражение мифологических представлений славян // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2018. № 4 (36). 72–77 с.
11. Ням Тхи Ван Ань. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом-зоонимом «собака» в русском и вьетнамском языках // Вестник Челябинского государственного университета, 2017. № 3 (399). С. 76–81.
12. Станюкович М. В. Собака в культуре филиппинцев и других австронезийцев: этнография, лингвистика, мифология, ритуал // Этнография. 2021. № 3 (13).
13. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 2009. С. 4–41.
14. Трубачев О. Н. Славянские названия домашних животных. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 116 с.
15. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004. 800 с.
16. Хохул Х. Концепт «собака» в русской и польской письменности. Язык и текст. URL: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2014_n1/67298 (дата обращения: 18.05.2025)

References

1. Abdolmaleki KS., Ashtiani Majdabadi KN. The concept of «dog» in proverbs and phraseology of Russian and Persian languages = Kontsept «sobaka» v poslovitsax i frazeologizmax russkogo i persidskogo yazykov. *Humanitarian vector*. 2020;(5):62–69. (In Russ.).
2. Bakirov PU. Proverbs are an encyclopedia of folk life = Poslovitsi — entsiklopediya narodnoy jizni. T.: Akademnashr, 2018. 176 p. (In Russ.).
3. Beecher O. Zoomorphic images In Russian proverbs and sayings: linguacultural and lexicographic aspects = Zoomorfnye obrazy v russkix poslovitsax i pogovorkax: lingvokulturologicheskie i leksikograficheskiy

aspekty. Dis. for the degree of candidate of philological sciences. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Smolensk State University”. Smolensk, 2016. 174 p. (In Russ.).

4. Wang Zan R. Animals in Persian and Chinese Proverbs = Jivotnye v persidskix i kitayskix poslovitsax. *Journal of Critical Literary Studies*. 2014;(2):11–30. (In Russ.).

5. Vorobyov VV., Polyakova GM. Comparative linguoculturology as a new scientific direction. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series Russian and foreign languages and methods of teaching them*. 2012;(2):13–18. (In Russ.).

6. Gimadeeva AA. Phraseological units with a zoonym component in the Tatar and English languages and their lexicography = Frazeologicheskie yedinitisi s komponentom-zoonimom v tatarskom i angliyskom yazykax i ix leksikografirovanie: dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.02, 10.02.20. Kazan, 2011. 243 p. (In Russ.).

7. Gholami H., Mahmudi AA. General symbolic meanings of the zoonym “dog” in phraseological units (proverbs and sayings) of the Russian and Persian languages in the linguocultural aspect = Obщie simvolicheskie znacheniya zoonima «sobaka» vo frazeologizmax (poslovitsax i pogovorkax) russkogo i persidskogo yazykov v lingvokulturologicheskom aspekte. *Litera*. 2023;(9). (In Russ.).

8. Humboldt V. Selected Works on Linguistics = Izbrannye trudi po yazikoznaniyu. Moscow: Progress, 2000. 400 p. (In Russ.).

9. Kudryavtseva E. V. Phraseologisms with the zoonymic component dog: linguocultural commentary = Frazeologizmy s komponentom-zoonimom sobaka: lingvokulturologicheskiy kommentariy. *Bulletin of Kostroma State University*. 2015;(2):131–134. (In Russ.).

10. Nikitina AKh., Sinelnikova AP. Phraseologisms with the component dog/dog in the modern Russian language as a reflection of the mythological ideas of the Slavs = Frazeologizmy s komponentom sobaka/pyos v sovremennom russkom yazyke kak otrajenie mifologicheskikh predstavleniy slavyan. *Philological aspect: international scientific and practical journal*. 2018;4(36):72-77. (In Russ.).

11. Nyam Thi Wan Anh. National-cultural specificity of phraseologisms with the component-zoonym “dog” In Russian and Vietnamese languages = Nasionalno-kulturnaya spesifika frazeologizmov s komponentom-zoonimom «sobaka» v russkom i vetnamskom yazykax. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2017;3(399):76–81. (In Russ.).

12. Stanyukovich MV. Dog in the Culture of Filipinos and Other Austronesians: Ethnography, Linguistics, Mythology, Ritual = Sobaka v kulture filippinsev i drugix avstroneziysev: etnografiya, lingvistika, mifologiya, ritual. *Ethnography*. 2021;3(13). (In Russ.).

13. Trubachev ON. History of Slavic terms of kinship and some of the most ancient terms of social order = Istoriya slavyanskix terminov rodstva i nekotorig drevneyshix terminov obshestvennogo stroya. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 2009. P. 4–41. (In Russ.).

14. Trubachev ON. Slavic names of pets = Slavyanskije nazvaniya domashnix jivotnix. Moscow, 1960. (In Russ.).

15. Trubachev ON. Works on etymology: Word. History. Culture = Trudi po etimologii: Slovo. Istoriya. Kultura. T. 1. Moscow, 2004. 800 p. (In Russ.).

16. Khokul H. The concept of “dog” In Russian and Polish writing. Language and text = Konsept «sobaka» v russkoy i polskoy pismennosti. Yazyk i tekst. https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2014_n1/67298 (date of access: 18.05.2025) (In Russ.).

Информация об авторе

О. Ж. Латипов — кандидат филологических наук, доцент кафедры изучения языков.

Information about the author

O. J. Latipov — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Department of Language Studies.

Статья поступила в редакцию 02.05.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 15.08.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 02.05.2025; approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 15.08.2025.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'373.612.2=111

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-52-60

ПОНЯТИЙНАЯ СФЕРА «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЗАЦИИ КИБЕРУГРОЗ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Анна Александровна Савченко

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия bugaeva_anna@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-7671-2176,
SCOPUS: 57224937582

Аннотация. Статья посвящена метафорическим номинациям, восходящим к понятийной сфере «Неживая природа», используемым как средство репрезентации киберугроз в современном англоязычном медийном дискурсе. В результате установлено, что киберпространство может быть представлено в виде метафорической модели «Виртуальная среда — это неживая природа», которая в исследуемых текстах включает в себя фреймы «Вода», «Загрязнение окружающей среды», «Времена года», «Ландшафт». Наиболее частотными номинациями данной метафорической модели являются гидронимные метафоры. Фрейм «Вода» составляют 86% исследуемых языковых единиц, 107 контекстов употребления, которые распределяются по слогам «Движение воды», «Формы существования и состояние воды», «Водный промысел», «Деятельность с использованием воды». Наиболее частотными номинациями являются лексемы leak — протекать и phishing/ fishing — рыбная ловля, фишинг. Подавляющее большинство метафор данного фрейма имеют отрицательную коннотацию и используются для описания таких актуальных угроз как незаконное обнаружение/завладение личными данными, наводнение сайтов трафиком или недостоверной информацией. Многие из метафорических номинаций данного фрейма не утратили своей образности и указывают на высокую интенсивность действия. Фреймы «Загрязнение окружающей среды», «Ландшафт», «Времена года» в количественном отношении значительно уступают фрейму «Вода» и в совокупности составляют 14% от общего числа исследуемых языковых единиц. Основанием для метафорического переноса являются особые свойства явлений неживой природы, которые в содержательном плане совпадают с представлениями человека о различных типах киберугроз и их негативных последствиях. Наиболее частым приемом усиления выразительности метафорических номинаций в анализируемых текстах является их использование в развернутых метафорах. Научная новизна работы заключается в целенаправленном исследовании метафор из сферы-источника «Неживая природа», функционирующих в современном англоязычном медийном дискурсе по кибербезопасности. Данное исследование имеет практическую значимость, поскольку его результаты могут быть использованы в преподавании таких дисциплин как стилистика, лексикология, когнитивная лингвистика, лингвокультурология.

Ключевые слова: метафора, субсфера «Неживая природа», метафорическая модель, фрейм, слот.

Для цитирования: Савченко А. А. Понятийная сфера «Неживая природа» как источник метафоризации киберугроз в медийном дискурсе (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 52–60. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-52-60.

Original article

CONCEPTUAL SPHERE “INANIMATE NATURE” AS A SOURCE OF METAPHORIZATION OF CYBER THREATS IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

Anna A. Savchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia, bugaeva_anna@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-7671-2176

Abstract. The article considers metaphors related to the conceptual sphere “Inanimate Nature” as a means of representation of cyber threats in modern English-language media discourse. As a result, it has been determined that cyberspace can be represented as metaphorical model “Virtual Environment Is Inanimate Nature”. In the analysed texts, it contains the following frames: “Water”, “Environmental Pollution”, “Seasons”, “Landscape”. The most com-

mon nominations of this metaphorical model are hydronyms, comprising 86% (107 contexts of use) of all the illustrative examples and making up frame “Water” which consists of the slots: “Movement of Water”, “Forms and States of Water”, “Aquatic Fisheries”, “Water-related Activities”. The most frequently used lexemes are *leak* and *phishing/fishing*. The majority of the metaphors of this frame have a negative connotation and are employed to represent such threats as illegal disclosure or theft of personal data, flooding websites with traffic or false information. Many metaphors of this frame have preserved their expressiveness and are exploited to emphasize the intensiveness of the action. Frames “Environmental Pollution”, “Landscape” and “Seasons” are inferior to frame “Water” in terms of the number of the language units comprising it, together making up 14% of all the examples. The specific features of the phenomena of inanimate nature explain the reasons for metaphorical transfer as they coincide with man’s conception of the various kinds of cyber threats and their negative consequences. The research shows that the most common way to intensify the expressiveness of the metaphors in question is by making them a part of extended metaphor. The scientific novelty of the study lies in carrying out focused study and identifying the most productive ways of metaphorical representation of cyber threats in modern English-language media discourse. The research is of practical significance as its findings can be applied in teaching stylistics, lexicology, cognitive and cultural linguistics.

Keywords: metaphor, conceptual sphere “Inanimate Nature”, metaphorical model, frame, slot.

For citation: Savchenko A. A. Conceptual sphere “Inanimate Nature” as a source of metaphorization of cyber threats in English-language media discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):52-60. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-52-60.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена активным применением когнитивного подхода к изучению различных языковых явлений. В центре внимания когнитивной лингвистики язык как «общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент — система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформации информации» [7. С. 53]. Одной из основных задач данного направления является изучение особенностей восприятия действительности, категоризации и классификации знаний о ней. Метафора играет ведущую роль в этих процессах, поскольку она является одним из базовых способов познания человеком себя и окружающего мира [13. С. 8], а следовательно, и средством его концептуализации. Согласно основоположникам теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффу и М. Джонсону, роль метафоры особенно важна в осмыслении относительно новых явлений [8], к которым безусловно относится цифровая среда и связанные с ней возможности и риски.

Одной из ключевых сфер-источников метафоризации является субсфера «Природа». Человек не живет вне природы, ее образы доступны и понятны, что создает все необходимые условия для метафорической экспансии. Метафорические номинации данной сферы широко используются для концептуализации различных процессов и явлений жизни общества, что находит свое отражение в трудах ученых. Так, важная роль живой природы в метафорической интерпретации общественной жизни в политическом дискурсе отмечается в работах А. П. Чудинова [13; 14], А. Н. Баранова [1]; метафорическая модель «Эко-

номические реалии — это животный мир» в русском и английском языках рассматривается в диссертации Е. В. Колотниной [6]. Номинации, обозначающие явления неживой природы, также являются средством концептуализации множества аспектов жизни человека. Изучению метафор концептосфер «Земля», «Вода», «Воздух» в политическом медийном дискурсе посвящены работы Ю. А. Ольховицкой [9]; Н. М. Чудаковой [12]; Е. Б. Каган [4]. Давыдова М. А. [3] исследует особенности функционирования метафор со сферой-источником «Неживая природа» в военном дискурсе. Лингвисты фиксируют активное использование метафор неживой природы в контексте описания значимых социальных явлений (см. Э. В. Будаев, К. В. Пологова [2], О. С. Шарманова [15]). Вода как источник метафоризации категории времени в русской языковой картине мира рассматривается в статье Д. А. Катунина, М. К. Антоновой [5].

Цель данного исследования — раскрыть особенности функционирования метафорических номинаций, восходящих к понятийной сфере «Неживая природа», используемых для обозначения киберугроз и способов их предотвращения в современном англоязычном медийном дискурсе.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) сделать выборку метафорических словоупотреблений из сферы источника «Неживая природа», выделить наиболее характерные для данного типа текстов фреймы и слоты;
- 2) произвести количественный подсчет для установления наиболее частотных метафорических единиц;

3) определить основание для метафорического переноса;

4) выявить наиболее часто используемые приемы усиления выразительности исследуемых метафорических номинаций.

Материалы и методы исследования

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: метод сплошной выборки, метод метафорического моделирования, фреймо-словый анализ, метод количественного и процентного подсчета, лингвостилистический анализ текста.

Материалом для исследования послужили аутентичные тексты, посвященные актуальным вопросам кибербезопасности, опубликованные на сайтах англоязычной прессы BBC (URL: <https://www.bbc.com>), The Guardian (<https://www.theguardian.com>), The New York Times (URL: <https://www.nytimes.com>), в электронных версиях научно-популярных изданий MIT Technology Review (URL: <https://www.technologyreview.com>), Infosecurity Magazine (URL: <https://www.infosecurity-magazine.com>), Harvard Business Review (URL: <https://hbr.org>) на сайтах профессиональных сообществ, организаций и компаний, занятых в сфере информационных технологий TechCrunch (URL: <https://techcrunch.com>), StealthLabs (URL: <https://www.stealthlabs.com>), TechTarget (URL: <https://www.techtarget.com>), CrowdStrike (URL: <https://www.crowdstrike.com>), Kaspersky (<https://www.kaspersky.com>), IEEE UIT Computer Society (URL: <https://www.computer.org>), GeeksforGeeks (URL: <https://www.geeksforgeeks.org>), Prey Project (URL: <https://preyproject.com>), EM360 (URL: <https://em360tech.com>) и киберспорта VPESPORTS (URL: <https://www.vpesports.com>), поисковой интернет платформы Semantic Scholar (URL: <https://pdfs.semanticscholar.org>). Иллюстративный корпус составляет 124 контекста употребления. Объем проанализированного материала — более 50 статей.

Результаты исследования и их обсуждение

Наше исследование показало, что компьютерные и информационно-коммуникационные системы часто метафорически представляются как некая «биологическая» среда, например, *gaming ecosystem* — экосистема игр, *media ecosystems* — экосистема социальных сетей, *online ecosystem* — экосистема интернета, *IoT ecosystem* — экосистема Интернета вещей. В целом, субсфера «Природа» обладает достаточно высоким потенциалом метафорической репрезентации киберугроз. Традиционно различают живую (растения и животный мир) и неживую природу (стихии, ландшафт,

времена года), что позволяет выделить две базовых метафорических модели: «Виртуальная среда — это живая природа» и «Виртуальное пространство — это неживая природа», которая в нашем иллюстративном корпусе представлена следующими фреймами: «Вода», «Загрязнение окружающей среды», «Времена года», «Ландшафт».

Фрейм «Вода»

По нашим наблюдениям сфера-источник «Неживая природа» преимущественно представлена гидронимными метафорами, которые составляют фрейм «Вода». Всего в анализируемом материале было зафиксировано 107 контекстов употребления. В английском языке данная метафора главным образом представлена лексемой *leak* — протекать, утечка и ее производными *leaky* — протекающий, *leakage* — протечка. Также к данному фрейму относятся глаголы *flood* — наводнить, затапливать, *flow* — течь, *launder* — отмыывать, стирать, *net* — ловить сетью, *pour* — вливать, *spill* — проливать, *swamp* — затапливать, *trawl* — ловить рыбу траловой сетью, *pool* — бассейн, *wave* — волна, *phishing/ fishing* — рыбная ловля, фишинг, *fluidic* — флюидный, жидкий, идиомы *test the waters* — зондировать почву, *tip of the iceberg* — верхушка айсберга, которые в соответствии с подходом метафорического моделирования, разработанным А.П. Чудиновым, были сгруппированы по слотам.

Слот «Движение воды»

Общеизвестно, что одной из самых актуальных проблем, связанных с использованием цифровых технологий является незаконное обнародование, передача или продажа третьим лицам персональный данных. Подобные действия метафорически репрезентируются в английском языке глаголом *leak* (22 — здесь и далее указывается количество контекстов употребления в анализируемом материале) — протекать, существительными *leak* (9) — утечка, *leakage* (3) — протечка и прилагательным *leaky* (1) — протекающий, например: “Together, the images reveal a whole data supply chain — and new points where personal information could *leak out* — that few consumers are even aware of”¹. Взятые вместе, данные изображения свидетельствуют о существовании целой сети поставки персональных данных — и некоторых новых возможностях для *слива* личных данных — о которых большинство потребителей даже не подозревают (здесь и далее перевод наш — А. Савченко). “TechCrunch has identified several online stores whose customers’

¹ URL: <https://www.technologyreview.com/2020/01/08/> (дата обращения 20.01.2020).

information was exposed by the *leaky* database”¹. Интернет-издание TechCrunch установило несколько онлайн магазинов, базы данных которых были недостаточно защищены, что привело к *утечке* персональных данных покупателей. “Large-scale leaks like this are concerning”². Подобные масштабные *утечки* данных вызывают тревогу.

К данному фрейму также относятся глаголы *flood* (5) — наводнить, затапливать, *flow* (2) — течь, *pour* (1) — вливать, *spill* (2) — проливать, *swamp* (1) — затапливать, существительные *flood* (1) — наводнение, *flow* (1) — поток, *wave* (4) — волна, которые в первичном значении описывают движение воды разной интенсивности. Так, лексемы *flood*, *swamp* встречаются в сочетаниях *flood with traffic* — букв. лить трафик, т.е. направить большой объем трафика на какой-то сайт с целью выведения его из строя, *swamp with fake accounts* — наводнить фэйковыми аккаунтами, *flood with untrue information or propaganda* — наводнить недостоверной информацией и пропагандой. Отметим, что данные метафоры не утратили своей образности и передают очень высокую интенсивность действия, например: “Could AI *swamp* social media with fake accounts?”³ Может ли ИИ *наводнить* социальные медиа фэйковыми аккаунтами? Кроме того, номинации данного слота могут быть частью развернутых метафор, например: “By *flooding* these *channels* with a *barrage* of fake or malicious traffic, the attackers aim to disrupt the gameplay and create an unfair advantage for one side”⁴. *Наводняя* эти каналы *потоками* фэйковых или вредоносных данных, злоумышленники стремятся нарушить ход игры или создать преимущество для одной из сторон.

Существительное *wave* — волна метафорически используется для обозначения значительного вреда, причиняемого киберпреступниками, и также указывает на внушительный объем или количество. Данное значение актуализируется в следующем контексте: “An Iranian state-backed APT group carried out a “*wave*” of cyber-espionage attacks

against thousands of global targets over a six-month period, Microsoft has revealed”⁵. «Поддерживаемая иранским правительством группа хакеров, в течение полугода осуществила *множество* таргетированных кибератак с целью шпионажа,» — сообщила Майкрософт.

Как видно из приведенных примеров, основанием для метафорического переноса являются особые свойства воды. Вода всепроникающая, обладает большой разрушительной силой, ей невозможно противостоять. По этой причине все номинации данного слота имеют отрицательную коннотацию и используются для обозначения потенциальных и существующих угроз в виртуальной среде. Исключением является лексема *flood*, которая в одном из микроконтекстов используется для обозначения большого объема данных, которые удалось восстановить после кибератаки: “The *flood* of data hacked back from the hackers has already led to four arrests, and the authorities promised on Tuesday to repurpose the technology to expose the group’s operations to the world”⁶. Восстановление *огромных объемов* ранее похищенных данных путем хакинга уже повлекло за собой арест четырех человек, и во вторник власти пообещали, что вновь воспользуются этим методом для того, чтобы предать огласке деятельность этой группировки.

Слот «Формы существования и состояние воды»

В анализируемых текстах к данному слоту относятся существительное *pool* (2) — бассейн, прилагательное *fluidic* (1) — флюидный, жидкий и идиомы *tip of the iceberg* (2) — верхушка айсберга и *test the waters* (1) — зондировать почву. В контексте киберпространства существительное *pool* утратило свою образность и используется для обозначения большого количества пользователей или устройств, например: “When you add more users or devices or applications to a user *pool*, you are creating a larger attack surface”⁷. Когда вы добавляете больше пользователей, устройств или приложений к *нулю*, вы повышаете вероятность атак.

¹ URL: <https://techcrunch.com/2023/01/25/apparel-designer-goods-credit-cards-exposed/> (дата обращения 20.02.2023).

² URL: <https://www.bbc.com/news/business> (дата обращения 20.06.2024).

³ URL: <https://www.bbc.com/news/business> (дата обращения 20.06.2024).

⁴ URL: <https://www.vpesports.com/hackers-launch-multiple-ddos-attacks-on-lck-spring-2024-resulting-in-significant-alterations-to-broadcast> (дата обращения 20.06.2024).

⁵ URL: <https://www.infosecurity-magazine.com/news/iranian-threat-group-thousands> (дата обращения 20.06.2024).

⁶ URL: <https://www.theguardian.com/technology/2024/feb/20/uk-and-fbi-lock-cybercrime-group-out-of-lockbit-website> (дата обращения 20.03.2024).

⁷ URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/13/technology/gamers-malware-minecraft-roblox.html> (дата обращения 22.11.2022).

Прилагательное *fluidic*, описывающее одно из состояний воды, встречается в следующем микроконтексте: “Keep ‘Default Device’ status *fluidic*”¹. *Меняйте устройства*, используемые по умолчанию.

Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют, что рассматриваемые номинации не имеют отрицательной оценочности, в отличие от идиомы *tip of the iceberg*, которая используется в отношении интернет мошенников или киберугроз с целью обратить внимание читателей на их значительное количество: “There are 745 scams reported every day to Scamwatch — but it’s estimated these are just *the tip of the iceberg*, as many go undisclosed”². Ежедневно в организацию Scamwatch, поступают данные о 745 случаях мошенничества, и это только *верхушка айсберга*, поскольку о многих других никто не сообщает. “However, this is just *the tip of the iceberg* and raises many questions regarding possible catastrophic scenarios involving AI”³. Однако это *лишь верхушка айсберга*, и данная ситуация поднимает множество вопросов в связи с возможными катастрофическими сценариями использования ИИ.

Слот «Водный промысел»

К данному слоту относим номинации, которые в первичном значении описывают различные способы ведения водного промысла, такие как *fish* (1) — ловить рыбу, *net* (1) — ловить сетью, *phishing/ fishing* (27) — рыбная ловля, фишинг, *trawl* (2) — ловить рыбу траловой сетью, *whaling* (8) — охота на китов, а также акронимы, образованные путем словосложения *smishing* (*SMS phishing*) (2) — фишинг при помощи смс сообщений, *and vishing* (*voice phishing*) (2) — фишинговые атаки с использованием телефона. В контексте цифровой безопасности большинство упомянутых метафор перешли в разряд специальной лексики или терминов и используются для обозначения определенного вида атак, цель которых завладеть конфиденциальной информацией или финансами. Так, *phishing/ fishing* — это наиболее общий термин для подобного вида мошенничества, *spear phishing* (5) — это целенаправленная атака

на отдельных лиц или организацию, *whaling* — это атака, цель которой — высокопоставленные лица или, иными словами, большая рыба. Приведем примеры контекстов употребления: “Also known as *spear phishing*, such hacks use a targeted attack...”⁴ Также известный как *целевой фишинг*, подобный взлом представляет собой целенаправленную атаку. “For the person running such a scam, thousands or more of these payments, or microtransactions, can *net* a high reward”⁵. Для того, кто занимается подобным мошенничеством, тысячи таких платежей или микропереводов денежных средств могут в итоге *принести* большую прибыль. “Defending against *whaling* attacks starts with educating key individuals within your organization to ensure they are routinely on guard about the possibility of being targeted”⁶. Противодействие *атакам на высокопоставленных лиц* начинается с обучения ключевых сотрудников вашей организации тому, чтобы они были начеку и не забывали о потенциальной возможности стать мишенью для злоумышленников.

Иногда данные номинации становятся частью развернутых метафор, например: “*Spearphishing* is the term used for a targeted cyber attack, rather than indiscriminate *trawling*”⁷. *Снеар-фишинг* — это целенаправленная кибератака. Она скорее напоминает подводную охоту, нежели *траловый лов*. “Whereas *phishing* scams target non-specific individuals and *spear-phishing* targets particular individuals, *whaling* doubles down on the latter by not only targeting those key individuals, but doing so in a way that the fraudulent communications they are sent appear to have come from someone specifically senior or influential at their organization. Think of them as “*big phish*” or “*whales*” at the company, such as the CEO or finance manager”⁸. Хотя мишенью *фишинга* может стать любой пользователь, а *снеар-фишинг* представляет собой целенаправленную атаку на определенных лиц, в ходе *уэйлинга* ставки удва-

¹ URL: <https://www.stealthlabs.com/blog/top-security-techniques-to-protect-internet-of-things-infrastructure> (дата обращения 25.06.2024).

² URL: <https://www.theguardian.com/media/2023/feb/06/from-hi-mum-to-crypto-the-latest-scams-to-watch-out-for> (дата обращения 23.03.2023).

³ URL: <https://www.techtarget.com/whatis/feature/Ways-AI-could-bring-more-harm-than-good> (дата обращения 20.06.2024).

⁴ URL: <https://www.crowdstrike.com/cybersecurity-101/phishing/spear-phishing> (дата обращения 08.06.2024).

⁵ URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/13/technology/gamers-malware-minecraft-roblox.html> (дата обращения 15.01.2023).

⁶ URL: <https://www.kaspersky.com/resource-center> (дата обращения 08.06.2024).

⁷ URL: <https://www.theguardian.com/books/2023/feb/04/im-not-snow-white-i-have-to-think-like-a-criminal-how-i-became-a-burglar-for-hire> (дата обращения 06.03.2023).

⁸ URL: <https://www.kaspersky.com/resource-center/definitions/what-is-a-whaling-attack> (дата обращения 08.06.2024).

иваются, поскольку данный вид атаки направлен на ключевых фигур в организации и выглядит так, как будто бы фейковые сообщения были отправлены руководителем или иным влиятельным лицом, то есть «*большой рыбой*» или «*китом*», таким как главный исполнительный или финансовый директор.

Метафоры данного слота используются для описания действий злоумышленников. Исключением является лексема *fish*, которая в одном из контекстов употребляется для обозначения мер противодействия: “This approach makes these gangs more difficult to pin down, further putting a strain on security forces who may need to stretch beyond their capacity to fish them out”¹. При таком подходе сдерживать деятельность подобных группировок весьма затруднительно, это усложняет работу служб безопасности и ставит перед ними заповедные задачи по *поимке* киберпреступников.

Слот «Деятельность с использованием воды»

В анализируемых текстах встречается только одна лексема *launder* (1) — отмыть, стирать, которая используется для обозначения действий, цель которых — легализовать деньги, полученные незаконным путем, например: “Money mules were increasingly using the machines...to launder illegally obtained cash”². «Денежные мулы» все чаще использовали банкоматы ... для *отмывания* денег, полученных незаконным путем.

Фрейм «Загрязнение окружающей среды»

Так же как естественная среда киберпространства может быть загрязнена отходами, что находит свое отражение в таких номинациях как *poison* (6) — отравлять, *polluted* (1) — загрязненный, *toxic cyberwaste* (1) — токсичная киберсвалка. Напротив, объекты цифровой среды, не зараженные вредоносными программами, описываются прилагательным *clean* (2) — чистый, например: “This problem — AI feeding on itself and producing increasingly polluted output — extends to images”³. Проблема, связанная с тем, что ИИ питает сам себя и все чаще производит *зараженный* контент, касается и изображений. “Activation Clustering works by sorting the training dataset for a particular class into two clusters: likely *clean*, and potentially

poisoned”⁴. Кластеризация заключается в распределении какого-то класса данных, используемых в ходе обучения, между двумя кластерами: вероятно, *чистые*, и потенциально *зараженные*.

К данному фрейму относится выражение *cyber brownfield* (1) — кибербраунфилд. Как отмечалось в наших работах, термин *браунфилд* изначально использовался в специальной литературе со значением «индустриальный парк под вторичную застройку» [10. С. 155]. В контексте проектирования кибер-физических систем данный термин означает создание нового продукта на основе уже существующей инфраструктуры. Разработчики различают *браунфилд* и *гринфилд* проекты. Метафорически данный термин используется для описания цифровой инфраструктуры, которую более невозможно использовать из-за потери контроля над соподключёнными устройствами, функционирующими в ней, например: “The way we build and deploy devices won’t work at the scale of the envisioned IoT and will backfire, like so many hidden chemical dumps. Continuing down this path will similarly lead to “*cyber brownfields*”⁵. Создаваемые и используемые устройства не будут работать в рамках Интернета Вещей и обратятся против нас, как и множество скрытых свалок химических отходов. Если ничего не изменится, это приведет к «*кибер-браунфилдам*».

Еще одним примером метафорической репрезентации угроз, исходящих от множества устройств Интернета Вещей является выражение *Cyber Love Canal*, в основе которого аллюзия. Как известно, район города Найагара-Фолс, Лав Канал, на протяжении долгого времени использовался для захоронения токсичных отходов, в связи с чем стал абсолютно непригоден для жизни и был заброшен. По аналогии *Cyber Love Canal* — это символ кибер-инфраструктуры, которую невозможно использовать из-за неуправляемых устройств. Данное значение реализуется в следующем контексте: “Never Mind Perl Harbor — What about a *Cyber Love Canal*?”⁶ Забудьте о Перл Харборе — Как насчет *кибер Лав-Канала*?

Фрейм «Ландшафт»

Цифровая среда и цифровые угрозы часто метафорически представляются как некий ландшафт, что подтверждается использованием существи-

¹ URL: <https://www.techopedia.com/how-to-deal-with-cybersecurity-extortion-breaches> (дата обращения 08.06.2024).

² URL: <https://www.bbc.com/news/technology-64636986> (дата обращения 08.06.2024).

³ URL: <https://www.technologyreview.com/2022/12/20> (дата обращения 08.01.2023).

⁴ URL: <https://www.computer.org/csdl/magazine/co/2022/06> (дата обращения 05.05.2024).

⁵ URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/> (дата обращения 18.04.2022).

⁶ URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/> (дата обращения 18.04.2022).

тельного *landscape* (4) — ландшафт в следующих номинациях: *cyber threat landscape* — ландшафт киберугроз, *digital landscape* — цифровая среда, цифровой ландшафт, *landscape of cybersecurity* — ландшафт кибербезопасности, *threat landscape* — ландшафт угроз в следующих примерах: “It is a critical issue that requires ongoing attention and investment, as technology continues to evolve and the *threat landscape* evolves”¹. Это важный вопрос, который требует постоянного внимания и инвестиций, поскольку технологии продолжают развиваться, а вместе с ними и *киберугрозы*. “In conclusion, the *landscape of cybersecurity* is a continually evolving battlefield”². В заключение, сфера кибербезопасности представляет собой поле боя, на котором постоянно используются все новые виды оружия. “Sony is one of the better-known companies in the *digital landscape*, but it’s no stranger to cyber threats”³. Sony — одна из наиболее известных цифровых компаний, но и она подвержена киберугрозам.

Как следует из приведенных выше примеров, оценочность лексемы *landscape* может меняться в зависимости от контекста.

Фрейм «Времена года». Слот «Зима»

В нашем иллюстративном корпусе данный фрейм и слот представлен единственной лексической единицей *winter* (1) — зима, которая метафорически используется для обозначения резкого спада активности в определенной сфере, например: “By fall of 2022, NFT markets were down 90%, we’d entered a *cold crypto winter*, and a bustling metaverse was still more of a dream than reality”⁴. К осени 2022 года на маркетплейсе NFT активность упала на 90%. Наступила *холодная крипто зима*, и оживленная мета вселенная скорее была сном, а не реальностью.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) В современном англоязычном медийном дискурсе по кибербезопасности для репрезентации киберугроз активно используются номинации

¹ URL: <https://www.geeksforgeeks.org/cyber-security-and-cyber-crimes/> (дата обращения 10.06.2024).

² URL: <https://preyproject.com/blog/what-are-cyber-threats-how-they-affect-you-what-to-do-about-them> (дата обращения 12.06.2024).

³ URL: <https://em360tech.com/top-10/top-10-most-notorious-cyber-attacks-history> (дата обращения 12.06.2024).

⁴ URL: <https://hbr.org/2023/01/where-is-tech-going-in-2023> (дата обращения 12.02.2023).

из сферы-источника «Неживая природа», что позволяет представить виртуальное пространство в виде метафорической модели «Виртуальное пространство — это неживая природа». В исследуемых текстах данная метафорическая модель представлена фреймам «Вода», «Загрязнение окружающей среды», «Времена года», «Ландшафт».

2) В количественном отношении наиболее значимым является фрейм «Вода», 107 контекстов употребления, 86% от общего количества исследуемых языковых единиц, что позволяет отнести метафоры данного фрейма к базовым в рамках исследуемой метафорической модели. Поскольку киберугрозы представляются с помощью различных гидронимных образов, метафоры данного фрейма могут быть распределены по слотам «Движение воды», «Формы существования и состояние воды», «Водный промысел», «Деятельность с использованием воды». Наиболее частотными номинациями являются лексемы *leak* (31) — протекать и *phishing/fishing* (27) — рыбная ловля, фишинг. Метафорические номинации, относящиеся к фреймам «Загрязнение окружающей среды», «Времена года», «Ландшафт» составляют 14% анализируемых метафорических номинаций.

3) Основанием для метафорического переноса являются особые свойства явлений неживой природы. Так, скорость и неуправляемость водного потока, крайне негативные последствия водных стихийных бедствий совпадают с представлениями человека о том, как в виртуальной среде незаконно распространяется личная информация и каковы последствия подобных утечек, а загрязнение цифровой среды различным неиспользуемым программным обеспечением или компьютерными вирусами содержательно очень похоже на загрязнение окружающей среды отходами и т.п. В связи с этим, подавляющее большинство исследуемых языковых единиц имеют отрицательную оценочность. Тем не менее ограниченное количество анализируемых метафорических номинаций могут менять свой оценочный вектор в случаях, когда используются для описания мер противодействия киберугрозам.

4) Наиболее частым приемом усиления выразительности исследуемых метафорических номинаций является их использование как части развернутых метафор.

Список источников

1. Баранов А. Н., Михайлова О. В., Шипова Е. А. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафористики ('взаимоотношения бизнеса и власти', 'коррупция'). М.: Фонд ИНДЕМ, 2006. 84 с.
2. Будаев, Э. В., Пологова К. В. Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в политическом нарративе «BLM movement» (по материалам газеты «The Seattle Times») // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 42–49.
3. Давыдова, М. А. «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в военном дискурсе У. Черчилля // Филология и культура. 2020. №4 (62). С. 13–20.
4. Каган Е. Б. Метафоры из сферы-источника «Мир неживой природы» в заголовках Российских, Американских и Британских СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). URL: <https://politlingvistika.ru/archive/12124322/2/metafory-iz-sfery-istochnika-mir-nezhivoj-prirody-v-zagolovkakh-rossijskikh-amerikanskikh-i-britanskikh-smi> (дата обращения 29.07.2024)
5. Катунин Д. А., Антонова М. К. Метафорическое представление времени как воды / жидкости в русской языковой картине мира // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. №1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-predstavlenie-vremeni-kak-vody-zhidkosti-v-russkoj-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения 25.04.2024).
6. Колотнина Е. В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2001. 246 с.
7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов (фрагменты) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-slovar-kognitivnyh-terminov-fragmenty> (дата обращения 17.04.2024).
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Ольховикова Ю. А. Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в политическом дискурсе США и ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 23 с.
10. Савченко А. А. Экспрессивность англоязычного научного текста и способы ее передачи на русский язык // Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. С. 151–160.
11. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. Санкт Петербург: Наука, 1993. 150 с.
12. Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 24 с.
13. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
14. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248с.
15. Шарманова О. С. Пандемия коронавируса в метафорах неживой природы в немецком медиадискурсе // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2023. Т. 33, № 4. С. 948–953.

References

1. Baranov AN., Mihajlova OV., Shipova EA. Nekotorye konstanty russkogo politicheskogo diskursa skvoz' prizmu politicheskoy metaforiki ('vzaimootnosheniya biznesa i vlasti', 'korrupcija') = Some constants of Russian political discourse through the prism of political metaphor ("the relationships of business and political power", "corruption". Moscow. 2006. 84p. (In Russ.).
2. Budaev EV., Pologova KV. Metaphors from the Source Domain "Inanimate Nature" in the Political Narrative of the "BLM Movement" (Based on the Publications in The Seattle Times). *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*. 2023;1(97):42-49. (In Russ.).
3. Davydova M. "Inanimate nature" as the source of metaphorical expansion in W.S. Churchill's war discourse. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*. 2020;4(62):13-20. (In Russ.).
4. Kagan EB. Metaphors with the source domain "Inanimate nature" in the headings of Russian, American and English mass media. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*. 2010;2(32). Available at:

<https://politlinguistika.ru/archive/12124322/2/metafory-iz-sfery-istochnika-mir-nezhivoj-prirody-v-zagolovka-kh-rossijskikh-amerikanskikh-i-britanskikh-smi> (accessed 29.07.2024). (In Russ.).

5. Katunin D.A., Antonova MK. Metaforicheskoe predstavlenie vremeni kak vody / zhidkosti v russoyazykovoy kartine mira = Metaphorical representation of time as water/ liquid In Russian picture of the world. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija = Tomsk State University Journal of Philology*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-predstavlenie-vremeni-kak-vody-zhidkosti-v-russkoj-yazykovoy-kartine-mira> (accessed 25.04.2024). (In Russ.).

6. Kolotnina EV. Metaforicheskoe modelirovanie dejstvitel'nosti v russskom i anglijskom jekonomicheskom diskurse = Metaphorical modelling of reality In Russian and English economic discourse. Thesis. Ekaterinburg. 2001. 246 p. (In Russ.).

7. Kubrjakova ES., Dem'jankov VZ., Pankrac JuG., Luzina LG. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov (fragmenty) = Concise dictionary of cognitive terms (excerpts). *METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh discipline = Moscow annual collection of papers on social disciplines*. 2014;4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-slovar-kognitivnykh-terminov-fragmenty> (accessed 17.04.2024). (In Russ.).

8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Moscow. 2004. 256 p. (In Russ.).

9. Ol'hovikova JuA. Metafory so sferoj-istochnikom «nezhivaja priroda» v politicheskom diskurse SShA i FRG = Metaphors with the source sphere “Inanimate nature” in the political discourse of the USA and FRG. Abstract of thesis. Ekaterinburg. 2009. 23 p. (In Russ.).

10. Savchenko AA. Expressiveness of the English scientific and popular-scientific text and ways of rendering it into Russian. *Aktual'nye aspekty lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoj kommunikacii = Relevant aspects of linguistics, linguodidactics and cross-cultural communication*. Krasnodar. 2018. pp. 151-160. (In Russ.).

11. Skljarevskaja GN. Metafora v sisteme jazyka = Metaphor in the system of the language. St. Petersburg. 1993. 150 p. (In Russ.).

12. Chudakova NM. Konceptual'naja oblast' «Nezhivaja priroda» kak istochnik metaforicheskoy jekspansii v diskurse rossijskikh sredstv massovoj informacii (2000 — 2004 gg.) = Conceptual sphere “Inanimate nature” as a source of metaphorical expansion In Russian-language media discourse (2000-2004). Abstract of thesis. Ekaterinburg, 2005. 24 p. (In Russ.).

13. Chudinov AP. Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000): monografija = Russia in the metaphorical mirror: cognitive research into political metaphor (1991-2000): monograph. Ekaterinburg. 2001. 238 p. (In Russ.).

14. Chudinov AP. Metaforicheskaja mozaika v sovremennoj politicheskoi kommunikacii: monografija = The metaphorical mosaic in modern political communication: monograph. Ekaterinburg. 2003. 248 p. (In Russ.).

15. Sharmanova OS. Coronavirus pandemic in inanimate nature metaphors of the German media discourse. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2023;4:948-953. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Савченко — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере.

Information about the author

A. A. Savchenko — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of English in the Professional Sphere.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 15.08.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 15.08.2025.

The author declares no conflicts of interests.

АНАЛИЗ ДИСКУРСА, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА, КОММУНИКАТИВИСТИКА DISCOURSE ANALYSIS, LINGUISTIC PRAGMATICS, COMMUNICATION STUDIES

*Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 61–69.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(6(500):61-69.*

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-61-69

ПОЗИТИВНАЯ ТОКСИЧНОСТЬ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Евгения Наумовна Басовская¹, Татьяна Александровна Воронцова^{2✉}

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, jeni_ba@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6867-9326

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, voron500@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7370-8809

Аннотация. Статья посвящена анализу речевого поведения, которое можно квалифицировать как позитивную токсичность. Позитивная токсичность рассматривается авторами как особая разновидность имплицитной речевой агрессии, при которой отсутствуют вербальные показатели деструктивного речевого поведения, но при этом нарушаются диалогические конвенции. Такой тип речевого поведения создает коммуникативный дискомфорт для адресата высказывания. Материалом исследования послужили размещенные на платформе Яндекс Дзен в 2022–2025 г. блоги, посвященные гастрономической теме. В процессе исследования были использованы методы коммуникативно-прагматического и стилистического анализа. Поскольку связка «блог + комментарий» рассматривается как диалогический сетевой макротекст, было выделено два типа блогов в зависимости от вертикальной или горизонтальной модели взаимодействия автора блога и комментаторов. В ходе анализа были выявлены общие и специфичные для каждой модели тактики (речевые ходы), которые можно рассматривать как проявление позитивной токсичности со стороны комментаторов основного текста. В обоих типах блогов представлена инструктивная тактика (совет без запроса), которая реализует интенцию к изменению коммуникативной модели: в ситуации вертикальной модели — это стремление занять равную с адресантом позицию, а в ситуации горизонтальной коммуникации — стремление «вертикализировать» модель, заняв доминирующую позицию. Информационная токсичность как введение избыточной информации также наблюдается в обоих типах блогов. В исследуемом материале данная тактика реализуется такими способами, как подмена тезиса, захват коммуникативного пространства, увеличение дискурсивной глубины. Для блогов с вертикальной коммуникативной моделью «токсичными» речевыми тактиками являются стремление перехватить приоритетное право на речь (подмена позиции автора) и речевые ходы, направленные на сокращение коммуникативной дистанции с адресантом (фамильярность, нарушение личных границ автора). Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что позитивная токсичность как разновидность речевого поведения не зависит от коммуникативной модели, но может отличаться набором тактик и способом их реализации.

Ключевые слова: блог, речевая агрессия, позитивная токсичность, адресант, адресат, коммуникативная модель.

Для цитирования: Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Позитивная токсичность в медиадискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 61–69. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-61-69.

Original article

POSITIVE TOXICITY IN MEDIA DISCOURSE

Evgenia N. Basovskaya¹, Tatyana A. Vorontsova^{2✉}

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, jeni_ba@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6867-9326

²Chelyabinsk State University Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia, voron500@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7370-88091

Abstract. The article is devoted to the analysis of speech behavior, classified as positive toxicity. The authors consider this phenomenon as a special kind of implicit verbal aggression, in which there are no verbal indicators of destructive speech behavior, but at the same time, some of the interviewees violate dialogical conventions. This type of speech behavior creates communicative discomfort for the of the utterance addressee. The research material are gastronomic blogs posted on Yandex Zen platform in 2022–2025. Researchers use methods such as communicative, pragmatic and stylistic analysis. Considering “blog + comment” bundle as a dialogical network macrotext, we identify two types, depending on the vertical or horizontal model of interaction between the blog author and commentators. During the analysis we are demonstrating common and specific tactics (speech moves) for each model, which can be considered as a manifestation of positive toxicity on the part of the commentators of the main text. Both types of blogs present instructional tactics (advice without preliminary request), which implements the intention to change the communication model: in a vertical model situation, it is the desire to take an equal position with the addressee, and in a horizontal communication situation, it is the desire to “verticalize” the model by taking a dominant position. In both types of blogs we can also observe informational toxicity as the introduction of excessive information. In the material under study, communication participants use this tactic in such ways as thesis substitution, capturing the communicative space, and increasing the discursive depth. For blogs with a vertical communication model, toxic speech tactics are the desire to intercept the priority right to speech (substitution of the author’s position) and speech moves aimed at reducing the communicative distance with the addressee (familiarity, violation of the personal boundaries of the author). The results of the analysis allow us to conclude that positive toxicity as a type of speech behavior does not essentially depend on the communicative model, but may differ in a set of tactics and implementation methods.

Keywords: blog, speech aggression, positive toxicity, addresser, addressee, communication model.

For citation: Basovskaya EN., Vorontsova TA. Positive Toxicity in Media Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):61-69. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-61-69.

Введение

Постановка проблемы

В течение последних десятилетий исследователи не раз отмечали повышение уровня речевой агрессии в публичной, прежде всего — интернет-коммуникации [9, 11, 18 и др.]. В сегодняшней гуманитаристике конкуренцию обозначению «агрессия» составляет модное слово «токсичность», признаваемое одними учеными в качестве формирующегося термина [1] и характеризующееся другими как квазитермин [6]. С нашей точки зрения, данная номинация имеет свои несомненные достоинства, поскольку отражает взгляд объекта агрессии, так сказать, интерпретирует агрессию с позиций адресата.

Следует отметить, что феномен вербальной агрессии и, соответственно, токсичность высказывания/текста изучены неравномерно. В большей части работ, посвященных данной проблеме, на первый план выдвигаются прямые (активные) формы агрессии, такие как инвективы, угрозы, оскорбления и т.п. Агрессивным признается и такое речевое поведение адресанта, при котором адресат ставится в слабое положение из-за своей неспособности понять определенные элементы текста (агнонимы) или принять авторскую стилистическую раскрепощенность, противоречащую коммуникативной традиции [5].

Немалое число публикаций связано с косвенными речевыми актами, целенаправленно транслирующими негативное содержание в социально

приемлемой, корректной форме (намек, квазипроblem, риторический вопрос, умолчание и пр.) [7. С. 51, 82; 14, 17 и др.].

По нашим наблюдениям, наименьшее внимание специалистов привлекает та сторона речевой агрессии, которая была выявлена и описана одним из авторов данной статьи [8], — вторжение в личное пространство адресата, далеко не всегда осуществляемое в резкой, грубой или даже иронической манере. Как отмечалось в данной работе, расшатывание структуры диалога (захват инициативы или, напротив, уход от коммуникации), навязывание собеседнику тех или иных представлений и оценок имеют агрессивный характер даже в тех случаях, когда говорящий строго соблюдает литературную норму и, на первый взгляд, высказывается вполне позитивно. Важный шаг в направлении анализа этого парадокса сделан Н. И. Клушиной, отметившей, что «к речевой агрессии... можно отнести тотальную мелиоративность медиаконтекста, приводящую к лакировке действительности...» [12. С. 63].

Изучение подобных форм завуалированной агрессии представляется особенно актуальным в связи с быстрым развитием такого речевого жанра, как интернет-комментарий. Обратим внимание на отдельные работы, в которых поднимается проблема токсичности таких текстов. Е. В. Курганская и Н. В. Степанова, ссылаясь, в свою очередь, на работы И. Ю. Сундичевой и А. А. Смирнова [16], а также Л. Н. Овино-

вой и Е. Г. Шрайбер [15], определяют токсичный контент как «информацию, оказывающую деструктивное психологическое воздействие на личность, социальные группы и общество в целом», а токсичную коммуникацию трактуют как «общение, которое отравляет участников... и создает негативный эмоциональный фон» [13. С. 1598]. С приведенными характеристиками нет оснований не согласиться. Однако основная идея статьи представляется не столь бесспорной. Е. В. Курганская и Н. В. Степанова предлагают использовать критерий семантической близости: «Если между постом и комментарием семантическая близость достаточно высокая, значит, комментарий релевантен. Если критерий семантической близости ниже порогового значения, значит, комментарий может содержать признаки “токсичности”» [13. С. 1599].

В ряде других публикаций, подготовленных специалистами в области IT и посвященных выявлению токсичных комментариев с помощью нейронных сетей, вопрос о критериях коммуникативной токсичности преподносится как решенный, а перечисленные показатели принадлежат исключительно к области прямой вербальной агрессии (так, к разряду токсичных предлагается относить комментарии «непристойные, содержащие угрозу, оскорбительные, содержащие ненависть к личности» [10. С. 0121]).

Думается, ни показатель семантической близости, ни перечень признаков прямой вербальной агрессии отнюдь не достаточны для выявления токсичных (вредоносных) комментариев. Далее мы продемонстрируем примеры пользовательских замечаний, строго соответствующих тематике основной публикации и не содержащих признаков грубости и неприязни, но имеющих при этом яркие приметы коммуникативной агрессии.

Из сказанного вытекает **цель исследования** — выявить в современном медиатексте речевые ходы, представляющие собой примеры «позитивной токсичности» — вредоносной вербальной коммуникации, не содержащей явных признаков речевой агрессии.

Материал и методы исследования

В качестве материала анализировались блоги, размещенные на платформе Яндекс Дзен и объединенные общей установкой на распространение полезной бытовой информации, а также комментарии к ним, которые мы рассматриваем как элемент сетевого макротекста. Были выделены два типа каналов. Первый — публикации гатрблогеров (авторов, позиционирующих себя

как ресторанные критики или просто знатоки общепита) с большим числом подписчиков: «Михаил Костин» (94,4 тыс.), «Раскрываем меню!» (82,8 тыс.), «Едим НЕ дома» (66 тыс.). Второй — бытовые блоги. Чтобы сохранить тематическую целостность материала, для анализа были взяты посты, связанные с гастрономической тематикой в блогах российских авторов, по тем или иным причинам живущих за границей. В данных постах рассказывается о жизни в другой стране через призму личного опыта. Материалом для выборки послужили блоги «Italiano4ка» (...*Жизнь в Италии, мои личные наблюдения*)¹, «Наталья Койман» (*О жизни в Нидерландах и обо всем подряд*) «Япония глазами одного гайджина» (*О жизни в Японии, путешествиях, еде и о многом другом*), «Европейские будни» (... *Переехала жить в Португалию. Расскажу всё об этой солнечной стране и о своих европейских буднях*), «Алиса в Сербии» (...*Живу с моей шумной семьей в Сербии ...*), «Пишу просто потому, что пишу» (*о Сербии и Петербурге с любовью*). Анализировались материалы 2022–2025 гг.

Методы исследования: коммуникативно-прагматический и стилистический анализ текста.

Результаты исследования и их обсуждение

Основным принципом выделения двух типов блогов послужила различная коммуникативная модель взаимодействия автора (блогера) и читателя (комментаторов).

Ранее мы отмечали, что блог реального или условного профессионала обычно организован по принципу вертикальной коммуникативной модели [3. С. 50]. Рассмотренные каналы гатрблогеров организованы именно по такому принципу. Авторы многократно и различными способами подчеркивают свою осведомленность и выбранной области: *Рецензирую рестораны с 2003 года.* — «Михаил Костин»; *Японские или паназиатские рестораны я посещаю регулярно, как минимум несколько раз в месяц.* — «Едим НЕ дома»).

Комментарии, которые мы расцениваем как «безусловно токсичные», — это акты прямой речевой агрессии: резкие возражения, инвективы, упреки, злопожелания и т.п. (*Чел, который, не работает, а жрёт, говорит что то про еду, иди на завод, поработай, поймёшь вкус еды, московское чмо*² и т.п.)

«Условно токсичными» мы признаем коммен-

¹ Здесь и далее в скобках дана презентация блога автором.

² Здесь и далее сохранены стилистика, орфография и пунктуация оригинала.

тарии, выдержанные в рамках этикетной и литературной нормы, но очевидно иронические, ослабляющие лидерские коммуникативные позиции блогера. В этом ряду количественно преобладает вопросительная форма: ...*У авторов что то не сложилось ВНЕ МЕНЮ* ... *На соседний стол блюда раньше принесли?* («Раскрываем меню!»); *Автор с микроскопом ходил, чтобы порции рассмотреть?* («Едим НЕ дома»). Иронические реплики задают общий легкий и насмешливый тон общения, «уравнивая в правах» на критическое к себе отношение самого блогера и объекты его похвалы и критики: «...*статус кластера в сегменте...*» — Рекламщик, переведи на русский, если сможешь.; *Гречка с молоком! Завтрак в детсаду! Всё, кроме бутылки водки, выглядит как то не аппетитно; Думаю, Пушкин без дуэли, сам, застрелился бы от такой кухни.* («Михаил Костин»)

Наше же внимание сконцентрировано на комментариях, относительно корректных по форме, но направленных на расшатывание и даже разрушение коммуникативной модели блога.

Токсичные позитивные речевые ходы можно классифицировать следующим образом:

1. Фамильярность (обращение к автору на «ты», использование уменьшительных форм имени, употребление стилистически сниженной лексики и графических значков, способствующих имитации приятельского общения): *Скоро Миха будет обзрывать акции в Ашанах или О'кей, где молодые девчонки предлагают попробовать какую либо продукцию на шпажках* 😊😊😊 («Михаил Костин»); *Шикарный обзор и Юлин стол понравился больше Илюшиного; Спасибо, Юленька, за обзор!; Юлечка, дороговато конечно, но обзор очень понравился, захотелось долмишек маленьких* 😊, *спасибо большое* 🍷 («Раскрываем меню!»); *Шикарный обзор... Спасибо, Илюша! Илюха, я тебе вот что скажу...* («Едим НЕ дома»).

2. Нарушение личных границ автора (обсуждение его частной жизни и физических параметров). Такой тип речевого поведения в большей степени характерен для комментариев к блогу, автор которого — женщина: *А что вы сделали со своим лицом, Юля..?; Девчонки!! Как в таких хрупкие создания вошло столько вкусоностей!!!* 🙌😊; *Девушки, у вас шикарные ноги! Очень красиво! А еще — вы ведьмы. Столько напробовать и остаться стройными:)))*; *У вас, что то новое с волосами? Прекрасно выглядите! Респект стилисту!; Наталье очень идут большие распущенные волосы, чем хвост, с распущенными прям милаш-*

ка!; Очень интересно вас созерцать, вы супер!!! Прекрасная пара, здоровья, любви, процветания!!! («Раскрываем меню!»).

3. Полезные советы, изменяющие коммуникативные пропорции (комментатор выступает в роли наставника, причем по отношению как к автору, так и к остальной аудитории): *Нормально поесть китайскую еду можно в ресторане китайского отеля Нихао в Питере на первом этаже; Лучшая шаурма это misada лучше в Москве нет.* («Михаил Костин»); *на 9500 можно и в Сахалин и РусскийРусский — нормальной еды поесть; Дело в том, что самсу надо есть сразу после готовки, иначе она впитает все соки в тесто. Лука как раз нормально по виду, я 1 к 1 его кладу, например, иногда и поболе — «Раскрываем меню!»; Вы пробовали пироги Любовь Пирогова или что-то типа?...Короче очень советую баранину в ночных травах-интересно и курицу с копченой паприкой... Они на Даниловском рынке; В Переславле, в плане кухне, пока нет ничего приемлемее, чем Царский посол... Очень достойная еда там.* («Едим НЕ дома»).

4. Подмена тезиса (пространные рассказы о собственном опыте, о своих родственниках и знакомых, рассуждения на общие темы, далеко уводящие от основного содержания публикации): *А я вот не по теме, ну совсем, хотим с муженьком на Шри Ланку слетать, в марте, так вот.... Прости Господи хватит на 7 дней 170000 тысяч, провинциалам противным. Или плюс минус?; Всё это, наверно, замечательно, но я вспомнил зазря снесённую гостиницу «Россию», располагавшуюся на месте этого парка. В 1986 году по большому благу мне довелось там недельку пожить. Ребёнку (то есть мне) запомнились сосиски с зелёным горошком в кафетерии на этаже с видом на Красную Площадь, радости были полные штаны :)* («Раскрываем меню!»); *Про идл только самые лучшие слова. Первый раз я пришла к ним в современной итерации ресторана посмотреть... Повспоминать. У папы в альбоме есть фото. Его мама и отец, совсем молодые... сидят за столиком ЦДЛ.* («Едим НЕ дома»).

5. Подмена позиции. Этот прием следует вероятно, несмотря на то что он не является частотным, признать ключевым в токсичной коммуникации комментатора с блогером. Рядовой пользователь перенимает авторские приемы (рассказ о посещении заведения, описание блюд, выставление оценки), демонстрируя таким образом, что не признает особой роли автора канала и вполне готов его заменить: ... *вспомнил ваш первый хва-*

лебный отчет по этому месту. Смотался туда перекусить. Неплохо, но не более. Ценник — да! Скорее средний. Но и место не центряк. Тартар, как по мне явно не больше чем на 4. Видимо надо было брать карпаччо. Ну, а про лучший ресторан, так и вообще недоумеваю... Откуда такой эпитет???; Категорически **не согласен** с Автором по данной локации... В данном случае это просто общепит. **Интерьер 4. Обслуживание 4.** Меню не могу комментировать. Но, лапшу по-сычуаньски ел. **Ничего общего с китайским вариантом.** («Раскрываем меню!»); *Вот зашла я вчера в кафе Золотая рыбка, что в городе Королеве. Подали мне салат из баклажанов с помидорами, куриную грудку (почти целиком) обжаренную на гриле с приправами, картошечку по-домашнему! Баклажаны в салате были тушеные каким-то особым способом, без кожуры, в каком-то сладковатом соусе и посыпаны кунжутом. Поэтому при поедании кажется, что овощи хрустят. Ну и конечно зелень и немного чеснока. По краям тарелки красиво размазан соевый соус. Салат получился неожиданного сладко-острого вкуса. Оценка 10.* («Едим НЕ дома»).

Второй тип блогов — бытовые блоги, где отношения адресанта (автора текста) и адресата (читателей) соответствует горизонтальной коммуникативной модели, поскольку основная тематика таких блогов — это бытовые реалии, с которыми сталкивается каждый человек, независимо от страны проживания: медицина, отдых, праздники, поездки и, конечно, еда. Интересующий нас материал — это статьи о гастрономической культуре другой страны с точки зрения носителя российской культуры или о восприятии русских пищевых традиций иностранцами. При этом основная интенция адресанта — либо познакомить адресата со спецификой национальной кухни той или иной страны, либо представить национальную кухню своей страны глазами иностранцев. Конструктивная реакция читателей в соответствии с авторской интенцией предполагает такие речевые ходы, как благодарность за интересную информацию, собственные впечатления от аналогичного опыта (пробовал — понравилось / не понравилось), уточняющие вопросы по поводу полученной информации и т.п. Иногда автор мотивирует читателя включиться в диалог: просит что-то посоветовать или предлагает поделиться своим опытом приготовления того или иного блюда: *Может вы посоветуете как бороться с чрезмерным аппетитом. Ужасно боюсь поправиться даже на килограмм ...* («Европейские будни»); *А как вы го-*

товите главное новогоднее блюдо?)) Есть у Вас фирменный необычный ингредиент или заправка, или предпочитаете классику? («Пишу просто потому, что пишу»). В этом случае инструктивные тактики вполне оправданы, поскольку комментарии представляют собой ответ на запрос: читатели активно делятся собственными рецептами приготовления тех или иных блюд, дают советы. Если же такой запрос отсутствует, т.е. цель автора — просто поделиться информацией, то советы и инструкции от комментаторов являются попыткой «вертикализации» горизонтальной коммуникативной модели. Например, автор блога Italiano4ka рассказывает, почему ей не нравится, как готовят в Италии салат «Оливье», и получает в комментариях совет: *Делайте сами и начните продажи (сначала среди знакомых, коллег,...)* (Italiano4ka).

Связку «пост + комментарий» с определенной долей условности можно рассматривать как нарративный диалог, который «характеризуется таким распределением режимов диалоговедения, когда один из коммуникантов (условно обозначаемый как Рассказчик) строит свою речевую партию в нарративном режиме (с определенным замыслом и установкой на монологизирование), а другой (условно обозначаемый как Слушатель) — в режиме реплицирования. Рассказчик удерживает коммуникативную инициативу на протяжении всего нарративного фрагмента диалога» [4. С. 190]. В роли Рассказчика выступает автор блога, а в роли Слушателя — комментаторы. Оптимальный режим такого диалога предполагает, что комментарий — это лаконичный текст-реакция на основной пост. Следовательно, если текст комментария отличается неоправданно большим объемом, иногда сравнимым с объемом основного поста, то это можно рассматривать как *захват коммуникативного пространства*, хотя адресат не проявляет каких-либо эксплицитных признаков речевой агрессии. В этом случае можно говорить о позитивной токсичности как о токсичности информационной. Например, это могут быть комментарии, представляющие собой личные истории, пространные рассуждения, хотя и связанные с темой основного поста, но явно избыточные с точки зрения информативности: **Валентина Проценко:** *...Питание в каждой стране, семье важная сторона жизни и говорить на эту тему можно бесконечно и под разным углом рассматривать привычки и предпочтения...Только вчера общалась с подругой, которая отмечала дома 70-летие своего мужа, вечеринку организовала с «ретро- уклоном». (...) Послала фото*

своей дочери в Амстердам, а она попросила рецепт «селёдки под шубой», говорит, что там же в основном овощи+ селёдка, можно не злоупотреблять майонезом, смазать только шар моркови и свеклы ..А я так почти каждую неделю готовлю эту селёдку себе лоток и семье сына лоток, разлетается «на ура»... Семья дочери — вегетарианцы, чаще у них готовит муж, по книге рецептов вегетарианской еды... (...). Получается, организм получает все необходимые вещества и «не тоскует» о мясе, получая растительные белки ..Да, не все люди любят готовить еду дома, а тут ещё народ соблазнили «вкусвиллом», др. доставками... Но говорят же: «мы едим то, что мы едим»? Так что без старания в приготовлении еды для себя любимых и избирательного отношения к набору продуктов не обойтись...А уж как эти продукты объединить в блюдо, что и с чем сочетать — тут надо прислушиваться к своим вкусовым предпочтениям и слушать свой организм (...)... (Наталья Коойман «Чем кормила мужа в Голландии и чем кормлю в России»).

Значительный объем комментариев может быть обусловлен включением интертекстуальных фрагментов (например, отрывков из литературных произведений или исторических фактов): **Владимир П:**.... А теперь познакомьтесь с очерком знаменитого российского (царских времен) журналиста Гиляровского на тему, что входило в меню российской интеллигенции до Революции 1917-го года. Цитирую отрывок и очерка... Далее приводится весьма обширный фрагмент текста с описанием еды. («Наталья Коойман» — Чем кормила мужа в Голландии и чем кормлю в России); **Александр Ростовский:** На коронационный банкет в Москву пригласили 7000 гостей. Всего-то 125 лет назад! Перед каждым приглашенным лежал свиток, перевязанный шелковой тесьмой, а в нем находилось выписанное вязью меню. (...). Далее автор перечисляет все блюда, указанные в историческом меню. («Italiano4ka» — Застолье в Италии не то, что в России...).

Токсичность (деструктивность) такого речевого поведения адресата заключается в навязывании избыточной информации, на которую не было запроса. Горизонтальная коммуникативная модель предполагает равенство коммуникантов (автора и читателя) по отношению к предмету речи (кулинария, еда), однако не предусматривает равной степени речевого участия коммуникантов. Следовательно, в данном случае превышение предусмотренных коммуникативной ситуацией условий речевого участия — это нарушение жанровых ди-

алогических конвенций, т.е. необоснованный захват коммуникативного (речевого) пространства.

Еще одной разновидностью речевой агрессии, которую можно квалифицировать как позитивную токсичность, является нарушение тематического единства в связке «пост + комментарий». Например, увеличение дискурсивной глубины [2] за счет создания в комментарийном блоке отдельного полилога, весьма опосредованно связанного с темой основного текста. Так, в комментариях к посту «Как съесть голландское лакомство томпус не испортив его» («Наталья Коойман») присутствует пространное обсуждение не только кулинарных, но и лингвистических реалий г. Санкт-Петербурга: **Екатерина Смирнова:** Это и есть мильфей, голландский кондитер просто решил жахнуть побольше крема между слоями и залить глазурью. Не понимаю и не люблю этот десерт.

Yun.Volk : Мильфей уже нашла в Буше. Выглядит гораздо вкуснее, чем томпус. ...(...)

людмила давидова: Эти пышки тоже с приколлом? Типа вылезавшего крема? что-то вроде пончиков? ну просто по описанию похожи (горячие, с дыркой, посыпаны сахарной пудрой)

Пупынька Тишайшая: так это они и есть. Просто в Питере называются пышками и божье сохрани назвать их пончиками! 😊 Смешно, когда кто-то не знает, что пышки — это пончики 😊...

людмила давидова: Спасибо, обязательно попробую. Как раз намечается Петербург 🙌

Пупынька Тишайшая Как же люблю я питерские кафе! Когда приезжаю в этот удивительный город, питаюсь исключительно в таких вот заведениях! Ни разу не разочаровалась 🙌 (...)

Алена Р.: хм, а я думала бордюры — это у нас, а в Питере — поребрики...(...)

Пупынька Тишайшая: ... а бадлон?)), кофе «котловой», не?

Подобный полилог можно рассматривать как проявление позитивной токсичности, т.к., во-первых, такие комментарии никак не соотносятся с интенцией автора, т.е. их содержание имеет весьма опосредованное отношение к основному тексту (подмена тезиса — см. выше), во-вторых, создание отдельной темы общения, интересной узкому кругу комментаторов, реализует тактику вычеркивания по отношению к другим участникам обсуждения, фактически исключая их из коммуникативного взаимодействия.

Выводы

Таким образом, в результате анализа материала в речевом поведении комментаторов были выявлены как общие, так и специфичные для каждой

коммуникативной модели речевые тактики, которые можно рассматривать как проявление позитивной токсичности. Совет без запроса (инструктивная тактика) в обоих типах блогов реализует интенцию к изменению коммуникативной модели: в ситуации вертикальной модели — это попытка перевести вертикальную коммуникативную модель в горизонтальную и занять равную с адресантом позицию, а при равенстве коммуникантов по отношению к предмету речи — наоборот, в вертикальную с доминированием комментатора. Введение информации, избыточной с точки зрения объема и/или тематического единства (информационная токсичность) также встречается в обоих типах блогов и может реализовываться разными способами: подмена тезиса, захват ком-

муникативного пространства, увеличение дискурсивной глубины. Преимущественно в блогах с вертикальной коммуникативной моделью наблюдается стремление перехватить приоритетное право на речь (подмена позиции) и сокращение коммуникативной дистанции (фамильярность, нарушение личных границ автора).

Следовательно, применительно к жанру блога позитивная токсичность как нарушение конвенций диалогического взаимодействия не зависит от коммуникативной модели, но может отличаться набором тактик и способом их реализации. В перспективе предполагается рассмотреть способы реализации позитивной токсичности в других типах медиаисточников.

Список источников

1. Антропова В. В., Хакимова Е. М., Симакова С. И., Медведева А. Р., Топчий И. В. «Токсичный медиатекст» как новый термин: опыт концепт-анализа // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2024. № 3 (53). С. 50–59. DOI: 10.47475/2070-0695-2024-53-3-50-59
2. Басовская Е. Н. Дискурсивная глубина как типологический признак медиатекста // *Дискурс-Пи*. 2020. Т. 17. № 1 (38). С. 21–33. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10102
3. Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Блог как диалог // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2024. № 8 (490). С. 49–58. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-49-58
4. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 320 с.
5. Буряковская В. А. Имплицитная агрессивность масс-медиального дискурса // *Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2013. № 3. С. 28–35.
6. Буряковская В. А., Дмитриева О. А. Квазинаучный термин «токсичный» в современной блогосфере (на материале русского, английского и французского языков) // *Известия ВГПУ*. 2022. № 5 (168). С. 132–139.
7. Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014. 430 с.
8. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2006. 252 с.
9. Джикия Л. О. Новые речевые практики интернета как способ формирования агрессивного типа личности // *Этнопсихоллингвистика*. 2021. № 2 (5). С. 46–60. DOI: 10.31249/epl/2021.02.03
10. Захаренко Д. В. Использование нейронных сетей глубокого обучения для классификации токсичных комментариев в социальных сетях // *Информатика. Экономика. Управление — Informatics. Economics. Management*. 2023. № 2 (4). С. 0119–0133. DOI: 10.47813/2782-5280-2023-2-4-0119-0133
11. Кажберова В. В., Чхартишвили А. Г., Губанов Д. А., Козицин И. В., Белявский Е. В., Федянин Д. Н., Черкасов С. Н., Мешков Д. О. Агрессия в общении медиапользователей: анализ особенностей поведения и взаимного влияния // *Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика*. 2023. № 3 (48). С. 26–56. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2023.2656
12. Клушина Н. И. Этические аспекты массовой коммуникации // *Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика*. 2014. № 1. С. 59–66.
13. Курганская Е. В., Степанова Н. В. Выявление «токсичности» в социальных сетях на основании критерия семантической близости // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. № 5. С. 1596–1603. DOI: 10.30853/phil20240231
14. Кустова Г. И. Косвенный речевой акт вопроса как средство речевой агрессии и негативной оценки в русской разговорной речи // *Вопросы культуры речи*. 2010. Вып. 10. С. 229–235.

15. Овинова Л. Н., Шрайбер Е. Г. «Токсичное» педагогическое общение: анализ состояния, причины и признаки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Образование. Педагогические науки. 2022. Т. 14. № 3. С. 34–46. DOI: 10.14529/ped220304
16. Сундиев И. Ю., Смирнов А. А. «Токсичный» контент в сети Интернет и его влияние на радикализацию молодежи // Научный портал МВД России. 2020. № 4 (52). С. 35–44.
17. Фирсова М. А. Инвективный потенциал иронии в медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 65–71.
18. Хребина С. В., Никулина С. А., Воронкина Л. Б. Влияние деструктивных паттернов поведения в средствах массовой коммуникации на повышение выраженности уровня агрессии у аудитории // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2022. № 1 (57). С. 121–129.

References

1. Antropova VV., Hakimova EM., Simakova SI., Medvedeva AR., Topchij IV. “Toxic media text” as a new term: an experience in concept analysis. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2024;3(53):50-59. DOI: 10.47475/2070-0695-2024-53-3-50-59. (In Russ.).
2. Basovskaya EN. Discursive depth as a typological feature of media text. *Diskurs-Pi*. 2020;17(38): 21-33. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10102. (In Russ.).
3. Basovskaya EN., Vorontsova TA. Blog as a dialogue. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024;8(490):49-58. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-49-58. (In Russ.).
4. Borisova IN. Russian conversational dialogue: structure and dynamics. Moscow; 2009. 320 p. (In Russ.).
5. Buryakovskaya VA. Implicit aggressiveness of mass-media discourse. *Vestnik RUDN. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 2013;3:28-35. (In Russ.).
6. Buryakovskaya VA., Dmitrieva OA. Pseudoscientific term “toxic” in the modern blogosphere (based on the Russian, English and French languages). *Izvestiya VGPU*. 2022;5(168):132-139. (In Russ.).
7. Volkova YaA. Destructive communication in the cognitive-discursive aspect. Volgograd; 2014. 430 p. (In Russ.).
8. Vorontsova T.A. Verbal aggression: invasion of communicative space. Izhevsk; 2006. 252 p. (In Russ.).
9. Dzhikiya LO. New speech practices of the internet as a way of forming an aggressive personality. *Etnopsiholingvistika*. 2021; 2 (5): 46-60. DOI: 10.31249/epl/2021.02.03. (In Russ.).
10. Zaharenko DV. Typeusing deep learning neural networks to classify toxic comments on social media. *Informatika. Ekonomika. Upravlenie — Informatics. Economics. Management*. 2023;2(4):0119-0133. DOI: 10.47813/2782- 5280-2023-2-4-0119-0133. (In Russ.).
11. Kazhberova VV., Chkhartishvili AG., Gubanov DA., Kozicin IV., Belyavskij EV., Fedyanin DN., Cherkasov SN., Meshkov DO. Aggression in media users’ communication: an analysis of behavioral features and mutual influence. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Zhurnalistika*. 2023;3(48):26-56. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2023.2656. (In Russ.).
12. Klushina NI. The ethical aspects of mass communication. *Vestnik RUDN. Lingvistika*. 2014;1:59-66. (In Russ.).
13. Kurganskaya EV., Stepanova NV. Identification of “toxicity” in social networks based on the semantic proximity criterion. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2024;5:1596-1603. DOI: 10.30853/phil20240231. (In Russ.).
14. Kustova GI. Indirect speech act of question as a means of speech aggression and negative evaluation In Russian colloquial speech. *Voprosy kul'tury rechi*. 2010; 10: 229-235. (In Russ.).
15. Ovinova LN., Shrajber EG. “Toxic” pedagogical communication: analysis of its state, causes and signs. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki*. 2022;14;3:34-46. DOI: 10.14529/ped220304. (In Russ.).
16. Sundiev IYu., Smirnov AA. “Toxic” content on the internet and its impact on youth radicalization. *Nauchnyj portal MVD Rossii*. 2020;4(52):35-44.
17. Firsova MA. Invective potential of irony in media discourse. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2023;2(33):65-71. (In Russ.).
18. Hrebina SV., Nikulina SA., Voronkina LB. The influence of destructive patterns of behavior in the mass media on the increase in the severity of the level of aggression in audiences. *Gumanitarnye nauki (Yalta)*. 2022;1(57):121–129. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. Н. Басовская — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой медиаречи.

Т. А. Воронцова — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

E. N. Basovskaya — Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Department of Media Speech.

T. A. Vorontsova — Dr. Sci. (Philology), Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 19.03.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-70-77

ТАКТИКА ОПРОВЕРЖЕНИЯ КОГНИТИВНОГО СТЕРЕОТИПА О ЖАНРЕ И СТИЛЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА В АВТОРСКИХ ПРЕДИСЛОВИЯХ

Татьяна Александровна Воронцова^{1✉}, Диана Валерьевна Нургалева²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, voron500@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7370-8809

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, diananurgaley@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается тактика опровержения когнитивного стереотипа относительно жанрово-стилистической специфики научно-популярного текста в авторских предисловиях. Материалом исследования послужили авторские предисловия к научно-популярным текстам в формате отдельного издания (книги) на лингвистическую и психологическую тематику. В результате анализа материала были выделены три когнитивных стереотипа о жанре и стиле научно-популярного текста, которые опровергаются в авторских предисловиях: 1) научно-популярный текст — это научный текст; 2) научно-популярный текст — это учебник; 3) научно-популярный текст — это инструкция. Формирование данных стереотипов в сознании массового читателя обусловлено объективной неопределенностью жанрово-стилистических характеристик научно-популярного текста. Основная функция авторского предисловия — сделать предлагаемый текст максимально привлекательным для читателя (рекламная стратегия). В рамках данной стратегии тактика опровержения когнитивного стереотипа в авторском предисловии призвана показать читателю, что предлагаемый текст не принадлежит к текстам тех жанров, функциональные и стилистические характеристики которых делают их сложными, скучными, схематичными для массового адресата. В результате исследования было установлено, что данная тактика по отношению к каждому из указанных стереотипов реализуется разными способами. Стереотип «научно-популярный текст — это собственно научный текст» может опровергаться как эксплицитно (прямое отрицание жанрово-стилистических особенностей научного текста), так и имплицитно (указание на те свойства текста, которые отличают его от текста собственно научного). Основными способами опровержения когнитивного стереотипа «научно-популярный текст — это учебник» являются как прямое опровержение принадлежности текста к данному жанру, так и указание на функциональное и содержательное несоответствие предлагаемого текста жанру учебника. Тактика опровержения стереотипа «научно-популярный текст — это инструкция» реализуется в основном имплицитно: автор подчеркивает те функциональные особенности текста, которые не позволяют считать его инструкцией. Использование данной тактики адресантом обусловлено стратегической целью жанра предисловия — привлечь внимание читателя к предлагаемому тексту.

Ключевые слова: научно-популярный текст, авторское предисловие, коммуникативная тактика, когнитивный стереотип.

Для цитирования: Воронцова Т. А., Нургалева Д. В. Тактика опровержения когнитивного стереотипа о жанре и стиле научно-популярного текста в авторских предисловиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 70–77. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-70-77.

Original article

TACTICS OF REFUTING THE COGNITIVE STEREOTYPE ABOUT THE GENRE AND STYLE OF POPULAR SCIENCE TEXT IN AUTHOR'S PREFACES

Tatyana A. Vorontsova^{1✉}, Diana V. Nurgaleeva²

¹Chelyabinsk State University Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia, voron500@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7370-88091

²Chelyabinsk State University Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia, diananurgaley@gmail.com

Abstract. The article considers the tactics of refuting the cognitive stereotype regarding the genre and stylistic specificity of popular science texts in author's prefaces. The material of the study is author's prefaces to popular science

texts in the format of a separate publication (book) on linguistic and psychological topics. As a result of the analysis of the material, three cognitive stereotypes about the genre and style of popular science texts were identified, which are refuted in the author's prefaces: 1) a popular science text is a scientific text; 2) a popular science text is a textbook; 3) a popular science text is an instruction. The formation of these stereotypes in the minds of the general reader is due to the objective uncertainty of the genre and stylistic characteristics of a popular science text. The main function of the author's preface is to make the proposed text as attractive as possible to the reader (advertising strategy). Within the framework of this strategy, the tactics of refuting the cognitive stereotype in the author's preface are intended to show the reader that the proposed text does not belong to the texts of those genres whose functional and stylistic characteristics make them complex, boring, schematic for the mass addressee. As a result of the study, it was established that this tactic in relation to each of the specified stereotypes is implemented in different ways. The stereotype "a popular science text is a scientific text proper" can be refuted both explicitly (direct denial of the genre and stylistic features of a scientific text) and implicitly (indication of those properties of the text that distinguish it from a scientific text proper). The main methods of refuting the cognitive stereotype "a popular science text is a textbook" are both a direct refutation of the text's belonging to this genre and an indication of the functional and substantive discrepancy between the proposed text and the textbook genre. The tactics of refuting the stereotype "a popular science text is an instruction" are implemented mainly implicitly: the author emphasizes those functional features of the text that do not allow it to be considered an instruction. The use of this tactic by the addresser is determined by the strategic goal of the preface genre — to attract the reader's attention to the proposed text.

Keywords: popular science text, author's preface, communicative strategy, communicative tactics, stereotype.

For citation: Vorontsova TA., Nurgaleeva DV. Tactics of Refuting the Cognitive Stereotype about the Genre and Style of Popular Science Text in Author's Prefaces. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):70-77. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-70-77.

Введение

Научно-популярный дискурс широко представлен в лингвистических исследованиях. Несмотря на неопределённость статуса (стиль, подстиль или тип дискурса), научно-популярный дискурс традиционно включает тексты, ориентирующиеся на читателя-непрофессионала [23]. В зависимости от задачи коммуникации при стилистической классификации текста основанием для его определения как научно-популярного традиционно считается фактор адресата» [6. С. 39]. Интерес к научно-популярным текстам, связанным с проблемами языкознания и психологии, объясняется близостью предмета описания каждому человеку и возможностью использования полученных знаний в повседневной жизни. Однако количество лингвистических работ, посвященных изучению данного материала, весьма незначительно. Специальных исследований, посвященных анализу авторского предисловия к научно-популярным текстам лингвистической и психологической тематики, нами не найдено. Между тем, поскольку фактор адресата является одним из ключевых параметров данного типа текстов, авторские предисловия к таким текстам являются прагматически значимым элементом, что, в свою очередь, обуславливает актуальность данного исследования.

Предметом исследования является тактика опровержения когнитивного стереотипа о жанре и стиле в авторских предисловиях к указанным текстам. Цель исследования — стилистический и коммуникативно-прагматический анализ спо-

собов реализации данной тактики в исследуемом материале.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования в данной статье были использованы авторские предисловия к тринадцати научно-популярным текстам, вышедшим отдельным изданием (книгой) в период с 2020 по 2025 гг. Пять из рассмотренных предисловий предваряют научно-популярные книги о языке. Четыре из них посвящены вопросам культуры речи [2, 8, 9, 26], одна — этимологии и историческим изменениям слов [28]. Также рассмотрены восемь предисловий к научно-популярным книгам по психологии, посвященные проблемам межличностных отношений [5], тревожности [12, 22, 24, 25], методикам самоанализа [3, 10, 20].

Методы исследования: коммуникативно-прагматический и стилистический анализ текста.

Результаты исследования и их обсуждение

По отношению к мыслительным операциям термин «стереотип» впервые использовал социолог У. Липпман в работе «Общественное мнение», опубликованной в 1922 году. Согласно У. Липпману, стереотип — это «форма восприятия», то есть «принятые образцы (patterns), стандартные варианты интерпретации», которые позволяют экономить когнитивные усилия за счет «доставивания» недостающей информации о предмете [16. С. 100–110].

В лингвистике понятие стереотипа активно изучалось в различных аспектах. Так, лингвистических работах разного времени исследова-

лись культурные, ментальные речевые, языковые стереотипы. Понятие «когнитивный стереотип» сформировалось в исследованиях по лингвокультурологии [18], этнопсихолингвистике [15], когнитивной лингвистике [17], лингвопрагматике [4] и др. Обобщая дефиниции данного понятия в различных отраслях лингвистического знания, Е. Г. Малышева определяет когнитивный стереотип «как устойчивое типизированное представление о действительности или её элементе (предмете или ситуации) с позиций обыденного массового сознания...» и выделяет ряд параметров данного феномена [см. подробнее: 17. С. 24].

Тексты научного дискурса в массовом сознании ассоциируются с определенными жанрово-стилистическими характеристиками. Так, в представлении массового адресата собственно научный текст — это текст, для понимания которого нужны специальные знания, т.е. адресат такого текста — специалист в той или иной области научного знания. Учебный текст — это прагматически ориентированный текст, функция которого дать адресату систематизированное представление о той или иной сфере деятельности (научной или практической). При этом о стиле и жанре научно-популярного текста массовый адресат не имеет столь четкого представления, поскольку данный текст может иметь самые разные «форматы»: от книги до заметки в СМИ, что обуславливает значительную подвижность и разнообразие его языковых и стилистических параметров. Этот факт обуславливает появление различных стереотипных интерпретаций, связанных с жанром, стилем и прагматическими параметрами научно-популярного текста. Как стандартный вариант интерпретации, стереотип напрямую связан с читательскими ожиданиями. Так как функциональная направленность научно-популярного текста, заключающаяся одновременно в информировании и развлечении, не позволяет отнести его к собственно научным или собственно развлекательным текстам и обуславливает его пограничное положение, стереотип, возникающий в сознании читателя и стремящийся к определённости и ясности, будет смещать это неустойчивое положение к одному или другому полюсу.

В предисловии к научно-популярному тексту основная цель автора — привлечь внимание читателя, вызвать интерес к данному тексту, т.е. авторское предисловие выполняет прежде всего рекламную функцию. При этом в интересах автора сохранить баланс между академической наукой и массовой литературой. Автор понимает, что,

во-первых, читатель обращается к научно-популярному тексту, чтобы получить знания в той или иной научной области, во-вторых, он оценивает эти знания с точки зрения возможности их практического применения, в-третьих, для читателя важно, чтобы эти знания были представлены в доступной интересной форме [7]. В связи с этим автор может прогнозировать, какие когнитивные стереотипы относительно содержательных и жанрово-стилистических характеристик научно-популярного текста могут формироваться у массового адресата. В рамках рекламной стратегии в авторском предисловии тактика опровержения когнитивного стереотипа заключается в отрицании принадлежности данного текста к текстам, которые представляются читателю сложными, скучными, схематичными, т.е. так или иначе снижают читательский интерес.

В результате анализа нами было выделено три когнитивных стереотипа о жанре и стиле научно-популярного текста, которые авторы опровергают в предисловиях. Каждый из этих стереотипов обладает определенными чертами, которые способны оказать негативное влияние на восприятие научно-популярного текста массовым адресатом.

Авторская репрезентация жанрово-стилистических параметров предлагаемого читателю текста может осуществляться посредством тактики опровержения когнитивного стереотипа «научно-популярный текст — это собственно научный текст». Научно-популярный текст, представленный в формате отдельной книги, в сознании массового адресата может ассоциироваться с жанром научной монографии. Лингвисты отмечают, что композиция монографии отражает процесс познавательной деятельности учёного и, следовательно, все фазы научного исследования [14; 21], поэтому способ изложения научной работы «является способом доказательства» [21. С. 381]. Такой текст информационно избыточен, что проявляется в дублировании информации в так называемой прагматической рамке, «которую образуют периферийные тексты» [14. С. 255]. Жанрово-стилистическая специфика такого текста ориентирована на адресата-специалиста в определенной научной области. Коммуникация внутри научного сообщества всегда соответствует горизонтальной коммуникативной модели, независимо от научного статуса коммуникантов (ни у кого нет монополии на научную истину). Способ изложения научной информации рассчитан на то, что критически осмыслить новое научное знание и оценить его

теоретическую и практическую значимость может только специалист. Следовательно, при адресации такого знания неспециалисту коммуникативная модель взаимодействия *адресант — адресат* становится вертикальной. В рамках данной коммуникативной модели негативное восприятие собственно научного текста массовым читателем (неспециалистом) может быть обусловлено следующими причинами:

Во-первых, язык и стиль собственно научного текста а priori представляется массовому адресату сложным и непонятным, и это исключает возможность критического осмысления полученной информации: диалог или полемика с автором-ученым не по силам читателю-неспециалисту, и он остаётся пассивным, безответным, обезличенным воспринимающим звеном вертикальной модели коммуникации.

Во-вторых, логическая структура научного текста, которая призвана облегчить восприятие читателю-специалисту, массовому читателю представляется избыточной и громоздкой и вызывает раздражение: неспециалист отдаёт предпочтение результату.

В-третьих, в сознании неспециалиста теория «проигрывает» практике в полезности. Неспециалист не оценит ту или иную научную теорию или концепцию, в его глазах гораздо важнее, какие прикладные задачи с помощью нового знания можно решить.

Объективная неопределенность жанрово-стилистических характеристик научно-популярного текста способствует тому, что в сознании массового читателя научно-популярный текст может восприниматься как собственно научный текст. Автор научно-популярного текста, предполагая возможность существования такого стереотипа в сознании массового читателя, использует в предисловии тактику опровержения данного стереотипа. Данная тактика в тексте предисловия может быть реализована различными способами. К эксплицитным способам реализации данной тактики можно отнести следующие:

1. Прямое опровержение: *«Она [эта книга] не является научным трудом, скорее интеллектуальным упражнением, попыткой разобраться в вопросе, что называется, для себя»* [25. С. 5].

2. Указание на отсутствие типичных языковых и содержательных черт собственно научного текста: *«...Вы не увидите в тексте незнакомой профессиональной терминологии. Здесь не будет скучной теории, которую сложно понять без специальной подготовки»* [22. С. 13], *«Было*

ясно, что заумные правила и скучные примеры из рассказов Пришвина не зайдут» [2. С. 11].

3. Указание на адаптацию научного материала для массового адресата: *«Понимаю, что существуют научные справочники и энциклопедии, но не все, как я, могут посвятить их изучению столько времени, поэтому многим нужен тот, кто “переведет” с научного языка на обыкновенный»* [8. С. 10].

Данная тактика может быть реализована имплицитно: через указание на те свойства текста, которые отличают его от текста собственно научного.

1. Подчеркивание практической полезности представленной в книге информации: *«Вы познакомитесь с практической стороной психологии и ее возможностями»*

2. Обозначение позиции автора по отношению к адресату как отличной от авторской позиции в собственно научных жанрах: автор рядом с адресатом, а не над ним: беседует, показывает, направляет, сопровождает: *«Вопросы терзают всех <...>. Постараюсь на некоторые из них ответить»* [8. С. 10], *«В этой книге <...> я не даю экспертных советов <...>. Я хочу сопровождать вас, дорогие читатели, в поиске»* [3. С. 11].

В авторском предисловии тактика опровержения когнитивного стереотипа «научно-популярный текст — это собственно научный текст» может быть реализована одним из указанных способов, но, как правило, авторы используют несколько способов для усиления воздействия на читателя.

Ещё одним стереотипом, который опровергается в авторских предисловиях к научно-популярным текстам, является стереотип «научно-популярный текст — это учебник».

Как известно, учебник является дидактическим текстом учебно-научного подстиля, для которого характерна систематизированная подача базовой, научно устоявшейся информации в определенной области научного знания [11. С. 427].

В авторских предисловиях тактика опровержения когнитивного стереотипа «научно-популярный текст — это учебник» может реализовываться различными способами.

1. Прямое опровержение указанного стереотипа: *«Данная книга — это не учебник, рекомендованный Министерством <...>. На самом деле, это, скорее, попытка разговора на весьма непростую тему»* [26. С. 15]. *«...Книга не является учебным пособием, где все такие проблемы освещаются в методической системе и в соответствии с определенной программой»* [28. С. 11].

2. Указание на то, что предлагаемый читателю текст функционально отличается от учебного текста: *«Моя цель — не научить, «как правильно», а показать, насколько сложно втиснуть язык в рамки непреложных законов и единственно верных вариантов»* [9. С. 10].

3. Указание на несоответствие отдельных параметров предлагаемого научно-популярного текста параметрам, обязательным для учебника, например, такой характеристики, как систематизированность: *«Вместе с тем данная книга не только сборник отдельных, внешне иногда совершенно не связанных между собой мини-очерков <...>* [28. С. 11].

Для массового адресата значимость информации, которую он получает в результате знакомства с научно-популярным текстом, определяется еще и тем, сможет ли он каким-то образом применить полученные знания на практике: в коммуникации, в отношениях с другими людьми и т.д., т.е. прагматическим фактором [7]. В связи с этим читатель может воспринимать научно-популярный текст как некое руководство к действию. Такое восприятие научно-популярного текста формирует в сознании массового адресата когнитивный стереотип «научно-популярный текст — это инструкция». Инструкция как дискурсивный жанр имеет двойную природу: с одной стороны, это текст официально-делового дискурса (и соответственно официально-делового стиля), поэтому для таких текстов свойственна стандартизованность как в стилевом, так и в композиционном отношении [1, 13, 27;], с другой — в учебно-научном (дидактическом) дискурсе также можно обнаружить ряд текстов, которые базируются на инструктивных стратегиях и тактиках: методические указания, учебные задания, организованные по принципу алгоритма и т.п. В лингвистических исследованиях, посвященных анализу текстов данного жанра, авторы обращают внимание на функциональную двойственность инструкции: эти тексты, во-первых, призваны дать читателю определенную информацию, во-вторых, показать, как он должен действовать в соответствии с полученной информацией [1, 13]. При этом основная функция в инструктивных текстах — предписывающая, т.е. доминирующей является императивная коммуникативная стратегия, которая по определению предполагает вертикальную модель коммуникации [11; 27].

Формированию стереотипа «научно-популярный текст — это инструкция» у массового адресата способствует достаточно большое количество

научно-популярных текстов, где доминирование инструктивной стратегии заявлено автором в предисловии: *«Книга дает четкий пошаговый план действий по выходу из абьюза. Это книга-инструкция»* [5. С. 9]; *«Мне важно, чтобы, прочитав эту книгу, вы четко знали, что делать»* [12. С. 7–8]; *«Все, что от вас потребуется, — реализовать данные рекомендации на практике»* [24. С. 5–6].

Вместе с тем, ряд авторов в предисловиях опровергают доминирование инструктивной стратегии применительно к конкретному научно-популярному тексту. Тактика опровержения стереотипа «научно-популярный текст — это инструкция» реализуется в основном имплицитно: автор подчеркивает те функциональные особенности текста, которые не позволяют считать его инструкцией:

1. Приоритет информационной, а не императивной функциональной направленности текста: *«И то, что здесь написано, не абсолютная истина. Не нужно считать это безусловным руководством к действию»* [20. С. 7].

2. Вариативность использования представленной информации, и: *«Но эта книга — скорее диалог, в котором я предлагаю вам <...> найти то решение, которое подойдет именно вам»* [19. С. 5–6].

3. Отказ от гарантии строго определённого результата *«Моя книга и практики, которые я предлагаю, не корректируют, не меняют судьбу. Но позволяют разблокировать то хорошее, что тебе предназначено»* [10. С. 14], *«Я не обещаю волшебной таблетки»* [10. С. 15].

4. Горизонтальная модель коммуникации: *«Но эта книга — скорее диалог»* [19. С. 5–6].

Заключение

Таким образом, как показал анализ материала, в авторском предисловии к научно-популярному тексту тактика опровержения когнитивного стереотипа о жанре и стиле реализуется в рамках основной стратегии данного жанра — рекламной. В соответствии с данной стратегией автор научно-популярного текста использует данную тактику, чтобы опровергнуть те когнитивные стереотипы о жанре и стиле предлагаемого текста, которые с его точки зрения могут существовать в сознании массового адресата: 1) научно-популярный текст — это собственно научный текст; 2) научно-популярный текст — это учебник; 3) научно-популярный текст — это инструкция. Данные стереотипы в сознании массового адресата обусловлены тем, что научно-популярные тексты объективно не имеют устойчивых жанро-

вых и стилистических характеристик. Ассоциация научно-популярного текста с текстами указанных жанров наделяет их такими характеристиками, как сложность, назидательность, схематичность, снижая таким образом их аттрактивность.

Реализация данной тактики по отношению к каждому из выявленных стереотипов может осуществляться как эксплицитно — как прямое опровержение принадлежности текста к данному жанру, так и имплицитно — как указание на

функциональное и содержательное несоответствие предлагаемого текста «нежелательному» для адресата жанру.

Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что тактика опровержения когнитивного стереотипа о жанре и стиле научно-популярного текста способствует реализации стратегической цели авторского предисловия — сделать текст максимально привлекательным для массового читателя.

Список источников

1. Безукладова С. С. Инструкция по сборке как жанр инженерно-дидактического дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С.97–107.
2. Бобров В. А. Дерзкий репетитор по русскому языку. Для тех, кто хочет говорить и писать правильно. М.: Эксмо, 2023. 352 с.
3. Булгакова Ю. Л. Разреши себе чувствовать: как честно проявлять свои чувства и открывать через них силу. М.: Эксмо, 2024. 336 с.
4. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
5. Воронкин М. Выйти из абьюза и остаться в живых. М.: АСТ, 2023. 256 с.
6. Воронцова Т. А. Научно-популярный дискурс в современных российских СМИ (проблемы жанра и стиля) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 38–42.
7. Воронцова Т. А. Научно-популярный лингвистический дискурс в СМИ: актуализация лингвистических знаний в массмедиа // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 5 (487). С. 85–92.
8. Гараз Л. Помогатор по русскому: как говорить и писать правильно без вреда для окружающих и с пользой для себя. М.: Эксмо, 2021. 320 с.
9. Гурьянова С. В начале было кофе. Лингвомифы, речевые «ошибки» и другие поводы поломать копь в спорах о русском языке. М.: Эксмо, 2024. 368 с.
10. Друма Е. Ты — сама себе психолог: отпусти прошлое, полюби настоящее, создай желаемой будущее. М.: Эксмо, 2024. 416 с.
11. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
12. Зубкова Л. Тревожность. Как дисциплинировать беспокойный ум. М.: АСТ: Кладезь, 2024. 320 с.
13. Киндеркнехт А. С., Раскопина Л. П. Текст инструкции в практике письменного перевода // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 102–105.
14. Котюрова М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.
15. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 282 с.
16. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
17. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. М.: Флинта, 2011. 370 с.
18. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
19. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
20. Пирумова Ю. Все дороги ведут к себе. Путешествие за женской силой и мудростью. М.: Эксмо, 2025. 304 с.
21. Русский язык и культура речи: учеб. для вузов / под ред. В.Д. Черняк. М.: Высш. шк., 2009. 496 с.
22. Садова Е. Тревога не то, чем кажется. 8 способов обрести мир с самим собой. М.: Эксмо: Бамбора, 2022. 256 с.
23. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.
24. Федоренко П. Эффективный метод избавления от страхов, тревог, паники, ВСД. Счастливая жизнь без панических атак и тревог. М.: АСТ, 2021. 256 с.

25. Филоненко К. Путеводитель по современным страхам. Социология стрёма. М.: АСТ, 2020. 272 с.
26. Фомина Н. Русский язык для тех, кто забыл правила. М.: Издательство АСТ, 2022. 320 с.
27. Хорохордина О. В. Инструкция как тип текста // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 7–14.
28. Шанский Н. М. Лингвистические детективы. Увлекательные рассказы из жизни слов. Книги 1, 2. М.: Эксмо, 2023. 576 с.

References

1. Bezukladova SS. Instrukciya po sborke kak zhanr inzhenerno-didakticheskogo diskursa. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2022;6(224):97-107. (In Russ.).
2. Bobrov VA. Derzkij repetitor po russkomu yazyku. Dlya tekh, kto hochet govorit' i pisat' pravil'no = Daring Russian language tutor. For those who want to speak and write correctly. Moscow: Eksmo; 2023. 352 p. (In Russ.).
3. Bulgakova YuL. Razreshi sebe chuvstvovat': kak chestno proyavlyat' svoi chuvstva i otkryvat' cherez nih silu = Give yourself permission to feel: how to honestly show your feelings and discover power through them. Moscow: Eksmo; 2024. 336 p. (In Russ.).
4. Vepreva IT. Yazykovaya refleksiya v postsovetuskuyu epohu = Language reflexion in the post-Soviet era. Moscow: OLMA-PRESS; 2005. 384 p. (In Russ.).
5. Voronkin M. Vyjti iz ab'yuza i ostat'sya v zhivyh = Get out of abusive situations and stay alive. Moscow: AST; 2023. 256 p. (In Russ.).
6. Voroncova TA. Nauchno-populyarnyj diskurs v sovremennyh rossijskih SMI (problemy zhanra i stilya). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014;6(335):38-42. (In Russ.).
7. Voroncova TA. Nauchno-populyarnyj lingvisticheskij diskurs v SMI: aktualizacijalingvisticheskikh znaniy v massmedia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;5(487):85-92. (In Russ.).
8. Garaz L. Pomogator po russkomu: kak govorit' i pisat' pravil'no bez vreda dlya okruzhayushchih i s pol'zoy dlya sebya = Russian Helper: how to speak and write correctly without harming others and with benefit to yourself. Moscow: Eksmo; 2021. 320 p. (In Russ.).
9. Gur'yanova S. V nachale bylo kofe. Lingvomify, rechevye «oshibki» i drugie povody polomat' kop'ya v sporah o russkom yazyke = In the beginning there was coffee. Linguomyths, speech 'mistakes' and other reasons to break spears in disputes about the Russian language. Moscow: Eksmo; 2024. 368 (In Russ.).
10. Druma E. Ty — sama sebe psiholog: otpusti proshloe, polyubi nastoyashchee, sozdaj zhelaemoj budushchee = You are your own psychologist: let go of the past, love the present, create the future you want. Moscow: Eksmo; 2024. 416 p. (In Russ.).
11. Zherebilo TV. Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of Linguistic Terms. Nazran': Pilgrim; 2010. 486 p. (In Russ.).
12. Zubkova L. Trevozhnost'. Kak disciplinirovat' bespokojnyj um. = Anxiety. How to discipline an anxious mind. Moscow: AST: Kladez'; 2024. 320 p. (In Russ.).
13. Kinderknekht AS., Raskopina LP. Tekst instrukcii v praktike pis'mennogo perevoda. *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya = Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2018;1(22):102-105. (In Russ.).
14. Kotyurova MP. Kul'tura nauchnoj rechi: tekst i ego redaktirovanie = Culture of scientific speech: text and its editing. Moscow: Flinta: Nauka; 2008. 280 p. (In Russ.).
15. Krasnyh VV. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya = Ethnopsycholinguistics and linguoculturology. Moscow: Gnozis; 2002. 282 p. (In Russ.).
16. Lippman U. Obshchestvennoe mnenie. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 p. (In Russ.).
17. Malysheva EG. Russkij sportivnyj diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie = Russian sports discourse: a linguocognitive study. Moscow: Flinta; 2011. 370 p. (In Russ.).
18. Maslova VA. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. = Linguoculturology: textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Akademiya; 2001. 208 p. (In Russ.).

19. Oksanen EO. Psihologicheskie granicy: kak stroit' zdorovye otnosheniya v sem'e i na rabote = Psychological boundaries: how to build healthy relationships in the family and at work. Moscow: AST; 2024. 352 p. (In Russ.).
20. Pirumova Yu. Vse dorogi vedut k sebe. Puteshestvie za zhenskoj siloj i mudrost'yu = All roads lead to the self. A Journey for Feminine Power and Wisdom. Moscow: Eksmo; 2025. 304 p. (In Russ.).
21. Russkij yazyk i kul'tura rechi. Moscow: Vyssh. shk.; 2009. 496 p. (In Russ.).
22. Sadova E. Trevoga ne to, chem kazhetsya. 8 sposobov obresti mir s samim soboj = Anxiety is not what it seems. 8 ways to find peace with yourself. Moscow: Eksmo: Bambora; 2022. 256 p. (In Russ.).
23. Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka = Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language. Moscow: Nauka: Flinta; 2003. 694 p. (In Russ.).
24. Fedorenko P. Effektivnyj metod izbavleniya ot strahov, trevog, paniki, VSD. Schastlivaya zhizn' bez panicheskikh atak i trevog = An effective method to get rid of fears, anxiety, panic, anxiety attacks. Happy life without panic attacks and anxiety. Moscow: AST; 2021. 256 p. (In Russ.).
25. Filonenko K. Putevoditel' po sovremennym straham. Sociologiya stryoma = Guide to Modern Fears. Sociology of fear. Moscow: AST; 2020. 272 p. (In Russ.).
26. Fomina N. Russkij yazyk dlya tekh, kto zabyl pravila = Russian language for those who have forgotten the rules. Moscow: AST; 2022. 320 p. (In Russ.).
27. Horohordina OV. Instrukciya kak tip teksta. *Mir russkogo slova* = *The world of the Russian word*. 2013;(4):7-14. (In Russ.).
28. Shanskij NM. Lingvisticheskie detektivy. Uvlekatel'nye rasskazy iz zhizni slov = Linguistic detectives. Fascinating stories from the life of words. Books 1, 2. Moscow: Eksmo; 2023. 576 p. (In Russ.).

Информация об авторе

- Т. А. Воронцова** — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.
Д. В. Нургалева — старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного.

Information about the authors

- T. A. Vorontsova** — Dr. Sci. (Philology), Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics.
D. V. Nurgaleeva — Senior Lecturer of Department of Russian as a Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.232

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-78-87

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ДИСКУРС МЛАДШЕГО ДОШКОЛЬНИКА: ЖАНРОВО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Людмила Александровна Месеняшина^{1✉}, Ксения Игоревна Валеева²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, mesenyashing@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8308-3440

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, ksvaleeva2003@gmail.com, ORCID: 0009-0003-8906-4392

Аннотация. В статье обоснована актуальность наблюдений за становлением дифференциации между семейным и институциональным дискурсом младшего дошкольника и о роли метаязыковой деятельности ребенка в формировании этой дифференциации. Представлен обзор основных идей современных исследователей, посвященных институциональному дискурсу дошкольника. Новизна работы состоит в том, что к институциональному дискурсу дошкольника осуществлен, говоря словами Л.В. Щербы, не нормативный, а объективный подход. Цель статьи — охарактеризовать жанрово-синтаксические особенности речи ребенка в детском дошкольном учреждении в сопоставлении с жанрово-синтаксическими особенностями его речи в условиях семейного дискурса. Предметом исследования является внутренняя дифференциация этих дискурсов и отражение ее в речи ребенка. Материалом для исследования послужили результаты наблюдения за развитием речи ребенка в возрасте 3 лет и 11 месяцев. Основными методами исследования являются наблюдение и сравнительно-сопоставительный анализ. Обосновывается тезис о том, что детская речь в дошкольном детском учреждении представляет собой особый случай институционального дискурса. Установлено, что в институциональном дискурсе противопоставление между утилитарно-бытовой и познавательно-игровой речью не только не утрачивается, но осуществляется еще в большей степени, нежели в семейном дискурсе. Необходимость существования в разных типах дискурса стимулирует метаязыковую деятельность ребенка. Подтверждается вывод о том, что институциональный дискурс создает благоприятные условия для формирования эгоцентрической речи.

Ключевые слова: детская речь, жанрово-дискурсивный подход, институциональный дискурс, семейный дискурс, жанровая система.

Для цитирования: Месеняшина Л. А., Валеева К. И. Институциональный и семейный дискурс младшего дошкольника: жанрово-синтаксический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 78–87. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-78-87.

Original article

INSTITUTIONAL AND FAMILY DISCOURSE OF THE YOUNGER PRESCHOOLER: GENRE-SYNTACTIC ASPECT

Lyudmila A. Mesenyashina^{1✉}, Ksenya I. Valeeva²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, mesenyashing@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8308-3440

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ksvaleeva2003@gmail.com, ORCID: 0009-0003-8906-4392

Abstract. The article substantiates the relevance of observations on the formation of differentiation between family and institutional discourse of the younger preschooler and on the role of the child's metalanguage activity in the formation of this differentiation. An overview of the main ideas of modern researchers on the institutional discourse of a preschooler is presented. The novelty of the work is that, in the words of L.V. Shcherba, not a normative, but an objective approach. The purpose of the article is to characterize the genre-syntactic features of a child's speech in a preschool institution in comparison with the genre-syntactic features of his speech in a family discourse. The subject of research is the internal differentiation of these discourses and its reflection in the speech of the child. The material for the study was the results of monitoring the development of speech in a child at the age of 3 years and 11 months. The main research methods are observation and comparative analysis. The thesis that children's speech

in a preschool institution is a special case of institutional discourse is substantiated. It has been established that in institutional discourse the opposition between utilitarian-everyday and cognitive-game speech is not only not lost, but is carried out even more than in family discourse. The need to exist in different types of discourse stimulates the child's metalanguage activity. The conclusion that institutional discourse creates favorable conditions for the formation of egocentric speech is supported.

Keywords: children's speech, genre-discursive approach, institutional discourse, family discourse, genre system.

For citation: Mesenyashina L.A., Valeeva K.I. Institutional and family discourse of the younger preschooler: genre-syntactic aspect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):78-87. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-78-87.

На кафедре русского языка и литературы ЧелГУ с 2021 года проводится лонгитюдное исследование развития речи Арсения Х. Результаты наблюдений изложены в статьях: «Начальный этап освоения коммуникативного синтаксиса и жанровой системы родного языка» (2023), «О формировании синтаксической компетенции в детской речи» (2024), «Ранние голофразы: на пути к жанровой дифференциации» (2023), «Усложнение жанрово-синтаксической системы детской речи» (2024). Своеобразие этого исследования состоит в том, что в основу наблюдений положен жанрово-дискурсивный подход, предполагающий, что характер дискурса влияет на усвоение не только лексического уровня родного языка, но также синтаксического и жанрового уровней. В течение первых трех лет наблюдений речевое развитие Арсения Х. рассматривалось только в контексте семейного дискурса. Было обнаружено, что для ребенка в возрасте 3+ предметом познания оказывается любое событие, в том числе и совершенно утилитарно-бытового характера. Отсюда возникло предположение, что на следующих этапах наблюдения за речевым развитием ребенка в основу дискурсивной классификации речи было бы целесообразно положить не оппозицию: утилитарно-бытовое vs познавательное-игровое, а нечто иное, а именно противопоставление между персональным и институциональным дискурсом, с последним ребенок встречается в дошкольном детском учреждении (ДОУ). Дискурс ДОУ отвечает основным признакам институционального дискурса. Во-первых, в детском саду общение происходит в рамках определенных норм и правил, установленных образовательной системой. Воспитатели и педагоги следуют заранее утвержденным программам и методикам, регламентирующим содержание и форму речевой коммуникации. Во-вторых, взаимодействие в детском саду включает четко определенные роли, том числе и речевые. Каждая из этих ролей имеет свои функции и ожидания, что формирует специфический дискурс, характерный для образовательной среды. Наконец, общение в детском саду направлено на достижение определенных об-

разовательных и воспитательных целей. Это может включать развитие социальных навыков, обучение основам языка, формирование эмоционального интеллекта и т.д. Все это отвечает признакам институционального дискурса, приведенным в работах В. И. Карасика [13], Е. И. Шейгал [26] и др. Внимание к институциональному дискурсу дошкольника, на наш взгляд, обусловлено идеями, высказанными еще в 2007 г. Г. Р. Добровой [8], о необходимости создания возрастной социолингвистики.

На основании изложенного, цель настоящей статьи — охарактеризовать жанрово-синтаксические особенности речи ребенка в детском дошкольном учреждении в сопоставлении с жанрово-синтаксическими особенностями его речи в условиях семейного дискурса.

Предметом исследования является внутренняя дифференциация этих дискурсов и отражение ее в речи ребенка.

Мы исходим из предположения, что расширение дискурсивного разнообразия сопровождается усложнением жанровой системы детской речи. Исследований, посвященных изучению детской речи в рамках дошкольного образовательного учреждения, существует значительное количество, в особенности в последние годы. Однако, справедливости ради, следует заметить, что большей частью эти работы посвящены, как правило, решению задач либо реабилитационного характера (см., например, [5; 11; 12; 17; 21; 23]), либо общеразвивающего характера (см., например, [2; 4; 7; 10; 25, 27]), либо решению проблем билингвизма, (см., например [1; 14; 16; 22]).

Что же касается исследований в рамках не «нормативного», а «объективного» подхода к детской речи в рамках ДОУ, то здесь надо в первую очередь назвать капитальное исследование «Детство в дискурсивном пространстве региона: Комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций» [3]. На материале узбекского языка такая работа ведется Мусаевой Н.К. [10]. Однако эти исследования ориентированы на психо- и социо-

лингвистические стороны детской речи в институциональном дискурсе, нас же интересует именно сопоставление жанрово-синтаксических характеристик детской речи в разных типах дискурса.

Материалом для исследования послужили результаты наблюдения за развитием речи ребенка в возрасте 3 лет и 11 месяцев в условиях семейного и институционального дискурса. Основными методами исследования являются наблюдение и сравнительно-сопоставительный анализ.

С целью наблюдения за институциональным дискурсом в ДОО Челябинским государственным университетом была достигнута договоренность с руководством муниципального автономного ДОО «ДС №77 г. Челябинска» о предоставлении возможности одному из участников настоящего проекта (Валеевой К.И.) провести наблюдения за институциональным дискурсом Арсения Х. В ходе этих наблюдений было установлено следующее.

Вопреки ранее высказанному предположению, оказалось, что в рамках институционального типа дискурса противопоставление между познавательно-игровым и утилитарно-бытовым дискурсами не только не утрачивается, но даже, в какой-то мере, усиливается. Вместе с тем было выявлено явное преобладание в институциональной речи именно познавательно-игрового дискурса.

Поэтому прежде чем перейти к его анализу, остановимся на фактах утилитарно-бытового дискурса. Инициативные реплики в его рамках представлены довольно ограниченным жанровым набором. Так, среди высказываний с иллокуцией экспрессива мы видим этикетные жанры приветствия, благодарности, извинения: *Здравствуйте / Извини / Спасибо* и т.д.). Среди высказываний с иллокуцией констатива встречается только жанр сообщения (Арсений Х. (далее – С): *А у меня эта шапка есть, только другая, розовая. Она дома.*)¹. Среди высказываний с иллокуцией директива — жанры 1) просьбы (*Ксюша, смотри, что я сделал;* 2) вопроса (*Ксюш, а ты скоро уйдёшь?*); 3) требования (*Иди уже, а то опоздаешь.*)

В ответных репликах утилитарно-бытового дискурса среди экспрессивов отмечены жанры 1) жалобы (*А Сулеймон меня по животу тицц²* (показал жестом) и 2) жанр разочарования (С. са-

дится рядом с сестрой (К), хотя воспитатель велела садиться на свои места) [К: беги на свое место, вы сейчас рисовать будете] С: *Да ё-моё* (со вздохом встаёт и идёт на место). В констативах встречается только жанр сообщения (С: (увидев заинтересованные взгляды детей) *Это моя сестра, у меня два³ сестры*). Среди высказываний с иллокуцией директива встречаются жанры 1) просьбы (С: *Все, мы уже не играем, давай собирать!* (говорит мальчику после того, как воспитатель попросил навести порядок и убрать игрушки) и предложение типа 1, (в терминологии М. Я. Гловинской: 1) «Х думает о Р, что оно хорошо для Y-а; 2) X говорит Y-у, что если Y хочет, X сделает Р <...> 3) X говорит это, потому что хочет знать, делать ли ему Р» [б. С. 184]): Девочка не может починить игрушку / С: *Давай, я почию* (помог вернуть деталь на место и отдал обратно).

Что касается семейного дискурса, то все те же жанры, что были отмечены в утилитарно-бытовом варианте институционального дискурса, встречаются и в семейном дискурсе. Синтаксическое оформление высказываний также совпадает в обоих дискурсах.

Различия касаются следующих моментов.

1. Использование этикетных фраз в семейном дискурсе уже не столь облигаторно, как в институциональном. Например, ребенок входит в квартиру и, не поздоровавшись, сразу начинает рассказывать бабушке: *Баба, а мы с мамой домой прямо шли, а там собаки, они нам «р-р-р»⁴, а мама им «фу!», и они убежали прямо!*

2. В семейном дискурсе появляются жанры, которых не было в институциональном дискурсе. Так, приведенный выше пример представляет собой полноценное нарративное высказывание (в прошлом году в речи мальчика нами был отмечен протонарратив (*Я ударился, и мне было больно, но теперь не больно*)⁵.

3. Другой жанр, отмеченный нами в семейном дискурсе и не встречавшийся ранее, это жанр, если так можно выразиться, «выдвижения условий» (разновидность жанра «требование», но в качестве элемента более сложного речевого жанра «соглашение, уговор»). На сообщение матери о том, что нужно выпить определенное лекарство, ребенок

¹ В этом примере обращает также на себя внимание неполное освоение семантики местоимений.

² Обратим внимание на то, что замена глагола звукоподражанием в повествованиях мальчиков сохраняется и в школьном возрасте, а иногда не утрачивается и в зрелости (Вспомним у Пушкина: «Колокольчик *динь-динь-динь*»).

³ В этом примере также наблюдается неполное овладение словоизменением числительных.

⁴ Опять, как видим, звукоподражания вместо глаголов.

⁵ Отличие между протонарративом и собственно нарративом мы видим, в частности в то, что настоящее время в нарративе никаким образом не совпадает с текущим моментом речи.

отвечает: «Хорошо, но только потом нерастворительную таблетку давай не будем есть». То есть, он соглашается принять лекарство, но при условии, что другое лекарство он пить не будет. Этот жанр возникает в особой форме речевого взаимодействия: препирательство. Совершенно очевидно, что такая форма возможна в семейном дискурсе и совершенно невообразима в институциональном.

4. В условиях семейного дискурса в ответных репликах так же, как и в прошлом году, продолжают встречаться декларативы «отмены» (в терминологии М. Я. Гловинской): сестра совершает что-то, что Арсению очень не понравилось. С: *Ты мне больше не сестра!* (Вариант: «*Я с тобой больше играть не буду*» как разновидность реакции на схожую ситуацию). В институциональном дискурсе такого жанра отмечено не было. Возможные причины такой жанровой асимметрии будут рассмотрены несколько ниже.

Теперь обратимся к анализу высказываний в рамках познавательно-игрового дискурса. Жанровый состав его довольно разнообразен как в условиях институционального дискурса, так и в условиях семейного дискурса.

В институциональном дискурсе среди инициативных реплик наблюдается следующее.

В высказываниях с иллюкуцией экспрессива встречаются жалобы (С: *Я разобрал звездолет, а теперь не могу его собрать*).

В высказываниях с иллюкуцией директива — жанры 1) вопроса (С: *А тебе треугольник нужен?* (показал на игрушку, которую держала девочка) — и 2) просьбы (С: *Сулеймон, подай вон ту деталь*)¹.

В высказываниях с иллюкуцией констатива широко представлен жанр 1) шутки: С: (пьет кисло-молочный напиток) *Мы на кошек похожи*; С: *Не балуйся* (смеясь, говорит спокойно сидящей рядом с ним девочке, после того, как шалил именно он, толкаясь с сидящим рядом мальчиком); и жанр 2) сообщения: (С: *Я помыл кисточку, и вода теперь синяя*).

Среди сообщений встречается и социализированная речь, то есть речь «для других», как ее называет М. Б. Елисеева [9], и эгоцентрическая («речь для себя»). Примером последней можно считать комментарии, которые Арсений дает при

¹ Несмотря на отсутствие этикетного слова «пожалуйста», это не приказ и не требование. Дело в том, что они с Сулеймоном друзья, держатся на равных, отношения их носят неформальный характер и для выражения просьбы в этой коммуникативной ситуации вполне достаточно просительной интонации.

игре с сортировкой фишек по цветам (С: *Жёлтый* (убирает фишку). *Красный* (убирает другую фишку). *Зелёный*). Эти комментарии не обращены ни к кому конкретному, ребенок просто сопровождает словами свои действия.

В семейном дискурсе появление эгоцентрической речи мы отмечали еще в прошлом году, но тогда это был единичный случай: высказывание в жанре умозаключения. В текущем году этот жанр встречается чаще: (С: *Ложка горячая. Это чай ее нагревает.*).

В институциональном дискурсе среди ответных реплик наблюдается большее разнообразие. Среди экспрессивов представлены жанры 1) жалобы (С: *Ой, смотрите, что-то не собирается, маленькая, наверное* (деталь) и 2) протеста: (Товарищ по игре неправильно убирает фишку по цвету в шкапулку) / С: *Эо, ты туда зелёную убрал, а здесь синие!*). Среди констативов — жанры 1) сообщения (С: (показывает воспитателю, что построил из конструктора) [В: молодец, красиво получилось.] С: (подходя к сестре) *Ты слышала? Воспитатель сказала, что у меня красиво получилось*); 2) отказа (Товарищ по игре подаёт несколько деталей конструктора после просьбы Арсения) / С: *Да мне одна нужна была только*) и 3) шутки (пример будет приведен ниже). Среди директивов представлены 1) жанр просьбы (Девочка играет инерционными машинками, они очень шумят) / С: *Регина, можешь потише? А то у меня уши сейчас будут хрипеть*), 2) жанр совета: (С: *сделай вот эти бруски* (подаёт деталь конструктора мальчику, который что-то строит). *Вот на этой, на зелёной, а у тебя синяя*); и 3) жанр замечания (Девочка делает какую-то башню из конструктора) / С: *Ну, и где сиденье? Ты хочешь, чтобы она без сиденья сидела?*)³ (Почему мальчик выбирает этот жанр, адресуя его сверстнице — об этом также несколько ниже.

Что касается декларативов, то среди ответных реплик мы можем встретить декларативы, если так можно выразиться, «магического» характера: (Девочка делает вид, что заколдовывает Арсения) / С: *Заморозтус!* (двигает пальцами, заколдовывая в ответ, предполагая, что теперь девочка застыла).

Хотя все эти высказывания встречаются в ин-

² Этот пример отражает важную особенность мышления ребенка: один и тот же глагол называет и каузацию явления и его результат.

³ Определение этого жанра взято из работа Е. Н. Суханкиной, которая определяет жанр «Замечание» как «малый речевой жанр волеизъявления учителя, адресованный чаще всего ученику<...>, требующий от него выполнения, изменения или прекращения конкретного действия (действий)». [24. С. 14].

ституциональном дискурсе, перечисленные примеры относятся к коммуникации между сверстниками, т.е. коммуникантами, на речь которых институциональный дискурс накладывает минимальные ограничения. Значительно большие ограничения накладываются на коммуникацию между детьми и воспитателями.

В этом смысле интересно рассмотреть речевое поведение ребенка в такой институциональной форме речевого взаимодействия, как познавательное занятие. Рассмотрим следующий диалог.

Воспитатель (В): Вспоминайте, в какой одежде вы ходили летом?

С: В куртке и шапке.

В: Шортики надевали, наверное, да?

С: Да, и шапки.

Мы можем заметить, что ребенок активно использует неуместный в этой форме речевого взаимодействия жанр шутки. И это при том, что этикетные ограничения, накладываемые институциональным дискурсом, он уже усвоил и соблюдает. Но занятие как институциональную форму собственно-познавательного дискурса, противопоставленную неформальному общению, он пока принимает не вполне. То есть «правила игры», именно как некий норматив, он еще не признает.

Институциональный дискурс создает благоприятные условия для разнообразных форм речевого взаимодействия. И прежде всего это игровой диалог.

Арсений и Сулеймон играют фигурками собак, у Арсения поменьше фигурка, а у Сулеймона — побольше. Играют в «дочки-матери».

С: Папа, я хочу кушать!

М: Я пока на работе.

Как видим, это типичный игровой диалог, соответствующий необходимым условиям: 1) в контексте сообщения присутствуют и адресат, и адресант; 2) адресат воспринимает высказывание в тот же момент, как адресант произносит его; 3) адресат и адресант видят друг друга и имеют общее поле зрения [20. С. 95].

Однако институциональный дискурс создает благоприятные условия для жанра, маркирующего (в наших материалах) институциональный дискурс, а именно для инсценированного квазидialoga. Как отмечает Т. И. Петрова, инсценированный квазидialog — это «тип детской речи, который возникает в процессе одиночной сюжетно-ролевой игры и представляет собой инсценирование спонтанно возникающих диалогов» [20. С. 95].

С: (играет с фигуркой собаки) Ты хорошая,

наша собачка (целует) (1). (Уронил собаку) Эо, у меня вообще-то лапка болит, а вы меня роняете (2). Здесь Арсений Х. разговаривает и за себя, как за участника диалога, и за игрушку. Из жанров в этих репликах мы можем отметить похвалу (1) и упрек (2).

С: (поставил собаку на полку) Спасите! Спасите! (1)

(Другой мальчик подходит и предлагает спасти)

С: Эо, я вообще-то не тебе, моему танку. (2)

В этой ситуации мы наблюдаем также разговор от лица игрушки (1; просьба) и мгновенный выход из игровой ситуации, чтобы выразить протест (2) против вмешательства второго лица.

С: (играет один двумя игрушками) Я падаю! (1) Я тебя спасу! (2)

(Другой мальчик подходит к Арсению помочь и поднимает упавшую игрушку)

С: Да нет же, она упала! (3) (кладёт обратно на пол)

Здесь Арсений Х. в игре как участник диалога не фигурирует, разговор он ведет от лица двух игрушек. Первая реплика (1) является экспрессивом, выражением эмоций, в то время как вторая (2) — это комиссив, обещание спасти. Третья реплика, как и в предыдущем примере, не относится к игровой ситуации, но она показывает, что ребенок четко следует определенному сценарию, который есть у него в голове, и вмешательство кого-то другого недопустимо.

Т. И. Петрова отмечает, что уникальность квазидialoga, как особого жанра детской речи, состоит «в пересечении речи эгоцентрической («речь для себя») и социальной (инсценирование реплик, обращенных к вымышленному адресату)» [18. С. 246].

Ввиду того, что квазидialog содержит в себе множество высказываний разнообразных речевых жанров, он одновременно может рассматриваться и как сложный речевой жанр, и как форма речевого взаимодействия в дискурсе, ср. Т. И. Петрова: «В детском квазидialoge, возникающем при отсутствии синхронного адресата (реального слушающего), также непосредственно воспроизводятся голоса персонажей, но, в отличие от свободного косвенного дискурса, это не повествовательный текст, а разговорный дискурс, созданный и инсценированный одним автором — ребенком» [18. С. 247].

В таком случае и эгоцентрическая речь может рассматриваться как особый тип речевого взаимодействия, а именно интракоммуникация, в которой совпадают роли говорящего и слушающего.

Этот тип речевого взаимодействия также широко представлен в институциональном дискурсе.

Рассмотрим подробнее один из примеров в рамках познавательно-игровой разновидности институционального дискурса.

С: (играет с мальчиком) Ой, наш звездолет! Падает! (1) (попытался поймать, но в итоге просто разобрал на две части) Упал. (2) (собирает, берет деталь, которая лежала отдельно) А это откуда? (3) Не помню. (4) Ну, наверное, она не нужна. (5) (убирает деталь. Позже понял, что это деталь с середины конструкции и без неё ничего не держится.)

В этом тексте наблюдается очень быстрый переход от социализированной речи к эгоцентрической. Реплика (1) еще обращена к мальчику, с которым играл Арсений Х., а все последующие реплики имеют явные черты, характерные для эгоцентрической речи (см. [9]).

Речь Арсения Х. в этом тексте действительно бесконтрольна, он задает вопрос (3) и тут же самостоятельно на него отвечает (4), а также делает последующий вывод (5). Ребенок понижает тон, произнося все это, он не обращается к мальчику, с которым играл до этого.

В семейном дискурсе на момент наблюдения игровых квазидialogов отмечено не было, что не означает в этом плане общей закономерности (см., например [19]).

Таким образом, анализ жанрового состава речи Арсения в институциональном и семейном дискурсах позволил установить, что некоторую часть речи этого ребенка составляют жанры дискурсивно немаркированные. Они широко представлены в обоих типах дискурсов, причем как в инициативных, так и в ответных репликах, как в познавательно-игровой, так и в утилитарной речи. Это прежде всего такие директивные жанры, как просьба и вопрос. Несколько меньше, но тоже широко представлен экспрессивный жанр жалобы, констативный жанр сообщения, и, что несколько неожиданно, жанр шутки.

Особый интерес представляют жанры, маркирующие определенный тип дискурса.

Так институциональный тип дискурса маркирован жанрами «замечание», «совет» и производным речевым жанром «инсценированный квазидialog». Маркированность институционального диалога жанрами «замечание» и «совет» обусловлено тем, что в семейном дискурсе ребенок, как правило, является самым младшим, и к его советам и, тем более, замечаниям, собеседники прислушиваться не готовы. В то время как в институциональном дискурсе все дети равны и чувствуют

себя вправе советовать и делать замечания, с одной стороны, и прислушиваться к ним — с другой. Маркированность же институционального типа дискурса жанром квазидialogа, на наш взгляд, не является константой, а отражает конкретную ситуацию речевого развития данного ребенка.

Семейный дискурс маркирован жанрами «выражение радости», «поддержка», «похвала», «предупреждение», «предположение», «умозаключение», «манипулятивные высказывания», декларативами негативного характера («отмена»), жанрами «обещание», «обязательство», «угроза», жанром «выдвижение условий», как элементом потенциально усложненного жанра «угovor» и формы речевого взаимодействия «препирательство», и жанром нарратива (в прошлом году был «протонарратив», в текущем году имеем дело с полноценным нарративом). Впрочем, если жанр нарратива не встретился нам в институциональном дискурсе, это не означает, что он в принципе там невозможен. Его нетрудно представить на занятиях по развитию речи, когда воспитатель просит детей рассказать о каком-то случае из их жизни. И напротив, маркированный характер жанра «выдвижение условий» совершенно очевиден, потому что препирательство как форма речевого взаимодействия допустима в семейном дискурсе и совершенно невообразима в институциональном. Нетрудно также объяснить маркированный характер манипулятивных высказываний, декларатива «отмена», комиссива «угроза», и т.п., т.к. в детском саду детей сознательно обучают дружелюбному отношению друг к другу

Вместе с тем необходимость вести языковое существование в разных типах дискурсах так или иначе стимулирует и метаязыковую деятельность ребенка. Прежде всего это проявляется в тенденции к эвфемизации речи в семейном дискурсе. Ребенок уже понимает, какие слова не следует говорить, и тщательно подбирает синонимичные приемлемые выражения, если это происходит не на пике эмоций. Вместо слова «глупая», которое он раньше использовал достаточно часто, за что неоднократно получал замечания, Арсений Х. стал использовать слово «неумная».

О напряженной метаязыковой деятельности свидетельствует и следующий диалог в утилитарно-бытовом варианте семейного дискурса.

С: Куда идем?

Мама: В магазин.

С: (повторяет вопрос с чуть большим акцентом на слово) Куда?

Мама: В фикс-прайс.

С: Я не спросил в какой, я спросил куда.

М: На Свердловский проспект. Лучше?

С: Да. А где это?

В данном случае интересна именно реакция ребенка на некорректный, по его мнению, ответ и настойчивое требование необходимого ему ответа. Из этого следует, что ребенок уже дифференцирует категории цели и пространства и чувствует недостаточную дифференцированность семантики вопросительного слова «куда».

Из этого можно сделать вывод, что тенденция к самоконтролю речевого поведения — универсальная: она есть и в семейном, и в институциональном дискурсе, однако в разных дискурсах может проявляться различно.

Таким образом, сопоставительный анализ институционального и семейного дискурса речи ребенка в возрасте 3 лет и 11 месяцев позволил подтвердить гипотезу о том, что расширение дискурсивного разнообразия сопровождается усложнением жанровой системы детской речи.

Было установлено, что в институциональном дискурсе еще в большей степени, нежели в семейном дискурсе, осуществляется противопоставление между утилитарно-бытовой и познаватель-

но-игровой речью.

Выявлены наборы жанров, маркирующие институциональный дискурс («замечание», «совет», «инсценированный квазидialog») и наборы жанров, маркирующие семейный дискурс («выражение радости», «поддержка», «похвала», «предупреждение», «предположение», «умозаключение», «манипулятивное высказывание», «отмена», «обещание», «обязательство», «угроза», «выдвижение условий» — как элемент потенциально усложненного жанра «уговор» в форме речевого взаимодействия «препирательство», и нарратив).

Вместе с тем был выявлен набор дискурсивно немаркированных речевых жанров, среди которых просьба, вопрос, жалоба, сообщение и шутка. Был подтвержден вывод о том, что институциональный дискурс создает благоприятные условия для формирования эгоцентрической речи.

Необходимость смены речевого поведения в разных типах дискурса стимулирует метаязыковую деятельность ребенка.

Перспективы исследования связаны с расширением изучения институционального дискурса дошкольника в объективном аспекте.

Список источников

1. Алтыбаева З. Ч. Подходы к изучению детского билингвизма в дошкольных образовательных учреждениях Бишкека // Русский язык за рубежом. 2022. № 4. С. 50–53.
2. Алюханова Е.М., Ергашова Н. Б., Гришина Е. Е., Безбородникова С. Н. Развитие у старших дошкольников умения вести диалог посредством игр-драматизаций // Педагогический форум. 2022. № 1 (9). С. 8–10.
3. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Козловская Е. А. Детство в дискурсивном пространстве региона: Комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. Омск: Издат. дом «Наука», 2018. 446 с
4. Бутырская Е. В., Жукова Н. В Развитие диалогической речи у детей старшего дошкольного возраста с помощью сюжетно-ролевой игры // Аксиологические проблемы педагогики. 2021. № 12. С. 12–20.
5. Воробьева Н. А. Особенности активного словаря дошкольников с общим недоразвитием речи // Инновационные научные исследования. 2021. № 10 (12). С. 153–164.
6. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158–218.
7. Давлятова Я. С. Использование социокультурного потенциала сюжетно-ролевой игры в развитии диалогической формы речи дошкольников // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2023. № 4. С. 31–36.
8. Доброва Г. Р. Возрастная социолингвистика : к постановке вопроса // Проблемы онтолингвистики: материалы науч.-практ. конф. СПб. : Златоуст, 2007. С. 57–64.
9. Елисеева М. Б. От 2 до 5: речь «для других» и «речь для себя» (к вопросу об эгоцентрической речи ребенка) // Ребенок как партнер в диалоге : Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып. 2. СПб.: Изд-во «СОЮЗ», 2001. С.59–76.
10. Ибрагимова Э. М. Карты Проппа: развиваем речь, память и воображение (из опыта работы) // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. 2020. № 4. С. 204–206.
11. Ивакина М. В. Психолого-педагогическое сопровождение формирования словаря у детей среднего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи в условиях детского образовательного учреждения //

Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: проблемы, перспективы, технологии. Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2022. С. 146–149.

12. Иванкова Ю. Н. Психолого-педагогическое сопровождение формирования фонематического слуха у детей старшего дошкольного возраста с фонетико-фонематическим недоразвитием речи // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: проблемы, перспективы, технологии. Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2022. С. 149–154.

13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., Гнозис, 2004. 390 с.

14. Левицкая С. Ю. Формирование грамматической стороны речи у детей с вынужденным билингвизмом в условиях би- полилингвального детского сада // Сахалинское образование XXI век. 2021. № 1. С. 46–50.

15. Мусаева Н. К. Факторы возникновения детской квазидialogической речи // «Colloquium-journal» № 33 (120), 2021. С.17–19.

16. Нафикова З. Г. Билингвизм в современном детском саду // Воспитатель дошкольного образовательного учреждения. 2020. № 1. С. 55–60.

17. Пейчева Е. С. Социализация детей среднего дошкольного возраста с нарушением речи в детском коллективе дошкольного учреждения // «Вестник науки» 2024. № 12 (81), Т. 2. 2024. С. 875–902.

18. Петрова Т. И. Жанровая специфика инсценированного квазидialogа в детской речи // Жанры речи. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. С. 245–250.

19. Петрова Т. И. К вопросу о синтаксисе детской речи (на материале игровых dialogов) // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию. сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. 2021. С. 268–272.

20. Петрова Т. И. Структурные особенности инсценированного квазидialogа в сравнении с собственно dialogом // Ребенок как партнер в dialogе : Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып. 2. СПб.: Изд-во «СОЮЗ», 2001. С. 95–120.

21. Перепеча В. Л., Меженцева Г. Н. Формирование связной dialogической речи у детей дошкольного возраста с задержкой психического развития // Научный аспект. 2024. Т. 25. № 6. С. 3133–3138.

22. Протасова Е. Ю., Родина Н. М. Обучение второму языку в детском саду // Методист дошкольного образовательного учреждения. 2020. № 29. С. 27–38.

23. Прудникова А. А. Влияние сюжетно-ролевых игр на развитие связной dialogической речи у детей старшего дошкольного возраста с ОНР // Научный аспект. 2023. Т. 5. № 9. С. 570–581.

24. Суханкина Е. Н. Требование и замечание как речевые жанры педагогического взаимодействия-воздействия : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2007. 24 с.

25. Ушакова О. С., Смирнова Е. А. Психолого-педагогические основы развития речи дошкольников // Педагогическое образование и наука. 2008. № 1. С. 11–13.

26. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : монография. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

27. Khanina N. N., Li I. V. Senior preschool children's speech development through dialogue with peers // Bulletin of the Karaganda university. Pedagogy series. 2021. № 2 (102). С. 90–97.

References

1. Altybayeva ZCh. Approaches to the study of children's bilingualism in preschool educational institutions of Bishkek. *Russkiy yazyk za rubezhom = Russian language abroad*. 2022;4:50-53. (In Russ.).

2. Alyukhanova YeM., Yergashova NB., Grishina YeYe., Bezborodnikova SN. Development of the ability to conduct a dialogue in older preschoolers through dramatization games. *Pedagogicheskiy forum*. 2022;1(9):8-10 (In Russ.).

3. Butakova LO., Guts YeN., Kozlovskaya YeA. Detstvo v diskursivnom prostranstve regiona: Kompleksnyy analiz tsennostnykh fragmentov yazykovogo soznaniya i institutsional'nykh kommunikatsiy [Childhood in the discursive space of the region: Comprehensive analysis of value items of linguistic consciousness and institutional communications]. Omsk, 2018: Nauka. 446 p. (In Russ.).

4. Butyrskaya YeV., Zhukova NV. Development of dialogical speech in senior preschool children with the help of role-playing games. *Aksiologicheskiye problemy pedagogiki = Axiological problems of pedagogy*. 2021;12:12-20. (In Russ.).

5. Vorob'yeva NA. Features of the active vocabulary of preschoolers with general speech underdevelopment. *Innovatsionnyye nauchnyye issledovaniya*. 2021;10(12):153-164. (In Russ.).

6. Glovinskaya MYa. Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov = Semantics of verbs of speech from the point of view of the theory of speech acts. *Russkiy yazyk v yego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* (red. Ye.A. Zemskaya) = *Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspects*. Moscow, 1993. Pp. 158-218. (In Russ.).
7. Davlyatova YaS. Using the socio-cultural potential of role-playing games in the development of dialogical speech in preschoolers. *Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta = Scientific works of the Moscow Humanitarian University*. 2023;4:31-36. (In Russ.).
8. Dobrova GR. Age sociolinguistics: towards posing the question. *Problemy ontolingvistiki – 2007* : Proceedings of the scientific and practical conf. Saint Petersburg, 2007. Pp. 57–64. (In Russ.).
9. Yeliseyeva MB. From 2 to 5: speech “for others” and “speech for oneself” (on the issue of the child’s egocentric speech). *Rebenok kak partner v dialoge : Trudy postoyanno deystvuyushchego seminara po ontolingvistike = The child as a partner in dialogue: Proceedings of the permanent seminar on ontolinguistics*. Iss. 2. Saint Petersburg, 2001: Soyuz. Pp. 95-120. (In Russ.).
10. Ibragimova EM. Propp’s cards: developing speech, memory and imagination (from work experience). *Sovremennoye obrazovaniye: aktual’nyye voprosy i innovatsii = Modern education: current issues and innovations*. 2020;4:204-206. (In Russ.).
11. Ivakina MV. Psychological and pedagogical support for the formation of vocabulary in children of middle preschool age with general speech underdevelopment in the context of a children’s educational institution. *Psikhologo-pedagogicheskoye soprovozhdeniye obrazovatel’nogo protsessa: problemy, perspektivy, tekhnologii* [Psychological and pedagogical support of the educational process: problems, prospects, technologies]. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Orel, 2022. Pp. 146-149. (In Russ.).
12. Ivankova YuN. Psychological and pedagogical support for the formation of phonemic hearing in senior preschool children with phonetic and phonemic speech underdevelopment. *Psikhologo-pedagogicheskoye soprovozhdeniye obrazovatel’nogo protsessa: problemy, perspektivy, tekhnologii* [Psychological and pedagogical support of the educational process: problems, prospects, technologies]. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Orel, 2022. Pp. 149-154. (In Russ.).
13. Karasik VI. Yazykovoy krug: lichnost’, kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse] Moscow, Gnosis, 2004. 390 p. (In Russ.).
14. Levitskaya SYu. Formation of the grammatical side of speech in children with forced bilingualism in the conditions of a bi- and multilingual kindergarten. *Sakhalinskoye obrazovaniye XXI vek = Sakhalin education of the 21st century*. 2021;1:46-50. (In Russ.).
15. Musayeva NK. Factors in the emergence of children’s quasi-dialogical speech. *Colloquium-journal. Philological Sciences*. 2021;33(120):17-19. (In Russ.).
16. Nafikova ZG. Bilingualism in a modern kindergarten. *Vospitatel’ doshkol’nogo obrazovatel’nogo uchrezhdeniya = Preschool teacher*. 2020;1:55-60. (In Russ.).
17. Peycheva YeS. Socialization of children of middle preschool age with speech impairment in the children’s group of a preschool institution. *Vestnik nauki = The Science Herald*. 2024;12 (81):875-902. (In Russ.).
18. Petrova TI. Genre specificity of staged quasi-dialogue in children’s speech. *Zhanry rechi = Speech genres*, Saratov; Moscow, 2012: Labirint. Pp. 245-250. (In Russ.).
19. Petrova TI. On the issue of the syntax of children’s speech (based on play dialogues). Russian syntax: from to functionality. *Materials from the World Scientific Conference with International Participation, celebrated by the 95th anniversary of Doctor of Sci. (Philology), Professor Alla Fedorovna Priyatkina*. 2021. Pp. 268-272. (In Russ.).
20. Petrova TI. Structural features of staged quasi-dialogue in comparison with dialogue proper. *Rebenok kak partner v dialoge : Trudy postoyanno deystvuyushchego seminara po ontolingvistike = The child as a partner in dialogue: Proceedings of the permanent seminar on ontolinguistics*. Iss. 2. Saint Petersburg, 2001: Soyuz. Pp. 95-120. (In Russ.).
21. Perepecha VL., Mezhentseva GN. Formirovaniye svyaznoy dialogicheskoy rechi u detey doshkol’nogo vozrasta s zaderzhkoy psikhicheskogo razvitiya [Formation of coherent dialogic speech in preschool children with mental retardation]. *Nauchnyy aspekt = Scientific aspect*. 2024.;6:3133-3138. (In Russ.).
22. Protasova YeYu., Rodina NM. Teaching a second language in kindergarten. *Metodist doshkol’nogo obrazovatel’nogo uchrezhdeniya = Methodologist of preschool educational institution*. 2020;29:27-38. (In Russ.).

23. Prudnikova AA. The influence of role-playing games on the development of coherent dialogic speech in senior preschool children with general speech underdevelopment. *Nauchnyy aspekt = Scientific aspect*. 2023;9:570-581. (In Russ.).

24. Sukhankina YeN. Trebovaniye i zamechaniye kak rechevyye zhanry pedagogicheskogo vzaimodeystviya-vozdeystviya [Demand and remark as speech genres of pedagogical interaction-influence]. Abstract of thesis. Moscow, 2007. 24 p. (In Russ.).

25. Ushakova OS., Smirnova YeA. Psychological and pedagogical foundations of speech development in preschoolers. *Pedagogicheskoye obrazovaniye i nauka = [Pedagogical education and science]*. 2008;1:11-13. (In Russ.).

26. Sheygal YeI. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Volgograd, 2000: Peremena. 368 p. (In Russ.).

27. Khanina NN., Li IV. Senior preschool children's speech development through dialogue with peers. *Bulletin of Karaganda University. Pedagogy Series*. 2021;2(102):90-97.

Информация об авторах

Л. А. Месеняшина – кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы.

К. И. Валеева – студентка историко-филологического факультета.

Information about the authors

L. A. Mesenyashina — Dr. Sci. (Philology), Dr. Sci. (Pedagogy), Professor of Department of Russian Language and Literature.

K. I. Valeeva — student of Faculty of History and Philology.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 21.03.2025; approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1'27

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-88-96

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ ИРОНИИ В КОММУНИКАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УЧАСТНИКОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИГРЫ

Мария Андреевна Роднова¹, Ольга Петровна Кормазина²

¹Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, marie_amur@mail.ru, 0009-0000-7248-0531

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, olga.kormazina@mail.ru, 0000-0003-0641-7088, Scopus ID: 57217306636

Аннотация. Одной из особенностей современного дискурса масс-медиа является функционирование новых жанровых форм, в связи с чем актуальными становятся исследования медиажанров со сложной структурой. В статье рассматривается гипержанр интеллект-шоу на основании анализа коммуникативного события «интеллектуальная игра». В зависимости от типа ролевых отношений, тематики и речевой специфики выделяем следующие типы интеллектуальных игр: «аутентичные» и «периферийные». Цель исследования заключается в выявлении особенностей реализации одной из ключевых тактик интеллектуальной игры — иронии, в частности, степени ее влияния на гипержанровую структуру интеллект-шоу. Материалом послужили выпуски российских телевизионных интеллектуальных игр «Умницы и умницы», «Устами младенца», «Где логика?», «Пятеро на одного», «Сто к одному». Исследование выполнено на основе метода лингвопрагматического анализа. В результате сделан вывод о том, что в «аутентичных» и «периферийных» интеллектуальных играх тактика иронии выполняет разную функцию. Если в «аутентичных» интеллектуальных играх роль иронии ограничивается реализацией прагматической функции в рамках игрового диалога, то в «периферийных» данная тактика полифункциональна: она является не только элементом речевого поведения коммуникантов, но и структурообразующим субжанром, поскольку маркирует переход к другой жанровой форме, меняя игровой диалог на фатический. Результаты сравнительного анализа позволяют заключить, что функционирование тактики иронии можно рассматривать как параметр жанровой дифференциации «аутентичных» и «периферийных» интеллектуальных игр, а также как фактор вариативности жанровой структуры интеллект-шоу.

Ключевые слова: медиадискурс, речевой жанр, интеллектуальная игра, интеллект-шоу, игровой диалог, фатический диалог, речевая тактика, ирония.

Для цитирования: Роднова М. А., Кормазина О. П. Специфика реализации тактики иронии в коммуникативном взаимодействии участников интеллектуальной игры // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 88–96. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-88-96.

Original article

SPECIFICS OF THE IRONY TACTICS IN THE COMMUNICATIVE INTERACTION OF THE INTELLECTUAL GAME PARTICIPANTS

Maria A. Rodnova¹, Olga P. Kormazina²

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, marie_amur@mail.ru, 0009-0000-7248-0531

² Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, olga.kormazina@mail.ru, 0000-0003-0641-7088, Scopus ID: 57217306636

Abstract. One of the features of modern mass media discourse is the functioning of new genre forms. For this reason, the research of media genres with a complex structure is becoming relevant. The analysis focuses on the quiz show hypergenre based on the communicative event «intellectual game». Intellectual games are divided into «authentic» and «peripheral» ones because of dependence on the role relationships type, topics and features of speech. The purpose of this paper is to present features of one of intellectual game key tactics — irony, in particular, the influence on the quiz show hypergenre structure. The material is Russian television quiz shows «Clever Girls and Clever Girls», «Through the Mouth of a Baby», «Where is the Logic?», «Five for One», «One Hundred to One». The research is based on the

linguopragmatic analysis. The author comes to the conclusion that irony tactics realizes different functions in “authentic” and “peripheral” intellectual games. The role of irony in “authentic” intellectual games is limited with a pragmatic function within game dialogue while this tactics in “peripheral” games is multifunctional. It is not only an element of the verbal behavior. In addition, it is a structural subgenre, since it marks the transition to phatic dialogue. The results of the comparative analysis show that the functioning of irony tactics may be considered as a genre differentiation parameter of “authentic” and “peripheral” intellectual games, as well as a variability factor of quiz shows genre structure.

Keywords: *media* discourse, speech genre, intellectual game, quiz show, game dialogue, phatic dialogue, speech tactics, irony.

For citation: Rodnova MA., Kormazina OP. Specifics of the irony tactics in the communicative interaction of the intellectual game participants. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):88-96. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-88-96.

Введение

Современное коммуникативное пространство медиадискурса характеризуется возникновением новых жанров. Специфика таких жанровых форм, по нашему мнению, во многом определяется особенностями коммуникативных событий, в рамках которых они находят свое воплощение. Коммуникативное событие вслед за И. Н. Борисовой рассматриваем как «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [2. С. 13].

Мы анализируем коммуникативное событие «интеллектуальная игра». Под интеллектуальной игрой понимаем процесс взаимодействия коммуникантов, обусловленный тематикой общения, посвященной различным сферам знания, коммуникативная цель которого заключается в демонстрации интеллектуальных способностей игроков в форме соперничества и выборе победителя.

Жанровой реализацией коммуникативного события «интеллектуальная игра» в дискурсе масс-медиа является интеллект-шоу. Опираясь на типологию К. Ф. Седова, считаем закономерным рассматривать интеллект-шоу как гипержанр, который состоит из разных речевых жанров, соответствующих этапам интеллектуальной игры, например, приветствие, игровой диалог. Интеллект-шоу также включает особые жанровые образования, выполняющие функцию тактик, то есть субжанры [15].

Интеллект-шоу является малоизученным жанром. С точки зрения жанровой принадлежности его рассматривают как «игру-состязание» [3. С. 73] или «шоу-игру» [13. С. 244]. Анализ речевых тактик, влияющих на жанровую структуру интеллект-шоу, предпринимается впервые.

Речевые тактики и стратегии вслед за О. С. Иссерс понимаем как единицы, находящиеся в системе родовидовых отношений: речевую стратегию — в качестве «комплекса речевых действий,

направленных на достижение коммуникативной цели» [10. С. 54], а речевую тактику — как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [10. С. 110].

Проанализировав научные работы, посвященные проблеме соотношения речевого жанра и речевых тактик, мы определили, что речевая тактика в рамках жанровой структуры может выполнять разные функции. На этом основании выделяем наиболее общие подходы к анализу тактик, функционирующих в рамках речевого жанра: 1) прагматический, основанный на изучении дискурса и прагмалингвистическом анализе [16]; 2) структурообразующий, с позиций которого речевые тактики рассматриваются как элементы речевжанрового сценария [12]; 3) описание речевых тактик с целью раскрытия специфики речевого жанра в целом [1. С. 391].

В рамках данного исследования представляется важным проанализировать функцию тактики иронии в гипержанре интеллект-шоу, поскольку, как показывают наши наблюдения, она является одной из ключевых тактик, организующих коммуникативное взаимодействие участников интеллектуальной игры.

В современной лингвистике феномен иронии получил разноаспектное описание. Изучив исследования, посвященные определению статуса иронии, мы предлагаем выделить следующие наиболее распространенные подходы к ее пониманию: семантический, прагматический, дискурсивный.

В рамках семантического подхода иронию рассматривают как категорию, которая «рождает энантиосемию» [7. С. 137].

С позиций прагматического подхода ирония анализируется «в аспекте теории речевой деятельности, ... речевых актов» [5. С. 992]. С этой точки зрения ирония рассматривается как коммуникативная тактика [25], разновидность субъективной модальности [14], средство скрытой оценки [20]. Особая реализация иронии происходит в «дезори-

ентирующих приемах, сбивающих собеседника с его стратегической линии речевого поведения, нарушающих его ожидания», например, «псевдосогласиях, псевдоодобрениях» [17. С. 307]. В качестве основного признака иронии выделяется нарушение причинно-следственных связей [9] и «несоответствие высказывания контексту и личности говорящего» [9. С. 51] «для более действенного решения коммуникативной задачи» [9. С. 46]. Притворство коммуникантов находит отражение в использовании ими иронических масок: «маски невежды», «маски наивного, доверчивого человека», «маски подлого или злобного человека», «маски глупо восторженного человека», «маски скептика», «маски глубокомысленного человека» [8. С. 31].

В рамках дискурсивного подхода предлагается использование понятия дискурсивной практики, которое объясняет свойственную иронии «независимость от сферы коммуникации» [18. С. 7].

Наиболее активно ирония используется в медиадискурсе, что обусловлено характерной для него имплицитностью [11]. Так, функционируя в дискурсе масс-медиа, ирония «становится доминирующим способом выражения непрямо́й оценки» [4. С. 63].

Применительно к нашему исследованию мы понимаем иронию в прагматическом аспекте и рассматриваем ее как речевую тактику и субжанр, определяющий специфику взаимодействия коммуникантов. В качестве одной из ключевых задач выделяем анализ функций иронии и степени ее влияния на гипержанровую структуру интеллект-шоу. Цель исследования заключается в выявлении специфики тактики иронии в рамках коммуникативного взаимодействия участников «аутентичных» и «периферийных» интеллектуальных игр.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на основании метода сравнительного лингвопрагматического анализа иронических высказываний в разных типах интеллектуальных игр.

По нашему мнению, интеллектуальные игры можно разделить на «аутентичные» и «периферийные». Если в «аутентичных» интеллектуальных играх невозможна реализация симметричного типа ролевых отношений, то специфика коммуникативного взаимодействия в рамках «периферийных» характеризуется симметричностью. По сравнению с «периферийными» интеллектуальными играми ведущий «аутентичных» игр представляет собой специалиста в той области знаний,

которой посвящена программа. Различаются данные типы игр и речевыми средствами: в связи с узкоспециализированной тематикой в «аутентичных» играх преобладает специальная лексика, в то время как в «периферийных» широко используется разговорная.

Проанализировав российские телевизионные интеллект-шоу, в качестве примера «аутентичной» интеллектуальной игры выделяем интеллект-шоу «Умницы и умники», к «периферийным» интеллектуальным играм относим «Устами младенца», «Где логика?», «Пятеро на одного», «Сто к одному». Исследование проведено на материале расшифрованных текстов данных интеллект-шоу общим объемом более 23 000 словоупотреблений.

Результаты и обсуждение

Тактика иронии в «аутентичных» интеллектуальных играх

Организатором коммуникативного взаимодействия в «аутентичной» интеллектуальной игре «Умницы и умники» выступает ведущий — кандидат исторических наук, профессор МГИМО Ю. П. Вяземский. Участниками игры являются старшеклассники, будущие абитуриенты МГИМО. Цель игроков заключается в выигрыше главного приза — зачислении в МГИМО на бюджетной основе.

Речевое поведение ведущего основано на реализации следующих коммуникативных целей: организация игрового процесса, опрос игроков, снижение градуса напряженности за счет выравнивания ролевых позиций. Сделать коммуникацию менее формальной ведущему позволяет «игровая стратегия» [10, с. 266], в соответствии с которой участники официальной ситуации общения имитируют непринужденное общение. В рамках игровой стратегии ведущим наиболее активно используется тактика иронии. Игроки не имеют права применять ее по отношению к ведущему, поскольку «аутентичная» интеллектуальная игра организована на основе ассиметричного типа коммуникативного взаимодействия. Помимо ведущего, тактику иронии может использовать и судья, что обусловлено его коммуникативной ролью и основной задачей — оценивать ответы игроков. Как и ведущий, судья является представителем интеллектуальной элиты, занимает высокую должность в образовательной, культурной или политической сфере.

По нашим наблюдениям, в рамках «аутентичной» интеллектуальной игры тактика иронии реализуется, когда коммуникант примеряет на себя маску невежды и скептика.

Маска невежды проявляется, когда ведущий (реже — судья), притворяясь, что находится на более низком интеллектуальном уровне, выбирает тактику самоиронии, поддерживая игрока, позволяя ему показать свою эрудированность.

Например, тактика иронии реализуется посредством маски невежды в ситуации, когда ведущий задает вопрос:

Ведущий «Умницы и умники». *Одна река называется Великая/ а другая называется Пскова/ и город/ по-моему/ называется Псков//;*

Вводно-модальное слово *по-моему* указывает на неуверенность, хотя из контекста мы понимаем по названию реки, какой это город.

Ироническая маска скептика реализуется в игровых ситуациях, когда тактика иронии выполняет функцию совета и коррекцию ответа игрока в мягкой, некатегоричной форме: 1) дан неправильный ответ; 2) в ситуации излишне подробного или неточного ответа; 3) дан правильный ответ на легкий вопрос. Как показывают наши наблюдения, посредством маски скептика ирония создается с помощью следующих речевых приемов: псевдоотрицание, псевдодискредитация и псевдообсуждение.

Псевдоотрицание возможно, когда в ситуации правильного ответа на несложный вопрос ведущий притворяется, что ожидал другого — неправильного — ответа:

Игрок «Умницы и умники». *В Третьяковской галерее//*

Ведущий «Умницы и умники». *Да что Вы! А я думал/ Вы скажете в Эрмитаже! (о местонахождении картины В. Г. Перова «Портрет Ф. М. Достоевского»)*

В данном примере прием псевдоотрицания реализуется с помощью использования частицы. Частица *да что (Вы)* выражает сомнение, но, как показывают контекст и противопоставление мнения ведущего *а я думал* реплике игрока, ведущий подчеркивает очевидность правильного ответа.

Прием псевдодискредитации характеризует ситуации излишне развернутого или неполного ответа игрока, когда вместо ожидаемого упрека выражается одобрение:

Ведущий «Умницы и умники». *Золотко/ что такое Табаков? Олег Палыч [Павлович] Табаков// (выделяя отчество с помощью интонации)*

В данной реплике псевдоотрицание реализовано с помощью риторического вопроса, который подразумевает необходимость уточнения формулировки правильного ответа. Однако может показаться, что с помощью этого средства ведущий указывает на ошибку.

Прием псевдообсуждения характерен для ситуации, когда коммуниканты притворяются, что обсуждают что-то, например, количество наград за правильный ответ, хотя решение и их будущее действие очевидно:

Ведущий «Умницы и умники». *Один орден даем?*

Судья «Умницы и умники». *Да мне кажется/ что и тремя как-то не откупиться// Давайте один/ наверное/ все-таки//*

В данном диалоге вводно-модальное слово *наверное* и частица *все-таки*, выполняющие функцию деинтенсификаторов, указывают на сомнение судьи в том, что за правильный ответ достаточно будет вручить игроку только один орден, хотя согласно правилам игры за каждый ответ предусмотрена только одна награда.

Таким образом, для «аутентичных» интеллектуальных игр тактика иронии важна исключительно с точки зрения прагматики, поскольку она способствует достижению коммуникативных целей: используя иронические маски невежды и скептика, ведущий и судья стремятся снизить уровень напряженности, сделать коммуникацию более непринужденной и поддержать игроков. В «аутентичных» интеллектуальных играх тактика иронии не является структурообразующей в рамках гипержанра, так как не маркирует смену речевого жанра.

Тактика иронии в «периферийных» интеллектуальных играх

Основной речевой стратегией ведущего «периферийной» интеллектуальной игры является самопозиционирование и формирование положительного эмоционального настроения у игроков и телезрителей. Так как игроками обычно являются знаменитости, в качестве генеральной стратегии их коммуникативного поведения выступает самопрезентация и установка на развлечение. Более эффективной реализацией перечисленных выше коммуникативных целей и служит тактика иронии.

В связи с симметричным типом ролевых отношений использовать иронию может как ведущий, так и игроки. Поэтому в «периферийной» игре возможны разные формы взаимодействия: кооперация игроков из разных команд и кооперация команд с ведущим, а также конфронтация игроков соревнующихся команд не только друг с другом, но и с ведущим. В связи с этим, по нашим наблюдениям, в игровых диалогах участников «периферийной» интеллектуальной игры обычно реализуются два типа речевых стратегий: 1) кооперативная, направленная на поддержку игроков, а также

на создание непринужденной дружеской атмосферы; 2) псевдоконфронтационная, то есть имитация инсценированного, искусственного конфликта с целью привлечения внимания к говорящему в результате снижения уровня значимости адресата. В реализации каждой из указанных стратегий значимую роль играет тактика иронии.

Так, с целью поддержки игроков ведущий использует кооперативную стратегию, обращаясь к проигравшей команде:

Ведущий «Где логика?». *Очень-очень-очень заметно было/ что вы поддавались//*

Глагол *поддавались* не соответствует ситуации поражения в игре. Интенсификатор *очень-очень-очень* усиливает иронический эффект.

В ситуациях, когда создается эффект обманутого ожидания, тактика иронии продуцирует переход к фатической коммуникации. Функционируя в качестве субжанра, она обуславливает реализацию новой жанровой формы — фатического диалога, то есть вариацию игрового диалога, в рамках которого темы общения не ограничиваются сценарием игры. Переход к фатическому диалогу, по нашим наблюдениям, маркирован глагольными формами, обозначающими квазипризыв к действиям, реализация которых недопустима в соответствии с правилами игры:

Ведущий «Устами младенца». *Светлана Листова/ актриса// Ваши аплодисменты// В детстве Света так обожала мультфильм/ один вполне конкретно определенный/ что мечтала стать рыбкой и напевать эту прекрасную песню/ «Оставайся мальчик с нами будешь нашим королем»//*

Все игроки. поют

Ведущий «Устами младенца». *Все/ закончили программу/ щас [сейчас] будем петь// У меня есть в телефончике/ ну она прям такая нежная// Я ее очень люблю/ я не хотел стать рыбой при этом/ но песня...*

Игрок «Устами младенца» (1). *Я тоже не хотела/ просто она ничего не делала/ плавала и пела//*

Игрок «Устами младенца» (2). *Ей за это еще и платили/ я так понимаю//*

Ведущий «Устами младенца». *Блестяще// Роман Хан/ актер//*

Так, например, в данном диалоге после представления игрока с помощью глаголов в форме прош. вр. *закончили* и буд. вр. *будем петь* выражается призыв к завершению игры, хотя мы понимаем, что на самом деле коммуникативное намерение ведущего иное: сформировать эмоциональный настрой. Так реализуется фатический

диалог, посвященный обсуждению песни. Далее происходит возвращение к игровому диалогу: ведущий представляет второго игрока.

В «периферийных» интеллектуальных играх, в отличие от «аутентичных», инициатором перехода к фатическому диалогу может выступать не только ведущий, но и игрок. Например, с целью поддержать свою команду и вселить в нее уверенность перед финальным раундом один из игроков в решающий, кульминационный момент просит совет у слабого игрока:

Игрок «Пятеро на одного» (1). *Женька/ ты должен рассказать технологию//*

Игрок «Пятеро на одного» (2). *Отсеивать//*

Игрок «Пятеро на одного» (3). *Отсекать//*

Игрок «Пятеро на одного» (1). *А вот когда ты уже отсеешь/ тогда ты скажешь/ да фиг его знает и проиграешь// (смеются)*

Ведущий «Пятеро на одного». *Система Евгения Попилашвили // Это отдельные аплодисменты системе Евгения/ он с ней/ он с ней выигрывал множество финальных раундов/ еще больше правда не выигрывал/ но система есть// Ладно/ внимание на экран/ узнаем телезрителя/ который сыграет с вами в финале//*

В данном диалоге ироническая реплика игрока (1) определяет переход от объявления ведущим правил финального раунда к фатическому диалогу, посвященному обсуждению предлагаемого другим игроком алгоритма поиска правильного ответа. Квазипризыв содержит глагол *рассказать* в сочетании с кратким прилагательным *должен*. С помощью выражающей имплицитную оценку лексики *терминология, система, отдельные аплодисменты* способности игрока преувеличиваются. Противопоставление антонимичных глагольных форм в последующих репликах диалога усиливают иронический эффект (*отсеешь — проиграешь, выигрывал — не выигрывал*).

Фатический диалог реализуется и в рамках псевдоконфронтационной стратегии, характерной для ситуаций, когда ведущий или игрок выполняет роль псевдоантагониста, провоцируя искусственный конфликт:

Игрок «Где логика?» (1). *Я извиняюсь/ а «красавчик» обязательно говорить/ я просто забыл//*

Игрок «Где логика?» (2). *Да-да/ вот если ты хочешь/ чтобы он помог//*

Игрок «Где логика?» (1). *Я просто думаю/ почему красавчик/ почему ты именно этот псевдоним...*

Ведущий «Где логика?». *Ну/ если для тебя это неочевидно/ то не приходи больше и все//*

Старайтесь/ три картинки вот/ играйте// (игроки смеются и продолжают отвечать на вопросы ведущего)

Так, например, в приведенном игровом диалоге игроки иронизируют над регламентированным сценарием шоу номинацией ведущего «*красавчик*». Основным языковым средством, с помощью которого реализуется ирония в коммуникативном поведении игроков, являются усилительные частицы *да-да, вот, именно* и повтор *почему*. Реакцией ведущего становится псевдодраматизация: используя глагол в форме императива *играйте*, он притворяется, что покидает игровую площадку и оставляет игроков играть одних. Переход к фатическому диалогу маркируется глагольными формами в речи ведущего, выражающими квазипризыв к самостоятельной игре, хотя это противоречит сценарию.

Помимо собственно иронии, реализация псевдоконфронтационной стратегии возможна и с помощью тактики самоиронии, которая обуславливает переход от этапа знакомства непосредственно к игре, выражаясь посредством пояснения к сказанному:

Ведущий «Устами младенца». *Очень мне нравятся все наши сегодняшние игроки// Поэтому не буду помогать никому//* (обращаясь к игрокам двух команд)

Игрок «Устами младенца» (1). *Как здорово!*

Игрок «Устами младенца» (2). *Наконец-то//*

Ведущий «Устами младенца». *Впервые здесь будет честная игра/ а не как обычно//*

В данном игровом диалоге после комплимента ведущего, реализованного с помощью оценочного глагола *нравятся* и наречия в роли интенсификатора *очень*, следует алогичный вывод *не буду помогать никому*. Глагол в форме буд. вр. с отрицанием маркирует переход к фатическому диалогу. Если до иронической реплики ведущего коммуникация осуществлялась в дружеской атмосфере, то, реагируя на нее, игроки начинают иронизировать над ведущим, используя прием несовпадения смыслов, основанный на использовании оценочных наречий *наконец-то, не как обычно, здорово* в сочетании усилительной частицей *как*. Перечисленные речевые средства указывают

на исключительность данного выпуска шоу, в котором игра будет основана на честных правилах, хотя все игры организованы одинаково, ведущий обязан давать подсказки всем командам. Так создается эффект обманутого ожидания.

Можно заключить, что в «периферийных» интеллектуальных играх тактика иронии функционирует не только внутри игрового диалога, реализуя кооперативную и псевдоконфронтационную стратегии, но и оказывает влияние на жанровую структуру, продуцируя фатический диалог. Поэтому ирония может быть определена как структурирующий субжанр «периферийных» интеллектуальных игр, обуславливающий переход от игрового диалога к фатическому. В зависимости от коммуникативной установки говорящего фатический диалог также может осуществляться в рамках кооперативной и псевдоконфронтационной стратегий.

Заключение

Проведенный анализ показал, что в «аутентичных» и «периферийных» интеллектуальных играх тактика иронии различается функциональной направленностью. Если в «аутентичных» интеллектуальных играх роль иронии ограничивается реализацией прагматической функции внутри игрового диалога, заключающейся в снижении уровня напряженности, сокращении дистанции и поддержке игроков, то в «периферийных» тактика иронии является структурообразующим субжанром. Так, помимо организации общения в рамках кооперативной и псевдоконфронтационной стратегий, в «периферийных» интеллектуальных играх ирония ориентирована на инициацию вариации игрового диалога – фатического диалога. Следовательно, в «аутентичных» интеллектуальных играх тактика иронии монофункциональна, в то время как в «периферийных» она является полифункциональной и структурообразующей. Также мы можем сделать вывод, что, поскольку специфика реализации тактики иронии определяет выбор речевых жанров в рамках каждого типа интеллектуальной игры, она обуславливает вариативность жанровой структуры интеллект-шоу и может быть рассмотрена в качестве одного из параметров дифференциации типов интеллектуальной игры.

Список источников

1. Борисова Д. В., Хохолова И. С. Коммуникативные стратегии и тактики пресс-релиза как жанра PR — дискурса (на примере текстов СВФУ) // Казанская наука. 2023. № 12. С. 388–392.
2. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 320 с.

3. Вакку Г. В., Зотов А. Е., Степанова С. Е., Комарова, Н. И. Особенности интеллектуальной игры на российском телевидении // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. С. 23–29. DOI: 10.26293/chgpu.2019.104.4.004
4. Венгранович М. А. «Такая разная ирония»: от стилистического приема — к диффамации // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Российский университет дружбы народов, 2023. С. 62–69.
5. Горностаева А. А. Ирония как культурный и языковой феномен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 990–1002. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-990-1002
6. Дубовская Д. Д. Понятие иронии в современном медиа дискурсе // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы Международной конференции. Саратов: Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2018. С. 166–170.
7. Ермакова О. П. Интенсификаторы и деинтенсификаторы в контексте иронии // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 137–141. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-137-141
8. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. М.: Флинта, 2011. 201 с.
9. Захарова М. В. Языковая игра и ирония в коммуникативном взаимодействии // Отечественная филология. 2023. № 3. С. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2023-3-44-54>
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство «ЛКИ», 2008. 288 с.
11. Койбаева В.Р. Речевые приемы иронии в массмедийном дискурсе // Ratio et Natura. 2024. № 1 (9). URL: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2024-04/rechevye-priemy-ironii-v-massmediynom-diskurse.pdf> (дата обращения: 12.07.2024)
12. Кудесова А. С. Речевой жанр «ссора»: стратегии и тактики // Вестник адъюнкта. 2020. URL: <https://vestnik-adyunkta.ru/8-vestnik/211-rechevoj-zhanr-ssora-strategii-i-taktiki> (дата обращения: 07.07.2024)
13. Кузьминова, А. Ю. Развлекательный контент в системе тележанров: варианты классификации // Журналистика — 2020: условия, проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск: Белорусский государственный университет, 2020. С. 241–246.
14. Самыгина Л. В. Изучение иронии в сфере лингвистики // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2017. № 3. С. 1–11.
15. Седов К. Ф. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. 320 с.
16. Точицкая Н. А. Коммуникативные стратегии и тактики речевого воздействия в жанрах арт-журналистики (рецензия, репортаж) // Медиалингвистика. 2021. № 3. С. 287–298. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.307>
17. Шаронов И. А. Стратегии доминирования в конфликтном диалоге // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018. С. 306–307.
18. Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф. ... д-ра филол. наук. Воронеж. 2014. 51 с.
19. Шкицкая И. Ю. Феномен иронии и ее функции в манипулятивном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 45–52. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/440/6>
20. Burgers C., Lavalette K. Y., Steen G. J. Journal of Pragmatics. 2018. № 127. P. 71–83. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.01.009>
21. Coolidge A. A., Montagnolo C., Attardo S. Comedic convergence: Humor responses to verbal irony in text messages. Language Sciences. 2023. № 99. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2023.101566>

References

1. Borisova DV., Hoholova IS. Communicative strategies and tactics of the press release as a PR-discourse genre (on the materail of the texts of NEFU). *Kazanskaja nauka = Kazan science*. №12. 2023. P. 388–392. (In Russ.).
2. Borisova IN. *Russkij razgovornyj dialog: Struktura i dinamika = Russian conversational dialogue: Structure and dynamics*. Moscow; Publishing House «Librocom», 2009. 320 p. (In Russ.).
3. Vakku GV., Zotov AE., Stepanova SE., Komarova, NI. Intellectual games on Russian television. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva = Bulletin of Chuvashia*

State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev. 2019:23-29. DOI: 10.26293/chgpu.2019.104.4.004 (In Russ.).

4. Vengranovich MA. «Such different irony”: from stylistic device to defamation. *Sovremennyj mediatekst i sudebnaja jekspertiza: mezhdisciplinarnye svyazi i jekspertnaja ocenka: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Contemporary media text and forensic examination: interdisciplinary connections and expert assessment: materials of the International Scientific and Practical Conference*, Moscow; Peoples' Friendship University of Russia, 2023. Pp. 62–69. (In Russ.).

5. Gornostaeva AA. Irony as a Cultural and Language Phenomenon. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2019;4:990–1002. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-990-1002 (In Russ.).

6. Dubovskaja DD. The concept of irony in modern media discourse. *Inostrannye jazyki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii : materialy Mezhdunarodnoj konferencii = Foreign languages in the context of intercultural communication: materials of the International Conference*, Saratov: Saratov State University after N. G. Chernyshevsky, 2018. Pp. 166–170. (In Russ.).

7. Ermakova OP. Intensifiers and deintensification in ironic contexts. *Zhanry rechi = Speech genres*. 2016;1(13):137–141. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-137-141 (In Russ.).

8. Ermakova OP. Ironija i ee rol' v zhizni jazyka = Irony and its role in the life of language. Moscow: Flinta, 2011. 201 p. (In Russ.).

9. Zaharova MV. Language game and irony in communication interaction. *Otechestvennaja filologija = Russian Studies in Philology*. 2023;3:44–54. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2023-3-44-54> (In Russ.).

10. Issers OS. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi = Communicative strategies and tactics of the Russian speech*. Moscow: Publishing House «LKI», 2008. 288 p. (In Russ.).

11. Kojbaeva VR. Speech techniques of irony in mass media discourse. *Ratio et Natura*. 2024. № 1 (9). Available at: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2024-04/rechevye-priemy-ironii-v-massmediynom-diskurse.pdf> (accessed 12.07.2024) (In Russ.).

12. Kudesova AS. Speech genre «quarrel»: strategies and tactics. *Vestnik adyunkta = Adjunct Bulletin*. 2020. Available at: <https://vestnik-adyunkta.ru/8-vestnik/211-rechevoj-zhanr-ssora-strategii-i-taktiki> (accessed 07.07.2024) (In Russ.).

13. Kuz'minova, AJu. Entertainment content in the TV genre system: classification options. *Zhurnalistika — 2020: uslovija, problemy i perspektivy : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Journalism — 2020: conditions, problems and prospects: materials of the International Scientific and Practical Conference*, Minsk: Belarusian State University, 2020. Pp. 241–246. (In Russ.). (In Russ.).

14. Samygina LV. Linguistic research of irony phenomenon. *A-faktor: nauchnye issledovanija i razrabotki (gumanitarnye nauki) = A-Factor: Research and Development (Humanities)*. 2017;3:1–11. (In Russ.).

15. Sedov KF. *Antologija rechevyh zhanrov : povsednevnaja kommunikacija = Anthology of speech genres: everyday communication*. Moscow: Labyrinth, 2007. 320 p. (In Russ.).

16. Tochickaja NA. Communicative strategies and tactics of speech influence in art journalism genres (review, reportage). *Medialingvistika = Media Linguistics*. 2021;3:287–298. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.307> (In Russ.).

17. Sharonov IA. Strategies of dominance in conflict dialogue. *Peresekaja granicy: mezhkul'turnaja kommunikacija v global'nom kontekste : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Crossing Borders: Intercultural Communication in a Global Context: materials of the International Scientific and Practical Conference*, Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2018. Pp. 306–307. (In Russ.).

18. Shilihina KM. *Diskursivnaja praktika ironii: kognitivnyj, semanticheskij i pragmaticheskij aspekty = Discursive practice of irony: cognitive, semantic and pragmatic aspects*. Thesis Abstract. Voronezh; 2014. 51 p. (In Russ.).

19. Shkickaja IJu. The Phenomenon of Verbal Irony and Its Functions in the Discourse of Manipulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2019;440:45–52. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/440/6> (In Russ.).

20. Burgers C., Lavalette KY., Steen GJ. *Journal of Pragmatics*. 2018;127:71-83. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.01.009>

21. Coolidge AA., Montagnolo C., Attardo S. Comedic convergence : Humor responses to verbal irony in text messages. *Language Sciences*. 2023;99:1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2023.101566>

Информация об авторе

М. А. Роднова — ассистент кафедры русского языка как иностранного; аспирант кафедры русского языка и литературы.

О. П. Кормазина — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного.

Information about the author

M. A. Rodnova — Assistant Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language; Doctoral Student, Department of the Russian Language and Russian Literature.

O. P. Kormazina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 16.11.2024; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 16.11.2024; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'374

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-97-105

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «АГРЕССИВНОЙ» ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Фирсова Мария Анатольевна

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, firsovamariaa@yandex.ru,
ORCID: 0009-0008-3819-6586

Аннотация. В статье описан когнитивно-прагматический потенциал глагольных лексем, с помощью которых в языке вербализуется лингвокогнитивная категория агрессии. Новизна исследования состоит в систематизации и описании «агрессивного» пласта глагольной лексики, границы которого являются размытыми и подвижными. Теоретическая значимость изучения агрессивной глагольной лексики заключается в необходимости дополнения типологии способов вербализации агрессии с учетом разнообразия форм и средств ее манифестации в речевой практике. Материалом исследования послужили глагольные лексемы общим объемом 1737 единиц, распределенных по трем лексико-семантическим полям: «Действие и деятельность», «Бытие, состояние, качество», «Отношение». Установлено, что поле «Действие и деятельность» включает группы глаголов 1) физического воздействия на объект, 2) физиологического действия, 3) движения, 4) речевой деятельности, 5) социальной деятельности, самой многочисленной из которых является группа глаголов физического воздействия на объект. Лексико-семантическое поле «Бытие, состояние, качество» представлено глаголами 6) качественного состояния, 7) глаголами бытия. В поле «Отношение» выделяются 8) глаголы взаимоотношения, 9) глаголы межличностных отношений. Выявлено, что наибольшим «агрессивным зарядом» обладают глаголы, объединенные в поле «Действие и деятельность». В него включены глагольные лексемы, реализующие значение «ударить». Агрессивная семантика данных глаголов указывает на целенаправленность действия по нанесению увечий, указывает на разрушение, частичное или полное уничтожения объекта, что является ведущим признаком агрессии. Адресант при употреблении «агрессивных» глаголов выражает негативное намерение по отношению к адресату (или третьему лицу). Установлено, что с лингвопрагматических позиций данные глаголы выражают нестабильное эмоциональное состояние адресанта, его отрицательную оценку действий объекта, приводят к манипулированию сознанием адресата. Целенаправленное нанесение вреда за счет употребления в речи «агрессивных» глаголов приводит к негативному воздействию на адресата, искажению его картины мира, влиянию на морально-этические основы его существования. Проанализированный корпус лексических единиц расширяет представление о лингвокогнитивной категории агрессии в русском языке. Практическая ценность полученных результатов заключается в возможности их использования в лингвистической экспертизе. Перспективы исследования состоят в изучении когнитивно-прагматического потенциала слов других лексико-грамматических разрядов.

Ключевые слова: вербальная агрессия, глагольная лексема, негативная оценка, грубо-просторечное, когнитивно-прагматический.

Для цитирования: Фирсова М. А. Когнитивно-прагматический потенциал «агрессивной» глагольной лексики // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 30–29. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-97-105.

Original article

COGNITIVE AND PRAGMATIC POTENTIAL OF «AGGRESSIVE» VERBAL VOCABULARY

Maria A. Firsova

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, firsovamariaa@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-3819-6586

Abstract. The article describes the cognitive-pragmatic potential of verbal lexemes, with the help of which the linguistic and cognitive category of aggression is verbalized in the language. The novelty of the research lies in the

systematization and description of the “aggressive” layer of verbal vocabulary, the boundaries of which are vague and mobile. The theoretical significance of studying aggressive verbal vocabulary lies in the need to complement the typology of ways of verbalizing aggression, taking into account the variety of forms and means of its manifestation in speech practice. The research material was verbal lexemes with a total volume of 1,737 units, distributed across three lexical and semantic fields: “Action and activity”, “Being, state, quality”, “Attitude”. It has been established that the field “Action and activity” includes groups of verbs 1) physical impact on the object, 2) physiological action, 3) movement, 4) speech activity, 5) social activity, the most numerous of which is the group of verbs of physical impact on the object. The lexico-semantic field “Being, state, quality” is represented by the verbs 6) qualitative state, 7) verbs of being. In the “Relation” field, 8) verbs of relationship, 9) verbs of interpersonal relations are highlighted. It has been revealed that verbs combined in the field of “Action and activity” have the greatest “aggressive charge”. It includes verb lexemes that implement the meaning of “to hit”. The aggressive semantics of these verbs indicates the purposefulness of the mutilation action, indicates the destruction, partial or complete destruction of the object, which is the leading sign of aggression. When using “aggressive” verbs, the addressee expresses a negative intention towards the addressee (or a third person). It has been established that from linguistic and pragmatic positions, these verbs express the addressee’s unstable emotional state, his negative assessment of the object’s actions, and lead to manipulation of the addressee’s consciousness. Purposeful harm through the use of “aggressive” verbs in speech leads to a negative impact on the addressee, distorting his picture of the world, influencing the moral and ethical foundations of his existence. The analyzed corpus of lexical units expands the understanding of the linguistic and cognitive category of aggression in the Russian language. The practical value of the obtained results lies in the possibility of their use in linguistic expertise. The prospects of the research are to study the cognitive-pragmatic potential of words of other lexico-grammatical categories.

Keywords: verbal aggression, verbal lexeme, negative assessment, roughly colloquial, cognitive-pragmatic.

For citation: Firsova MA. Cognitive and pragmatic potential of “aggressive” verbal vocabulary. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500)):30-13. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-97-105.

Введение

Вербальная агрессия имеет широкое распространение в разных дискурсивных пространствах (медиадискурсе, политическом дискурсе, общедоступно-бытовом дискурсе и др.) и остается актуальным предметом изучения современных лингвистических исследований. Разнообразие форм проявления вербальной агрессии, ее большой воздействующий потенциал определяют необходимость описания корпуса «агрессивных» лексических единиц и установления их статуса как таковых. Носителями «агрессивности» являются не только табуированные слова, но и экспрессивно окрашенные лексемы, в процессе употребления которых актуализируются негативные смыслы. Отмечается, что при экспликации агрессии одной из прагматических установок является «выражение негативного отношения либо к адресату, либо к предмету речи, не представленному в коммуникации» [5. С. 110]. Лексические единицы экспрессивно-оценочного характера и с однозначно отрицательной коннотацией оказывают воздействие на эмоциональное состояние адресата [6. С. 64]. Основным показателем вербальной агрессии выступают стилистически маркированные языковые единицы, например, экспрессивно-окрашенная лексика, инвектива, грубо-просторечные слова и т.д., а также оценочная лексика наряду со словами с неодобрительной оценкой и экспрессивно эмоционально-оценочной коннотацией [4; 9].

Под вербальной агрессией нами понимается форма речевого поведения, нацеленная на выражение негативного отношения к объекту высказывания посредством слов и выражений, содержащих смысловые компоненты, оказывающие отрицательное воздействие на адресата. Агрессивное речевое намерение может эксплицироваться с помощью лексики, несущей ярко выраженный негативно-оценочный заряд, словесных ярлыков и инвективных обозначений [2. С. 176]. По мнению В. И. Шаховского, использование лексики, заряженной преимущественно отрицательными эмоциями, которые отражаются в семантике, коннотациях, ассоциациях используемых слов, приводит к тому, что вербальная агрессия становится инструментом воздействия на концептосферу адресата [15. С. 766].

Подобное воздействие может оказываться посредством «агрессивных номинаций человека, входящих в лексико-семантические группы, номинирующие внешность, характер, умственные способности, моральные качества человека» [12. С. 200], а также с помощью глагольных лексем, выражающих негативное действие и отрицательно его оценивающих.

Экспрессивные глагольные лексемы, способы и условия вербализации ими негативных коннотаций входят в область изучения лингвистической экспертизы (см. работы А. Н. Баранова, К. И. Брилева, Н. Д. Голева, Т. В. Чернышовой, Б. Я. Шарифуллина и др.) [1; 3; 7; 13; 14]. Семантический

анализ словарных дефиниций глаголов, номинирующих агрессивные действия (например, *нападать, атаковать, ударить, бить, убивать* и пр.) представлен в работе О. В. Масловой. Исследователь систематизирует по таким признакам, как образ действия, характер объекта и сфера реализации действия только глаголы, обозначающие агрессивные действия [8. С. 52], однако не учитывает особенности функционирования данных слов в речи. Обозначение негативного действия, на наш взгляд, далеко не всегда сопровождается выражением агрессии, т.е. оказанием негативного влияния на того, кто подвергается отрицательной оценке.

В исследовании Ф. Г. Фаткуллиной анализируется деструктивная лексика современного русского языка на материале глаголов деструктивной семантики, где в концепт деструкции автор включает слова, отражающие разные виды разрушений, саморазрушений, деформации, изменения структуры. Отмечается, что в целом глаголам деструктивной семантики свойственна отрицательная коннотация, которая выражается по отношению к одушевленному объекту и развивает связанные значения «убивать», «причинять физические или нравственные страдания» [11. С. 30].

В работе «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» приводится 8 рядов инвективной лексики и фразеологии, относящихся к сфере литературного языка. Среди этих рядов глаголы с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой: *украсть, ханнуть* и др. [10. С. 27].

Эти и другие исследования расширяют представление о глаголах с деструктивной и инвективной семантикой, однако систематизация и описание «агрессивного» пласта глагольной лексики, границы которого являются размытыми и подвижными, остаются одними из нерешенных задач когнитивной лингвистики и прагмалингвистики.

Цель данной статьи — выявить когнитивно-прагматический потенциал глагольных лексем, с помощью которых в языке вербализуется лингвокогнитивная категория агрессии.

При этом лингвокогнитивная категория агрессии определяется нами как значения, выделяемые на основе совокупности таких параметров, как целенаправленность, аффективность, персуазивность, национально-культурная обусловленность, антиаксиологичность и выражающиеся с помощью разнообразных языковых средств, образующих в сознании человека отдельную лингвокогнитивную «ячейку» агрессии.

Когнитивно-прагматический потенциал агрессивных глаголов — это способность их воздействовать на адресата и наносить ему вред. Ментальный вред наносится объекту, чья деятельность и интеллектуальные способности подвергаются критике, высмеиванию, дискредитации. О нанесении морально-этического вреда можно говорить в том случае, когда адресант в речи апеллирует к нравственным категориям, формирующим личность адресата, и принижает их. Определение степени нанесения вреда устанавливается на основе анализа ответных реплик адресата, который воспринимает слова адресанта как несоответствующие действительности и декодирует их как преднамеренную дискредитацию и/или понижение своего статуса.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой¹ и «Самого полного словаря ненормативной лексики» Д. И. Квеселевича² общим объемом 1737 единиц. Картолеку составили глагольные лексемы, имеющие в словарях стилистические пометы ‘грубо-просторечное’, ‘просторечное’, ‘вульгарное’, выражающие негативную семантику и потенциально наносящие вред адресату с точки зрения экспликации вербальной агрессии.

В ходе исследования для описания содержательной стороны языковых единиц, репрезентирующих вербальную агрессию, использовался метод компонентного анализа, а с целью описания особенностей и способов вербализации агрессии — методы когнитивно-дискурсивного и лексико-семантического анализа. Кроме того, в ходе исследования нашел применение прием количественных подсчетов.

Результаты

В результате лексико-семантического анализа собранного языкового материала установлено, что «агрессивные» глагольные лексемы образуют 9 семантических групп, ранжированных нами по количеству включенных в каждую из них единиц. Уточним, что за основу типологии нами была взята классификация глагольной лексики, представленная в «Толковом словаре русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко³.

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1999.

² Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: Астрель, 2011. 1021 с.

³ Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. 573 с.

В лексико-семантическом поле «Действие и деятельность» выделяются 5 групп, в которые входят:

Глаголы физического воздействия на объект: *долбануть, всоbachить, жахнуть, отмондячить, пиндюрить, прикокнуть, хлобыстнуть, ухандокасть, фугануть, шарахнуть* и др. — всего 392 единицы;

Глаголы физиологического действия: *блевануть, выдыхнуться, захаркать, набухаться, нахерачиться, напузыриться, напороться, обгадить, пендрячить, схавать* и др. — всего 273 единицы;

Глаголы движения: *болтаться, ввалиться, выметаться, околачиваться, пошляться, припереться, смыться, таскаться, шлендать, шландать* и др. — всего 260 единиц;

Глаголы речевой деятельности: *добазариться, выматериться, кудахтать, ляпнуть, наблатькаться, набузить, проскулить, прогорланить, похабить, трепаться* и др. — всего 250 единиц;

Глаголы социальной деятельности: *барыжничать, благовать, левачить, лямзить, маклачить, мухлевать, нагробастать, нагреть, надыбать* и др. — всего 104 единицы.

В лексико-семантическое поле «Бытие, состояние, качество» входят агрессивные глаголы таких групп, как:

Глаголы качественного состояния: *бабиться, бычиться, выдрючиваться, заплешиветь, изнахалиться, испохабиться, омудеть, опаскудиться, ссучиться, стерженеть* и др. — всего 184 единицы;

Глаголы бытия: *загнуть, сдохнуть, угробить, гавкнуться, гикнуться, крякнуть, кончиться, околеть, окочуриться, подохнуть* и др. — всего 18 единиц.

В лексико-семантическом поле «Отношение» выделяются глаголы следующих групп:

Глаголы взаимоотношения: *верховодить, каверзить, лупить, мурыжить, наколобродить, оглоедничать, паскудничать, подсиживать, прижопить, спутаться* и т.д. Семантика глаголов данной группы указывает на отношения субъект — социум (группа, публика, масса) — всего 136 единиц;

Глаголы межличностных отношений: *грызть, захомутать, кобельнуться, мудохать, насаживать, паразитствовать, перенюхаться, прихариться, поблядовать, поцапаться* и т.д. Семантика данных глаголов указывает на субъект-субъектные отношения. — всего 120 единиц.

Выделенные нами глагольные лексемы с негативной коннотацией обладают с когнитивно-праг-

матической точки зрения агрессивностью, т.к. имеют однонаправленное воздействие, цель которого — нанести ментальный и морально-этический вред реципиенту.

Обсуждение результатов

Наибольшим «агрессивным зарядом» обладают глаголы, объединенные в поле «Действие и деятельность». Они составляют 74% от общего числа единиц, представленных в выделенных группах (всего 1279 единиц).

Находящийся в эмоционально нестабильном состоянии человек, не прибегающий к физической агрессии, но имеющий намерение ее проявить, выражает свою позицию вербально, угрожая физической расправой. В качестве вербализаторов выступают глагольные лексемы, реализующие значение «ударить». Это лексемы с такими способами глагольного действия, как:

– одноактный, включающий глаголы физического воздействия на объект, например: *звездануть, вмочить, шарахнуть, шибануть, хлестануть, садануть* и др.

– финитный, включающий глаголы физического воздействия на объект, которые имеют значение доведения процесса до конца, например: *отколбасить, отработать, отмантулить, оттузить, отчесать, перехерачить, расхукать, отвалить, отволохат, отдубасить* и др. Агрессивная семантика данных глаголов указывает на целенаправленность действия по нанесению увечий, актуализирует значение разрушения, частичного или полного уничтожения объекта, что является ведущим признаком агрессии. Адресант при употреблении этих глаголов выражает негативное намерение по отношению к адресату (или третьему лицу), вызывая у него отрицательные эмоции и/или нанося этический вред.

Проанализируем особенности употребления данных глаголов: «*А потом сунул руку в карман, а у меня там всего двадцать долларов. Я ей их протягиваю. А она возьми и проштипи мне в лицо: если я остальные не отдам ей сейчас же, то заявление на меня в ментовку напишет, что я ее изнасиловал. Хотел я ей по рожке звездануть, но, слава богу, удержался. Не мое это дело, с бабами воевать*»¹. В данном контексте агрессивный глагол группы физического воздействия на объект *звездануть* (прост.) — ‘очень сильно и резко ударить’² в сочетании с просторечной лексемой

¹ Национальный корпус русского языка.

² Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: Астрель, 2011. С. 288.

рожжа вербализует намерение адресанта физически расправиться с адресатом в ответ на манипуляцию (угрозу написать заявление в полицию). Говорящий отрицает возможность проявления со своей стороны физической агрессии (не воюет с женщинами), однако арсенал использованных им в описании случившегося речевых средств свидетельствует об объективации вербальной агрессии, опосредованно направленной на обидчицу.

Об агрессивности семантики глаголов обозначенной группы свидетельствует и наличие в их смысловой структуре интенсивных сем, указывающих на способ совершения физического действия: ‘резко’, ‘сильно’. Так, глагол *садануть* (прост.) — ‘с размаху с силой ударить’¹ в следующем примере сопровождается лексемой, обозначающей орудие нанесения удара (дрыном): «Набрасывая на плечи телогрейку, Коля стал полниться нежданным гневом: «Разорвало б обжору! Нашел время расслаживаться! **Садану** дрыном по хребту — будет знать!»². Контекст иллюстрирует гневное состояние адресанта, спровоцированное бездействием адресата, на которого направлено не только злопожелание (разорвало б), но и угроза физической расправы, которая объективирована формой будущего времени *садану*.

В группе глаголов физического воздействия на объект также выделяются многочисленные лексемы со значениями ‘подвергнуть половому акту’ (*напырять, использовать*) и ‘совершить половой акт’ (*вздрючить, всадить, отдраить, отжарить, отодрать, отшпокать, оттрахать, отыметь* и др.). Примечательно, что в словарной дефиниции большинства данных глаголов имеется гендерная характеристика, указывающая, что данное действие выполняется мужчиной, следовательно, в интимно-личностных отношениях субъектом выражения агрессии признается мужчина как доминирующее лицо. Например: «*Щас этого перца сдадим, потом к себе вернемся, и я уж точно сегодня на славу оторвусь. Наташку **дрючить** пойду*»³. Глагол *дрючить* — 3 груб.-прост. ‘совершить половой акт (о мужчине)’⁴ в контексте передает намерение говорящего вступить в интимные отношения с женщиной, совершив физическое воздействие на нее.

¹ Там же. С. 756.

² Национальный корпус русского языка.

³ Там же.

⁴ Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: Астрель, 2011. С. 190.

Многочисленную группу глаголов в лексико-семантическом поле «Действие и деятельность» составляют глаголы физиологического действия. Так, они вербализуют процессы

– потребления пищи (*жрать, лопать, нарубаться, натрескаться, сглотать*), алкоголя (*нализаться, назюзиться, надрызгаться, нахлестаться, напузыриться*);

– испражнения (*усраться, хезать, пердеть, наложить, обдрисаться*);

– другие физиологические процессы человека (*блевать, обрюхатеть, задрыхнуть, сёрбать, преть* и пр.).

Большинство данных глаголов имеет пометы ‘вульгарное’ и ‘грубо-просторечное’ и формирует группу лексики телесного низа (скатологической лексики — от греч. *skatos* — кал; относящийся к скатологии, грубо непристойный), которая номинирует процессы жизнедеятельности человека, обычно скрывааемые от посторонних глаз (*наложить, блевать*). Например, «*Тобой, кобелем лохматым, и телушка побрезгует!... — ядовито зашипела Маринка. — Свинья тебя целовала, да три дня **блевала!**.. И не подходи! И на дух не нужен!*»⁵. Грубо-просторечный глагол со значением ‘извергать через рот содержимое’⁶ употреблен в данной коммуникативной ситуации по отношению к мужчине, к которому говорящий испытывает неприязнь, отвращение и не собирается продолжать общение.

Подгруппа «употребление спиртного» содержит лексемы со значениями ‘выпить’ и ‘напиться’: *хряпнуть, клюкнуть, вмазать / набухаться, нахрюкаться, накеросиниться*. Например: «*Я чувствую, что вчера здорово **нахрюкался***»⁷. Грубо-просторечным глаголом *нахрюкаться* — ‘напиться допьяна, до скотского состояния’⁸ — говорящий самокритично характеризует собственное поведение — употребление алкоголя в чрезмерном количестве. Актуализация агрессивного смысла обеспечивается за счет образного компонента, т.е. соотнесения процесса с образом «грязного» животного — свиньи. Подсознательно сравнивая себя с животным, говорящий понимает, что употребление алкоголя нанесло ему физический вред.

⁵ Национальный корпус русского языка.

⁶ Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: Астрель, 2011. С. 44.

⁷ Национальный корпус русского языка.

⁸ Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: Астрель, 2011. С. 486.

Глаголы движения, такие как *околачиваться*, *шлендаться*, *шататься*, *шландать*, *болтаться*, объединяемые многократным способом действия, также способны выражать агрессию. Например: «Ты что тут *околачиваешься*? — услышала она над своим ухом и испуганно обернулась. На нее хмуро смотрел Олег Иванович»¹. В контексте обращение в вопросительной форме и глагол *околачиваться* — прост. ‘ходить, находиться где-либо без дела’² выражают осуждение адресанта и вызывают страх адресата (*испуганно обернулась*). В следующем контексте просторечный глагол *шататься* — прост. ‘бродить без дела’³ выражает агрессию говорящего по отношению к объекту, перемещение которого характеризуется как праздное, бесцельное (*вижу я твои дела*): «Вижу я твои дела, — вырвалось у Петрова. — Бухаешь да по городу *шатаешься*»⁴.

Глаголы речевой деятельности, например, *трепаться*, *бузить*, *кудахтать* и др., признаются нами агрессивными, т.к. могут служить способом осуждения объекта. Например: «*Кончайте-ка трепаться*, — сказал тот грубо, — поезжайте скорее в город, там беда»⁵. Контекст содержит агрессивный призыв к прекращению пустых разговоров в ситуации возникновения беды, в составе предиката смысловая нагрузка лежит именно на глаголе *трепаться* — прост. ‘говорить без толку, болтать’⁶.

Глаголы социальной деятельности, представленные лексемами *барыжничать*, *награбастать*, *левачить* и др., характеризуют социально неприемлемое поведение, строятся по модели субъект — исполнитель действия (барыга — барыжничать; левак — левачить; блат — блатовать). Например: «*Дмитрий Корнеевич, я вас прошу как человек человека, поняли вы? Не имею опыта, Дмитрий Корнеевич, не вник в эти взаимоотношения. — А левачить — вник? — спросил Коростелев, потемнев лицом. — Бросать доверенный участок и дезертировать налево — есть опыт?*»⁷. В данном контексте на просьбу обратившегося говорящий отвечает риторическим вопросом,

выражающим порицание, в котором *левачить* — прост. ‘работать на сторону с получения дополнительного заработка (часто незаконного)’⁸ выражает агрессию, основанную на негативном отношении к объекту.

Таким образом, лексико-семантическое поле «Действие и деятельность» аккумулирует глаголы группы физического воздействия на объект, глаголы совершения полового акта, служащие выражением агрессивного намерения и сигнализирующие о возможном переходе негативного намерения в физическое воздействие на объект. Глаголы групп речевой, социальной деятельности, глаголы движения выражают осуждение и порицание объекта, противопоставляют объект нормам общественной морали. Когнитивно-прагматический потенциал данных глагольных лексем состоит в том, что при их употреблении исполнитель действия противопоставляется адресантом другим участникам действия или обществу в целом.

Лексико-семантическое поле «Бытие, состояние, качество» представлено глаголами, обозначающими различные негативные проявления и изменения, которые происходят

— во внешности человека (*раскабанеть* — ‘растолстеть, ожиреть’⁹, *окорвиться* — ‘растолстеть’¹⁰),

— в характере человека (*скурвиться* — ‘стать продажным человеком’¹¹, *остервозиться* — ‘прийти в состояние стервозности, ярости’¹²),

— в поведении человека (*ссучиться* — (1) вульг. ‘стать сукой, проституткой’¹³ и т.д.).

Данные глаголы мотивированы лексемами, имеющими стилистически сниженный характер и называемыми лицо, поведение которого социально не одобряется (не одобряется в отдельных субкультурах): *стерва* — *остервозиться*, *сука* — *ссучиться*, *курва* — *скурвиться* (субъект — действие). Например, «*Кажется (сейчас трудно вспомнить), я вышел из лагеря с сознанием интеллигентского закона, вроде воровского. А Вовка ссучился, сделался главным редактором скверной газеты. Разграничение между ворами и*

¹ Национальный корпус русского языка.

² Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: Астрель, 2011. С. 536.

³ Там же. С. 985.

⁴ Национальный корпус русского языка.

⁵ Там же.

⁶ Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: Астрель, 2011. С. 875.

⁷ Национальный корпус русского языка.

⁸ Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: Астрель, 2011. С. 387.

⁹ Там же. С. 727.

¹⁰ Там же. С. 536.

¹¹ Там же. С. 785.

¹² Там же. С. 544.

¹³ Там же. С. 812.

суками стало для меня важнее всего личного»¹. В данном контексте глагол *ссучиться* употребляется говорящим в жаргонном значении — «изменить воровским традициям, продаться, перейти на сторону тюремного начальства, стать стукачом»². По утверждению субъекта речи, Вовка, которому приписывается действие по значению глагола *ссучиться* (от *сука* — 5. жарг. «доносчик предатель»³), предал воровские законы и стал работать редактором газеты. Этот факт является стимулом вербализации агрессии, а нелитературная глагольная лексема *ссучиться* выступает речевым средством ее передачи.

К агрессивным глаголам бытия примыкают лексемы с общим значением «умереть» *сдохнуть*, *загнуться*, *подохнуть* и др., выражающими агрессию адресанта по отношению к лицу, чья жизнь не представляет для него ценности. Например: «Я спросил, слышал ли он про Белецкого. — Про эту гестаповскую сволочь? — спросил он спокойно. — Значит, он еще не *сдох*? Знаю, знаю, да говорить о нем не хочется»⁴. Адресант в данном контексте выражает агрессию по отношению к объекту, который ему неприятен (*гестаповская сволочь*). Вербализация агрессии лексемой *сдох* по отношению к человеку является способом противопоставления по вектору «человек — не человек».

Таким образом, лексико-семантическое поле «Бытие, состояние, качество» содержит единицы, которые вербализуют значения «негативное изменение, состояние» и значение «умереть». Прибегая к употреблению данных глаголов, адресант выражает отрицательную оценку исполнителя действия, воздействует на адресата, транслируя свое отношение, вербализованное агрессивными глаголами.

В лексико-семантическом поле «Отношение» представляют глаголы взаимоотношений, об агрессивной семантике которых свидетельствует наличие в их смысловой структуре сем, указывающих на негативное действие против партнера отношений. Так, глаголы *подсидеть*, *каверзить*, *паксудничать*, *скотинить* объединены общим значением «навредить кому-либо» и обладают семантикой осуждения. Например: «...завинчивая фальцет к штурмовой ноте, впол губы распевался: Отво-рай... потихо-оньку... калитку... — и, вски-

нув обомшелую голову, ожесточенно выкрикивал: — Открыть, не паксудничать! Я сказал!»⁵. Агрессивный глагол *паксудничать* груб. прост — «делать мерзости, гадости; пакостничать»⁶ отсылает к бранной номинации *паксуда* — «мерзавец, подонок»⁷ и выражает призыв адресанта не прибегать к действиям, характеризующим паксудное, пакостное поведение. При использовании глаголов с агрессивной семантикой адресант манипулирует сознанием адресата, навязывает свою негативную оценку действий, которые соотносятся с соответствующими негативными номинациями (*паксудничать* — *паксуда*).

При употреблении агрессивной глагольной лексики адресант выражает негативную оценку процессов и действий, показывает пренебрежительное отношение к объекту их совершения. При этом происходит негативизирующее воздействие с целью обозначить поведение лица в унижительном и оскорбительном тоне. Негативизирующий фактор является ведущим при установлении целенаправленности употребления агрессивной глагольной лексики, т.к. нанесение этического, морального и ментального вреда адресанту сигнализирует о наличии агрессии.

Заключение

В результате проведенного лексикографического анализа выявлен корпус «агрессивных» глаголов; языковой материал распределен по трем лексико-семантическим полям: «Действие и деятельность», «Бытие, состояние, качество», «Отношение». Установлено, что поле «Действие и деятельность» включает группы глаголов 1) физического воздействия на объект, 2) физиологического действия, 3) движения, 4) речевой деятельности, 5) социальной деятельности, самой многочисленной из которых является группа глаголов физического воздействия на объект. Лексико-семантическое поле «Бытие, состояние, качество» представлено глаголами 6) качественного состояния, 7) глаголами бытия. В поле «Отношение» выделяются 8) глаголы взаимоотношения, 9) глаголы межличностных отношений.

Выявлены дифференцирующие семантические компоненты в значениях глаголов выделенных групп, приведен анализ их контекстуальной репрезентации. Установлено, что с лингвопрагматических позиций «агрессивные» глаголы выража-

¹ Национальный корпус русского языка.

² Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: Астрель, 2011. С. 812.

³ Там же. С. 825.

⁴ Национальный корпус русского языка.

⁵ Национальный корпус русского языка.

⁶ Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: Астрель, 2011. С. 575.

⁷ Там же. С. 578.

ют нестабильное эмоциональное состояние адресанта, его субъективную оценку действий объекта, приводят к манипулированию сознанием адресата. Целенаправленное нанесение вреда за счет употребления в речи «агрессивных» глаголов приводит к негативному воздействию на адресата, вследствие чего искажается его картина мира, морально-этические основы его существования. Проанализированный корпус «агрессивной» глагольной лексики дополняет расширяет представ-

ление о лингвокогнитивной категории агрессии в русском языке и отражает разнообразие репрезентации агрессивного в лексической системе. Практическая значимость полученных в ходе исследования результатов заключается в возможности их использования в лингвистической экспертизе. Перспективы дальнейшего исследования состоят в изучении когнитивно-прагматического потенциала слов других лексико-грамматических рядов.

Список источников

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта; Наука, 2007. 592 с.
2. Биюмена А. А. Лексические средства экспликации речевой агрессии в русскоязычных печатных изданиях советского периода // Русистика. 2020. Т. 18. № 2. С. 164–180.
3. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
4. Волкова С. Н. Лексико-семантические средства речевой агрессии в телевизионном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2021. № 2. С. 6–21.
5. Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2016. № 2. С. 110.
6. Глухова И. В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии (на материале англоязычных печатных СМИ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12. С. 64.
7. Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтных текстов // Правовая реформа в Российской Федерации: Общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 110–123.
8. Маслова О. В. Семантический анализ глаголов, выражающих агрессию в русском языке // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2011. № 2. С. 52.
9. Петрова Н. Е., Рабибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М., 2011. 155 с.
10. Базылев В. Н., Бельчиков Ю. А., Леонтьев А. А., Сорокин Ю. А. Понятие чести и достоинства, оскорбления и нормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997. 127 с.
11. Фаткуллина Ф. Г., Гизатуллин Д. Э., Саяхова Д. К. Метод интегрального лексикографического представления лексем: теоретический аспект // Поволжский педагогический вестник. 2020. № 1 (26). С. 29–33.
12. Фирсова М. А. Стилистические пометы как маркер «агрессивности» номинаций человека // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 4(16). С. 200–208.
13. Чернышова Т. В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. № 2. С. 207–214.
14. Шарифуллин Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: Проблема инвективы // Юрислингвистика-5. Барнаул, 2004. № 5. С. 120–131.
15. Шаховский В. И. Новые контекстуальные понятия российских СМИ // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы II Междунар. науч. конф. (Волгоград, 24–26 апреля 2007 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 763–767.

Reference

1. Baranov AN. Linguistic examination of the text. Moscow. 2007. 592 p. (In Russ.).
2. Bijumena AA. Lexical means of speech aggression in Soviet Russian-language print media. *Rusistika = Russian studies*. 2020;2:164–180. (In Russ.).
3. Brinev KI. Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise. 2009. 252 p. (In Russ.).
4. Volkova SN. Lexical and semantic means of speech aggression in television discourse/ *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2021;2:6–21. (In Russ.).

5. Voroncova TA. Trolling and flaming: speech aggression in Internet communication. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija = Bulletin of the Udmurt University. The series History and Philology*. 2016;2:110. (In Russ.).

6. Gluhova IV. Lexico-semantic ways of expressing speech aggression (based on the material of English-language print media). *Vestnik ChelGU = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2017;12:64. (In Russ.).

7. Golev ND. Legal regulation of speech conflicts and legal linguistic expertise of conflict-prone texts. *Pravovaja reforma v Rossijskoj Federacii: Obshheteoreticheskie i istoricheskie aspekty = Legal reform in the Russian Federation: General theoretical and historical aspects*. 2002:110–123. (In Russ.).

8. Maslova OV. Semantic analysis of verbs expressing aggression in the Russian language. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki = Polylingualism and transcultural practices*. 2011;2:52. (In Russ.).

9. Petrova NE., Raciburskaja LV. The language of modern media: means of speech aggression. Moscow. 2011. 155 p. (In Russ.).

10. The concept of honor and dignity, insults and profanity in the texts of law and mass media Moscow, 1997. 127 p. (In Russ.).

11. Fatkullina FG., Gizatullin DJe., Sajahova DK. The method of integral lexicographic representation of lexemes: a theoretical aspect. *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik = Volga Pedagogical Bulletin*. 2020;1: 29–33. (In Russ.).

12. Firsova MA. Status Label as a Marker of the Person Nominations «Aggressiveness». *Tul'skij nauchnyj vestnik. Serija Istorija. Jazykoznanie = Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics, issue*. 2023;4: 200–208. (In Russ.).

13. Chernyshova TV. Stylistic analysis as the basis of linguistic expertise of a conflict text. *Jurislingvistika-2: Russkij jazyk v ego estestvennom i juridicheskom bytii = Legal linguistics-2: The Russian language in its natural and legal existence*. 2000;2:207–214. (In Russ.).

14. Sharifullin BJa. Linguistic aggression and linguistic violence in the light of legal linguistics: *The problem of invective. Jurislingvistika-5 = Legal linguistics-5*. 2004;2:120–131. (In Russ.).

15. Shahovskij VI. New contextual concepts of the Russian media. *Russkaja slovesnost' v kontekste sovremennyh integracionnyh processov = Russian literature in the context of modern integration processes: Materials of the Second International Scientific Conference*. 2007: 763–767. (In Russ.).

Информация об авторе

М. А. Фирсова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Information about the author

M. A. Firsova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Department of Russian Language.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 15.08.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

**ПСИХОЛИНГВИСТИКА, РЕЧЕВОЕ
ВОЗДЕЙСТВИЕ, МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН
PSYCHOLINGUISTICS, SPEECH INFLUENCE, MENTAL LEXICON**

*Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 106–114.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(6(500):106-114.*

Научная статья

УДК 81'33

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-106-114

**ЭВОКАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРИМЕРЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ
КОНЦЕПТА *НЬЮ-ЙОРК* В ЗАГОЛОВКАХ МЕДИАТЕКСТОВ**

Мария Владимировна Коновалова

Уральский медицинский институт, Челябинск, Россия, makonovalova@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено исследование специфики репрезентации концепта Нью-Йорк в нескольких новостных медиатекстах, посвященных событию взятия города с таким названием в ходе СВО ВС РФ на Украине. В ходе исследования эвокативное воздействие рассматривается как специфический тип речевого воздействия в медиадискурсе, подчеркивается его роль в использовании фоновых знаний авторов и реципиентов для согласования и уточнения информации, а также выявляются прагматические черты, сообщаемые эвокацией медиатексту. Особое внимание уделяется способности эвокативного воздействия регулировать степень влияния на аудиторию и адаптировать медиатекст к картине мира массового реципиента. Учитываются актуальные концептуальные характеристики и способы репрезентации концепта в контексте медиатекста.

Ключевые слова: эвокативное воздействие, речевое воздействие, концепт Нью-Йорк, интернет-медиадискурс, когнитивный контент-срез, медиатекст.

Для цитирования: Коновалова М. В. Эвокативное воздействие на примере вербализации концепта Нью-Йорк в заголовках медиатекстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 106–114. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-106-114.

Original article

**EVOCATIVE IMPACT BASED ON THE EXAMPLE OF VERBALIZATION
OF THE CONCEPT OF NEW YORK IN THE HEADLINES OF MEDIA TEXTS**

Maria V. Konovalova

Ural Medical Institute, Chelyabinsk, Russia, makonovalova@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to studying the specifics of representing the concept of “New York” in various news media texts describing the event of capturing a city with the same name during Russia’s special military operation in Ukraine. According to the actual research, evocative influence is analyzed as a particular form of speech impact within media discourse. Its role in utilizing the background knowledge of both authors and audiences to coordinate and clarify information is highlighted, while identifying the pragmatic features that evocation imparts to the media text. Special emphasis is placed on how evocative impact can adjust the level of influence over the audience and tailor the media content to align with the collective worldview of readers. Additionally, contemporary conceptual traits and methods of representing the concept within the framework of media texts are examined.

Keywords: evocative impact, speech impact, New York concept, Internet media discourse, cognitive content slice, and media text.

For citation: Konovalova MV. Effective impact on the example of verbalization of the concept of New York in the headlines of media texts. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500)):106-114. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-106-114.

Введение

Постановка научной проблемы

Медиадискурс привлекает пристальное внимание исследователей благодаря своей способности формировать общественное мнение и влиять на коллективное сознание. Этот факт подтверждается многочисленными исследованиями, проведёнными как зарубежными, так и российскими учёными.

Например, широко известные труды Т. ван Дейка [3] акцентировали внимание на роли дискурса в закреплении существующих статусных различий и доминирующих взглядов. Один из ведущих представителей западной школы дискурс-исследований, Н. Фейерклаф [14], разработал концепцию критического дискурс-анализа, направленную на выявление глубинных связей между языком и властью. Значительный вклад внёс Р. Фаулер [15], обративший внимание на использование языка как инструмента пропаганды и навязывания определённых мировоззрений. Следует подчеркнуть, что подобный подход перекликается с наблюдениями М. Монтгомери [18], изучавшего особенности нарратива в новостях и их влияние на аудиторию.

Отечественное направление медиадискурсивных исследований также отличается глубиной и систематичностью. Российский учёный В. Г. Костомаров [6] представил оригинальную концепцию «языкового вкуса эпохи», объясняющую, почему определённые слова и конструкции становятся популярными в тот или иной период времени. Важное место в понимании прагматических отношений занимают труды Д. Н. Шмелёва [12], посвящённые проблемам семантического анализа языка. Значительный вклад внесли Т. Г. Добросклонская [4] и Г. Я. Солганик [8], отметившие важную роль стилистических приёмов в создании выразительности медиаречи.

Современный этап развития информационных технологий создал условия для практически неконтролируемого насыщения информацией интернет-медиадискурса [7; 13]. Медиадискурс в Интернете представляет совокупность медиатекстов, обрабатываемых пользователями самостоятельно и при помощи искусственного интеллекта. Последнее обстоятельство автоматически усиливает гипертекстовые связи между медиатекстами, поскольку нейросетевые программы их создания, обработки, правки и реферирования обучаются

перечисленным действиям на основе баз данных ранее написанных текстов. В процессе интенсивного обмена информацией выстраивается коммуникация особого типа, требующая нового осмысления речевого воздействия в интернет-медиадискурсе, приобретающем специфические черты.

Актуальное научное понимание речевого воздействия восходит к исследованиям И. А. Стернина, определявшего его как эффективное общение с целью побудить собеседника предпринять желаемые действия [9]. Природа и лингв-психологические особенности речевого воздействия были изучены в трудах Г. Р. Власян и Е. В. Шелестюк [2; 11], позволивших установить взаимосвязь речевого воздействия с коммуникативной ситуацией и текстовыми категориями. Опираясь на данные положения, применив постулаты когнитивной лингвистики и эвокационного исследования [1; 10] удалось выделить новые черты речевого воздействия и описать эвокативное воздействие в интернет-медиадискурсе.

В интернет-медиадискурсе эвокация воплощает когнитивный процесс, оперирующий концептами и фоновыми знаниями реципиента информации при преобразовании события в текст. Другими словами, при восприятии медиатекста эвокация отвечает за вызов в памяти реципиента медийной информации концептов, существующих в его картине мира и связанных с содержанием. Медиадискурс наиболее показателен с точки зрения эвокации, поскольку основной функцией медийной коммуникации является аттрактивная, предполагающая максимальное привлечение внимания к описываемому медиатекстом событию. Причем описание события в медиатексте осуществляется согласно формуле коммуникации Лассуэлла, охватывающей компоненты коммуникативной ситуации в обязательном порядке [17].

Исследование эвокации в интернет-медиадискурсе представляет безусловный научный интерес, поскольку апеллирование к картине мира массовой аудитории закладывается в содержание и оказывает сильное эвокативное воздействие на получателя. Эвокация представляет собой коммуникативный процесс, оперирующий информационными концептами при преобразовании события в медиатекст. Специфика эвокации в интернет-медиадискурсе проявляется в эвокативном воздействии совокупности медиатекстов по определенной тематике, вербализующих концепты фоно-

вых знаний авторов и реципиентов информации о событии, в то время как речевое воздействие воплощает исключительно авторские коммуникативные и предметные интенции. Таким образом, важность описания прагматических характеристик эвокативного воздействия на конкретных примерах медиатекстов обусловлена моделирующим эффектом медийной коммуникации, вызывающей сильную реакцию и оказывающей влияние на поведение массовой аудитории именно потому, что учитываются фоновые знания реципиентов. Целью настоящего исследования является установление отличия эвокативного воздействия от собственно речевого и факторов, обуславливающих эффективность коммуникации с эвокативным компонентом.

Материалы и методы исследования

Методами исследования выбраны коммуникативно-прагматический, структурно-стилистический анализ текста и когнитивный контент-срез. Коммуникативно-прагматический метод, заключающийся в сопоставительном анализе ряда медиатекстов по тематике взятия Нью-Йорка с целью выявления коммуникативно взаимосвязи речевого воздействия и дискурсивных когнитивных структур, таких как фоновые знания автора медиатекста и реципиента информации. Структурно-стилистический анализ позволит установить лексическую обусловленность вербализации культурных реалий в интернет-медиадискурсе. Когнитивный контент-срез поможет систематизировать обработку эмпирического материала, выделить эвокативные компоненты и факторы, способствующие эффективности эвокативного воздействия.

Эмпирическим материалом послужили новостные медиатексты ряда русскоязычных и англоязычных изданий, обращающихся к тематике международных отношений и военных действий на Украине.

Результаты исследования и их обсуждение

При создании Интернет-медиадискурса автор уделяет максимальное внимание увеличению эффективности коммуникации с получателем медийной информации при помощи различных аттракторов. Необходимо уточнить, что медиакурс в Интернете рассчитан на быструю обратную связь с массовым адресатом, который включает всех получателей информации из медиатекстов, будь то массовый читатель, журналисты, целевая аудитория СМИ или обычные посетители сайтов-поисковиков, новостных агрегаторов и др. Такой большой охват аудитории подразумевает расчет на широко приемлемые аттракторы, верба-

лизирующие концепты, имеющиеся в картине мира множества людей, принадлежащих к определенной общественной формации.

Эвокативное воздействие учитывает именно такой тип аттракторов или концептов, присутствующих в картине мира национального, профессионального или иного объединения целевой массовой аудитории. *Эвокативное воздействие представляет собой воздействие медиатекста на автора и реципиента с опорой на их фоновые знания.* Целью эвокативного воздействия является информирование массового получателя о событии и устранение противоречий в восприятии информации. Таким образом, выделенная особенность речевого воздействия интернет-медиадискурса жизненно необходима для медийной коммуникации, поскольку массовость аудитории является фактором, сообщаящим ей специфические эвокативные черты.

Эвокативное воздействие в интернет-медиадискурсе воплощается в авторских интенциях сделать коммуникацию максимально эффективной в прагматическом плане. Любые приемы речевого воздействия должны быть крайне эффективными и обращать внимание массовой аудитории на медиатекст автора при интенсивном обмене информацией в информационных потоках. Исходя из этимологии термина эвокации, воздействие исследуемого типа апеллирует к хранящимся в памяти массового реципиента культурным реалиям, образам, ассоциациям, чья природа позволяет осознать их без противоречий и внутреннего сопротивления.

Моделируя когнитивный процесс эвокации при создании медиатекста, автор стремится подобрать такие аттракторы, которые вербализуют предполагаемые концепты картины мира массового реципиента. Прежде всего, подобные эвокативные средства используются в заголовках и анонсах медиатекстов, которые для удобства и экономии места на сайтах размещаются в непосредственной видимости большого количества реципиентов. Приведем пример эвокативного воздействия при помощи вербализации концепта топонима Нью-Йорк в заголовках русскоязычной и англоязычной прессы, а также в поисковых запросах Яндекс и Google после публикации новостей 20 августа 2024 года на сайтах электронных изданий.

Примеры заголовков в русскоязычных изданиях: «Россия взяла под контроль *Нью-Йорк*», «ВС РФ разгромили крупную группировку ВСУ и взяли под контроль *Нью-Йорк* в ДНР»,¹ ««Военный осведомитель»: Российские войска полностью

¹ <https://www.gazeta.ru/> (accessed: 11.11.2024).

взяли *Нью-Йорк*»,¹ «Взятие Нью-Йорка открыло для армии России путь на запад»,² «Российские войска подняли флаг над Нью-Йорком»,³ «ВС России взяли Нью-Йорк: новости СВО на вечер 20 августа»⁴ и др.

Статистический сервис Яндекса «Вордстат» предоставляет несколько тысяч данных по запросу со словосочетанием «Нью-Йорк взят» за период с 20 августа по 11 сентября 2024 года. В статистике насчитываются формулировки запросов от самого частотного «Нью Йорк взят» (4355) до наименее частотного «бригада взяла Нью Йорк» (9).

В англоязычных изданиях также зафиксированы новостные медиатексты о рассматриваемом событии: «Russian military says it takes control of strategic Ukrainian town of ‘Niu-York’»,⁵ «Ukraine War Map Shows Kyiv Recapture Part of ‘New York’ Amid Russia Gains»⁶.

Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют аспект целенаправленности речевого общения, связанный с речевым и, в частности, с эвокативным воздействием в Интернет-медиадискурсе. Как отмечает Г. Р. Власян (2007), при создании сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на адресата, в них закладывается информация о социальных отношениях, политической ситуации, групповых и общественных интересах.

Особенности Интернет-медиадискурса предполагают акценты и жанровые модели, в данном случае, новостных медиатекстов. При постановке целей и интенций медиатекстов, чьи заголовки представлены в примерах, концепт Нью-Йорк вербализовывался с целью сообщить об очередной победе войск РФ при проведении СВО на Украине и создать прецедентное имя, заимствуя топоним из географических названий государства, рассматриваемого в качестве потенциально-го военного противника⁷.

¹ <https://rg.ru/?ysclid=mchv90a3cr73220319> (accessed: 11.11.2024).

² <https://vz.ru> (accessed: 11.11.2024).

³ <https://www.mk.ru/?ysclid=mchve68dd6237120482> (accessed: 11.11.2024).

⁴ <https://news.ru/?ysclid=mchvfjwumm912670403> (accessed: 11.11.2024).

⁵ <https://www.reuters.com> (accessed: 11.11.2024).

⁶ <https://www.newsweek.com> (accessed: 11.11.2024).

⁷ При этом, конечно, само прецедентное имя-топоним было создано официальным символическим переименованием поселка Новгородское (1951—2021 гг.) властями Украины. Авторская интенция противостояния им выра-

То есть при создании медиатекста новости о событии в ДНР авторы медиатекста хотели оказать воздействие на массовую аудиторию, апеллируя к фоновым знаниям реципиентов о городе Нью-Йорк в США как об американской культурной реалии, сообщая тем самым речевому воздействию эвокативную специфику. Введение в заголовок и установление связи между топонимами в разных странах, но в одном контексте успешных военных действий возможно лишь при эвокации не только географических фоновых знаний, но и фоновых знаний текущей политической ситуации, отношений между актуальными странами и общественного интереса авторов новостных медиатекстов, воплощающих редакционную политику своих новостных изданий и агентств.

Наиболее показателен с точки зрения создания эффекта эвокативного воздействия заголовок «Взятие Нью-Йорка открыло для армии России путь на запад». В данном заголовке присутствует прямая формулировка интенции автора, намекающего на способность армии РФ взять город Нью-Йорк, что откроет некий путь на запад. Несмотря на написание слова «запад» со строчной буквы, имплицитно понимается то, имеется ли в виду направление реальных боевых действий или собирательный образ западных стран или Запада, в нарративе военной пропаганды противостоящего армии РФ в СВО на Украине. Интенция противостояния Западу постоянно репрезентируется в медиатекстах со ссылкой на политические заявления руководства РФ, в частности, на личные посты Д. А. Медведева. Таким образом, раскрывается глобальное намерение авторов медиатекста, выбравших особую реализацию этого противостояния согласно коммуникативной тактике медиадискурса, подразумевающей создание яркого, броского заголовка для привлечения внимания.

Самым нейтральным с точки зрения установленного в предыдущем примере глобального намерения авторов новостных медиатекстов о взятии Нью-Йорка армией РФ, является заголовок «ВС РФ разгромили крупную группировку ВСУ и взяли под контроль *Нью-Йорк* в ДНР»⁸ нейтральность содержанию придает уточнение в ДНР, подчеркивающее местоположение населенного пункта. В данном случае издание не ставит цели акцентировать противостояние с Западом.

жена в контексте новости о взятии этого населенного пункта ВС РФ в ходе СВО.

⁸ <https://www.gazeta.ru> (accessed: 11.11.2024).

Если рассмотреть приведенные выше заголовки по степени эвокативного воздействия или воздействия с опорой на фоновые знания реципиента, то получается следующая градация по степени убывания эвокативного воздействия на массовую аудиторию:

1. ВС России взяли Нью-Йорк: новости СВО на вечер 20 августа¹.

2. ВС РФ разгромили крупную группировку ВСУ и взяли под контроль *Нью-Йорк* в ДНР².

3. Россия взяла под контроль *Нью-Йорк*³.

4. «Военный осведомитель»: Российские войска полностью взяли *Нью-Йорк*⁴.

5. Российские войска подняли флаг над Нью-Йорком⁵.

6. Взятие Нью-Йорка открыло для армии России путь на Запад⁶.

Очевидно, что в первых двух заголовках присутствуют уточнения места, времени и участников события - новости СВО на вечер 20 августа и *Нью-Йорк* в ДНР. Уточнения показывают характер и обусловленность военных действий, а также ограниченность их территорией ДНР, снижая тем самым манипулятивный эффект и приближая медиатекст к нейтральной подаче новостей или к эталонному новостному жанру, подразумевающему постановку цели информирования массовой аудитории о событии. Подробное и точное описание коммуникативной ситуации события позволяет согласовать цели автора, который стремится проинформировать, и реципиента, который желает получить исчерпывающую информацию о представленном в новостях событии. Синхронизация глобальных целей автора и реципиентов медиатекстов увеличивает эвокативное воздействие и принятие новостной информации к сведению без настороженности и ожиданий реципиентов навязывания чужого мнения или позиции.

Эвокативное воздействие предполагает выработку оценки, мнения и позиции самостоятельно реципиентом исключительно на основе фоновых совокупности фоновых знаний широкого новостного и политического контекста сообщаемой но-

вости. Последующие примеры под номерами 3, 4, 5 и 6 постепенно уходят от собственно эвокативного воздействия и приближаются к метафорической модели репрезентации, описанной Дж. Лакоффом.

Дж. Лакофф отмечал, что метафорическая подача новостей может переконцептуализировать общественное сознание, вводя в систему политических средств военные действия [16]. В рассматриваемых примерах концепт Нью-Йорк метафоризирует доступность для армии РФ захвата города Нью-Йорк в США и возможность победить западные страны, помогающие Украине в военном конфликте с РФ, и вводит их в категорию военных целей армии РФ. Это категоризирует и расширяет семантический и интерпретативный потенциал изучаемых новостных медиатекстов.

В зарубежных изданиях, также внимательно отслеживающих обстановку и события в зоне проведения СВО на Украине, за исследуемый период времени присутствуют два примера новостных текстов.

В медиатексте Russian military says it takes control of strategic Ukrainian town of 'Niu-York' [Русские военные заявляют, что взяли под контроль город «Ниу-Йорк» стратегического значения]⁷ топоним Нью-Йорк репрезентируется через транслитерацию, акцентируя разницу фонетических структур русского и английского языков. Транслитерация маркирует дистанцирование авторов медиатекста о событии от топонима на территории другой страны, тем самым утверждая и отстаивая подлинность реалии одного из крупнейших городов США всемирного значения. Репрезентация изучаемого концепта транслитерацией в данном случае предполагает эвокативное воздействие на англоязычных получателей, разделяя американскую культурную реалию и метафору российского Интернет-медиадискурса, нивелируя эффект пропаганды с целью избежать паники у англоязычных читателей, настроенных против России и СВО.

Во втором примере новостного медиатекста, раскрывающего тематику события взятия города с совпадающим названием, а значит, репрезентирующего тот же концепт Нью-Йорк, транслитерация не используется, топоним передается традиционным написанием названия города в США: Ukraine War Map Shows Kyiv Recapture Part of 'New York' Amid Russia Gains [Карта войны на Украине показывает, что Киев отбивает часть «Нью-Йорка» на фоне успехов России]⁸. Разница между англоязыч-

¹ <https://www.yandex.ru> (accessed: 11.11.2024).

² <https://www.gazeta.ru> (accessed: 11.11.2024).

³ <https://news.ru/?ysclid=mchvfjwumm912670403> (accessed: 11.11.2024).

⁴ <https://rg.ru/?ysclid=mchv90a3cr73220319> (accessed: 11.11.2024).

⁵ <https://www.mk.ru/?ysclid=mchve68dd6237120482> (accessed: 11.11.2024).

⁶ <https://vz.ru> (accessed: 11.11.2024).

⁷ <https://www.reuters.com> (accessed: 11.11.2024).

⁸ <https://www.newsweek.com> (accessed: 11.11.2024).

ной культурной реалией и метафорой СМИ вновь акцентирована графически в рамках вербализации одного концепта.

Эвокативное воздействие англоязычного медиатекста в описанных случаях приобретает характер защиты от метафорической манипуляции российских СМИ. Благодаря графической маркировке активизируются фоновые знания англоязычных реципиентов, на которые рассчитывали авторы русскоязычных медиатекстов о рассматриваемом событии, чтобы акцентировать успехи ВС РФ и имплицитно распространить их на настоящую Нью-Йорк. Но активизируются в визуальном отделенном от российской метафоры виде, несмотря на медиадискурсивные коммуникативные тактики в семантическом поле одного информационного концепта.

Изучив коммуникативную тактику метафоризации информационного концепта Нью-Йорк, интенции, степени и характер эвокативного воздействия на описанном наборе примеров новостных медиатекстов, мы получили базис для применения когнитивного контент-среза. Когнитивный контент-срез предполагает синхронное изучение вербализации информационного концепта в актуальных когнитивных категориях и контекстах, сообщающих одному и тому концепту разные концептуальные характеристики [5].

Контексты новостных медиатекстов формируются различными интенциями авторов, учитывающих редакционную политику изданий, в зави-

симости от пропагандистских целей меняющихся степень эвокативного воздействия. Рассмотрим, как распределяются по ним изучаемые новостные медиатексты, активизируя фоновые знания в отдельных кластерах матрицы коллективного сознания [там же].

Русскоязычные медиатексты из изучаемого набора примеров вербализуются в когнитивной категории «территория». Соотнесенность контекста заголовка «Россия взяла под контроль Нью-Йорк» с ядром культурных фоновых знаний воплощается через значимость культурной реалии Нью-Йорка, также, как актуальный топик медиадискурса или тематическая обусловленность вербализации данного концепта, что характеризует концепт Нью-Йорк как ядерный тематический.

Контекст заголовка «ВС РФ разгромили крупную группировку ВСУ и взяли под контроль Нью-Йорк» активизирует пространственные фоновые знания реципиентов при вербализации ядерного тематического концепта Нью-Йорк, поскольку акцентирует новые сведения о ходе военной кампании на Украине, важные для русскоязычной массовой аудитории.

В заголовке ««Военный осведомитель»: Российские войска полностью взяли Нью-Йорк» концепт Нью-Йорк является верификационным, поскольку вербализуется в контексте указания источника информации – блога «Военный осведомитель». Указание источника информации не касается территориальной соотнесенности события,

Таблица 1
Table 1

Матрица коллективного сознания

Типы концептов Когнитивные категории	Ядерные тематические концепты	Ядерные ре-матические концепты	Верификационные концепты	Периферийные концепты	Гипертекстовые тематические концепты	Гипертекстовые ре-матические концепты
Этнос (культурно-историческая общность)			Russian military says it takes control of strategic Ukrainian town of 'Niu-York' [Reuters]	Ukraine War Map Shows Kyiv Recapture Part of 'New York' Amid Russia Gains [News-week]		
Территория (пространственный компонент)	Россия взяла под конт-роль Нью-Йорк	ВС РФ разгромили крупную группировку ВСУ и взяли под контроль Нью-Йорк в ДНР	«Военный осведомитель»: Российские войска полностью взяли Нью-Йорк		России взяли Нью-Йорк: новости СВО на вечер 20 августа	Российские войска подняли флаг над Нью-Йорком

однако обращает внимание реципиента на достоверность и оперативность информации, дополненной сведениями из независимых от редакционной политики основного издания электронных СМИ.

Заголовки «ВС России взяли *Нью-Йорк*: новости СВО на вечер 20 августа» и «Российские войска подняли флаг над *Нью-Йорком*» формируют гипертекстовую специфику вербализации концепта *Нью-Йорк*, причем первый заголовок четко называет тему медиатекста «новости СВО на вечер 20 августа», а второй заголовок сообщает новую информацию о событии в виде рематической конструкции «подняли флаг над *Нью-Йорком*», распределяя актуальные характеристики концепта *Нью-Йорк* в качестве гипертекстовых тематических и гипертекстовых рематических соответственно. На гипертекстовую соотнесенность указывает подробное описание темы в первом случае и использование метафоры «поднять флаг», связывающее гипертекстом с информационным потоком по описываемому событию. Таким образом, концепт *Нью-Йорк* в заголовках новостных медиатекстов зарубежных изданий вербализуется в когнитивной категории «этнос», в кластерах верификационных и периферийных концептов, верифицируя разницу между культурным феноменом, значимым для англоязычной культурно-исторической общности, и топонимом-дублетом в русском медиадискурсе, переводя тем самым новостное событие из центрального в периферийные для англоязычного этноса.

Заключение

Изучив специфику эвокативного воздействия самых распространенных медиатекстов по избранной тематике по параметрам коммуникатив-

ных тактик, интенций, степени, характера эвокативного воздействия, а также особенности репрезентации концепта *Нью-Йорк* в соотнесении с глобальными когнитивными категориями, представляется возможным выделить следующие прагматические характеристики эвокации:

- эвокативное воздействие представляет тип речевого воздействия, свойственный медиадискурсу, использующий фоновые знания авторов и реципиентов медиатекстов для согласования, верификации и уточнения содержания, нивелирования влияния манипуляций, устранения противоречий в восприятии информации о событии вне зависимости от языка медиатекстов;
- эвокативное воздействие достаточно лабильно и допускает регулирование степени воздействия на массового реципиента, на что накладывает свой отпечаток прагматическая специфика медиадискурса в целом, уделяющего огромное внимание реакции массовой аудитории на любые медиатексты;
- эвокативное воздействие зависит от способа репрезентации концепта в контексте медиатекста, учитывающего актуальную глобальную когнитивную категорию медиадискурса и концептуальные характеристики;
- эвокативное воздействие исполняет функцию адаптации медиатекста к картине мира массового реципиента, инкорпорируя фоновые знания в семантическую структуру медиатекста;
- эвокативное воздействие может защищать картину мира массового реципиента от распада и фрагментирования при жесткой метафоризации медиатекстов с целью атаковать картину мира другой культуры.

Список источников

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 240 с.
2. Власян Г. Р. Природа речевого воздействия // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 20.
3. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Москва: URSS, 2013. 344 с.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4.
5. Коновалова М. В. Эвокация в Интернет-медиадискурсе: монография. Челябинск: Два комсомольца, 2017. 276 с.
6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 2015. 320 с.
7. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2002. 41 с.

8. Солганик Г. Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2010. № 5.
9. Стернин И. А. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
10. Чувакин А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: основы эвокативного исследования: монография. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2014. 138 с.
11. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. 2-е изд., испр. и доп. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2014. 344 с.
12. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. Москва: Наука, 1973. 280 с.
13. Bell A., Garrett, P. Approaches to Media Discourse. Wiley-Blackwell. 1998.
14. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: Papers in the Critical Study of Language. 1995.
15. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. Psychology Press. 1991.
16. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. University of Chicago Press. 1980.
17. Lasswell H. D. The Structure and Function of Communication in Society. 2006.
18. Montgomery M. The Discourse of Broadcast News: A Linguistic Approach. Routledge. 2007.

References

1. Boldyrev NN. Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku [Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics]. Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina, 2014. (In Russ.).
2. Vlasyan GR. Priroda rechevogo vozdeystviya [Nature of Speech Influence]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007;20. (In Russ.).
3. van Dijk TA. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow: URSS Publ., 2013. (In Russ.).
4. Dobrosklonskaya TG. Medialingvistika: aktual'nye napravleniya izucheniya mediarechi [Medialinguistics: Current Directions for Studying Media Speech]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2020;4. (In Russ.).
5. Konovalova MV. Evokatsiya v Internet-mediadiskurse [Evocation in Internet-Media Discourse]. Chelyabinsk: Dva komsol'tsa Publ., 2017. (In Russ.).
6. Kostomarov VG. Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media [Linguistic Taste of an Era. Observations on Mass Media Speech Practice]. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2015. (In Russ.).
7. Smetyanina SI. Media-tekst v sisteme kul'tury: dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka [Media Text in Culture System: Dynamic Processes in Journalism's Language and Style at the End of the Twentieth Century]. Abstract of Doctoral Dissertation. St. Petersburg State University, 2002. (In Russ.).
8. Solganik GYa. Sovremennaya yazykovaya situatsiya i tendentsii razvitiya russkogo literaturnogo yazyka [Current Language Situation and Trends in Development of Russian Literary Language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2010;5. (In Russ.).
9. Sternin IA. Vvedenie v rechevoje vozdejstvie [Introduction to Speech Impact]. Voronezh, 2001. (In Russ.).
10. Chuvakin AA. Smeshannaya kommunikatsiya v khudozhestvennom tekste: osnovy evokatsionnogo issledovaniya [Mixed Communication in Artistic Text: Foundations of Evocative Research]. Barnaul: Altai State University Publishing House, 2014. (In Russ.).
11. Shelestyuk EV. Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya [Speech Influence: Ontology and Methodology of Investigation]. Second Edition, Revised and Expanded. Moscow: FLINTA Publ.; Science Publ., 2014. (In Russ.).
12. Shmelev DN. Problemy semanticheskogo analiza leksiki [Problems of Semantic Lexical Analysis]. Moscow: Nauka Publ., 1973. (In Russ.).
13. Bell A., Garrett, P. Approaches to Media Discourse. Wiley-Blackwell. 1998.
14. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: Papers in the Critical Study of Language. 1995.
15. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. Psychology Press. 1991.
16. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. University of Chicago Press. 1980.
17. Lasswell H. D. The Structure and Function of Communication in Society. 2006.
18. Montgomery M. The Discourse of Broadcast News: A Linguistic Approach. Routledge. 2007.

Информация об авторе

М. В. Коновалова – кандидат филологических наук.

Information about the author

M. V. Konovalova — Cand. Sci. (Philology).

Статья поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 15.08.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'37

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-115-123

ГЕОПОЛИТОНИМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Коренькова Снежана Андреевна

Брянский государственный университет им. ак. И. Г. Петровского, Брянск, Россия, snezhick.b@mail.ru, ORCID: 0009-0009-4051-6187

Аннотация. Данная работа посвящена анализу геополитонимов как инструмента воздействия в аспектах этнополитического пространства. Процессы этнополитического характера, которые происходят на протяжении исторического развития народа, всегда носят территориальный характер и способны делать акцент на широкий охват аудитории. Суммарный потенциал таких процессов способен влиять на этнополитическую ситуацию в мире, так как в них заложены следующие факторы: менталитет, история, этническая толерантность др. В свою очередь, факторы такие как менталитет, история и этническая толерантность обуславливаются двумя направлениями: конструктивностью (мирное урегулирование конфликтов) и деструктивностью (разрешение противоречий прямыми столкновениями). В работе обращается внимание на косвенное воздействие, так как оно способно модифицировать окружающую обстановку, перекодировать информацию и вызвать отвлечение объекта от ключевых признаков для достижения поставленной цели. Такое воздействие направлено на намеренность или преднамеренность посредством эксплицитного преследования цели, обращая внимания на фоновые этнополитические процессы, специфика которых полно раскрывается в семантике геополитонимов. Сам термин геополитоним — многомерный конструкт реалий, обладающий политическими, идеологическими, историческими и социокультурными компонентами. В нашей статье рассматривается компонентная составляющая геополитонимов и их косвенное воздействие на фоне этнополитических процессов, с точки зрения мирного урегулирования конфликта (конструктивность), и превентивных мер (деструктивность). На основе проведенного анализа геополитонимов в форме фразеологических единиц выявлена компонентно-семантическая модификация специфического отражения реальности во время этнополитических процессов с точки зрения национального фактора, который раскрывает мировоззрение отдельного народа. В статье уделяется внимание отдельным компонентным составляющим геополитонима. Приведенный анализ показывает, что конструктивная акциональность обуславливается политическими и идеологическими компонентами геополитонима, а деструктивная акциональность репрезентирует исторические и социокультурные компоненты фразеологической единицы. Группа конструктивного воздействия транслирует манипулятивные приемы с точки зрения восприятия пациента и создает иллюзии авторитета. В противоположность этому, группа деструктивного действия демонстрирует создание и закрепление определенных образов и стереотипов. Раскрывая акциональность конструктивных и деструктивных действий, фразеологические обороты способны отражать воздействие в той или иной мере влияния.

Ключевые слова: фразеологизм, конструктивная акциональность, деструктивная акциональность, компонентная модификация, геополитоним, воздействие.

Благодарности. Автор выражает особую благодарность научному руководителю, доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой французского языка ФГБОУ ВО БГУ Василенко Анатолию Петровичу за значимые замечания и важнейшие советы при проведении исследования и оформлении данной статьи.

Для цитирования: Коренькова С. А. Геополитонимы как инструмент воздействия в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 115–123. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-115-123.

Original article

GEPOLITONYMS AS A TOOL OF INFLUENCE IN A POLITICAL DISCOURSE

Snezhana A. Korenkova

Bryansk State Academician I. G. Petrovskii University, Bryansk, Russia, snezhick.b@mail.ru, ORCID: 0009-0009-4051-6187

Abstract. This work reveals the analysis of geopolitonyms as a tool of influence in the aspects of ethnopolitical processes. Ethnopolitical processes that occur throughout the historical development of people have always been territorial and are able to focus on a wide audience coverage. Their total potential of such processes is able to influence the ethnopolitical situation in the world since they contain the following factors: mentality, history, ethnic tolerance, etc. In turn, factors such as mentality, history and ethnic tolerance are determined by two directions: constructiveness (peaceful settlement of conflicts) and destructiveness (resolution of contradictions by direct clashes). The work draws attention to the indirect influence as it is able to modify the environment, recode information and cause the object to be distracted from key features in order to achieve its goal. Such impact is aimed at intention or premeditation through explicit pursuit of a goal, paying attention to the background of ethnopolitical processes, the specifics of which are fully revealed in the semantics of geopolitonyms. The term geopolitonym is a multidimensional construct of realities with political, ideological, historical and socio-cultural components. Our article examines the component of geopolitonyms and their indirect impact on the background of ethnopolitical processes, from the side of peaceful conflict resolution (constructiveness), and preventive measures (destructiveness). Based on the analysis of phraseological units, a component-semantic modification of the specific reflection of reality during ethnopolitical processes is revealed from the side of the national factor, that reveals the worldview of individualities. The article focuses on the individual components of a geopolitonym. The analysis shows that constructive actionality is shown by the political and ideological components of the geopolitonym, and destructive actionality represents the historical and socio-cultural components of the phraseological unit. The constructive influence group presents manipulative techniques from the side of the patient's perception and creates illusions of authority. In contrast, a destructive action group demonstrates the creation and consolidation of certain images and stereotypes. Revealing the actionality of constructive and destructive actions, phraseological phrases are able to reflect the impact in certain degree.

Keywords: phraseological unit, constructive actionality, destructive actionality, component modification, geopolitonym, influence.

Acknowledgments. The author expresses special gratitude to the scientific supervisor, Doctor of Philology, Professor, Head of the French Department of FSBEU HE BSU Vasilenko Anatolii Petrovich for significant comments and important advice during the research and design of this article.

For citation: Korenkova SA. Geopolitonyms as a tool of influence in a political discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):115-123. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-115-123.

Введение

Этнополитические процессы, которые происходят на протяжении исторического развития народа, способны делать акцент на широкий охват аудитории и носят территориальный характер. Такие процессы оказывают влияние на геополитическую ситуацию в целом и выражаются в двух направлениях — *конструктивность* и *деструктивность*. Этнополитические процессы *конструктивной* направленности оказывают влияние на реципиента посредством инструментов мирного урегулирования конфликтной ситуации, в то время как *деструктивная* — на разрешение противоречий посредством призыва к конкретным превентивным мерам. Этнополитические процессы *конструктивной* и *деструктивной* направленности широко охватываются и выражаются в медийном дискурсе, который в эпоху геополитических изменений играет ключевую роль. *Конструктив-*

ное и *деструктивное* воздействие чаще всего раскрывается посредством лингвистических средств, где фразеологические единицы являются неотъемлемо важным аспектом, поскольку они успешно обеспечивают политическую риторику.

Фразеологические единицы — устойчивые выражения, значения которых является невыводимым [12. С. 19]. Фразеологизмы являются частью языковой картины мира, образуя свою собственную — фразеологическую [2. С. 29]. Устойчивые обороты такого типа выступают некой проекцией реалии современного мира в языковом сознании и позволяют эксплицировать один из ключевых факторов политического дискурса — речевое воздействие.

Речевое воздействие — влияние на адресата посредством невербальных/вербальных средств, сопровождаемые в высказывании [5. С. 15]. Влияние такого характера сопровождается прямым или

косвенным намерением, где прямое направлено на объект с открытым представлением требований, в то время как косвенное — способно модифицировать окружающую обстановку, перекодировать информацию, вызвать отвлечение объекта от ключевых признаков для достижения поставленной цели или задачи [16. С. 14]. В данной работе делается акцент на косвенное воздействие адресата. Такое воздействие направлено на намеренность или преднамеренность посредством эксплицитного преследования цели, обращая внимание на фоновые (этнополитические) процессы.

В условиях нарастающего влияния виртуальной реальности на человеческое сознание, роль воображения в формировании идентичности становится более значимой. В этой новой реальности граница между реальным и виртуальным часто размывается, где различного рода онимы перестают быть просто обозначениями чего-то конкретного [1. С. 54]. Они трансформируются в архетипические представления, которые активно используются в разного рода дискурсах, особенно в общественно-политическом, что обуславливает теоретическую значимость исследования.

Отметим, что специфика этнополитических процессов, и трансформация, выходящая за рамки традиционной ономастики, в большей степени раскрывается в семантике геополитонимов, которые отражены во фразеологической картине мира. Стоит полагать, что такая картина мира интерпретируется согласно сохранившимся устоям, ожиданиям общественности, терпимости менталитету определенного народа [7]. Сам термин *геополитоним* используется сравнительно недавно, так как отсутствует в классификациях И. В. Крюковой и Н. В. Подольской [12. С. 43; 9. С. 139]. Геополитоним относится к классу онимов, и схож с термином *политоним* — особая базовая модель, имеющая отношение к политике, которая в своей внутренней форме не несет никаких существенных характеристик [14. С. 182]. Также геополитоним обладает приставкой *geo* — (от греч.) имеющий отношение к планете Земля¹. Следовательно, геополитоним — это многомерный конструкт воплощения реалий современного мира, который синтезирует характеристики нескольких сфер одновременно: менталитет, терпимость, ожидания общественности и история этноса (конкретного языка), и обладает ключевыми компонентами, такими как политические, идеологические, исторические, социокультурные и т.д. Геополитоним

¹ Евгеньева А. П. Словарь русского языка в четырех томах. Т. 2. М.: Рус. яз., 1985. 703 с.

формирует новый образ представления о мире и оказывает существенное влияние на формирование идентичности и человеческого сознания, создавая образы и управляя общественным мнением.

Отметим, что границы первоначального значения устойчивого выражения со временем могут стираться или стать частью устаревшего номинативного пласта, но ассоциативные образы самого значения будут продолжать образовывать ономапространства [6. С. 486], что обуславливает актуальность нашего исследования. В работе используется широкий подход к пониманию фразеологической единицы, в результате чего в статье рассматриваются разнообразные устойчивые обороты номинативного характера [15. С. 11].

Научная новизна представляет собой соотношение исконного языкового значения и модифицированной семантики геополитонимов в этнополитическом пространстве современных СМИ.

Объектом исследования являются геополитонимы, формирующие компонентно-семантические группы. Предмет исследования — особенности проявления компонентной модификации на фоне этнополитических процессов. Материалом послужили электронные и печатные издания СМИ на русском и английском языках, а также лексикографические издания фразеологического и политического характера, содержащие статьи на военную тематику.

Анализируя образы геополитонимов как инструмент воздействия в этнополитическом пространстве, можно обнаружить компонентно-семантическую модификацию в аспектах конструктивности и деструктивности, которая представлена политическими, идеологическими, историческими и социокультурными составляющими.

Практическая значимость изучения геополитонима позволяет понять и проанализировать новые реалии современного мира, а также их влияние на существование общества, что определяется возможностью применения в вузовской практике, а также в сфере СМИ при создании имиджа отдельных государств.

Перспективой исследования может послужить дальнейшее исследование геополитонимов и развитие теории ономастики.

Конструктивная направленность

Семантика акциональности в аспектах *конструктивной* деятельности этнополитического пространства, проявляющаяся во фразеологических единицах, обладает, в большей степени, *политическими* и *идеологическими* компонентами. Приведенные устойчивые обороты отражают при-

зывает отказаться от насильственных мер для урегулирования конфликта.

Политический компонент

В подгруппе геополитонимов конструктивной направленности представлены примеры устойчивых выражений, которые отражают основы политической самоорганизации и управления. Здесь посредством речевого воздействия на адресата наблюдается отвлечение от ключевых свойств объекта.

Рассмотрим фразеологизм *принцип открытых дверей*¹, который при первом прочтении ассоциируется с искренностью и откровенностью, но в образе данного устойчивого выражения прослеживается противоположная семантика. Адъективный компонент *открытый* — ‘доступный для всех’², отражает устойчивое выражение с точки зрения достигаемости, а *двери* — ‘вход’³ показывают досягаемость.

Согласно политическому словарю, *принцип открытых дверей*⁴ — это ‘требование экономического равноправия для всех колониальных стран и расценивания их как полноценные государства’. Следовательно, фразеологический оборот *принцип открытых дверей* отражает семантику сохранения ‘суверенитета и избавления от деструктивных действий против сторон X и/или Y’.

Семантическое раскрытие ‘суверенитета’ наблюдается в синонимичном обороте *политика открытых дверей* на примере развития Китайской Народной Республики. До начала XIX в. Китай не поддерживал экономические связи с европейскими державами и не допускал проникновения иностранного капитала в страну. Войны изменили прочную политику государства, и началась экономическая экспансия на территории Китая, в результате чего Китай был поделен на сферы влияния между сверхдержавами и почти превратился в колонию, находясь на грани войны. В то время Джон Хэй (США) разработал принципы, по которым влиятельные сверхдержавы должны были предоставить Китаю экономическое равноправие по отношению ко всем государствам и сохранение его суверенитета, призывая к *политике открытых дверей*.

Стоит полагать, что Соединенные Штаты Америки в то время руководствовались своими интересами по отношению к Китайскому государству,

¹ Александрова Г., Гальянова В., Рубенштейн Н. Политический словарь. М.: Госполитиздат, 1940. 672 с.

² Евгеньева А. П. Указ. соч. 736 с.

³ Там же.

⁴ Александрова Г. и др. Указ. соч.

в результате чего посредством воздействия раскрывается другая сторона устойчивого оборота *политика открытых дверей* — ‘лицемерие’. Такое отражение семантики наблюдаем в книге по управлению бизнесом Кевина Круза, где *политика открытых дверей* сравнивается с мышеловкой [8. С. 17] в результате чего наблюдается смена фокуса внимания.

*Политика двойных стандартов*⁵ — применение одних и тех же принципов, но по-разному, в зависимости от конфликтующей стороны [там же]. Когнитивная запись образа: ‘участник X призывает участника Y-ка к урегулированию конфликтной ситуации мирным путем с участником Z, в то время как сам участник X симультанно склоняет участника Z к конфликтной ситуации, провоцируя участника Y’.

В книге А. Мартиросяна «Кто проторил дорогу к пакту?» фразеологизм *политика двойных стандартов* релевантен политике Западного мира⁶, а исследователь Глухарева Л.И. видит скрытый смысл устойчивого оборота *политика двойных стандартов*⁷ в ‘навязывании’ своей воли как результат наблюдается смена фокуса внимания.

Синонимичный устойчивый оборот, раскрывающий семантику ‘конструктивных действий’, — *strong-arm rule*⁸ (букв.: правило сильной руки) обладает эквивалентом в русскоязычной культуре — *режим сильной руки*.

Фразеологизм *strong-arm rule* состоит из следующих компонентов: *strong-arm* — *сильная рука* — двухморфемный компонент (в английском и русском языках), где *рука* — верхняя конечность человека⁹, *rule* (букв.: правило), но в русскоязычной культуре — *режим*. Согласно словарю, *правило* — ‘закономерное соотношение явлений’ (норма)¹⁰, *режим* — ‘метод управления’ (строй)¹¹.

Стоит полагать, что, с одной стороны, во фразеологизме *strong-arm rule* (букв.: правило сильной руки) ключевым компонентом образа является соматизм *рука*. Отсюда следует, что, как и с *преобладающей рукой*, человек руководствуется

⁵ Флури Ф. Русско-английский военно-политический словарь. Женева, 2002. 38 с.

⁶ Мартиросян А. Б. Кто проторил дорогу к пакту? М.: Вече, 2009. 460 с.

⁷ Глухарева Л. И. Права человека в современном мире. М.: Юрист, 2003. 303 с.

⁸ Флури Ф. Указ. соч.

⁹ Евгеньева А. П. Указ. соч.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

сильной стороной. Здесь раскрывается семантика ‘слепого следования за кем-то, основанного на доверии’. С другой стороны — это норма, которая носит рекомендательный характер в случае обращения к ней, передавая идею солидарности.

Рассматривая русский эквивалент фразеологического оборота *strong-arm rule* — (букв.: сильной руки правило) — *режим сильной руки* отметим, что здесь *режим* предусматривает исполнение обязательств¹, из чего следует, что данный образ может ассоциироваться с авторитарностью и отражать семантику ‘диктатуры’. Такое отражение находим в повести Е. Пастернака «Смерть мертвым душам»². Данный режим формирует семантику ‘покровительства’ в случае деструктивного воздействия.

Идеологический компонент

Данная подгруппа геополитонимов транслирует идею убеждения.

Призыв к конструктивным действиям, с точки зрения идеологического компонента, несет следующее устойчивое выражение — *августовский блок*³. Искомый фразеологизм *августовский блок* ассоциируется с защитой. Субстантивный компонент *блок* — препятствие⁴ метафоризирует идею пресечения, связанную с определенным временным периодом — *август*.

Исходя из исторических событий, *августовский блок* изначально был запланирован для объединения большевиков с меньшевиками и предотвращения дальнейших разногласий, приводящих к революционным действиям [10. С. 99], — идеологический компонент семантики. Такая трактовка фразеологизма *августовский блок* раскрывает семантику ‘объединения’ и ‘устранения’ дестабилизированной ситуации. Тем не менее в известной работе В. И. Ленина [11. С. 28] очевидной становится такое же контекстуальное единство компонентов *августовский* и *блок*, какое проявляется в соединении ‘лукавства и хитрости’. И далее — сочетание *августовский блок* рассматривается как образ-прототип совместной деятельности персонажей из басни И. А. Крылова — лебедь, рак и щука. Вследствие чего полагаем, что данное устойчивое выражение с идеологическим отражением семантики является прототипом речево-

го воздействия, перенаправляя внимание адресата на образ объединения посредством лукавства, отодвигая несущественные составляющие объекта на второй план.

Образ покровительства находим и в таких устойчивых высказываниях: *мы русских в обиду не дадим*⁵, *не дадим в обиду Новороссию*⁶ и др.

Устойчивый оборот мы русских в обиду не дадим отражает поддержку русскоязычного населения по всему миру посредством метафоры соборности. Лозунг начал набирать свою популярность после обращения президента РФ к Федеральному Собранию в марте 2014 г. Отражение семантики фразеологизма *мы русских в обиду не дадим* находим в Даргинской пословице *если обидеть — и муравей кусается*⁷, что показывает отпор и противостояние.

Оборот *не дадим в обиду Новороссию* раскрывает семантику ‘покровительства и защиты’ стороной X стороны Y от деструктивных, манипулятивных действий со стороны Z.

Фразеологический оборот *руки прочь от России*⁸ (англ. *hands off Russia*) несет в себе эмоционально-окрашенную оценку ситуации. Такой устойчивый оборот образовался во времена XIX в. благодаря премьер-министру Великобритании, когда земли Боснии и Герцеговины были аннексированы. Искомый английский фразеологизм *hand's off...* может подвергаться калькированию во всех языках и приобретать разные его компонентные вариации, например: *руки прочь от России*, *руки прочь от Украины*, *руки прочь от памятников Ленину*, *руки прочь от Сирии*⁹, англ. *hands off our park* (букв.: руки прочь от нашего парка)¹⁰, англ. *hands off our generators* (букв.: руки прочь от наших генераторов)¹¹, англ. *hands off ap-*

⁵ Осипова А. А., Шулежкова С. Г., Вальтер Х., Михина О. В. Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати; Greifswald: Ernst-Moritz Univ., 2016. 300 с.

⁶ Там же.

⁷ Даргинские пословицы и поговорки. URL: <http://liten.ru/books/item/f00/s00/z0000065/st017.shtml> (дата обращения: 01.03.2023).

⁸ Осипова А. А. и др. Указ. соч.

⁹ Там же.

¹⁰ The Guardian. URL: [Hands off our park: Shrewsbury takes its council to the supreme court | Green space | The Guardian](https://www.theguardian.com/environment/2023/mar/31/shrewsbury-takes-council-to-supreme-court-green-space) (31.03.2023).

¹¹ The Guardian. URL: [‘Hands off our generators’: Queensland rejects calls to cap coal price to bring down energy bills | Energy | The Guardian](https://www.theguardian.com/energy-environment/2023/mar/31/queensland-rejects-calls-to-cap-coal-price) (31.03.2023).

¹ Евгеньева А. П. Указ. соч.

² Жвалевский А., Пастернак Е. Смерть мертвым душам. М.: Время, 2018. 255 с.

³ Военное обозрение «Warspot». URL: <https://war-spot.ru/6169-byvshaya-koloniya-protiv-byvshey-kolonii> (31.03.2023).

⁴ Евгеньева А. П. Указ. соч.

proach to aged care Covid outbreaks (букв.: руки прочь от подхода по уходу за престарелыми во время вспышки Ковида)¹, англ. *hands off the princess bride* (букв.: руки прочь от принцессы-невесты)², нем. *hände weg vom grünring* (букв.: уберите руки от зеленого кольца) и др.³. Из этого следует, что искомый фразеологический оборот *hands off* — незаконченный метафорический ряд — обладает неизменной формой в первой части оборота, тогда как вторая часть может видоизменяться и принимать совершенно разные формы в зависимости от ситуации и положения. Благодаря неизменной структуре *hands off...*, вышеупомянутые фразеологизмы транслируют многообразные метафорические образы ‘протеста и требования пресечь деструктивные действия’.

Деструктивная акциональность

Деструктивная акциональность в геополитонимах на фоне этнополитических процессов раскрывается в призывах к конкретным действиям в ответ на сложившуюся конфликтную ситуацию и отражает *социокультурный* и *исторический* компоненты.

Социокультурный компонент

Данная подгруппа описывает геополитонимы, раскрывая объединенные цели определенной народности, общепринятые нормы и правила, принадлежность к одной культурной направленности. Такие устойчивые выражения способны создавать значимые положительные или отрицательные ассоциации для влияния на настроение и отношение адресата, вызывая эмоциональные отклики, активируя определенные ассоциации, убеждая адресата в правильности предлагаемой им идеи или действия.

Последние геополитические события породили на просторах Интернета такие устойчивые обороты, как: *Russians are not minority* и *Ukraine is not European colony*⁴.

Фразеологизм *Russians are not minority* (букв.: Русские — это не меньшинство) отражает элементы стилистического приема (литота). Данный оборот можно рассматривать и с точки зрения демографической политики самого государства, и с точки зрения политического влияния. Анализируя

данный устойчивый оборот со стороны политического превосходства, следует отметить, что он отражает семантику ‘сопротивления’ навязываемому мнению со стороны.

Схожую семантическую принадлежность к метафорическому образу ‘сопротивления’ раскрывает устойчивый оборот *Ukraine is not European colony* (букв.: Украина — это не европейская колония). Антитеза, закрепленная в именной части составного сказуемого оборота, показывает семантику ‘отрицания’.

Исторический компонент

Геополитонимы подгруппы с историческим компонентом отражают исторические события и деятельность людей. Такие устойчивые выражения применяются для создания определенного психологического и эмоционального эффекта на адресата, а также для убеждения, влияния, управления и отвлечения внимания реципиента.

Устойчивое выражение *фашизм не пройдет*⁵ получило свое распространение от испанского выражения *No pasarán!* (букв.: они не пройдут), которое отражало защиту границ испанского государства во время Первой мировой войны и, в то же время, французского — *On ne passe pas!* (букв.: не проходят)⁶. Оба выражения *no pasarán* и *on ne passe pas* раскрывают семантику ‘ограничения перемещения в пространстве’. Вскоре испанский устойчивый оборот *no pasarán* ассимилируется в русскоязычной культуре и наблюдается в биографических мемуарах, например, Журавлева С. «Редакционная летучка. Весна 1937-го»⁷ в звуко-буквенной форме — *но пасаран*, отражая семантику ‘противостояния’.

Синонимичный оборот *Майдан не пройдет*⁸ появился в 2014 г. как реакция-протест на цветные революции. Такой фразеологизм отражает идею сопротивления, чтобы не допустить ослабление действующей власти на территории своего государства. Здесь показана семантика ‘самосохранения’ как рефлекс на происходящее, и ‘сопротивления’ — в случае деструктивных действий. Данный устойчивый оборот помимо исторического компонента раскрывает еще и идеологическую составляющую.

¹ The Guardian. URL: The Coalition’s ‘hands-off’ approach to aged care Covid outbreaks is having heartbreaking consequences | Sarah Russell | The Guardian (28.02.2023).

² The Guardian. URL: Hands off The Princess Bride! Which 80s fantasy films are due a reboot? | Science fiction and fantasy films | The Guardian (28.02.2023).

³ Der bund naturschutz. URL: Bürgerbegehren „Hände weg vom Grünring“ gestartet — BUND Naturschutz in Bayern e.V. (bund-naturschutz.de) (31.03.2023).

⁴ Осипова А. А. и др. Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed: 28.02.2023).

⁷ Журавлев С. Редакционная летучка. Весна 1937-го. Издательские решения, 2020. 28 с.

⁸ Осипова А. А. и др. Указ. соч.

Фразеологизм *крестовые походы*¹ исторически датируется XI–XIII вв., в западноевропейской официальной идеологии отражая освобождение западноевропейских христианских святынь от покровительства мусульман (далее от еретиков и язычников) на Востоке², раскрывая семантику ‘перемещения из точки А в точку В с конкретными стремлениями’, прокламируя ассоциативные образы церкви.

Редуцируемые концептуальные характеристики фразеологического оборота *крестовый поход* наблюдаем в высказывании российского корреспондента из новостного издания Раша Тудэй (RT) (декабрь, 2022 г.)³. В данной ситуации устойчивое выражение *крестовый поход* употреблено в контексте антиправославия на территории Украинского государства со стороны местных органов власти, транслируя семантику ‘уничтожения’ по отношению к православному народу на территории собственного государства и за его пределы. В данном случае фразеологизм *крестовый поход* сужает концептуальные признаки исторически сложившегося устойчивого выражения, отражая только часть ассоциативного образа. Здесь посредством семантической составляющей ‘намеренно ложные сведения’ сторона X призывает стороны Y, Z и др. к принятию конкретных действий по отношению к сложившейся ситуации на территории стороны X, где формируется ограниченное пространство с центром и периферией.

Более высокая степень экспрессии исторически сложившегося исходного фразеологического оборота *крестовые походы* раскрывается в модификации к. и. н. А. Н. Доманского — «Крестовые походы» [4. С. 10]. С точки зрения переосмысления исторических событий XI–XIII вв., устойчивый оборот *крестовые походы* несет приращение концептуальных признаков и раскрывает семантику ‘могущества и подчинения’ в период принятия деструктивных мер в ответ на сложившийся конфликт интересов.

¹ Погорелый Д. Е., Фесенко В. Ю., Филиппов К. В. Новейший политологический словарь. Ростов-н/Д: Феникс, 2010. 318 с.

² Евгеньева А.П. Указ. соч.

³ Александр Карпов, Алена Медведева. «Крестовый поход против православия»: как на Украине намерены запретить «аффилированные» с РФ религиозные организации. Russia Today (на русском). URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/1081368-zelenskii-ukraina-zapret-cerkov?ysclid=lky8kute4d251238482>, (02.12.2022).

Семантика ‘разоблачения’ оборота *crusade*⁴ прослеживается в высказывании политического репортера газеты США Вашингтон Пост (The Washington Post) А. Blake в ситуации Д. Болтона и Д. Трампа по вопросам России и Украины.

Заключение

Геополитоним — это многомерный конструкт реалий, обладающий политическими, идеологическими, историческими и социокультурными компонентами. Геополитонимы в политическом дискурсе проявляются во фразеологической картине мира и используются как инструмент воздействия и манипуляций. Также геополитонимы играют важную роль в формировании общественного мнения и применяются для создания определенного психологического и эмоционального эффекта на адресата.

Современные этнополитические процессы отражаются в двух направлениях: *конструктивной* (мирное урегулирование конфликтной ситуации) и *деструктивной* (разрешение противостояния превентивными мерами) акциональности, раскрывая важные составляющие геополитонимов.

Так политический и идеологический компоненты геополитонима прослеживаются в *конструктивной* направленности. Политический компонент способен контролировать внимание и удерживать его на определенной теме или идее, вызывая такие чувства, как страх, гордость, сочувствие или радость. Здесь устойчивые обороты могут сосредоточить интерес на определенных событиях и ситуациях. В свою очередь, идеологический компонент раскрывает метафорические образы, которые помогают внушить определенные идеи. Такие устойчивые обороты могут быть использованы для манипуляции сознанием и восприятием людей, создавая иллюзию объективности, авторитетности и неотъемлемости определенных идей и убеждений.

Деструктивная акциональность транслирует социокультурный и исторический компоненты геополитонима. Социокультурный компонент способен создавать положительные или отрицательные ассоциации для влияния на настроение и отношение адресата, вызывая эмоциональные отклики, активируя определенные образы, убеждая адресата в правильности предлагаемой идеи или действия. Исторический компонент образу-

⁴ Aaron Blake. John Bolton's crusades to debunk Trump's revisionist history on Russia and Ukraine. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/03/15/john-boltons-crusade-debunk-trumps-revisionist-history-russia-ukraine/> (accessed: 15.03.2022).

ет психологический эффект. Такие фразеологические обороты помогают создавать и укреплять определенные образы и стереотипы, формируя определенный имидж (положительный или отрицательный), связанный с определенными людьми или концепциями.

Список источников

1. Агранович С. З., Стефанский Е. Е. Миф в слове: продолжение жизни (Очерки по мифолингвистике): монография. Самара: Самар. гуманит. акад., 2003. 168 с.
2. Василенко А. П. Образы фразеологизмов, построенные на идее социального противоборства (на материале военного жаргона) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 117–128.
3. Глухарева Л. И. Российская и европейская модели прав человека: основы для интеграции // Проблемы европейской интеграции: правовой и культурологический аспекты: сб. науч. ст. Санкт-Петербург: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2007. 360 с.
4. Доманский А. Н. Всемирная история. Крестовые походы. М., 2019. 420 с.
5. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2004. 24 с.
6. Карабулатова И. С., Патенко Г. Р. Основные проблемы имиджевой политики региона в дискурсе визуальной коммуникации // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (23 октября 2014 г.). Казань. 2015. С. 487–495.
7. Коренькова С. А. Коннотативная семантика 'воздействия' (на материале фразеологизмов военной тематики) // Филологический аспект: междунар. науч.-практ. журн. 2023. № 1(93). С. 20–24.
8. Круз К. Сильные лидеры нарушают правила. Альпина Паблишер, 2020. 230 с.
9. Крюкова И. В. Прагматика онима: направления исследований и методика анализа // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2011. № 8(62). С. 139–142.
10. Ланцов С. А. Ленин и Троцкий как идеологи и вожди октябрьской революции // Журнал Санкт-Петербургского государственного университета. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2017. С. 97–113.
11. Ленин В. И. Пролетарии всех стран соединяйтесь. Полное собр. соч. Т. 25. М., 1969. 675 с.
12. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
14. Шимкевич Н. В. Эволюция русской политонимии в новейшее время // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 178–198.
15. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002. 286 с.
16. Thomas J. Meaning in Interaction. An Introduction to Pragmatics. London, 1995. 240 p.

References

1. Agranovich SZ. Mif o slove: prodolzhenie zhizni = The myth in the word: the continuation of life. Samara; 2003. 168 p. (In Russ.).
2. Vasilenko AP. Phraseological units based on the idea of social confrontation in military slang. Bulletin of Chelyabinsk State university. 2022;1(459):117-128. (In Russ.).
3. Glukhareva LI. Russian and European patterns of human rights: base for integration. In: Problemy evropeyskoy integratsii: pravovoy i kul'turologicheskiiy aspekty. Sbornik nauchnyh statej. St. Petersburg; 2007. 360 p. (In Russ.).
4. Domanskiy AN. Vsemirnaya istoriya = World History. Krestovye pokhody = Crusades. Moscow; 2019. 420 p. (In Russ.).
5. Zheltukhina MR. The specifics of the speech effect of tropes in the language of the media. Thesis abstract. Moscow; 2004. 24 p. (In Russ.).
6. Karabulatova IS, Patenko GR. Osnovnye problemy imidzhevoy politiki regiona v diskurse vizual'noy kommunikatsii = The main problems of the image policy of the region in the discourse of visual communication. In: Vizual'naya kommunikatsiya v sotsiokul'turnoy dinamike: sbornik. statej mezhdunarodnoj nauch-

no-prakticheskoy konferencii = Visual communication in socio-cultural dynamics. Abstracts of reports and messages of the International Scientific and Practical Conference. Kazan'; 2015. Pp. 487–495. (In Russ.).

7. Koren'kova SA. The connotative semantics of 'pressure' (exemplified by the military phraseological units). *Filologicheskii aspekt: mezhdunar. nauch.-prakt. Zhurnal*. 2023;1(93):20-24. (In Russ.).

8. Kruse K. *Great Leaders Have No Rules: Contrarian Leadership Principles to Transform Your Team and Business*. Alpina publisher; 2020. 230 p.

9. Kryukova IV. Pragmatics of onym: area of research and analysis methods. *Bulletin of Volgograd State university*. 2011;8(62):139-142. (In Russ.).

10. Lantsov SA. Lenin and Trotsky as ideologists and leaders of the October revolution. *Terra Linguistica*. 2017:97-113. (In Russ.).

11. Lenin VI. *Proletarii vseh stran soedinyaytes'*. *Polnoe sobranie sochineniy = Proletarians of all countries unite. The Complete Works*. Moscow; 1969; T. 25. Pp. 675. (In Russ.).

12. Podol'skaya NV. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii = Dictionary of Russian Onomastic terminology*. Moscow; 1978. 200 p. (In Russ.).

13. Teliya VN. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'torologicheskii aspekt = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects*. Moscow; 1996. 288 p. (In Russ.).

14. Shimkevich NV. *Evolutsiya russkoy politonimii v noveyshee vremya = The evolution of Russian politonymy in modern times. Voprosy onomastiki*. 2019;2(16):178-198. (In Russ.).

15. Shulezhkova SG. *Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ikh istochniki i razvitie = The winged expressions of the Russian language, their sources and development*. Moscow; 2002. 286 p. (In Russ.).

16. Thomas J. *Meaning in Interaction. An Introduction to Pragmatics*. London; 1995. 240 p.

Информация об авторе

С. А. Коренькова — аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения.

Information about the author

S. A. Korenkova — postgraduate student of English theory and translation department.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication 15.08.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-124-133

ФАСЦИНАЦИЯ И ЕЕ ФЕНОМЕНЫ: ФАСЦИНЫ, ФАСЦИНОМЫ, ФАСЦИМЕМЫ

Елена Владимировна Шелестюк

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, shelestiuk@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4254-4439

Аннотация. Статья исследует феномен фасцинации и связанные с ней понятия — фасцины (фасцинаты), фасциномы и фасцимемы, анализируя их роль в коммуникации. Фасцинация выступает как механизм привлечения внимания и вызова эмоциональных реакций, улучшающий восприятие информации за счет снижения психологического сопротивления. Она отличается от смежных явлений: суггестии (внедрение идей на бессознательном уровне, часто встречающееся в политической риторике), аттракции (устойчивое положительное отношение, основанное на эстетико-когнитивном и эмоциональном вовлечении) и непрямой коммуникации (передача смысла через активизацию внутренней рефлексии). В отличие от аттракции, фасцинация обычно мгновенна и интенсивна, но зачастую недолговечна. Непрямая коммуникация обогащается фасцинирующими элементами, стимулирующими творчество и более глубокую интерпретацию. Фасцины (фасцинаты) рассматриваются как сигналы или объекты, вызывающие сильные эмоциональные реакции — от эстетического экстаза до тревоги: натуральные роды, например, звёздное небо или культурные артефакты, такие как роман «Мастер и Маргарита». Фасциномы — это лингвистические явления, оценочные или образные выражения номинативного вида, порождающие ассоциации, например, «зелёные друзья» для обозначения природы; к ним примыкают лексические фасцинаты атрибутивного или предикативного вида вроде разнообразных сложных тропов, например, «улыбка осветила ее лицо мягким светом». Фасцимемы — искусственно созданные символы, используемые в рекламе (например, слоган «Just Do It» — Nike, бренд Red Bull), которые воздействуют на уровнях эмоций, эстетики и смысла, формируя восприятие. Исследование подчеркивает, как данные инструменты влияют на познание и поведение в медиа, маркетинге, литературе и политических дискурсах, акцентируя их силу в управлении вниманием и конструировании значений.

Ключевые слова: фасцинация, фасцины, фасциномы, фасцимемы.

Для цитирования: Шелестюк Е. В. Фасцинация и ее феномены: фасцины, фасциномы, фасцимемы // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 124–133. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-124-133.

Original article

FASCINATION AND ITS PHENOMENA: FASCINOS, FASCINOMS, FASCIMEMES

Elena V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, shelestiuk@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4254-4439

Abstract: The article explores the phenomenon of fascination and related concepts — fascinios, fascinoms, and fascimemes, analyzing their role in communication. Fascination functions as a mechanism for capturing attention and evoking emotional responses, enhancing information perception by lowering psychological resistance. It is distinguished from similar phenomena: suggestion (subconscious idea implantation, common in political rhetoric), attraction (a lasting positive disposition rooted in cognitive-emotional engagement), and indirect communication (meaning conveyed through triggered internal reflection rather than direct content). Unlike attraction, fascination is typically immediate and intense but often short-lived. Indirect communication benefits from fascinative elements that stimulate creativity and deeper interpretation. Fascinios are examined as signals provoking strong emotional reactions — from aesthetic ecstasy to anxiety — such as starry skies or literary and cultural artifacts Mikhail Bulgakov’s *The Master and Margarita*. Fascinoms are evaluative names or figurative expressions generating associations, e.g., “green friends” for nature or poetic metaphors like “smiling face lit by soft light”. Fascimemes are artificial symbols

used in advertising (e.g., “Just Do It” — Nike, “Red Bull”) that operate on emotional, aesthetic, and semantic levels to influence perception. The study highlights how these tools shape cognition and behavior across media, marketing, literature, and political discourse, emphasizing their power in managing attention and constructing meaning.

Keywords: fascination, fascinos, fascinoms, fascimemes.

For citation: Shelestyuk E.V. Fascination and its Phenomena: Fascinos, Fascinoms, Fascimemes. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):124-133. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-124-133.

Введение

Исследование направлено на анализ термина «фасцинация» с акцентом на вербальную коммуникацию, а также постулирование и краткое рассмотрение понятий фасцин (фасцинатов), фасциномов, фасцимемов. Объектом исследования выступают феномены фасцинации, предметом — их специфические проявления и механизмы воздействия на восприятие. Актуальность статьи обусловлена важностью упорядочивания знаний о фасцинативных явлениях как инструментах привлечения внимания, формирования эмоционального отклика и создания глубоких смысловых ассоциаций. Изучение фасцинативного воздействия языковых и коммуникативных средств особенно актуально для таких областей, как реклама, маркетинг, политология, педагогика, культурология, медиакоммуникация, где внимание аудитории становится ключевым ресурсом. Понимание механизмов фасцинации позволяет объяснить популярность определённых образов, символов, высказываний и т.п., способных формировать устойчивые ассоциации и влиять на убеждения и поведение людей. Целью исследования является теоретическое очерчивание круга проблем и понятий, входящих в лингвистическую фасцинологию как часть теории речевого и семиотического воздействия. Материалом исследования послужили отобранные методом сплошной выборки яркие примеры фасцинативных знаков из сферы интернет-коммуникации, публицистики, а также художественной литературы. В статье используются три ключевых метода анализа: теоретический обзор существующих исследований и подходов к пониманию фасцинации; концептуализация терминов и категорий, связанных с фасцинацией (фасцины (фасцинаты), фасциномы, фасцимемы); иллюстративный анализ конкретных примеров из литературы, рекламы и массовой культуры, демонстрирующих работу фасцинации в действии.

Обсуждение

1. *Понятие фасцинации в сопоставлении со смежными понятиями*

Понятие фасцинации было введено в научный оборот Ю. В. Кнорозовым и разрабатывалось А. Е. Войскунским, Ю. А. Шрейдером,

Н. Л. Мухелишвили, А. А. Брудным, В. М. Соковниным и др. Определения термина фасцинации даются, исходя из разных аспектов этого сложного явления. Фасцинация (от лат. *fascia* повязка, полоса, *fascinatio* — околдовывание, зачаровывание, завораживание) определяется как «специально организованное вербальное (словесное) воздействие, предназначенное для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами, за счет чего повышается возможность ее воздействия на их поведение» [7], с другой стороны это также и «совокупность средств, помогающих принятию информации и ослабляющих действия фильтров. В качестве фасцинации выступают различные сопутствующие средства, выполняющие роль “транспортировки”, сопровождающие информацию, создающие некоторый дополнительный фон, на котором основная информация выигрывает, поскольку фон частично преодолевает фильтр недоверия» [3].

По Ю. В. Кнорозову, фасцинация означает такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается. В вербальной коммуникации таким свойством обладает форма (ритм, рифма, повторы), а также содержание (семантическая фасцинация, в основе которой лежит неясность, многозначность, фантазия и эмотивность). Кнорозов предложил типологию сообщений, основанную на соотношении доли информации и фасцинации. Существуют сообщения, содержащие исключительно информацию (например, научные тексты), полезные только адресатам с развитым тезаурусом. Другие сообщения состоят исключительно из фасцинации (например, музыка, абстрактная живопись, заумные стихи), не несущие информации, но способные изменять внутреннее состояние адресата. Промежуточные варианты сообщений варьируются от преобладания информации до превалирования фасцинации. Важнейшая функция фасцинации заключается в том, что она удерживает адресата в смысловом поле текста, не давая ему выйти из процесса восприятия, даже если новая информация уже исчерпана. Яркие строки поэтических произведений, а иногда и целые стихотворения, сохраняются в памяти и возвращаются во вну-

тренней речи. Кнорозов подчеркивал, что информация из текста, лишённого фасцинации, вообще не усваивается, тогда как необычные или заумные тексты, напротив, крепко оседают в памяти. Фасцинация создаёт ощущение личного включения в текст, воспринимая его как «текст для себя», позволяя почувствовать себя соучастником или соавтором [8; 18; 19].

А. А. Брудный обратил внимание на коммуникативную природу фасцинации, ее нейрофизиологические механизмы и стратегическое значение в речевом воздействии. Ученый рассматривает фасцинацию в ракурсе адресата, реципиента сообщения. Фасцинация по определению Брудного — это совокупность средств, которые помогают принять информацию и ослабляют действие защитных фильтров адресата [2].

Фасцинация, согласно определению В. М. Соковнина, представляет собой способность внешне-го вида, коммуникативного сигнала либо природного явления (например, заката, восхода солнца, северного сияния, необычных очертаний горных пород и т. д.) мгновенно приковывать внимание, вызывать сильный эмоциональный отклик в виде повышенного интереса, удивления, радости, восхищения, восторга, симпатии и очарования. Данный феномен можно назвать процессом «коммуникативного фасцинирующего нацеливания», поскольку он направлен на эффективное привлечение внимания и улучшение восприятия информации аудиторией. Воздействие фасцинации способно носить как положительный, так и отрицательный характер, влияя на качество и интенсивность восприятия и освоения информации [16; 17]. Помимо прочего, выделяют фасцинацию социокультурных типажей, подразделяя их на субъективные и объективные, собственно фасцинативные и сакральнo-фасцинативные группы [20].

Фасцинация сопоставляется со смежными понятиями непрямой коммуникации, суггестии, эстетического воздействия, аттракции и т.п. [11; 12; 13]. Фасцинация и суггестия представляют собой фундаментальные аспекты взаимного влияния людей, обусловленного их *биосоциальной* природой. В то же время аттракция и манипуляции теснее связаны с *социально-психологическими* особенностями личностей [13].

В ракурсе адресанта (отправителя сигнала) и в ракурсе адресата (реципиента сигнала) упомянутые понятия будут иметь несколько отличающиеся характеристики.

В ракурсе адресанта фасцинация объекта или лица — это способность притягивать и удержи-

вать внимание необычностью, красотой, загадочностью или иными характеристиками, пробуждая особый внутренний отклик и любопытство. В речевом воздействии фасцинация выступает как особая форма влияния говорящего (адресанта), направленная на привлечение внимания слушателя и усиление восприятия и запоминаемости сказанного. Она предполагает управление интонациями, ритмом, темпом, громкостью речи, владение стилистическими приемами и изобразительно-выразительными средствами, а также невербальными средствами общения (взгляд, поза, движения, жестикация, мимика). Основная цель фасцинации — создать благоприятные условия для восприятия информации и повлиять на отношение аудитории к сообщению.

Суггестия (лат. *suggestio* — «внушение») в ракурсе отправителя — это процесс речевого воздействия, целью которого является внесение определенного содержания в сознание собеседника без сознательного критического осмысления и оценки этого содержания последним. Внушение происходит за счет экспликации явных или скрытых команд, установок или идей, которые характеризуются простотой или привлекательностью подачи. Суггестия действует на уровне бессознательного, сублиминально внушая эмоции, меняя внутреннее состояние человека, формируя бессознательные представления и идеи (эйдетико-когнитивное внушение), а также внедряя скрытые поведенческие установки. Хотя суггестия может сопровождаться внушением эмоций, основное в этом понятии — изменение внутренних состояний и действий индивида (в этом также состоит ее отличие от фасцинации). Она часто служит инструментом подготовки почвы для последующего направленного убеждающего воздействия, например речь политического лидера, который увлекает аудиторию искусством риторики, а затем внедряет идеологические установки. Суггестия может успешно функционировать самостоятельно, без адресанта и предварительных усилий по созданию эмоционального контакта. Например, рекламный ролик может воздействовать на потребителя, предлагая простой, прямой посыл («Купи этот продукт»), даже если он не вызывает сильных положительных эмоций. Так же действуют команды гипнотизера.

Аттракция (лат. *attractio* — «притяжение») выступает как слабopоложительная разновидность фасцинации, при этом долговременная и зависящая от внешних условий. С точки зрения источника воздействия аттракция представляет собой

способность объекта или лица вызывать долговременный интерес, восхищение и эмоциональную вовлеченность у окружающих. Конкретно, в случае лица аттракция формируется за счет эстетичности, синтонного поведения, создания образа привлекательного и приятного человека, возбуждения доверия, уважения и близости у адресата; в случае объекта она есть результат эстетичности, культурного символизма, исторической значимости, которые формируют положительное восприятие предмета. Артефакт может также становиться привлекательным благодаря комфортабельности, функциональности, технологичности, оригинальности дизайна и т.п.

Манипуляция — целенаправленное скрытое воздействие, опирающееся на уже осуществленное внушение [13]. Основные характеристики манипуляции с точки зрения адресанта: скрытость намерений, подрыв самостоятельности адресата, психологическое воздействие (игра на чувстве вины, жалости, стыде, зависти или страхе, эффект «двойного послания»), ограничение выбора. Манипуляция осуществляется с целью изменить поведение, мысли или установки адресата, заставляя его действовать вопреки собственным интересам или убеждениям. Нередко она подспудно принуждает адресата совершать действия, неприемлемые для него как личности. Такое воздействие осуществляется незаметно, маскируясь под дружеские советы, рекомендации, похвалу или критику, и опирается на предварительно проведенное внушение, создающее предпосылки для дальнейшего влияния. Методы манипуляции разнообразны и включают использование слабостей, страхов, желаний и потребностей жертвы, применение приемов убеждения, давления, лести или угрозы. Эффективность манипуляции зависит от уровня доверительных отношений между участниками взаимодействия, психологической грамотности манипулятора и восприимчивости адресата.

Непрямая коммуникация — это способ передачи сообщений, при котором информация передается скрытым образом, косвенно, без прямого выражения мыслей или чувств. Это общение, в котором содержание высказывания порой существенно отличается от его истинного смысла. Непрямая коммуникация означает акцент не на непосредственно передаваемой информации (ее может вообще не быть), но на генерировании более общего и важного посыла, возможно, некоей информации о статусе коммуникантов, отношении адресанта к адресату, ситуации общения, состоянии самого адресанта и проч. Здесь релевантны не столько со-

держание поступившего сообщения, сколько факт коммуникации и восприятия информации, который стимулирует запуск внутренней речи — автокоммуникации — и нового состояния сознания адресата или его нового понимания чего-либо. Для не прямой коммуникации часто используются интонация, паузы, общий контекст высказывания, намеки, метафоры, аллегории или другие формы завуалированного выражения. Цели не прямой коммуникации могут, в числе прочего, заключаться в том, чтобы избежать открытого конфликта, сохранить лицо собеседника или передать сообщение таким образом, чтобы оно было воспринято менее болезненно или агрессивно [18; 19].

Фасцинация как свойство объекта или лица может предшествовать упомянутым явлениям и нередко сопровождает их. Так, фасцинация упрощает усвоение информации, пробивая коммуникационные барьеры (снимая фильтры), воздействуя одновременно на сознательное и бессознательное, усиливая эмоции воспринимающего субъекта. Фасцинативные стратегии могут стимулировать интеллектуальную деятельность адресата в заданном направлении. В совокупности с не прямой коммуникацией, они ведут не только к усвоению информации, но и к порождению новых смыслов, обогащающих эстетико-когнитивный опыт индивида. Нередко дополнительную привлекательность и глубину восприятия информации придает художественный компонент [12].

В ракурсе адресата фасцинация означает особую форму коммуникативного воздействия, при которой внешний сигнал (визуальный, звуковой, текстовый) привлекает внимание, возбуждает эмоциональные реакции, оказывает влияние на восприятие информации и ослабляет защитные механизмы психики. В фасцинации обязательно присутствует компонент эмоционального отклика при восприятии, как минимум, интереса, но также, возможно, удивление, радости, эстетического удовольствия, восторга, шока или страха от чего-либо, например, услышанного или прочитанного. При этом эффект фасцинации носит преимущественно краткосрочный характер, быстро угасая после прекращения стимула. Сила фасцинации заключается в мгновенном захвате внимания и формировании первого впечатления, однако долгосрочное устойчивое изменение мнений или действий требует иных методов, таких как повторная демонстрация, подкрепление аргументацией или долговременное формирование ассоциаций. Таким образом, фасцинация может предшествовать более глубоким формам убеждения и внушения.

Суггестия в ракурсе адресата предполагает, что внушающий компонент сообщения активизирует иррациональные, подсознательные психические процессы и реакции адресата, прежде всего *заражение и подражание*. Этому, в том числе, способствуют высокое информационное давление и склонность аудитории доверять полученной информации [6]. «Суггестивное влияние особенно эффективно с людьми, у которых в подсознании имеется включение “готовности верить”, а таких людей, по мнению Анри Бергсона, большинство. На готовности верить существует театр, кино, телевидение, литература, все ораторские жанры. Весь секрет “готовности верить” заключается... во всеобщей негласной коммуникативной конвенции “верить сказанному и показанному”, которая заложена в основу человеческой коммуникации и имеет своим филогенетическим предшественником релизерную коммуникацию животных, в которой без “веры в правду” никогда ничего не осуществлялось бы» [18. С. 72–73].

Аттракция в ракурсе адресата — это положительная установка на объект или другого человека, воспринимаемых как привлекательные, и возникновение на ее основе интереса, симпатии, привязанности или иных эмоций. Термин относится к психологии и социологии и изначально использовался для обозначения физической или психологической силы притяжения. Основные характеристики аттракции — стремление к установлению положительного контакта с объектом; наличие заинтересованности и расположения; прямая взаимосвязь с эстетико-когнитивными и эмоциональными реакциями. Аттрактивность (букв. притягательность), с точки зрения семиотики, целесообразно рассматривать как показатель эффективности семиотического решения, принимаемого при определении значимости объектов референциального мира, которые человек осмысливает и оценивает. В вербальной коммуникации каждый лингвистический компонент обладает различной степенью притягательности, или «аттрактивности», как на уровне внутренней структуры и системной организации языкового элемента, так и в процессе взаимодействия с внешними элементами — например, в различных формах коммуникативного дискурса [11; 15].

По сравнению с аттракцией фасцинация часто воспринимается как относительно кратковременная и быстрая форма влияния или привлечения внимания, тогда как аттракция предполагает более устойчивое и длительное развитие отношений между субъектом и объектом. Это обусловлено:

1) природой человеческого восприятия: мозг человека адаптивен и привыкает ко всему новому достаточно быстро, яркое впечатление постепенно становится обыденностью, теряя свою притягательность, фасцинация же основана преимущественно эмоциях, которые быстро возникают, но так же быстро угасают, поскольку мозг адаптируется к стимулу; 2) ограниченностью ресурсов внимания: человеческое внимание ограничено, постоянное удерживание внимания и высокого уровня эмоций требует значительных усилий и ресурсов, что делает фасцинацию трудноустойчивым состоянием; 3) отсутствием глубоких оснований для продолжающегося очарования: эффект фасцинации часто достигается за счёт поверхностных качеств — внешней привлекательности, харизмы, экзотичности, которые сами по себе не создают прочных связей, основанных на доверии и общих интересах.

Манипуляция в ракурсе адресата — это ситуация, в которой человек подвергается воздействию со стороны манипулятора, стремящегося добиться определенного результата путем скрытого влияния. Такая практика направлена на то, чтобы заставить адресата совершить действия или принять решения, выгодные манипулятору, но противоречащие личным интересам или предпочтениям адресата.

Непрямая коммуникация в ракурсе адресата означает, что адресат воспринимает не столько непосредственно поступающую информацию (ее может вообще не быть), но откликается на прошедшее сообщение путем генерирования некоей информации «в себе», запуская соответствующую внутреннюю речь. Непрямая коммуникация позволяет адресату обрести новый опыт и знания, отличные от формально полученных сведений. Важно также, что непрямая коммуникация позволяет людям гибко устанавливать адекватность значения и смысла, то есть понимать друг друга с той степенью достаточности, которая требуется в каждом конкретном случае. Полагают, что в непрямой коммуникации передается не столько информация, но так называемый «художественный смысл» [5].

В целом, нам кажется убедительным, что рецептивность человеческой психики к суггестивному и фасцинативному воздействию лежит в основе успешности как натуральной аттракции, так и манипулятивных речевых действий, преодолевающих барьеры критического сознания («фильтры») и доносящих некую оценочную информацию до реципиентов [13].

Соотношение между сходными сублиминальными явлениями

Явление Характеристика	Фасцинация	Суггестия	Аттракция	Непрямая коммуникация
Определение (краткое)	Привлечение внимания, вызов интереса	Речевое внушение	Привлечение внимания, положительное отношение	Передача внутреннего состояния
Основной механизм	Эстетическое воздействие, очарование	Бессознательное воздействие и рецепция	Формирование положительного отношения	Генерация нового смысла (-ой информации)
Результат	Повышение восприимчивости	Изменение убеждений	Симпатия, доверие	Обретение нового опыта и знаний
Продолжительность воздействия	Обычно кратковременная	Может быть долговременной	Устойчивое и долгосрочное	Различная длительность
Источники, примеры	Искусство, природа, поэзия	Реклама, политическая речь, гипноз	Человеческие отношения, социальные тренды, идеи	Творческая активность, медитация

2. Фасцина (фасцинат), фасцином и фасцимем как семиотические единицы

Проясним объем и содержание производных от фасцинации явлений: фасцин (фасцинатов), фасциномов и фасцимемов. По определению В. М. Соковнина, «фасцина — это очаровывающий или пугающий продуцируемый сигнал или вещь (предмет, объект), вызывающий мощный эмоциональный отклик и переживание вплоть до леденящего страха или эстетического экстаза» [14]. Фасцинаты¹ можно рассматривать как источники этих сигналов — семиотические объекты и персоналии, образы или идеи (в том числе, воплощенные в речи и языке), которые завораживают глубиной и многозначностью, связаны с чувствами удивления, интереса, вдохновения, побуждают думать о сложности, непредсказуемости, таинственности чего-либо. Примерами природных фасцинатов являются образ звездного неба, вызывающий чувство благоговения перед величием мироздания, спираль ДНК как символ жизни и источник многих философских размышлений.

В плане культуры фасцины — это объективно существующие уникальные особенности конкретной культуры, исторического периода или

социальной группы, возникшие в ходе формирования коллективных представлений и идентичностей и способные привлекать внимание и вызывать глубокий интерес представителей разных сообществ. К культурным фасцинам относятся реалии и персоналии культуры: артефакты (архитектурные памятники, выдающиеся произведения искусства, традиционные праздники и обычаи), исторические личности (знаменитые деятели науки, политики, искусства, оказавшие значительное влияние на мировое развитие), ментефакты (символы, устойчивые образы, идеи, религия и т. д., ассоциирующиеся с определенной страной или народом). Например, Собор Василия Блаженного, Троице-Сергиева лавра, роман «Мастер и Маргарита», фильм «Солярис», Дмитрий Менделеев, Фёдор Достоевский, Сергей Королев, Уральские горы, озеро Байкал, красная звезда, казачьи песни, лирические и патриотические советские песни («Катюша», «Смуглянка», «Священная война», «День Победы» и др.) и т. п. Культурные фасцины обладают способностью формировать позитивные ассоциации и эмоциональные связи с изучаемым объектом, становясь катализаторами интереса к соответствующей стране, региону, социальной группе и др.

В плане языка/речи фасцины — это речевые, текстовые или мультимодальные семиотические характеристики, обладающие высокой эстетико-когнитивной потенциальностью и тем самым открывающие горизонты для размышления и интерпретации. Объем понятия «лингвистические фасцины» прежде всего включает метаязыковые стилистические свойства (категории) объектов, такие

¹ Нам представляется корректным употреблять термин «фасцинат», если имеется в виду фасцинирующий объект или персона, а фасцина, на наш взгляд, характеризует метакультурные и металингвистические свойства образа или знака (ср. ритм, эмотивность, экспрессия, композиция, стиль, жанр и т.п.). Однако, поскольку в академической литературе фасцинами (fascinos) принято называть не только свойства и характеристики, но и сами объекты и лица, мы в данной статье не будем строго разграничивать эти понятия.

как ритм, интонация, акцентуация, паронимия, омофония, ассонанс, аллитерация, фоносимволизм, ирония, парадоксальность, элегантность, абстрактность, конкретность, жаргон, просторечие, диалектизмы, экспрессивность, окказиональность и т.п. Лексические фасцины (фасциматы) могут включать также отдельные экспрессивные, образные, обычно эстетически приятные, парадоксальные, аллюзивные или символические языковые единицы, включенные в определенный контекст и создающие эффект языковой игры (ср. о них ниже).

Основные свойства языковых/речевых фасцин включают высокую эстетичность (выразительность, экспрессия, эстетизм); многослойность значений (представляют собой многосмысленные структуры, допускающие разнообразные интерпретации); ассоциативность (способствуют возникновению ассоциативных цепей, расширяя рамки контекста); контекстуальная гибкость (могут адаптироваться к различным коммуникативным условиям, сохраняя ядро значения).

Например, в новелле Джерома Дэвида Сэлинджера «Для Эсме — с любовью и убожеством» (англ.: “To Esme — With Love and Squalor”) девочка-подросток осознанно употребляет эвфоничное, хотя и негативно окрашенное слово *squalor* («убожество»), чтобы подчеркнуть собственную загадочность, романтизированность и интеллектуальность. Сходный прием мы находим также в романе Иэна Макьюэна «Искушение» (*Atonement*), где юная сочинительница использует классический пятистопный ямб, искусственно усложненные фразы, заимствования и витиеватые обороты речи, стремясь создать атмосферу утонченности и культурной изысканности (*This is the tale of spontaneous Arabella / Who ran off with an extrinsic fellow. / It grieved her parents to see their firstborn / Evanesce from her home to go to Eastbourne / Without permission, to get ill and find indigence / Until she was down to her last sixpence...*).

Фасциномы — оценочные наименования или перифразы, придающие объектам, лицам, явлениям или ситуациям, обозначаемым им, оттенок очарования, загадочности, эстетической привлекательности. Вербальные аттрактивы, мелиоративы, гоноративы являются подвидами фасциномов, ср. *герой, эксклюзивный, стандарт премиум-класса, высококвалифицированный работник, многоуважаемый, Ваша Светлость* и проч. Особенно интересны фасциномы-перифразы, которые обладают большей информационной насыщенно-

стью, нежели отдельное слово¹. Ср. *фасциномы зеленые друзья, дары природы, мать-сыра-земля, душистый напиток, божественный нектар, хлеб насыщенный, свет истины, путеводная звезда, ключ к сердцу, железный конь, вселенская благодать, эликсир жизни, магический кристалл, коварный искуситель, ангел тьмы* и т. п.

В одном ряду с фасциномами-субстантивами находятся лексические фасциматы, функционирующие в тексте и в качестве атрибутивов, т. е. характеризующих, образных, а также обобщающих тропов (по Н. Д. Арутюновой [1]). Они являются элементами витиеватого стиля, «вербальными красотами», «элегантностями» и включают метафоры, метонимии, образные сравнения, аллюзии, эпитеты и т. п. Приведем примеры фасциномов такого рода: *Будущее — чистый лист бумаги; Улыбка осветила её лицо мягким светом; Календарь устал перелистывать страницы года; Кларнет пробит, труба помята, / Фагот как старый посох стёрт, / На барабанах швы разлезлись, / Но кларнетист красив, как чёрт, / Флейтист как юный князь изящен, / И вечно в сговоре с людьми, / Надежды маленький оркестрик / Под управлением любви²; Женщина расчесывала свои длинные чёрные волосы, как будто играла тихую мелодию на тонких струнах³; Когда индусы, / умиротворенно глядя своими большими тёмными глазами / тонкими смуглыми руками, / ткнут тонкие нити шерсти в бесконечные полотна — / они подобны стройным деревьям, выпускающим листья, / белоснежная живая паутина листьев тянется вдаль...*⁴. Если имеется перенос значений, фасцинативные тропы могут иметь разнообразные конфигурации позиций образа и референта: T is V, T turns into V, T...that V, V...T) по К. Брук-Роуз (цит. по [9]), а также представлять из себя сложные многочленные конфигурации-конвергенции простых тропов.

Фасциномы — это искусственно создаваемые семиотические единицы, призванные увлечь, привлечь внимание и интерес к объекту, осуществить определенную связанную с объектом фасцинацию деятельности. Фасциномы передают смысл через эмоциональное или эстетическое воздействие, об-

¹ В категорию перифразов включаются разные явления: табу и эвфемизмы, возвеличивающие и почтительные формулы, мелиоративы и фасциномы и примыкающие к ним языковые образования [4; 10].

² Б. Окуджава «Надежды маленький оркестрик»

³ Т. С. Элиот «Бесплодная земля»

⁴ Д. Х. Лоуренс «Работа»

ладают ореолом загадочности, нередко используют элементы языковой игры, звучат парадоксально, вызывают неоднозначность интерпретации. Они способны моментально привлечь внимание, вызвать эмоцию и надолго остаться в памяти. Примеры фасцимемов встречаются в слоганах, лозунгах, названиях, брендах, наименованиях продуктов. Такие конструкции особенно ценятся в рекламе, маркетинге, политике и культуре, поскольку эффективно решают главную задачу коммуникации — привлечение клиентов, потенциальных покупателей.

Приведем примеры фасцимемов — рекламных слоганов: Nike: “Just Do It” — актуализирует призыв к действию, запоминается ритмикой и энергичным подтекстом; Apple: “Think Different” — подчеркивает уникальность бренда, осуществляет метонимический перенос на имидж пользователей, якобы мыслящих нестандартно; Apple: “There’s an app for that” — намекает на повсеместность приложений и их почти магическую способность решать любые задачи, связывает продукты Apple с инновационными технологиями; Adidas: “Impossible is Nothing” — мотивирует, создает ощущение уверенности, успеха и побед над трудностями, игра слов добавляет креативности и заставляет задуматься; “Оссуру Mars” (слоган SpaceX) — эвокативный слоган, напоминающий левацкие движения, одновременно указывающий на грандиозную цель колонизации Марса.

Аналогично работают фасцимемы — названия брендов и продуктов: Tesla — имя Николы Теслы в названии бренда ассоциируется с инновациями, передовыми технологиями, будущим и нестандартным мышлением, что соответствует имиджу Илона Маска; SpaceX — сочетание “Space” (космос) и “X” (неизвестное, экспериментальное) передает амбициозность, стремление к новым границам и научным прорывам, что является ключевой идеей компании; Neuralink — сочетание двух основ указывает на сферу деятельности компании — разработку нейроинтерфейсов, связывающих мозг с компьютером, что звучит футуристично и интригующе; Meta — название, отсылающее к «метавселенной», отражает амбиции компании по созданию нового цифрового мира, где пользователи смогут взаимодействовать в виртуальной реальности; Amazon — название выбрано, чтобы ассоциироваться с крупнейшей рекой в мире, намекает на широкий ассортимент товаров и услуг, а также на масштабность компании. Также ср. Балтимор, Черкизово, Доктор Мом, Maybelline New York, Red Bull, Starbucks, Subway, Cadbury, Heinz Ketchup и проч. Фасцимемы работают на уровне эмоций, эстетики и смыслов, создавая переживание, которое остается в памяти и меняет восприятие самого объекта.

Заключение

Исследование феноменов фасцинации, включая фасцины (фасцинаты), фасциномы и фасци-

Таблица 2
Table 2

Соотношение между сходными категориями фасцинации

Категория	Фасцина	Фасцином и лексический фасцинат	Фасцимем
Определение	Привлекающий внимание сигнал, способный обеспечивающий интенсивное эмоциональное восприятие, любопытство, вдохновляющий творчество. Это также семиотический объект или персона, «вызывающий мощный эмоциональный отклик и переживание вплоть до страха или эстетического экстаза».	Образное наименование или перифраза, обозначающая объект, лицо или ситуацию; образная характеристика, формирующая особое отношение или впечатление	Искусственно созданный знак или высказывание, используемое для привлечения внимания, манипуляции восприятием аудитории
Виды	Образы природы, музыка, танцы, искусство, архитектура, поэзия, литература	Образные имена, перифразы, метафоры, метонимии, эпитеты, образные сравнения, развернутые тропы	Рекламные слоганы, политические лозунги, брендовые концепты
Характеристики	Эстетическая привлекательность, визуальное, ритмическое, звуковое и проч. воздействие	Тропеическая образность, яркая форма, символизм, многослойность, культурно-историческая значимость, имплицитность, ассоциативность, информационная насыщенность, иногда контрастность	Игровая природа, скрытая информация, часто содержит двойственность или парадоксальность, привлекает оригинальностью

мемы, обусловлено их значимостью в формировании восприятия, мотивации и поведения человека. Эти феномены становятся инструментами для усиления информационных воздействий, способствующими преодолению коммуникативных барьеров и повышению восприимчивости к сообщению. Анализ их механизмов и свойств важен

для эффективного управления вниманием, созданием фасцинирующих языковых, культурных и социальных явлений, а также контрфасцинации. Дальнейшие исследования должны углублять понимание природы фасцинации и развивать практические методы ее использования в различных сферах общественной жизни.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора. (Синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика, М., 1979. С. 5–24.
2. Брудный А. А. Семантика языка и психология человека. 1973.
3. Глоссарий по политической психологии. М.: РУДН. 2003.
4. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М., 1979. С. 179–184.
5. Дементьев В. В. Основы теории непрямого общения тема: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2001.
6. Зарипов Р. И. Фасцинация как основа медиатекста и информационно-психологического воздействия // Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103). С. 57–69.
7. Карпенко Л. А., Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Краткий психологический словарь. Ростов-на-Дону: ФЕНИКС, 1998.
8. Кнорозов Ю. В. Принцип физиологического кодирования сенсорной информации и некоторые общие принципы процессов обработки информации // Труды Института мозга РАН, Ленинград, 1962.
9. Мальцев В. А. Учебное пособие по аналитическому чтению: для студентов ст. курсов яз. вузов. Минск: Вышэйшая школа, 1980. 239 с.
10. Марцелли А. А. Фразеологические мелиоративы-обозначения лица и их отличие от смежных явлений (эвфемизмы, перифразы) // Новое тысячелетие — новый этап: материалы Междунар. науч. конф. 14–18 января 2004 г. Москва ; Пятигорск: ПГЛУ, 2004. С. 188–191.
11. Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Символьная структура текста и проблема понимания // Научные доклады высшей школы. Сер.: Философские науки. 1993. № 6.
12. Омельченко Е. В. фасцинирующая составляющая в непрямого общения // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 136–139.
13. Поварницына М. В. Манипуляция, суггестия, аттракция и фасцинация в креолизованном тексте // Известия ВГПУ. 2016. № 2 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-suggestiya-attraktsiya-i-fastsinatsiya-v-kreolizovannom-tekste> (дата обращения: 31.07.2025).
14. Подрядова В. В. Музыкальный поэтический дискурс: особенности лингвистической аттрактивности // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. 2012. № 2. С. 38–43.
15. Серебренникова Е. Ф. В поисках «глубинного уровня»: некоторые аспекты лингвистической аксиологической диагностики // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. 2012. № 2 (19). С. 6–11.
16. Соковнин В. М. Коммуникативное фасцинирующее нацеливание (fascino targeted communication) — главная функция фасцинации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-fastsiniruyushe-natselivanie-fascino-targeted-communication-glavnaya-funktsiya-fastsinatsii> (дата обращения: 31.07.2025)
17. Соковнин В. М. Фасцинология. URL: https://bookap.info/book/sokovnin_fastsinologiya/ (дата обращения: 31.07.2025)
18. Соковнин В. М. Фасцинация как наука // Фасцинология. 2003. № 1.
19. Соковнин В. М. Фасцинация. Коммуникация. Общение. URL: <https://fascinology.narod.ru/Sotrud.htm> (дата обращения: 31.07.2025)
20. Чеботарев И. Г. Фасцинирующий типаж «юродивый» в русской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2015.

References

1. Arutyunova ND. Linguistic Metaphor (Syntax and Lexicon). *Linguistics and Poetics*. Moscow, 1979. Pp. 5-24. (In Russ.).
2. Brudny AA. Language Semantics and Human Psychology. 1973. (In Russ.).

3. Glossary of Political Psychology. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2003. (In Russ.).
4. Devkin VD. German Colloquial Speech: Syntax and Lexicon. Moscow, 1979. pp. 179-184. (In Russ.).
5. Dementiev VV. Foundations of Indirect Communication Theory. Abstract of Doctoral Dissertation in Philology. Saratov, 2001. (In Russ.).
6. Zaripov RI. Fascination as a Basis for Media Texts and Information-Psychological Influence. *Political Linguistics*. 2024;1(103):57-69. (In Russ.).
7. Karpenko LA., Petrovsky AV., Yaroshevsky MG. Concise Psychological Dictionary. Rostov-on-Don: Phoenix Publishing House, 1998. (In Russ.).
8. Knorozov YuV. The Principle of Physiological Coding of Sensory Information and Some General Principles of Information Processing. *Proceedings of the Brain Institute of Russian Academy of Sciences*. Leningrad, 1962. (In Russ.).
9. Mal'tsev VA. Manual for Analytical Reading: For Senior Students of Language Departments. Minsk: Higher School Publ., 1980. 239 p. (In Russ.).
10. Marcelli AA. Phraseological Melioratives Denoting Personality and Their Difference from Related Phenomena (Euphemisms, Periphrases). *New Millennium — New Stage. Materials of International Scientific Conference*, January 14-18, 2004. Moscow; Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University Press, 2004. Pp. 188-191. (In Russ.).
11. Mushkhelishvili NL., Shreider YuA. Symbolic Structure of Text and Understanding Problem. *Reports of Higher Education Institutions. Philosophy Section*. 1993;6. (In Russ.).
12. Omelchenko EV. Fascinating Component in Indirect Communication. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. Tambov: Gramota Publ., 2013;1(19):136-139. (In Russ.).
13. Povarnitsyna MV. Manipulation, Suggestion, Attraction, and Fascination in Creolized Text. *Izvestiya VGPU*. 2016;2(106). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-suggestiya-attraktsiya-i-fastsinatsiya-v-kreolizovannom-tekste> (date of access: 06.28.2023). (In Russ.).
14. Podryadova VV. Musical Poetic Discourse: Features of Linguistic Attractiveness. *Bulletin of Moscow Regional State University. Series Linguistics*. 2012;2:38-43. (In Russ.).
15. Serebrennikova EF. Searching for the 'Deep Level': Some Aspects of Linguistic Axiolinguistic Diagnostics. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*. 2012;2 (19):6-11. (In Russ.).
16. Sokovnin VM. Communicative Targeted Fascination (Fascino Targeted Communication) — Main Function of Fascination. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-fastsiniruyushee-natselivanie-fascino-targeted-communication-glavnaya-funktsiya-fastsinatsii> (date of access: 06.28.2023) (In Russ.).
17. Sokovnin VM. Fascinology. Available at: https://bookap.info/book/sokovnin_fastsinologiya (accessed: 06.28.2023) (In Russ.).
18. Sokovnin VM. Fascination as Science. *Fascinology*. 2003;1. (In Russ.).
19. Sokovnin VM. Fascination. Communication. Interaction. Available at: <https://fascinology.narod.ru/Sotrud.htm> (date of access: 06.28.2023) (In Russ.).
20. Chebotarev IG. Fascino Typecast «God's Fool» In Russian Linguoculture: Candidate Dissertation in Linguistics. Volgograd, 2015. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Шелестюк — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

E. V. Shelestyuk — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 03.04.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 03.04.2025; accepted for publication 15.08.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-134-140

НАИМЕНОВАНИЯ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ РОССИЙСКИХ ДЕВУШЕК

Андрей Александрович Яковлев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия, mr.koloboque@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1491-0577

Аннотация. В статье приводятся результаты ассоциативного эксперимента, целью которого было определение схожих и различных семантические характеристик наименований алкогольных напитков, отражающих опыт их употребления и эмоционально-личностное отношение к ним среди русских женщин 17–20 лет. Испытуемым (115 человек) в письменном виде были предложены стимулы ВИНО, ВОДКА, ПИВО, ВИСКИ, КОНЬЯК, ТЕКИЛА, ШАМΠΑНСКОЕ. МАРТИНИ. Полученные ассоциативные поля обрабатывались методом кластерного анализа. Основной вывод исследования состоит в следующем: наименования алкогольных напитков отличаются друг от друга довольно значительно, в их семантике нет семантических характеристик и компонентов, в одинаковой степени характерных для всех изученных слов. Положенная в основу эксперимента гипотеза подтверждается: ассоциативные поля значений слов — наименований алкогольных напитков невозможно свести к «единому семантическому знаменателю», единому типу, поскольку они отражают качественно различные фрагменты опыта и эмоционально-личностной оценки этого опыта. Во всех ассоциативных полях имеются как отрицательные, так и положительные оценки, за исключением стимула ВОДКА. В ассоциативных полях стимулов ВИНО, ПИВО положительные оценки превалируют над отрицательными. Кроме того, ассоциативные поля показывают качественную разницу в значениях исследованных слов. Это значит, что для конкретного человека не существует «алкоголя вообще», существуют конкретные алкогольные напитки, которые этот человек употребляет или не употребляет, и именно этот опыт употребления или неупотребления ассоциируется с названиями напитков. Однако с названиями напитков, которые сам человек не употребляет, могут ассоциироваться распространённые в текстах стереотипы, генерализации, мифы и т.п.

Ключевые слова: алкоголь, алкогольные напитки, молодёжь, ассоциативный эксперимент, ментальный лексикон, семантика, ценности.

Для цитирования: Яковлев А. А. Наименования алкогольных напитков в ментальном лексиконе российских девушек // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 134–140. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-134-140.

Original article

NAMES OF ALCOHOLIC BEVERAGES IN THE MENTAL LEXICON OF RUSSIAN YOUNG WOMEN

Andrey A. Yakovlev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia, mr.koloboque@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1491-0577

Abstract. The paper discusses the results of an associative experiment aimed at determining similar and different semantic characteristics of the names of alcoholic beverages that reflect the experience of their consumption and emotional and personal attitudes towards them among Russian women aged 17–20. The subjects (115 people) were offered the following stimuli in writing: WINE, VODKA, BEER, WHISKY, COGNAC, TEQUILA, CHAMPAGNE, MARTINI. The resulting associative fields were processed using the cluster analysis method. The main conclusion of the study is as follows: the names of alcoholic beverages differ from each other quite significantly; their semantics does not contain semantic characteristics and components equal for all the words studied. The hypothesis underlying the experiment is confirmed: the associative fields of names of alcoholic beverages cannot be reduced to a “common

semantic denominator,” a single type, since they reflect qualitatively different fragments of experience and emotional and personal assessment of this experience. In addition, the associative fields show a qualitative difference in the meanings of the words studied. This means that for a specific person there is no “alcohol in general”, there are specific alcoholic drinks that this person drinks or does not drink, and it is this experience of drinking or not drinking that is associated with the names of drinks. However, stereotypes, generalizations, myths, etc. common in texts can be associated with the names of drinks that the person himself does not drink.

Keywords: alcohol, alcoholic beverages, youth, associative experiment, mental lexicon, semantics, values.

For citation: Yakovlev AA. Names of alcoholic beverages in the mental lexicon of Russian young women. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):134-140. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-134-140.

Постановка вопроса

Употребление алкоголя и отношение к нему в нашей стране является предметом наркологических, социологических и психологических исследований уже не первое десятилетие.

Отношение молодёжи к алкоголю изучается в основном с позиций алкологии, психиатрии (в целом — медицины), психологии и социологии [1; 10; 11]. Эти исследования показывают изменение количества и качества употребляемого алкоголя: за последние годы оно значительно снизилось, а также снизилась доля крепких алкогольных напитков (водка, коньяк) в сравнении со средне алкогольными (вино, пиво). Соцопросы последних лет показывают снижение уровня употребления алкоголя и установление связи между здоровым образом жизни и социальной успешностью, в частности, в среде молодёжи [5; 8; 12; 15]. Многие авторы констатируют в целом положительную динамику наркологической ситуации в нашей стране. Попросту говоря, много пить стало немодно, образ сильно пьющего человека стойко ассоциируется не с социально-культурной нормой, а с отклонением от неё.

При всей существенности этих социально-культурных изменений, при всей актуальности проблемы алкоголя в жизни молодого поколения нам не известны лингвистические исследования, посвящённые проблеме отражения в языке (в текстах, ментальном лексиконе, в жанрах речи и т.д.) отношения тех или иных групп населения к алкогольным напиткам.

Если формулировать лингвистическую проблему как отражение отношения к алкогольным напиткам в языке, то степень разработанности этой проблемы можно считать почти нулевой.

Следовательно, отражаются ли в языке социально-культурные изменения, связанные с алкоголем, а именно значения слов — наименований алкогольных напитков — это вопрос, требующий детального рассмотрения с общелингвистических и, в частности, психолингвистических позиций. Поэтому цель настоящего исследования можно

сформулировать так: выявить схожие и различные семантические характеристики наименований алкогольных напитков, отражающие опыт их употребления и эмоционально-личностное отношение к ним.

Перспективным представляется рассмотреть полученные результаты с точки зрения лингвистической аксиологии, в частности, то её части, которая опирается на психолингвистическую методологию. Более подробно об этом см., например, работы [2; 3; 4; 6; 7; 9; 13; 14], в которых подчёркивается необходимость рассмотрения полученного материала с позиций бытующих в соответствующей социальной группе культурных норм, стереотипов, правил, оценок и т.п. Не останавливаясь подробно на методологии, лежащей в основе перечисленных работ, отметим лишь несколько общих для них моментов.

Эти и другие исследования подобного типа позволяют выявлять через анализ значений языковых знаков индивидуальный опыт, приобретаемый в национально-культурной среде. Они основаны на анализе в полученном экспериментальном материале таких фрагментов, которые отражают эмоционально-личностное отношение испытуемых к предъявляемым языковым стимулам. Если говорить об ассоциативном эксперименте, то в перечисленных исследованиях в ассоциативных полях выявляются такие реакции, которые однозначно указывают на не нейтральное (хотя и не только однозначно положительное или однозначно отрицательное) отношение испытуемых к изучаемым словам. Не стоит при этом забывать, что такое отношение к словам далеко не всегда соответствует отношению к соответствующим предметам (денотатам как фрагментам многогранного опыта деятельности, познания и переживания мира), поскольку отражает лишь опыт речевой деятельности, но не всей системы деятельности.

Бытующие в текстах (от публицистических до юридических) мнения, оценки, опасения и т.п. могут не совпадать с «психологической реальностью», поскольку преломляются каждым челове-

ком через призму собственных ценностей, установок, опыта и т.п. Поэтому чтобы судить о том, с какими фрагментами опыта связаны наименования алкогольных напитков, необходимо провести эксперимент и соответствующим образом интерпретировать его результаты. Только в этом случае можно говорить объективно о «качестве» фрагментов индивидуального опыта, ассоциированных с наименованиями алкогольных напитков. В более широкой перспективе можно говорить о том, отражены ли тенденции, выявляемые наркологией, социологией, психологией и т.д., в языковых значениях, в языке.

Материал и метод анализа

Для достижения поставленной цели в 2024 г. был проведён свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 115 студентов РАНХиГС Санкт-Петербург в возрасте от 17 до 20 лет.

Гипотеза эксперимента формулировалась следующим образом: ассоциативные поля значений слов — наименований алкогольных напитков невозможно свести к «единому семантическому знаменателю», единому типу, поскольку они отражают качественно различные фрагменты опыта и эмоционально-личностной оценки этого опыта.

В ходе эксперимента испытуемым (далее — Ии.) в письменном виде был предъявлен ряд слов, среди которых были ВИНО, ВОДКА, ПИВО, ВИСКИ, КОНЬЯК, ТЕКИЛА, ШАМПАНСКОЕ, МАРТИНИ. Ии. должны были написать первое слово, пришедшее им на ум в связи с предъявленными.

В ходе эксперимента испытуемым (далее — Ии.) в письменном виде был предъявлен ряд слов, среди которых были ВИНО, ВОДКА, ПИВО, ВИСКИ, КОНЬЯК, ТЕКИЛА, ШАМПАНСКОЕ, МАРТИНИ. Ии. должны были написать первое слово, пришедшее им на ум в связи с предъявленными.

Все полученные ассоциативные поля обрабатывались методом кластерного анализа: реакции вне зависимости от их частотности объединяются в группы (кластеры) по сходству их семантики, а затем сопоставление осуществляется уже по кластерам — по количеству ассоциаций, вошедших в данный кластер в каждом ассоциативном поле.

Первичный анализ полученных реакций выявил следующие семантические кластеры: «характеристика», «оценка», «разновидность», «другой напиток», «событие и место», «инструмент», «закуска», «частное / общее». Поясним эти кластеры.

Разница между кластерами «характеристика» и «оценка» состоит в том, что реакции первого выражают качество или атрибут напитка

(ВИНО — *красный* (5), *бордовый* (2), *кислота*; ПИВО — *пена* (7), *жёлтый* (3), *пузырьки* (2); ВИСКИ — *дорого* (2), *старый*, *коричневое*), а реакции второго выражают состояния самого испытуемого (ВИНО — *вкусно* (3), *хорошо*; ПИВО — *вкусное* (5), *любовь* (2), *веселье*, *кайф*; ВИСКИ — *горько*, *гадость*).

Реакции кластера «разновидность» обозначают все конкретные разновидности, наименования и марки данного напитка: ВИНО — *красное* (15), *игристое* (2), *полусладкое*; ПИВО — *светлое* (5), *Жигули*, *лагер*; ВИСКИ — *односолодовый*, *Джек Дениелс*, *Кентукки*.

Кластер «другой напиток» содержит наименования напитков, отличных от стимула: ВИНО — *водка* (3), *шампанское* (2), *вода*; ПИВО — *водка* (3), *квас* (2), *виски*, *сидр*; ВИСКИ — *кола* (44), *коньяк* (3), *с колой* (2), *джин*.

В кластер «событие и место» вошли реакции, выражающие различные события, мероприятия, места их проведения и т.п., в контексте которых происходит употребление напитков. Например: ВИНО — *кино* (3), *вечер* (2), *ресторан*; ПИВО — *бар* (2), *корпоратив*, *фильм*, *посиделка*, *пьянка*, *отдых*; ВИСКИ — *тусовка*.

Как ясно из названий кластеров «инструмент» и «закуска», они включают в себя наименования предметов, с помощью которых происходит употребление напитка, и сопровождающих употребление напитка блюд. Например: ВИНО — *бокал* (6), *рюмка*, *сыр* (6); ПИВО — *кружка* (5), *стакан* (2), *открывашка*, *рыба* (2), *сухарики*; ВИСКИ — *стакан* (7), *лёд* (6).

Наконец, кластер «частное / общее» включает в себя наименования более общих понятий, чем наименование данного напитка. Почти во всех случаях это реакции типа *алкоголь*, *пьянство*, *алкоголизм*.

Мы осознаём, что некоторые из этих реакций, суть «переходные случаи», тем не менее мы решили их однозначно интерпретировать за неимением возможности более точной интерпретации. Так, например, реакции типа ВИНО — *красное*, могут быть перенесены из кластера «разновидность» в кластер «характеристика», а реакции типа ВИСКИ — *дорого* — из кластера «характеристика» в кластер «оценка». Объективность анализа в данном случае достигается путём непротиворечивого отнесения схожих реакций к одинаковым кластерам: ВИНО — *красное*; ПИВО — *светлое* (кластер «разновидность», а не «характеристика»).

Все полученные и распределённые по семантическим кластерам реакции обобщённо можно представить в виде таблицы ниже.

	ВИНО	ВОДКА	ПИВО	ВИСКИ	КОНЬЯК	ТЕКИЛА	ШАМПАНСКОЕ	МАРТИНИ
нулевые реакции	3	6	5	8	8	8	2	10
характеристика	9	2	13	7	14	0	42	2
оценка	10	15	25	6	17	14	3	10
разновидность	27	6	13	3	3	0	10	18
другой напиток	7	11	7	52	11	14	7	15
событие и место	9	3	10	1	3	10	21	7
инструмент	7	16	10	13	12	3	11	7
закуска	6	5	3	0	2	21	0	3
частное / общее	7	13	6	6	10	14	6	13

Данные, приведённые в таблице, указывают на разнородность семантики наименований спиртных напитков, на отсутствие в их значениях единого преобладающего компонента. Для более конкретных выводов рассмотрим подробнее качество реакций каждого кластера.

Обсуждение результатов эксперимента

Характеристика напитка выражена наиболее рельефно в значениях двух стимулов: ПИВО — *пена* (7), *жёлтый* (3), *пузырьки* (2), *игристое*; ШАМПАНСКОЕ — *игристое* (15), *пузырьки* (15), *газы* (3), *жёлтый* (2), *пузыри*, *газированное*, *шипучее*, *новогоднее*, *сладкое*, *белое*.

Оценка напитка весьма существенна в значениях двух стимулов: ПИВО — *вкусное* (5), *любовь* (2), *вкусно* (2), *круто*, *кайф*, *релакс*, *веселье*, *похмелье*, *ужасный*, *отвратительно*, *фу*, *разочарование* и др.; КОНЬЯК — *фу* (3), *вкусный* (2), *дорого* (2), *нет* (2), *вкусно*, *отрава*, *дорогой*, *вреден*, *терпкая гадость* и др.

Разновидность напитка представлена очень рельефно в значении стимула ВИНО — *красное* (15), *разовое* (3), *грузинское* (2), *игристое* (2), *гранатовое* и др., а также МАРТИНИ — *красный* (5), *фiero* (4), *бьянко* (4), *асти* (3), *красное* (2).

С другим напитком связано значение стимулов ВИСКИ — *кола* (44), *коньяк* (3), *с колой* (2), *джин*, *скотч*, *коктейль* и МАРТИНИ — *коктейль* (2), *апероль* (2), *тоник* (2), *сок* (2), *кампари*, *швепс*, *водка*, *виски*, *грейпфрутовый сок*, *спрайт*.

События и места, связанные с употреблением напитка, отражены только в значении стимула ШАМПАНСКОЕ — *Новый год* (15), *праздник* (4), *выпускной*, *день рождения*.

С наименованием инструмента наиболее тесно связано значение стимула ВОДКА — *рюмка* (9), *стопка* (6), *бутылка*.

Закуска не отражена в значении ни одного стимула, за исключением ТЕКИЛА — *соль* (10), *лимон* (4), *лайм* (4), *оливка*, *соль и лайм*, *яблоко*.

Уже этот материал показывает, что наименования спиртных напитков входят в качественно разные семантические поля, не сводимые к общему «семантическому знаменателю» и отражающие качественно разные личностно-значимые и культурные явления.

Чтобы проанализировать полученные результаты с точки зрения лингвистической аксиологии, в нашем материале следует подробнее рассмотреть реакции кластера «оценка».

Сразу обратим внимание, что оценка, выраженная в полученных реакциях, далеко не всегда негативна. Только на стимул ВОДКА реакции выражают исключительно отрицательную оценку: *фу* (2), *вред* (2), *гадость*, *ломка*, *горечь*, *плохо*, *отвратительная*, *неприятнь* и др. Даже на наименование похожего напитка есть положительно окрашенные реакции: КОНЬЯК — *фу* (3), *вкусный* (2), *нет* (2), *горько* (2), *горький*, *вкусно*, *отрава* и др.

Интересны в этом отношении реакции кластера «оценка» на стимул ВИНО: *вкусно* (3), *вкусное* (2), *круто*, *хорошо*, *плохо*, *похмелье*, *супер*. Видно, что среди них лишь 2 выражают явно негативное отношение к этому напитку.

Та же тенденция — в реакциях на стимул ПИВО: *вкусное* (5), *любовь* (2), *вкусно* (2), *круто*, *кайф*, *релакс*, *веселье*, *похмелье*, *зачем*, *ужасный*, *отвратительно*, *фу*, *алкоголизм* и др. Среди этих реакций явно положительных — 17, явно отрицательных — 8.

Тот же характер эмоционально-личностного оценивания выражается не напрямую, например, в реакциях кластера «событие»: ВИНО — *кино* (3), *вечер* (2), *вписка*, *пятница*, *балет*, *ресторан*; ВОДКА — *посиделка*, *пьянка*, *заварушка*; ПИВО — *бар* (2), *корпоратив*, *вечер*, *футбол*, *фильм*, *посиделка*, *пьянка*, *отдых*, *на выходных*; ВИСКИ — *тусовка*; КОНЬЯК — *бар* (2), *день рождения*; ТЕКИЛА — *клуб* (6), *бар*, *пьянка*, *день рождения*; ШАМПАНСКОЕ — *Новый год* (15), *праздник* (4), *выпускной*, *день рождения*; МАРТИНИ — *клуб* (2), *бар*, *Новый год*, *девичник*, *отдых*, *вечеринка*.

Как видно, разные наименования алкогольных напитков ассоциируются в ментальном лексиконе со средствами выражения весьма различных по качеству эмоций, оценок, событий, далеко не всегда отрицательных.

Следовательно, в наименованиях алкогольных напитков отражаются как отрицательные, так и (и

даже в большей степени) положительные эмоции и оценки. Однозначно отрицательной является оценка стимула ВОДКА, в ассоциативных полях других стимулов выражаются также и положительные оценки.

Выводы

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы выявить схожие и различные семантические характеристики наименований алкогольных напитков, отражающие опыт их употребления и эмоционально-личностное отношение к ним.

Проанализированный материал показывает, что в наименованиях алкогольных напитков нет общих семантических характеристик, все они отличаются друг от друга довольно значительно. Положенная в основу эксперимента гипотеза подтверждается: ассоциативные поля значений слов — наименований алкогольных напитков действительно невозможно свести к «единому семантическому знаменателю», единому типу, поскольку они отражают качественно различные фрагменты опыта и эмоционально-личностной оценки этого опыта.

Наименования одних напитков более стабильно ассоциируются с местом и событием, наименования других — с другим напитком, наименования третьих — с их разновидностью и т.д.

Для конкретного человека не существует «алкоголя вообще», существуют конкретные алкогольные напитки, которые этот человек употребляет или не употребляет, и именно этот опыт употребления или неупотребления ассоциируется с названиями напитков. Однако с названиями напитков, которые сам человек не употребляет, могут ассоциироваться распространённые в текстах (т.е. в продуктах речи других людей) стереотипы, генерализации, мифы и т.п. Эти явления видны в реакциях ВОДКА — *алкоголизм* (3), *похмелье*, *страх*, *ломка* и др., поскольку именно водка является символом алкоголизма, пьянства, социального, морального и физического упадка. Преломлением стереотипов в ассоциативных полях можно объяснить и реакции типа ВИСКИ — *кола* (44), *с колой* (2). Эти реакции говорят не о том, что наши Ии. употребляют виски исключительно с колой, а о том, что им известен наиболее распространённый образ употребления виски с колой, т.е. чужой опыт.

Основной перспективой исследования является сопоставление полученных данных с данными, полученными на других социальных или возрастных группах, в частности на группе молодых мужчин.

Список источников

1. Буданова В. А., Вакин М. А., Кочеткова И. В., Фурсова Е. А., Тюнина М. В. Алкоголь и его влияние на здоровье студентов медицинского вуза // Молодёжный инновационный вестник. 2023. Т. 12. № S2. С. 355–357.
2. Васкадуве С. С. Т., Харченко Е. В. Ценностный аспект русской и сингальской культуры (на примере представления о справедливости в Шри-Ланке и России) // Вопросы психолингвистики. 2023. № 4 (58). С. 109–123.
3. Волкова Я. А., Вашунина И. В. Лингвоаксиология эмоций: лингвокультурная ценность злости в русском языковом сознании // Вопросы психолингвистики. 2024. № 1 (59). С. 10–21.
4. Выговская Д. Г., Харченко Е. В. Безопасность как ценность в российском обществе: диахронический аспект // Вопросы психолингвистики. 2024. № 2 (60). С. 38–46.
5. Гордеева С. С. Социологический анализ функций установки на потребление алкоголя у подростков // Дискуссия. 2016. № 6 (69). С. 57–63.
6. Казаченко О. В., Шмалько С. П., Дорошенко О. В. Использование методов интеллектуального анализа данных для свободного ассоциативного эксперимента (на примере ценности «воля») // Вопросы психолингвистики. 2023. № 4 (58). С. 75–93.
7. Кузьмина М. А. Междисциплинарные основания исследования оценочных ассоциативных доминант // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 325–338.
8. Михайлова Д. А. Алкоголь в жизни молодёжи: культурное потребление или шаги к бескультурью // Молодёжь, устремлённая в будущее: проблемы, интересы, перспективы: сб. науч. тр. Всерос. науч. конф. 2018. С. 215–218.
9. Пищальникова В. А. Этнопсихолингвистика почти 25 лет спустя, или научное предвидения Александры Залевской // Вопросы психолингвистики. 2024. № 3 (61). С. 70–85.
10. Романович Н. А. Алкоголь в России: мифы общественного мнения и реальность // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 3. С. 63–87.

11. Скворцова Е. С., Бабушкина Е. И. Употребление алкоголя среди современных городских подростков-школьников // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. № 69 (3). С. 10.
12. Стоянов А. С., Тарасова Ю. П. Молодёжь и алкоголь: в ожидании похмелья? // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2020. № 3 (33). С. 264–270.
13. Шапошникова И. В. К ассоциативной типологии в контексте изучения языка как достояния человека // Вопросы психолингвистики. 2024а. №3 (61). С. 86–110.
14. Шапошникова И. В. Парадигма «национального» у русской языковой личности (по материалам ассоциативно-вербальной сети) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2024б. Т. 22. № 2. С. 66–81.
15. Шпорт С. В., Клименко Т. В. Современная наркологическая ситуация в Российской Федерации: достижения, актуальные проблемы и пути их решения // Вопросы наркологии. 2023. № 3. С. 8–26.

References

1. Budanova VA., Vakin MA., Kochetkova IV., Fursova EA., Tjunina MV. Alkohol' i ego vlijanie na zdorov'e studentov medicinskogo vuza = Alcohol and its impact on the health of medical students. *Molodjozhnyj innovacionnyj vestnik = Youth Innovation Bulletin*. 2023;S2(12):355–357. (In Russ.).
2. Gordeeva SS. Sociologicheskij analiz funkcij ustanovki na potreblenie alkogolja u podrostkov = Sociological analysis of the functions of the attitude towards alcohol consumption in adolescents. *Diskussija = Discussion*. 2016;6 (69):57–63. (In Russ.).
3. Kazachenko OV., Shmal'ko SP., Doroshenko OV. Ispol'zovanie metodov intellektual'nogo analiza dannyh dlja svobodnogo asociativnogo jeksperimenta (na primere cennosti «volja») = Using data mining methods for a free associative experiment (using the value “will” as an example). *Voprosy psiholingvistiki = Questions of psycholinguistics*. 2023;4 (58):75–93. (In Russ.).
4. Kuz'mina MA. Mezhdisciplinarnye osnovanija issledovanija ocenocnyh asociativnyh dominant = Interdisciplinary foundations for the study of evaluative associative dominants. *Sibirskij filologicheskij zhurnal = Siberian Philological Journal*. 2022;3:325–338. (In Russ.).
5. Mihajlova DA. Alkohol' v zhizni molodjozhi: kul'turnoe potreblen'e ili shagi k beskul'tur'ju = Alcohol in the lives of young people: cultural consumption or steps towards lack of culture. *Molodjozh', ustremlyonnaja v budushhee: problemy, interesy, perspektivy = Young people looking to the future: problems, interests, prospects*. 2018:215–218. (In Russ.).
6. Pishhal'nikova VA. Jetnopsiholingvistika pochti 25 let spustja, ili nauchnoe predvidenija Aleksandry Zalevskoj = Ethnopsycholinguistics almost 25 years later, or the scientific predictions of Alexandra Zalevskaya. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of psycholinguistics*. 2024;3(61):70–85. (In Russ.).
7. Romanovich NA. Alkohol' v Rossii: mify obshhestvennogo mnenija i real'nost' = Alcohol In Russia: Myths of Public Opinion and Reality. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*. 2015;3(21):63–87. (In Russ.).
8. Shaposhnikova IV. K asociativnoj tipologii v kontekste izuchenija jazyka kak dostojanija cheloveka = Towards an Associative Typology in the Context of Studying Language as a Human Property. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of psycholinguistics*. 2024;3(61):86–110. (In Russ.).
9. Shaposhnikova IV. Paradigma «nacional'nogo» u russkoj jazykovej lichnosti (po materialam asociativno-verbal'noj seti) = The Paradigm of the “National” in the Russian Linguistic Personality (Based on the Materials of the Associative-Verbal Network). *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Serija «Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija» = Journal of NSU. Series “Linguistics and Intercultural Communication”*. 2024;2(2):66–81. (In Russ.).
10. Shport SV., Klimentko TV. Sovremennaja narkologicheskaja situacija v Rossijskoj Federacii: dostizhenija, aktual'nye problemy i puti ih reshenija = The Current Narcological Situation in the Russian Federation: Achievements, Current Problems, and Ways to Solve Them. *Voprosy narkologii = Questions of Narcology*. 2023;3:8–26. (In Russ.).
11. Skvorcova ES., Babushkina EI. Upotreblenie alkogolja sredi sovremennyh gorodskih podrostkov-shkol'nikov = Alcohol Consumption Among Modern Urban Teenage Schoolchildren. *Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija [setevoe izdanie] = Social Aspects of Population Health*. 2023;69(3):10. (In Russ.).
12. Stojanov AS., Tarasova Ju.P. Molodjozh i alkohol': v ozhidanii pohmel'ja? = Young People and Alcohol: Waiting for a Hangover?. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshhestvennyh otnoshenij = GosReg: State Regulation of Public Relations*. 2020;3(33):264–270. (In Russ.).
13. Vaskaduve S.S.T., Harchenko E.V. Cennostnyj aspekt russkoj i singal'skoj kul'tury (na primere predstavlenija o spravedlivosti v Shri-Lanke i Rossii) = The Value Aspect of Russian and Sinhalese Culture (Based

on the Concept of Justice in Sri Lanka and Russia). *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*. 2023;4(58):109–123. (In Russ.).

14. Volkova JaA., Vashunina IV. Lingvoaksiologija jemocij: lingvokul'turnaja cennost' zlosti v russkom jazykovom soznanii = Lingvoaxiology of Emotions: The Linguistic and Cultural Value of Anger in the Russian Linguistic Consciousness. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*. 2024;1 (59):10–21. (In Russ.).

15. Vygovskaja DG., Harchenko EV. Bezopasnost' kak cennost' v rossijskom obshhestve: diahronicheskiy aspekt = Security as a Value In Russian Society: A Diachronic Aspect. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*. 2024;2(60):38–46. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Яковлев — кандидат филологических наук.

Information about the author

A. A. Yakovlev — candidate of philological sciences.

Статья поступила в редакцию 02.05.2025; одобрена после рецензирования 06.06.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 02.05.2025; approved after reviewing 06.06.2025; accepted for publication 15.08.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ TERMINOLOGY, LEXICOGRAPHY

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 141–149.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(6(500)):141-149.

Научная статья

УДК 811.5

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-141-149

ОБ ИСТОЧНИКАХ ТЕРМИНОВ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТЯХ ИХ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ ОБРАЗОВАНИЯ)

Вера Геннадьевна Будыкина¹, Анна Алексеевна Андреева²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, vbudykina@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1488-0769

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, any7085@gmail.com, ORCID: 0009-0008-8253-4095

Аннотация. Статья посвящена анализу источников появления новых слов в корейском языке. Анализ выполнен на материале Открытого словаря корейского языка Urimalsae, а также корейско-русского глоссария терминов образования, насчитывающего 700 терминов и составленного авторами для достижения цели исследования. Глоссарий составлен в соответствии с концепцией лексикографического описания учебных терминов, разработанной одним из авторов настоящей статьи. Предлагаемый словарь охватывает корейскоязычную терминологию общего и высшего образования, педагогики и психологии. В статье рассматриваются основные классификации терминов по источникам появления новых слов. Корейский язык имеет три основных слоя лексики: традиционную корейскую лексику, китайско-корейскую лексику и лексику, заимствованную из других иностранных языков. На основе количественного и сравнительного методов исследовано соотношение источников общеупотребительных слов и терминологических единиц. Результаты представлены в графической форме, удобной для визуализации количественных результатов исследования. Результаты показывают, что основную долю лексики, входящей в Открытый словарь корейского языка, составляет исконно-корейская и сино-корейская лексика, а также термины-гибриды, образованные по следующим моделям: сино-китайский элемент + заимствование из иностранного языка; сино-китайский элемент + исконно-корейский элемент; термины-гибриды (заимствование из иностранного языка + исконно-корейский элемент/сино-корейский элемент). Что касается терминологии образования, в ней доминирует китайско-корейская лексика. Другое предположение состоит в том, что современная корейская терминология образования достаточно традиционна, «закрыта» для многих неологизмов, которые появляются в терминосистемах образования многих других языков как результат влияния американской и европейской систем образования. Предположение основано на том, что количество слов-гибридов в корейской терминологии образования почти в 2,5 раза ниже, чем количество слов-гибридов в общеупотребительной лексике, входящей в Открытый словарь корейского языка и образованной по той же словообразовательной модели.

Ключевые слова: терминология корейского языка, терминология образования, источники терминов, термины-гибриды, лексикографирование.

Для цитирования: Будыкина В. Г., Андреева А. А. Об источниках терминов в корейском языке и особенностях их лексикографирования (на примере терминов образования) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 141–149. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-141-149.

Original article

NOTES ON THE SOURCES OF TERMS IN THE KOREAN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF EDUCATIONAL TERMS) AND SPECIAL DICTIONARY COMPILATION

Vera G. Budykina¹, Anna A. Andreeva²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, vbudykina@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1488-0769

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, any7085@gmail.com

Abstract. The study aims to identify the sources of words coinage in the Korean language based on whether the vocabulary belongs to the category of commonly used words or terminological units. The Korean language corpus, as well as the Korean-Russian glossary of educational terms, compiled to achieve the purpose of the study, have been analyzed. The glossary is compiled in accordance with the concept, developed by one of the authors of this article for the lexicographic description of educational terms. The proposed dictionary contains more than 700 words and phrases and covers the Korean language terminology of general education, higher education, pedagogy, psychology, and etc. The article discusses the major classifications of terms; special emphasis is put on the linguistic classification of terms according to the sources of new words. According to this classification, terms are divided into traditional, borrowed, international, and hybrid. This classification is used in the study to analyze the sources of origin of Korean terms. Traditionally, the Korean language has three main layers of lexicon: traditional Korean lexicon, Sino-Korean lexicon, and the lexicon borrowed from foreign languages. Based on quantitative and comparative methods, the ratio between the sources of commonly used words and terminological units are examined and presented in a graph form convenient for visualizing quantitative results of the study. The findings suggest that the bulk of the lexicon found in the Korean Language Corpus is traditional Korean and Sino-Korean lexicon, and Sino-Korean lexicon dominates in educational terminology. Another suggestion is that the current terminology of education is quite traditional and “closed” for many neologisms that occur in different languages due to the influence of American and European systems of education preserving the Korean educational system from the external factors.

Keywords: educational terminology, sources of terms, terminology of the Korean language, lexicography, hybrid terms.

For citation: Budykina VG., Andreeva AA. Notes on the Sources of Terms in the Korean Language (on the Example of Educational Terms) and Special Dictionary Compilation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500)):141-149. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-141-149.

Введение

Одним из актуальных вопросов терминоведения является вопрос появления новых терминов в современных языках для специальных целей.

Под термином вслед за В. М. Лейчиком мы понимаем «лексическую единицу определенного языка для специальных целей, обозначающую общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [1. С. 31–32].

В. М. Лейчик выделяет морфологический, синтаксический и семантический способ образования терминов, а также терминоположение, заимствование, межязыковое и межсистемное заимствование [2. С. 5–16].

В данной классификации объединены и способы пополнения терминологии посредством языковых средств одного языка и способы межязыковых заимствований. Таким образом, деятельность по образованию новых терминов, можно разделить на монолингвистическую и межлингвистическую. К монолингвистическим способам следует отнести словообразование, словосложение, использование существующих и создание новых форм, изменение частей речи, аббревиация, междисциплинарные заимствования, а также процесс терминологизации. Межлингвистические способы предполагают использование описательного перевода, лингвистических и семантических калек,

прямых заимствований. Сюда же можно отнести и процесс гибридизации терминов.

Однако, данная классификация не может быть в полном объеме применена к анализу появления терминов в корейском языке, но может быть взята за основу такого анализа.

Целью данного исследования является выявление источников появления новых слов в корейском языке на материале общеупотребительной лексики, включенной в Открытый словарь корейского языка Urimalsaet, а также на материале терминов, вошедших в словник корейско-русского глоссария терминов образования, составленного авторами статьи.

Материалы и методы исследования

Для достижения цели исследования, был составлен корейско-русский глоссарий терминов образования. На материале данного глоссария был сделан анализ основных источников терминов. Глоссарий составлен в соответствии с авторской концепцией, которая была разработана В. Г. Будыкиной с целью лексикографического описания терминов образования. «Англо-русский словарь терминов образования (на примере ВО США)» был опубликован в 2017 году издательством «Флинта» (г. Москва)¹. Разработанная кон-

¹ Будыкина В. Г. Англо-русский словарь терминов высшего образования (На примере высшего образования в США). American-Focused Dictionary of Higher Education / В.Г. Будыкина. М.: ФЛИНТА : Наука, 2017. 392 с.

цепция может применяться и для описания терминов на корейском языке.

Предлагаемый словник содержит более 700 слов и словосочетаний и охватывает корееязычную терминологию высшего и общего образования, педагогики и психологии; названия должностей и ученых званий, лексику общеуниверситетского обихода и т.д.

Указание транскрипции не предусмотрено, поскольку глоссарий является терминологическим и предполагает наличие у его читателей базовых знаний корейского языка. Однако согласимся и с мнением Н. А. Мацкевич и О. Г. Григорьевой, которые провели анализ классификаций и типологии словарей, предложенных российскими и зарубежными лингвистами (А. С. Гердом, В. В. Дубичинским, З. И. Комаровой, М. А. Ковязиной, И. С. Куликовой, В. М. Лейчиком, Ю. С. Масловой, Л. В. Поповой, В. Д. Табанаковой, Р. Р. К. Хартманом, Л. В. Щербой и др.) в разные периоды времени, и пришли к выводу о том, что в современных классификациях и типологиях применяется антропоцентрический подход, т.е. «выбор типа словаря», а также, соответственно, его мега и макроструктуры зависит не только от объекта и цели лексикографирования, но и от адресата¹. И. С. Кудашев особо отмечает, что идеальные словари должны быть ориентированы на определённый круг пользователей. При этом при проектировании словаря стоит учитывать и потребности других групп людей [З. С. 118]. Учтем данное замечание при дальнейшей работе над глоссарием.

Входные единицы расположены в глоссарии в соответствии с алфавитным порядком корейского языка. Большинство входных единиц являются существительными или словосочетаниями, однако включены и некоторые глаголы. Для обозначения глагола используется сокращение **동** от корейского **동사** ‘глагол’, которое приводится непосредственно после самого глагола в круглых скобках.

강의하다 (동) — читать лекцию. Систематически осуществлять преподавание знаний или мастерства в университете, на платных курсах и т. п. **См. 강의.**

В данной словарной статье пользователю предлагается также ознакомиться со значением входной единицы «**강의**» ‘лекция’.

Разные лексические значения входной единицы помечены цифрами с круглой скобкой. Например:

¹ Мацкевич Н. А., Щитова О. Г. Идеографический словарь архитектурно-дизайнерской терминологии русского языка // Вопросы лексикографии. 2023. № 27. С. 86–104.

지원 — 1) помощь. Материальная или моральная поддержка; 2) заявка. Выражение желания поступить в какую-либо организацию или выполнять какую-либо работу. **См. 지원 마감일.**

В этом примере предлагается ознакомиться со значением слова **지원 마감일** ‘последний день подачи заявления’.

Поясняющие слова к переводу приводятся в круглых скобках. Например:

구내식당 — столовая (внутри учреждения). Столовая, расположенная внутри здания компании, больницы, станции и других крупных учреждений.

После приведения примера в словарной статье, в отдельных случаях приводятся следующие пометы: **Син.** (Синоним), **См.** (Смотрите), **Ср.** (Сравните). Например:

전공과목 — предмет по специальности, лекция по специальности. Учебный предмет, который изучают или исследуют с профессиональными целями, по специальности, не факультативно. **См. 과목, 전공; Ср. 선택과목.**

В данном случае пользователю глоссария предлагается посмотреть словарную статью **과목** ‘предмет; дисциплина’, **전공** ‘специальность; специализация’ и сравнить значение входной единицы с другой единицей словаря **선택과목** ‘1) факультативный предмет; необязательный предмет; 2) предмет по выбору’.

Помета **Син.** означает, что данная входная единица имеет синоним/ы, который/ые приводятся в данной словарной статье после пометы. Например: **서머스쿨** — летняя школа. **Син. 여름학교.**

Здесь мы видим, что синонимом **서머스쿨** является **여름학교** ‘летняя школа’.

Помета **См.** предлагает пользователю ознакомиться с содержанием другой словарной статьи, которая может содержать сведения, необходимые для понимания/уточнения значения описываемой входной единицы.

장학생 — стипендиат. Студент или исследователь, получающий стипендию. **См. 장학.**

В данном случае предлагается ознакомиться с единицей **장학** ‘поддержка в учебе, стипендия’.

Помета **Ср.** используется при необходимости сравнить значение данной входной единицы с другими словами и словосочетаниями, приведенными в словнике.

출석 — посещаемость, присутствие. Участие в каком-либо собрании, присутствие на уроке, лекции и т.п. **Ср. 결석.**

В этом примере предлагается сравнить значение единицы с термином **결석** ‘отсутствие; неявка; пропуск’.

Для отбора терминов и сопряженной лексики использовалась специальная литература на корейском языке, официальные сайты образовательных учреждений, а также общие переводные словари. Словари в области образования на материале корейского языка отсутствуют.

Для достижения цели нашего исследования подробнее остановимся на классификации терминов по источникам их появления. Данная лингвистическая классификация терминов по источнику (языку-источнику) позволяет выделить термины своеязычные, заимствованные, интернациональные и гибридные. Эта классификация обычно применяется для анализа индоевропейских языков. Рассмотрим возможности ее применения для анализа источников возникновения корейских терминов образования и подробнее остановимся на гибридных терминах, поскольку данный термин является наименее изученным и может вызывать сложности в его восприятии.

Фундаментальных работ по гибридизации обнаружено не было, однако сам термин «гибридизация» получил освещение в работах ведущих российских и зарубежных исследователей. Так, С. В. Гринёв определяет гибрид как смешанное заимствование, где одна часть лексемы заимствуется, а вторая переводится или уже существует в языке [4]. Л. Б. Ткачева [5] рассматривает процесс гибридизации в связи с особенностями осуществления научно-технического перевода; гибридизация с точки зрения межъязыковых контактов рассматривается Э. Хаугеном [6] и т.д. Особенности гибридизации терминологии рассмотрены на материале нескольких языков. Так, Е. А. Ивлиева рассматривает особенности образования таких терминов в испанской компьютерной терминологии и предлагает называть их «терминологическими словосочетаниями гибридного типа, где один элемент образован по нормам испанского языка, а второй заимствован напрямую из английского языка» [7. С. 110]. В своем исследовании автор отмечает, что среди 293 компьютерных терминов, подвергнутым исследованию, термины-гибриды составляют 3,6%.

З. Ю. Кутузова изучила феномен гибридных терминов греко-латинского происхождения в клинической терминологии. Вслед за В. М. Лейчиком, автор называет подобное явление гибридными словами, смешанными по происхождению, в котором для названия нового предмета используется исконное слово, а признак именуется про помощи латинского или греческого элемента [8. С. 45]. Статистические данные в ста-

тье не приводятся. Т. Н. Шарапова рассматривает англо-немецкие гибридные заимствования на примере терминов бионики [9] и отмечает, что данный способ является одним из наиболее эффективных путей интернационализации терминологии, который «проявляется в слиянии разносистемных терминологических единиц в процессе обмена научно-технической информацией специалистами немецко- и англоязычных стран» [9. С. 123].

М. Н. Озолина исследует термины-гибриды с англо-американскими элементами на материале немецкой экономической терминологии и отмечает, что в данной терминологии этот способ образования терминов также является очень продуктивным способом; исследователь также предлагает использовать для анализа «метод непосредственных составляющих» и классифицировать термины-гибриды в зависимости от того, в какой части слова появляется заимствованная составляющая (заимствованный элемент-исконный элемент/исконный элемент/заимствованный элемент). М. Н. Озолина также отмечает, что 90% терминов-гибридов из общего числа исследованных экономических терминов являются существенными [10].

Итак, исследователи по-разному расценивают такие новообразования; отсутствует единообразие в использовании терминологии. Так, например, Д. С. Лотте использует термин «гибридные образования» [11]; М. Н. Володиной — «гибридо-термины» [12], М. А. Лобановой — «термин-гибрид» [13]. В. В. Акуленко исследует «слова-гибриды» [14], а термины гибридного типа рассматриваются в работе Е. А. Ивлиевой [7]. В данном исследовании в качестве рабочего определения мы будем использовать термин, предложенный М. А. Лобановой.

В корейском языке выделяются три основных слоя лексики: исконно-корейская лексика, сино-корейская лексика (лексика китайского происхождения) и лексика, заимствованная из других иностранных языков. Традиционно считается, что большая часть слов приходится на пласт сино-корейской лексики, который занимает 50-70% от всей лексики корейского языка, что объясняется историческими предпосылками и отношениями со странами, которые используют иероглифическую письменность. По данным, предоставленным в Открытом словаре корейского языка “Urimalsaem”¹ разработанным Националь-

¹ 국립국어원. 사전통계. URL: <https://opendict.korean.go.kr> (In Kor.). English version: Open Dictionary of Korean Language “urimalsaem”.

ным институтом корейского языка по состоянию на апрель 2023 г. наибольшая доля (43%) входных единиц — это лексика китайского происхождения, следом идут исконно корейские слова (33,7%), а неологизмы, образованные от иностранных слов из других языков, занимают 6,8% от всего объема словаря; также можно выдвинуть предположение о наличии в составе лексики корейского языка «терминов-гибридов».

Процесс образования терминов из двух и более элементов напоминает появление терминологических сцеплений в корейском языке. Сцепления — это термины, которые состоят из лексических морфем, причем эти морфемы «могут употребляться как непересекающиеся части» [15. С. 122] и не требуют соединения с помощью грамматических конструкций. Данная категория терминов может состоять из элементов только одного лексического пласта (только из исконно корейских элементов, только из сино-корейских элементов или только из заимствованных слов), а также может состоять из их комбинаций. Стоит особо отметить, что терминологические сцепления в корейском языке, в отличие от терминов-гибридов, которые состоят из элементов разных языков, могут строиться из элементов любой этимологии. К примеру, из элементов только одного языка (학사 학위 — ‘степень бакалавра’ состоит из двух сино-китайских слов (학사 — ‘бакалавр’ + «학위 — ‘степень’) или из разных языков (교육 프로그램 — ‘образовательная программа’, где первое слово имеет сино-корейское происхождение, а второе происходит от английского слова *programme*). Гибридные термины обязательно содержат элементы из разных языков. Например, если в варианте языка-оригинала термин состоит из двух слов или является словосочетанием, одно из слов может быть переведено на корейский, а другое заимствуется фонетически: к таким терминам можно отнести словосочетание 교육 프로그램 — ‘образовательная программа’ (корейское слово *образование* и английское *programme*). Термин-гибрид также может состоять из слова и аббревиатуры, где при переводе на корейский язык аббревиатура остается на языке оригинала, а слово переводится: A4용지 — ‘бумага формата A4’. Таким образом, мы предлагаем разделить термины-сцепления в корейском языке на термины-сцепления, образованные из элементов одного языка, а также термины-гибриды, которые содержат элементы двух языков. Исследование терминов-сцеплений не входит в задачи данного исследования, поэтому в нашей классификации источников появления но-

вых терминов в корейском языке, отнесем термины-сцепления, содержащие только исконно-корейские элементы или только сино-корейские элементы, к исконно-корейской/сино-корейской лексике и не будем выделять их в отдельную категорию.

Итак, в ходе нашего исследования, был проведен анализ источников происхождения слов в корейском языке. Анализ был проведен на материале Открытого словаря корейского языка “Urimalsaem”¹. Данный он-лайн проект был запущен 5 октября 2016 года и первоначально насчитывал 1 109 722 входные единицы на корейском языке, в настоящее время количество входных единиц увеличилось до 1 149 538. Словарь содержит не только термины, но и общеупотребительную лексику, неологизмы, фразеологические единицы и т.д.

Для систематизации способов образования корейской лексики, приведенной в Открытом словаре корейского языка, предлагается выделить следующие категории лексики: 1. исконно-корейская; 2. сино-корейская; 3. заимствования из иностранного языка (*Прим. здесь и далее в классификации под «иностранном языком» подразумевается любой иностранный язык кроме китайского*); 4. сино-китайский элемент + заимствование из иностранного языка; 5. сино-китайский элемент + исконно-корейский элемент; 6. заимствование из иностранного языка + исконно-корейский элемент; 7. сино-корейский элемент + заимствование из иностранного языка + исконно-корейский элемент (См. Таблица 1). Категории 4-7 представляют собой способы образования терминов-гибридов и могут быть объединены в одну категорию. Использование количественного метода позволило нам прийти к следующим результатам, представленным в Таблице 1.

Используя полученные статистические данные, делаем вывод о том, что термины-гибриды, образованные разными способами, составляют в Открытом словаре корейского языка 16,6%.

Впоследствии был проведен анализ источников появления терминов образования в корейском языке; анализ выполнен на материале 700 корейских терминов образования, отобранных для нашего глоссария. Для систематизации способов образования терминов образования была использована приведенная выше классификация.

¹ 국립국어원. 사전통계. URL: <https://opendict.korean.go.kr> (In Kor.). English version: Open Dictionary of Korean Language “urimalsaem”.

Таблица 1
Table 1

Источники появления лексики в корейском языке (на материале Открытого словаря корейского языка "Urimalsaem")

Источник	Количество лексических единиц, шт.	Количество лексических единиц, %
1. Исконно-корейская лексика (하늘 — 'небо', 가다 — 'идти').	254 784	33.7
2. Сино-корейская лексика (학교 — 'школа', 외국인 — 'иностранец').	324 428	43
3. Заимствования из иностранного языка (버스 — 'автобус', 컴퓨터 — 'компьютер').	51 492	6.8
4. Сино-китайский элемент + заимствование из иностранного языка (휴대폰 — 'мобильный телефон', 팀장 — 'глава команды, руководитель команды').	14 581	1.9
5. Сино-китайский элемент + исконно-корейский элемент (청바지 — 'джинсы', 빠른우편 — 'экспресс-почта').	107 185	14.2
6. Заимствование из иностранного языка + исконно-корейский элемент (몰래카메라 — 'скрытая камера', 벨소리 — 'звонок').	2 457	0.3
7. Сино-корейский элемент + заимствование из иностранного языка + исконно-корейский элемент (볼펜형 몰래카메라 — 'скрытая камера в виде шариковой ручки').	1 740	0.2

Итак, в графическом виде с основными источниками появления слов в корейском языке можно ознакомиться на Рис. 1.

Рис. 1. Основные источники появления общеупотребительной лексики в корейском языке (графическая форма)

Таблица 2
Table 2

Источники образования терминов в корейском языке (на материале терминов образования)

Источник	Количество терминов, шт.	Количество терминов, %
1. Исконно-корейская лексика (동아리 — 'кружок, секция'; 받아쓰기 — 'диктант').	15	2,13%
2. Сино-корейская лексика (실습생 — 'стажер, практикант'; 장학금 — 'стипендия, грант').	621	88,34%
3. Заимствования из иностранного языка (랩 — 'лаборатория', 프로젝트 — 'проект'; 서머스쿨 — 'летняя школа').	43	6,12%
4. Сино-китайский элемент + заимствование из иностранного языка (첨부파일 — 'прикрепленный файл, приложение'; 교육 프로그램 — 'образовательная программа').	16	2,28%
5. Сино-китайский элемент + исконно-корейский элемент (여름학교 — 'летняя школа'; 가을학기 — 'осенний семестр').	8	1,14%
6. Заимствование из иностранного языка + исконно-корейский элемент.	0	0%
7. Сино-корейский элемент + заимствование из иностранного языка + исконно-корейский элемент.	0	0%

В графическом виде с основными источниками появления терминов в корейском языке (на примере терминов образования) можно ознакомиться на Рис. 2.

Рис. 2. Основные источники появления общеупотребительной лексики в корейском языке (графическая форма)

В ходе анализа было установлено, что термины-гибриды среди отобранных терминов образования, составляют 6,84%. Напомним, что в Открытом словаре корейского языка количество гибридных терминов составило 16,6%, что может свидетельствовать о том, что терминология образования плохо поддается влиянию зарубежных систем образования, сохраняет свою идентичность, в большинстве случаев используя устоявшуюся сино-корейскую лексику.

В ходе исследования также становится очевидным, что основную долю лексики, входящей в Открытый словарь корейского языка [15], составляет исконно-корейская и сино-корейская лексика, а также термины-гибриды, образованные по следующим моделям: 1) сино-китайский

элемент + заимствование из иностранного языка; 2) сино-китайский элемент + исконно-корейский элемент; 3) термины-гибриды (заимствование из иностранного языка + исконно-корейский элемент/сино-корейский элемент).

Количество заимствований остается при этом крайне незначительным (около 6%).

В терминологии образования доминирует сино-корейская лексика, что является стандартным явлением для любой специализированной области в корейском языке, поскольку именно сино-корейские слова занимают значительную часть официальной коммуникации и формальных речевых ситуаций в Корее, что также объясняет наличие низкого процента терминов-гибридов в терминологии образования.

Список источников

1. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
2. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы и структура терминоведения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989. 47 с.
3. Кудашев И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Monographs 3. Helsinki: Helsinki University Translation Studies, 2007. 443 с.
4. Гринёв С. В. Введение в терминологию. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
5. Ткачёва Л. Б. О систематизации гибридных терминов // Научно-техническая терминология. 1988. № 12. С. 12.
6. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике / под ред. В. Ю. Розенцвейга. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 61–80.
7. Ивлиева Е. А. Классификация терминов гибридного типа в испанской компьютерной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70): в 2-х ч. Ч. 2. С. 109–111.
8. Кутузова З. Ю. Феномен гибридных терминов греко-латинского происхождения в клинической терминологии // Классические языки в современном профессиональном образовании: сб. ст. Всерос. науч.-метод. конф. (с международным участием), Казань, 05–06 мая 2022 года. Казань: Казанский государственный медицинский университет, 2022. С. 43–47.
9. Шарапова Т. Н. Англо-немецкие гибридные термины как составляющие современной терминосистемы бионики // Омский научный вестник, 2011. № 4 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglo-nemetskie-gibridnye-terminy-kak-sostavlyayushchie-sovremennoy-terminosistemy-bioniki> (дата обращения: 28.06.2023).
10. Озолина М. Н. Термины-гибриды с англо-американскими элементами в современном немецком языке экономики // Преподаватель XXI века. 2007. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminy-gibridy-s-anglo-amerikanskimi-elementami-v-sovremennom-nemetskom-yazyke-ekonomiki> (дата обращения: 03.06.2023).
11. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 149 с.
12. Володина М. Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 112 с.
13. Лобанова М. А. Структурно-семантические особенности современной компьютерной терминологии (на материале испанского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 19 с.
14. Акуленко В. В. Научно-техническая революция: проблема интернациональной терминологии. М.: Наука, 1977. 120 с.
15. Ким Ире. Lingvisticheskiy analiz yuzhnokoreyskoy stroitel'noy terminologii Лингвистический анализ южнокорейской строительной терминологии // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория пе-

ревода. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-analiz-yuzhnokoreyskoy-stroitelnoy-terminologii> (дата обращения: 26.05.2023).

References

1. Leichik VM. Terminovedenie: predmet, metody i struktura terminovedeniya: avtoref. diss. ... d-ra filol nauk = Terminology: subject, methods and structure of terminology: dissertation abstract. Moscow, 1989. 47 p. (In Russ.).
2. Leichik VM. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura = Terminology: Subject, methods, structure. Moscow: Book house "LIBROKOM"; 2009. 256 p. (In Russ.).
3. Kudashev IS. Designing LSP Dictionaries for Translators. Monographs 3. Helsinki: Helsinki University Translation Studies; 2007. 443 p. (In Russ.).
4. Grinev SV. Vvedenie v terminologiyu = Introduction to terminology. Moscow: Moscow Lyceum. 1993. 309 p. (In Russ.).
5. Tkacheva LB. On the systematization of hybrid terms. *Nauchno-tehnicheskaya terminologiya = Research and technical terminology*. 1988;12:12. (In Russ.).
6. Haugen E. Language contact. *Novoe v lingvistike = New in linguistics*. Edited by V. Yu. Rosenzweig. Moscow: Progress. 1972;6:61–80. (In Russ.).
7. Ivlieva EA. Classification of hybrid terms in Spanish computer terminology. *Filologicheskie nauki = Philology. Theory & Practice*. Tambov: Gramota: in 2 parts. Part 2. 2017;4(70):109–111. (In Russ.).
8. Kutuzova ZYu. The phenomenon of hybrid terms of Greek-Latin origin in clinical terminology. *Klassicheskie yazyki v sovremennom professional'nom obrazovanii = Classical languages in modern professional education*. Collection of articles of the All-Russian research and methodology conference (with international participation), Kazan, 05–06 May 2022. Edited by N.G. Nikolaeva, A.V. Ermoshina. Kazan: Kazan State Medical University; 2022. Pp. 43–47. (In Russ.).
9. Sharapova TN. English-German hybrid terms as components of the modern bionics term system. *Omskiy nauchnyy vestnik = Omsk Scientific Bulletin*. 2011;4(99). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglo-nemetskie-gibridnye-terminy-kak-sostavlyayuschie-sovremennoy-terminosistemy-bioniki> (accessed 06.28.2023). (In Russ.).
10. Ozolina MN. Hybrid terms with Anglo-American elements in the modern German lexicon of economics. *Prepodavatel' KhKhI veka = Teacher of the XXI century*. 2007;2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminy-gibridy-s-anglo-amerikanskimi-elementami-v-sovremennom-nemetskom-yazyke-ekonomiki> (accessed 06.03.2023). (In Russ.).
11. Lotte DS. Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov = Issues of borrowing and organizing foreign language terms and term elements. Moscow: Nauka; 1982. 149 p. (In Russ.).
12. Volodina MN. Natsional'noe i internatsional'noe v protsesse terminologicheskoy nominatsii = National and international in the process of terminological nomination. Moscow: Publishing house Moscow University; 1993. 112 p. (In Russ.).
13. Lobanova MA. Structural and semantic features of modern computer terminology (based on the Spanish language): avtoref. dis. dokt. filol. nauk. Chelyabinsk. 2009. 19 p. (In Russ.).
14. Akulenko VV. Nauchno-tehnicheskaya revolyutsiya: problema internatsional'noy terminologii = Scientific and technical revolution: the problem of international terminology. Moscow: Nauka; 1977. 120 p. (In Russ.).
15. Kim Ire. Linguistic analysis of South Korean construction terminology. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University*. Series 22. Translation theory. 2006;3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-analiz-yuzhnokoreyskoy-stroitelnoy-terminologii> (accessed 05.26.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

В. Г. Будыкина — кандидат филол. наук, доцент, декан факультета Евразии и Востока.

А. А. Андреева — преподаватель Челябинского государственного университета

Information about the author

V. G. Budykina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Dean, Faculty of Eurasian and Oriental Studies.

A. A. Andreeva — lecturer, Faculty of Eurasian and Oriental Studies.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 04.04.2024; approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В ЛИНГВИСТИКЕ
И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ
INTELLIGENT SYSTEMS IN LINGUISTIC AND LANGUAGE
TEACHING**

*Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 150–158.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(6(500)):150-158.*

Научная статья

УДК 81'322 + 81-139

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-150-158

**ВОЗМОЖНОСТИ GIGACHAT ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ: НЕЙРОСЕТЬ, СОЗДАНИЕ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ
И РАЗВИТИЕ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОВНЕ B1**

Светлана Юрьевна Двинина^{1✉}, Татьяна Сергеевна Цвентух²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, lana-dvinska@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5661-5758

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, tsventoukh@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности языкового образования в условиях развития нейросетей и возможная реструктуризация образовательного процесса в целом. Исследуются возможности отечественной нейросетевой модели GigaChat при создании заданий для студентов, изучающих русский язык как иностранный на уровне B1. Делается акцент на лингвистическом анализе сгенерированных текстов. Целью исследования является выявление языковых особенностей таких текстов и оценка их пригодности для использования в учебном процессе. В статье анализируются текстовые запросы, направленные на генерацию заданий по чтению и говорению, а также сгенерированные нейросетью тексты упражнений. Особое внимание уделяется таким параметрам, как соответствие лексики и грамматики уровню B1, когезия и когерентность текстов, наличие или отсутствие языковых ошибок и неточностей, а также соответствие содержания заданий современным реалиям русской культуры. Делается акцент на неотвратимости использования ИИ в языковом образовании и роли преподавателя в новой системе. Приводятся примеры детальных запросов для заданий по таким видам речевой деятельности, как чтение, говорение и письмо, и условия для использования нейросети GigaChat для аудирования. Проводится анализ сгенерированных заданий, оцениваются положительные стороны и недостатки. Даются рекомендации для преподавателей РКИ по работе с полученными результатами. Статья представляет интерес для преподавателей РКИ, исследователей в области лингводидактики и применении нейросетей в языковом образовании. Полученные результаты могут быть использованы для разработки методических рекомендаций по составлению текстовых запросов к нейросетям.

Ключевые слова: GigaChat, нейросети, искусственный интеллект, русский язык как иностранный.

Для цитирования: Двинина С. Ю., Цвентух Т. С. Возможности GigaChat при обучении русскому языку как иностранному: нейросеть, создание учебных текстов и развитие видов речевой деятельности на уровне B1 // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 150–158. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-150-158.

Original article

**GIGACHAT OPPORTUNITIES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE: DEVELOPING KINDS OF LANGUAGE ACTIVITIES AT LEVEL B1**

Svetlana Yu. Dvinina^{1✉}, Tatiana S. Tsventoukh²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, lana-dvinska@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5661-5758

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, tsventoukh@yandex.ru

Abstract. The article considers the features of language education in the context of the development of neural networks and the possible restructuring of the educational process as a whole. The work investigates the capabilities of the domestic neural network model GigaChat in creating tasks for students studying Russian as a foreign language at the B1 level. The research applies the linguistic analysis to the generated texts. The study identifies the linguistic features of such texts and assesses their suitability for use in the educational process. The article analyzes text queries aimed at generating reading and speaking tasks, as well as exercise texts generated by the neural network. It pays particular attention to such parameters as vocabulary and grammar of the B1 level, cohesion and coherence of the generated texts, the presence or absence of linguistic mistakes and inaccuracies, as well as the correspondence of the tasks content to the modern realities of Russian culture. The authors emphasize the inevitability of using AI in language education and the role of the teacher in the new system. The work provides examples of detailed queries for tasks on such types of speech activity as reading, speaking and writing. The research discusses conditions for using the GigaChat neural network for creating tasks aimed at listening comprehension. The work analyzes the generated tasks, their benefits and drawbacks and gives advice for teachers of Russian as a foreign language how to work with the obtained results. The article is of interest to teachers of Russian as a foreign language, researchers in the field of linguodidactics and neural networks in language education. The results can be used for further development of recommendations on compiling text queries to neural networks in order to obtain higher-quality and more effective teaching materials.

Keywords: GigaChat, neural networks, artificial intelligence, Russian as a foreign language.

For citation: Dvinina SYu., Tsventoukh TS. GigaChat Opportunities in Teaching Russian As a Foreign Language: Developing Kinds of Language Activities at Level B1. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500)):150-158. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-150-158.

Введение

Появление так называемого искусственного интеллекта порождает как новые трудности, так и новые возможности. Мы продолжаем использовать термин «искусственный интеллект» (ИИ), но всё же понимаем, что пока такие программы конструируют из обрывков уже имеющихся данных, а не создают принципиально новые знания. «Когда мы говорим «машинно-сгенерированные тексты», то речь идёт о метафорическом понимании этого словосочетания. Действительность смыслового наполнения текста проявляется «в голове» субъекта, либо участвующего в постановке задач нейросети, либо читателя» [7. С. 16]. Таким образом, мы полагаем, что термин «нейросеть» является более точным, а термин «искусственный интеллект» на данный момент используется как синонимичный. На первый взгляд, такая «понятная» суть («интеллект») находится в рамках нашей привычной картины мира и помогает ориентироваться в нём. Однако это — обманчивая природа ИИ, и потенциальное сравнение с интеллектом человека, напротив, может привести к серьёзному ущербу в будущем.

Считается, что «применение возможностей искусственного интеллекта повышает доступность языкового образования» [8. С. 362]. И с этим сложно не согласиться. И тем не менее, реальная ситуация выглядит немного по-другому: многие пользователи различных платформ используют нейросети не для развития своих языковых навыков, а для упрощения процессов. Разумеется, са-

мый яркий пример — использование онлайн-переводчиков, результаты которых принимаются без критического анализа и которые совершенствуются с каждым днём. И совершенствуются они благодаря пользователям, которые сами остаются на одном и том же уровне. ИИ развивается, а человеческие языковые навыки нет. Не развиваются языковые навыки — не развивается чувствительность к культурным различиям, которые для ИИ значимы только в рамках данных, в отличие от людей.

Языковая картина мира претерпевает видоизменения. Удивительный мир будущего мы можем увидеть: общаться посредством ИИ без проблем, но не понимать друг друга на глубинном уровне. Безусловно, мы не можем отвергать новые возможности, назревает «необходимость дальнейшей реструктуризации образовательного процесса с использованием ИИ» [5. С. 20]. Но изменениями нужно управлять с учетом горизонтов планирования и интересов акторов процесса образования, а не плыть по течению развития нейросетей. Для этого нужно исследовать языковые возможности нейросетей, в частности в рамках генерации текстов. Процесс уже запущен, и его можно назвать как «детектирование сгенерированных текстов» [1. С. 155].

Авторы статьи — преподаватели иностранных языков и русского языка как иностранного — считают, что правильно сформулированные задания являются «отправным пунктом» для развития видов речевой деятельности. Задача данного исследова-

дования — выявить языковые особенности генерации текстовых заданий на русском языке для студентов-иностранцев. В дальнейшем также будет необходимо сформулировать рекомендации по составлению текстовых запросов для GigaChat. Текстовый запрос — это мостик между «живым» интеллектом и искусственным интеллектом. «Архитектура» такого мостика должна сочетать в себе традиции «живого» языка и логику машинного языка. Пока этот мостик не совершенен, что приводит к ошибочным результатам. Один из этапов по «конструированию» такого мостика — это рассмотреть возможности нейросети, например, при составлении упражнений для изучающих русский язык как иностранный без языка посредника. В данном случае, имеются в виду краткосрочный горизонт планирования и создатель текстового запроса как актер процесса. Наши результаты действительны только для этих вводных. Нужно понимать, что при долгосрочном горизонте планирования и акторе-реципиенте выводы могут быть совершенно другими. Благими намерениями вымощена дорога...

Нейросети — вызов для преподавателя: необходимо найти свою нишу в новых обстоятельствах. Осознание того, что нужно учиться дальше не должно испугать личность осознанную. И в этом плане мы спокойны. Но важно не испугать и личность на этапе становления как специалиста. И здесь нужно помнить о том, что текстовые задания должны соответствовать уровню обучающихся, чтобы они чувствовали свою состоятельность, а не искали лёгких решений в бездне ИИ. Считаем, что обучение в мире нейросетей будет продуктивным только с мотивированными студентами. Изучение любого языка с помощью нейросетей возможно только при понимании своих целей и ожиданий от изучения. И здесь мы попадаем в цикл: нейросетевые возможности способствуют развитию мотивации — происходит становление мотивированных обучающихся, которые используют возможности нейросетей себе во благо. Мы выпадаем из этого цикла — обучение сводится к нулю, так как для немотивированных студентов нейросети предлагают готовые решения. Таким образом, преподаватель новой реальности в большей степени должен делать упор на мотивацию, которая является фундаментом для всех остальных надстроек. Безусловно, мотивация всегда была важна при обучении, но сейчас она является лакмусовой бумажкой того, как используются нейросети. Появился даже новый термин — академическая GPT-непорядочность, под которой по-

нимается «вид обмана, связанный с выполнением образовательных работ с помощью ChatGPT, которые обучающиеся (студенты) представляют как выполненные лично» [5. С. 8]. Для поднятия мотивации необходимы точно сформулированные текстовые запросы, которые приведут к нужным сгенерированным текстам упражнений, что и является предметом изучения в данном исследовании.

Результаты исследования и их обсуждение

В данной работе мы исследовали, как нейросетевая модель GigaChat справляется с созданием заданий для студентов, изучающих русский язык как иностранный на уровне В1. Отметим, что число изучающих русский язык как иностранный составляет 38.2 млн человек [10. С. 848]. ИИ уже не раз использовался преподавателями русского языка как иностранного, однако чаще применялся в качестве чат-ботов, благодаря которым можно наблюдать отсутствие психологического барьера у студентов, который может возникать при общении с человеком-преподавателем [3; 10]. Отмечается, что голосовой виртуальный помощник «Алиса» также может оказаться полезным для преподавателя РКИ, однако «может быть непонятен иностранцам в силу ограниченности словаря, в особенности использования некоторых пластов лексики: сленга, сниженной лексики, слов и фраз научного стиля и др.» [10. С. 849].

Использование нейросетей для методических целей достаточно распространено на данном этапе развития ИИ. Однако при разработке таких упражнений упускается языковая часть как текстового запроса, так и полученного сгенерированного текста. Возможно, это связано с тем, что при составлении заданий по развитию видов речевой деятельности нейросети чаще применяются преподавателями иностранных языков. При этом, большая часть исследований касается лингводидактического потенциала нейросетей при обучении иностранным языкам [13. С. 49] при освоении грамматики [2], организации работы в диалогах и монологах [9; 11]. Отдельно хочется отметить возможности нейросетей для развития творческих способностей студентов, изучающих русский язык как иностранный [14] и даже в процессе преподавания русского языка как родного [13. С. 49], где просто необходимо уделить внимание языковой стороне проблемы.

Результаты данного исследования языковых особенностей сгенерированных текстов могут быть использованы другими преподавателями РКИ для дальнейших методических разработок. Анализируемые текстовые запросы и сгенериро-

ванные задания охватывают такие виды речевой деятельности, как говорение, письмо и чтение. Задания на аудирование мы не включили, так как исследуемая нейросетевая модель на текущий момент не обладает функциональностью генерации полноценных голосовых файлов. Исследование проводилось по теме «Семья», которая соответствует первому сертификационному уровню.

GigaChat — это нейросеть, разработанная компанией Сбер, которая была анонсирована в апреле 2023 года. Она обладает широкими возможностями, включая генерацию текстов, создание и распознавание изображений, а также решение математических задач. GigaChat работает на русском языке и понимает английский, что особенно важно при изучении русского языка как иностранного, и именно этот критерий стал решающим при выборе нейросетевой модели для исследования полученных сгенерированных текстов. Отметим, GigaChat запоминает контекст беседы, что делает общение более естественным и последовательным, что влияет на составление текстовых запросов. В будущем разработчики планируют расширить функционал GigaChat, добавив возможность обработки голосовых сообщений, что будет несомненным плюсом для изучающих русский язык как иностранный.

В ходе эксперимента мы дали нейросети GigaChat несколько подробных текстовых запросов по каждому из трех видов речевой деятельности. Запрос для генерации задания по **ЧТЕНИЮ** звучал следующим образом: «Представь, что ты преподаватель русского языка как иностранного. У тебя есть группа взрослых студентов уровня В1. Составь для них интересный текст по теме «Семья», который бы соответствовал их уровню, был не длиннее 800 слов и касался культуры страны изучаемого языка. Кроме того, составь одно предтекстовое задание, которое подводило бы к изучаемой теме и послетекстовое задание, где обучающимся нужно ответить на вопросы типа «правда или неправда» или найти определенную информацию в тексте».

В результате нейросеть предложила предтекстовые задания, пять текстов около 50-60 слов каждый с подзаголовками «Семья — основа общества», «Роль родителей», «Бабушки и дедушки», «Праздники и традиции», «Отношения между поколениями» и послетекстовые задания.

На Рис. 1 и Рис. 2 представлены предтекстовые и послетекстовые задания.

1. Вопросы для обсуждения:
 - Как вы думаете, какая роль семьи в русском обществе?
 - Какие семейные традиции существуют в вашей стране? Чем они отличаются от традиций в России?
 - Что значит выражение «семья – основа общества»? Согласны ли вы с этим утверждением?
 - Какова роль бабушек и дедушек в ваших семьях? Отличается ли она от той, которую они играют в российских семьях?
2. Словарная работа. Заполните пропуски в предложениях следующими словами: *родители, дети, бабушка, дедушка*.
 - В русской семье часто живут несколько поколений: _____, _____ и _____ с _____.
 - Мама в русской семье традиционно отвечает за _____ и заботу о _____.
 - _____ и _____ часто помогают молодым родителям ухаживать за малышами.
3. Обсуждение изображений: Покажите студентам изображение типичной российской семьи (например, бабушка, дедушка, мама, папа и двое детей). Попросите описать, кто изображен на картинке и какие отношения могут существовать между этими людьми.

Рис. 1.

Fig. 1.

1. Правда или неправда:
 - В русских семьях обычно больше двух-трех детей. (Неверно)
 - Родители в русских семьях играют важную роль в воспитании детей. (Верно)
 - Бабушки и дедушки редко живут рядом с молодыми семьями. (Неверно)
 - На Новый год русские семьи собираются вокруг ёлки и обмениваются подарками. (Верно)
 - В современной России женщины не занимаются домашним хозяйством. (Неверно)
2. Найдите в тексте ответы на следующие вопросы:
 - Какую роль играет семья в российском обществе? (Ответ: Семья занимает особое место в жизни людей и считается основой общества.)
 - Почему раньше в русских семьях было много детей? (Ответ: Много работы требовалось выполнять вручную, а также существовали традиции и религиозные убеждения.)
 - Кто традиционно отвечает за домашнее хозяйство в русской семье? (Ответ: Мама)
 - Какой вклад вносят бабушки и дедушки в жизнь молодых семей? (Ответ: Помогают заботиться о внуках, делятся жизненным опытом и мудростью, создают уют.)
 - Назовите два семейных праздника, упомянутых в тексте. (Ответ: Новый год и Пасха)

Рис. 2.

Fig. 2.

Анализ сгенерированного текста заданий выявляет как положительные, так и отрицательные аспекты. К числу положительных моментов мы относим соответствие лексики и грамматики задания знанию языка на уровне В1. В задании четко прослеживаются когезия и когерентность, и сами задания предполагают активное участие обучающихся в речи. Предтекстовое задание успешно подводит к основной теме. Наличие нескольких упражнений, отличающихся друг от друга в речевом плане, обеспечивает разнообразие, что является важным фактором для поддержания интереса и развития мотивации. В сгенерированных текстах присутствует большое количество деталей,

касающихся повседневной жизни членов семьи, нет вызывающей недопонимание информации и лексических ошибок, что делает их доступными и легкими для восприятия. Нейросеть предлагает два послетекстовых упражнения для более глубокого усвоения материала, а наличие ответов в виде текста облегчает самопроверку и корректировку ошибок.

Среди недостатков можно выделить несколько моментов. В первом предтекстовом упражнении формулировка «какая роль семьи» требует замены на более корректную «какова роль семьи». Во втором предтекстовом упражнении необходимо вставить слова в предложения, однако в задании явно отсутствуют ключевые слова, а именно, не хватает словосочетания «домашнее хозяйство», что может вызвать затруднения у студентов. Кроме того, в первом предтекстовом задании присутствует вопрос: «Какова роль бабушек и дедушек в ваших семьях? Отличается ли она от той, которую они играют в российских семьях?» Данный вопрос проблематичен для студентов, изучающих русский как иностранный, поскольку они могут не обладать достаточными знаниями о российских семейных традициях. Целесообразно либо переместить этот вопрос в послетекстовые задания, либо исключить его. Альтернативным вариантом может стать пояснение преподавателя, однако, в таком случае, это должно быть вербально указано в тексте инструкции. Кроме того, в сгенерированных текстах и упражнениях содержится утверждение о том, что в русских семьях часто несколько поколений проживают вместе. Эта информация не соответствует современным реалиям и может считаться устаревшей. Использование такой информации может привести к формированию неверного языкового представления о российской семье. Эти недостатки, наряду с ранее отмеченными грамматическими неточностями и пробелами в содержании, подчеркивают необходимость тщательной проверки и адаптации материалов, генерируемых нейросетью.

Далее мы сделали текстовый запрос на генерацию задания по **говорению**: «Составь коммуникативные упражнения по той же теме «Семья» для взрослых студентов русского языка как иностранного с уровнем В1. Это могут быть диалоги, ролевые игры, проведение опроса и так далее».

На Рис. 3 представлены упражнения по теме «Семья» для обучающихся уровня В1, сгенерированные GigaChat.

К числу положительных моментов следует отнести разнообразие видов заданий, отличающихся

по своему лексическому наполнению, но тем не менее, соответствующих языковому уровню В1. При этом грамматически и синтаксически тексты заданий являются достаточно простыми. Наличие различных форматов позволяет выбрать наиболее подходящие для развития речевых навыков в конкретной группе и оптимально их адаптировать в соответствии с коммуникативными задачами. Кроме того, каждое задание имеет четко сформулированную цель в виде. Это позволяет обучающимся и преподавателю лучше понимать ожидаемые результаты и фокусироваться на ключевых аспектах общения.

п/п	Тип задания	Цель	Задание
1.	Диалог: Знакомство с семьей	Практика описания членов семьи, использование лексики по теме «Семья».	Студенты работают в парах. Один студент описывает свою семью, другой задает уточняющие вопросы. Затем они меняются ролями.
2.	Ролевая игра: Семейный совет	Развитие навыков общения в группе, обсуждение семейных вопросов.	Разделить класс на группы по 4-5 человек. Каждая группа представляет собой одну семью. Им необходимо обсудить важные семейные вопросы, например, планирование отпуска, распределение обязанностей по дому, выбор подарка кому-то из родственников и т.д.
3.	Опрос: Семейные традиции	Изучение культурных различий, развитие навыков интервьюирования.	Каждый студент должен взять интервью у другого студента, задавая ему вопросы о его семейных традициях. После этого студенты представляют результаты своего опроса классу.
4.	Групповая дискуссия: Идеальная семья	Обмен мнениями, обсуждение ценностей и идеалов.	Класс делится на небольшие группы. Каждая группа должна обсудить, какой, по их мнению, является идеальная семья. Затем каждая группа представляет свои выводы всему классу.
5.	Презентация: Моя семья	Развитие навыков публичного выступления, личное описание информации.	Каждый студент готовит короткую презентацию о своей семье. В презентации должны быть фотографии, краткое описание каждого члена семьи, интересные факты и традиции.

Рис. 3.

Fig. 3.

Также стоит отметить наличие ясной пошаговой текстовой инструкции по выполнению каждого задания, что способствует упрощению процесса и делает его более организованным. Примеры того, что должно получиться в результате работы (не включены в статью), представлены с достаточной детальностью (необходимая лексика, синтаксические структуры, элементы связи, культурные маркеры и пр.), что помогает обучающимся ориентироваться в ожиданиях. Кроме того, если в запросе указать «приведи несколько примеров», то это будет способствовать формированию навыков критического мышления (например, несколько «сценариев, в том числе и альтернативных, которые требуют критического осмысления и окончательного выбора пользователем» [8. С. 362]).

Однако выявленные языковые недостатки сгенерированных текстов заданий могут снизить творческий потенциал обучающихся. Например, в задании на составление диалога был дан слишком подробный пример (не только с обилием ре-

чевых клише, но и с «личной» лексикой), который представляет собой полноценный диалог. Это может привести к тому, что упражнение станет скучным, так как можно следовать клише и приведенным нейросетью словам личного характера, а не экспериментировать с собственными идеями, синтаксическими конструкциями, набором примеров, для которых требуется разнообразная лексика, и стилями общения. Кроме того, в примерах присутствуют речевые неточности: «моя сестра имеет двоих детей» (нужно заменить на «у моей сестры двое детей»), «он учится на экономиста» (следует исправить на «он учится на экономическом факультете» или «он получает образование в сфере экономики»), «задавать вопросы о его семейных традициях» (заменить на «... о семейных традициях» или «...о традициях в его семье»), «Какие семейные праздники отмечаете в вашей семье?» (стоит заменить на «Какие праздники принято отмечать в вашей семье?» или «Какие праздники вы обычно отмечаете с семьей?»).

В целом, с языковой точки зрения задания по говорению, составленные нейросетью GigaChat для студентов РКИ уровня В1, являются хорошо составленными и способствуют эффективному развитию устной речи благодаря разнообразию форматов, четким целям и пошаговым текстовым инструкциям. Тем не менее, следует учитывать необходимость нахождения баланса между предоставлением конкретных примеров с речевыми клише и лексикой личного характера (которая не может быть достоверной для всех, кто изучает язык и пользуется нейросетью) и сохранением необходимости креативного подхода, что обеспечит более полноценное и увлекательное изучение языка.

Далее мы обратились к GigaChat с запросом на генерацию задания по **письменной речи**. Запрос звучал следующим образом: «Составь подготовительное, тренировочное и творческое письменные задания для студентов русского как иностранного на уровне В1 по теме «Семья». Это должно быть письмо».

В результате нейросетевая модель предложила следующие задания и комментарии к выполнению (Рис. 4). Также были предложены план ответа и примеры писем.

С точки зрения текстового анализа среди положительных характеристик задания можно выделить его полное соответствие уровню В1. Задания и особенно комментарии к ним являются связанными по подбору подтем (лексики) и содержат необходимые синтаксические конструкции, что способствует повышению мотивации. Вопросы

на подготовительном этапе касаются непосредственного опыта обучающихся: это вопросы об их родственниках и семейных традициях. Отвечать на подобные вопросы легче и интереснее, и это выгодно отличает от вопросов с абстрактной лексикой и понятиями. Эту важную особенность нейросетей для поддержания уровня мотивации уже отмечали исследователи [4], когда обучающимся нужно вовлечь в «историю с актуальным для него контекстом, имеющим личностно-значимое наполнение» [6. С. 30]. Кроме того, на подготовительном этапе предусмотрены речевые шаблоны, которые обучающиеся могут использовать при написании письма. Также в задании представлена схема письма и пример письма.

п/п	Тип задания и название	Комментарий к заданию
1.	Подготовительные задания Задание 1. Подготовка к написанию письма о своей семье	1. Перечислите членов вашей семьи и их имена. 2. Опишите, кем работают ваши родители, братья/сестры или другие родственники. 3. Напишите о своих увлечениях и интересах. 4. Подумайте о том, какие семейные традиции существуют в вашей семье.
2.	Тренировочные задания Задание 2. Письмо другу о своей семье	Напишите письмо своему другу, рассказывая ему о своей семье. Используйте информацию, которую вы подготовили ранее. Постарайтесь включить все важные моменты: состав семьи, профессии родственников, общие интересы и традиции.
3.	Творческие задания Задание 3. Письмо воображаемому родственнику из другой страны	Представьте себе, что ваш дальний родственник живёт в другой стране и никогда не был в России. Напишите ему письмо, в котором расскажете о своей семье, русских традициях и обычаях, связанных с семьёй. Попробуйте заинтересовать его культурой и жизнью в России.

Рис. 4.

Fig. 4.

Однако анализ выявил и недостатки. Например, в одном из предложений присутствует ошибка: фраза «Твой, Иван» не соответствует нормам русского языка. Более корректными вариантами будут «Искренне твой, Иван» или «С наилучшими пожеланиями, Иван». Также вызывает вопросы структура заданий: непонятно, почему как тренировочное, так и творческое задание включают написание письма. Это может привести к путанице у обучающихся. Кроме того, в творческом задании иностранным студентам предлагается представить себя жителями России. Это условие может быть неуместным, поскольку важно учитывать культурные особенности и уровень языковой подготовки обучающихся. Таким образом, несмотря на наличие положительных аспектов и соответствие задания уровню В1, выявленные недостатки указывают на необходимость дальнейшей доработки материалов.

Мы не стали делать запрос на генерацию задания по **аудированию**, так как в процессе разработки заданий были бы ограничены текстовым форматом из-за технических особенностей и ограни-

чений нейросети. Однако в GigaChat можно сделать запрос на генерацию задания по аудированию в текстовом формате и в дальнейшем на других платформах адаптировать его для создания полноценных аудиоматериалов с использованием специализированных инструментов синтеза речи, например, выбрать тип голоса (мужской или женский), изменение интонации, регулирование темпа речи.

Заключение

Анализ показал, что нейросеть GigaChat обладает значительными преимуществами, которые делают её перспективным инструментом в сфере разработки текстовых материалов, среди которых мы особенно выделяем: точность выполнения запросов; соответствие уровню владения языком; культурная релевантность; автоматизированная проверка; разнообразие материалов; творческая составляющая; коммуникативный подход; реалистичность ситуаций; чёткие инструкции по составлению текстов и критерии оценивания; скорость работы. Однако авторы исследования выявили и недостатки, которые ограничивают применение нейросети без участия преподавателя: лексические и содержательные ошибки; недостаток пояснений; ошибки в структуре заданий.

На основании проведённого исследования можно сделать вывод, что нейросети являются мощным инструментом для разработки текстовых материалов, однако их применение должно сопровождаться обязательным участием квалифицированного специалиста. Роль преподавателя

заключается в проверке и исправлении ошибок, допущенных нейросетями, в дополнении заданий необходимыми методическими пояснениями и контекстом, а также отборе наиболее подходящих текстовых материалов из предложенных нейросетью. Внедрение нейросетевых технологий позволяет оптимизировать процесс разработки текстовых заданий для изучающих русский язык как иностранный. Однако качество зависит от уровня профессиональной подготовки преподавателя и его способности интегрировать современные технологии в образовательный процесс.

Отметим, что еще несколько лет назад ученые делали акцент на полноценном закреплении нейросетей в системе образования, давая прогнозы до 2025 года [13; 15]. Будущее наступило, прогнозы сбываются, и требуется безотлагательное нормативное закрепление по использованию нейросетей в обучении. Пока обращения к нейросетям «находятся — скажем мягко — в «серой зоне» этического и юридического регулирования» [12. С. 58]. В силах преподавателей исследовать возможности ИИ в рамках своих дисциплин и получить обратную связь от обучающихся по их работе в новых условиях взаимозависимости «человек-машина», что можно обозначить как «искусственная социальность», и постараться эффективно преобразовать взаимодействие между акторами процесса образования, ведь «нет и не может быть образования вне общения» [11. С. 58–60].

Список источников

1. Айдагулова А. Р. Особенности текстов, сгенерированных искусственным интеллектом // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2023. № 4 (72). С. 154–156.
2. Андренко К. В. Большие языковые модели в преподавании грамматики английского языка // Диалог культур — диалог о мире и во имя мира: материалы XIV Междунар. студ. науч.-практ. конф., Комсомольск-на-Амуре, 21 апреля 2023 года. Комсомольск-на-Амуре: АГПУ, 2023. С. 21–25.
3. Биккулова О. С., Ивкина М. И. Чат-бот в методике преподавания РКИ // Мир русского слова. 2021. № 1. С. 91–96.
4. Богатова С. М., Фрезе О. В. Дидактические возможности нейросетей в обучении иностранным языкам // Современное педагогическое образование. 2024. № 3. С. 187–192.
5. Гаркуша Н. С., Городова Ю. С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11, № 1. С. 6–23.
6. Дахин А.Н., Семенов Н. Г., Ярославцева Н. В., Ермолаев С. Ю. Педагогические технологии и нейросети // Школьные технологии. 2020. № 2. С. 28–33.
7. Ивахненко Е. Н., Никольский В. С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 9–22.
8. Кондрахина Н. Г., Петрова О. Н. Использование возможностей искусственного интеллекта для преподавания иностранных языков: новая реальность // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 360–363.

9. Лавриненко И. Ю. Использование чат-ботов в процессе обучения английскому языку в неязыковом вузе // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12. № 2. С. 18–25.

10. Патрушева Л. С. Использование технологии чат-ботов в обучении русскому языку как иностранному на начальном уровне: из опыта разработки // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2022. Т. 32. № 4. С. 848–853.

11. Прохоров Н. Н. Использование нейросетей на занятиях иностранного языка на примере чата GPT // Наука и образование в современном вузе: вектор развития: сб. материалов науч.-практ. конф., Шуя, 18 мая 2023 года. Шуя: Ивановский государственный университет, 2023. С. 165–167.

12. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. ChatGPT и пять уроков для высшей школы в период становления «искусственной социальности» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 1. С. 57–61.

13. Фесенко О. П., Кушнарева Н. В. Генератор текста в обучении языковедческим дисциплинам в вузе // Концепт. 2024. № 02. С. 45–58.

14. Языков И. И. Развитие лингвистической креативности при обучении студентов-иностранцев вербальной коммуникации на основе искусственно созданных текстов // Актуальные проблемы лингвоэкологии: сб. науч. ст. по материалам XV Кирилло-Мефодиевских чтений в МИТУ-МАСИ, Москва, 24 мая 2022 года. М.: Московский информационно-технологический университет; Московский архитектурно-строительный институт, 2022. С. 110–114.

15. Abdoullaev A. Trans-AI: How to Build True AI or Real Machine Intelligence and Learning // *Ontology of Designing*. 2021. Vol. 11. No. 4(42). P. 402–421.

References

1. Ajdagulova AR. Osobennosti tekstov, sgenerirovannykh iskusstvennym intellektom = Peculiarities of texts generated by AI. In: *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully. = Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully*. 2023;4(72):154-156. (In Russ.).

2. Andrenko KV. Bolshie yazykovye modeli v prepodavanii grammatiki anglijskogo yazyka = Large language models in teaching English Grammar. In: *Dialog kultur — dialog o mire i vo imya mira: materialy XIV Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. = Dialogue of Cultures — Dialogue about Peace and for the Sake of Peace: Proceedings of the XIV International Student Scientific and Practical Conference*. Komsomolsk-on-Amur: Amur Humanitarian and Pedagogical State University. 2023. Pp. 21–25. (In Russ.).

3. Bikkulova OS, Ivkina MI. Chat-bot v metodike prepodavaniya RKI = Chat-bot in the methods of teaching Russian as a foreign language. *Mir russkogo slova = The world of Russian word*. 2021;1:91-96. (In Russ.).

4. Bogatova SM, Freze OV. Didakticheskie vozmozhnosti nejrosetej v obuchenii inostrannym yazykam = Didactic capabilities of neural networks in teaching foreign languages. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*. 2024;3:187-192. (In Russ.).

5. Garkusha NS, Gorodova YuS. Pedagogicheskie vozmozhnosti ChatGPT dlya razvitiya kognitivnoj aktivnosti studentov = Pedagogical opportunities of ChatGPT for developing cognitive activity of students. *Professionalnoe obrazovanie i rynek truda = Vocational Education and Labour Market*. 2023;11-1:6-23. (In Russ.).

6. Dakhin AN., Semenov NG, Yaroslavceva NV, Ermolaev SYu. Pedagogicheskie texnologii i nejroseti = Pedagogical technologies and neural networks. *Shkolnye texnologii = School technologies*. 2020;2:28-33. (In Russ.).

7. Ivakhnenko EN, Nikolskij VS. ChatGPT v vysshem obrazovanii i nauke: ugroza ili cennyj resurs? = ChatGPT in higher education and science: a threat or a valuable resource? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education In Russia*. 2023;32-4:9-22. (In Russ.).

8. Kondrakhina NG, Petrova ON. Ispolzovanie vozmozhnostej iskusstvennogo intellekta dlya prepodavaniya inostrannyx yazykov: novaya realnost = The use of artificial intelligence power to teach foreign languages: a new reality in education. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya = The world of science, culture, education*. 2024;1(104):360-363. (In Russ.).

9. Lavrinenko IYu. Ispolzovanie chat-botov v processe obucheniya anglijskomu yazyku v neyazykovom vuze = The use of chatbots in the process of teaching English at a non-linguistic university. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionny`x texnologij = Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology*. 2023;12-2:18-25. (In Russ.).

10. Patrusheva LS. Ispolzovanie texnologii chat-botov v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu na nachalnom urovne: iz opyta razrabotki = Chatbot technology in teaching Russian as a foreign language at a basic level: From development experience. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya = Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*. 2022;32-4:848-853. (In Russ.).

11. Prokhorov NN. Ispolzovanie nejrosetej na zanyatiyax inostrannogo yazyka na primere chata GPT = The use of neural networks in foreign language classes (the case study of GPT chat). *Nauka i obrazovanie v sovremennoy vuze: vektor razvitiya: sb. materialov nauchno-prakticheskoy konferencii. = Science and education in a modern university: development vector: collection of materials of the scientific and practical conference*. Shuya: Ivanovo State University, Shuya branch. 2023. Pp. 165–167. (In Russ.).

12. Rezaev AV, Tregubova ND. ChatGPT i pyat urokov dlya vysshej shkoly v period stanovleniya “iskusstvennoj socialnosti” = ChatGPT and five lessons for higher education in the era of “artificial sociality”. *Teleskop: zhurnal sociologicheskix i marketingovy`x issledovanij = Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2023;1: 57-61. (In Russ.).

13. Fesenko OP, Kushnareva NV. Generator teksta v obuchenii yazykovedcheskim disciplinam v vuze = Text generator in teaching linguistic disciplines at the university. *Koncept = Koncept*. 2024;02:45-58. (In Russ.).

14. Yazykov II. Razvitie lingvisticheskoy kreativnosti pri obuchenii studentov-inostrancev verbalnoj kommunikacii na osnove iskusstvenno sozdannyx tekstov = The development of linguistic creativity in teaching foreign students verbal communication based on artificially created texts. In: Aktualnye problemy lingvoekologii: sb. nauch. st. po materialam XV Kirillo-Mefodievskix chtenij v MITU-MASI. = Current issues in linguoecology: collection of scientific articles based on the materials of the 15th Cyril and Methodius Readings at MITU-MASI. Moscow: Moscow Information Technology University; Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering. 2022. Pp.110-114. (In Russ.).

15. Abdoullaev A. Trans-AI: How to Build True AI or Real Machine Intelligence and Learning. *Ontology of Designing*. 2021;11-4(42):402-421.

Информация об авторах

С. Ю. Двинина — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета.

Т. С. Цвентух — старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета.

Information about the authors

S. Yu. Dvinina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Theoretical And Applied Linguistics

T. S. Tsvetoukh — Senior Lecturer of the Department of Theoretical And Applied Linguistics

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 16.02.2024; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: all author contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПЕРЕВОДЕ

TRANSLATION STUDIES. DIALOGUE OF CULTURES

IN TRANSLATION

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 159–166.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(6(500)):159-166.

Научная статья

УДК: 81'1

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-159-166

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: КРИТЕРИИ И СТРУКТУРА

Карина Сергеевна Волошина¹, Алла Викторовна Большак²

¹Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, ksvoloshina@gmail.com

²Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, al.bolshak@mail.ru

Аннотация. Статья фокусируется на структуре предпереводческого анализа, представляющего собой совокупность критериев, детальное рассмотрение которых позволяет переводчику получить общее представление о содержательной стороне и языковой репрезентации текста оригинала. Чтобы выработать оптимальную переводческую стратегию, на первом этапе целесообразно предпринять следующие шаги: изучить инструкцию для переводчика, в которой обычно указываются выходные данные текста и его потенциальная аудитория, цель и способ его перевода на другой язык, рекомендации касательно передачи значения специфической лексики; конкретизировать тему и цель написания исходного текста, что возможно с учетом знания предметной области изложенного в нем материала; определить его жанровую принадлежность и продумать способы сохранения этого своеобразия первоисточника в переводной версии; проследить организацию и логику представленного в нем контента, и в случае обнаружения каких-либо несоответствий нормам исходного языка оценить возможности их устранения в переводе; отметить лексические, грамматические и стилистические особенности подачи информации, которые также должны быть воспроизведены в переводе; указать культурные отсылки, корректный перевод которых, как правило, осуществляется посредством лингвокультурологического подхода; обратить внимание на формат текста, а именно, его компоновку, границы, наличие или отсутствие паралингвистических элементов, при этом уточнив, следует ли сохранять этот формат в переведенном тексте. Перечисленные выше позиции свидетельствуют о том, что предпереводческий анализ — это макростратегия, которая формирует базу для разработки и дальнейшей реализации микростратегии перевода текста оригинала. В силу этого обстоятельства предлагаемый алгоритм ознакомления с ключевыми характеристиками исходного текста может стать важной частью процесса подготовки будущих переводчиков, поскольку четко структурированная, логически последовательная форма представления результатов предпереводческого анализа позволит студентам эффективно расставить приоритеты в порядке рассмотрения тех или иных единиц перевода, а также рационально распорядиться своими интеллектуальными и временными ресурсами.

Ключевые слова: исходный текст (ИТ), переводной текст (ПТ), язык перевода (ЯП), переводческое решение, макростратегия, микростратегия, единица перевода.

Для цитирования: Волошина К. С., Большак А. В. Предпереводческий анализ текста: критерии и структура // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 159–166. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-159-166.

Original article

PRE-TRANSLATION ANALYSIS OF THE TEXT: CRITERIA AND STRUCTURE

Karina S. Voloshina¹, Alla V. Bolshak²

¹Kuban State University, Krasnodar, Russia, ksvoloshina@gmail.com

²Kuban State University, Krasnodar, Russia, al.bolshak@mail.ru

Abstract. The article focuses on the structure of pre-translation analysis of the ST by exploring criteria, whose detailed consideration enables the translator to gain a general insight into the content and linguistic features of the original. To develop an optimal translation strategy, it makes sense to take the following steps: study the translation brief; which usually contains information about the imprint of the text and its readership, the purpose and method of its translation into another language, recommendations regarding the translation of specific lexical units; understand the subject matter and purpose of the source text, which is possible due to the translator's familiarity with this theme; define its genre and think about the ways of retaining the distinctive features of the original in its translated version; analyze the organization and logic of the source text content, and if any discrepancies with the norms of the source language are discovered, determine the possibilities of eliminating them in the translation; identify lexical, grammatical and stylistic peculiarities of the original version, which should be presented in the translated text; indicate cultural references, whose adequate translation can be performed by means of a linguaculturological approach; consider the format of the text, namely, its layout, boundaries, the use of paralinguistic devices, and check whether this format should be reproduced in the translated text. The mentioned above points indicate that pre-translation analysis can be considered as a macro-strategy that forms the basis for the development and further implementation of a micro-strategy for translating the text. For this reason, the proposed algorithm for gaining the holistic appreciation of the source text can become an important part of training future translators, since a clearly structured, logically consistent form of presentation of the results of pre-translation analysis will enable students to effectively prioritize the order of tackling challenges when rendering certain units of translation. At the same time, they will have an opportunity to rationally manage their intellectual and time resources.

Keywords: source text (IT), target text (TT), target language (TL), translation solution, macrostrategy, microstrategy, translation unit.

For citation: Voloshina KS, Bolshak AV. Pre-translation analysis of the text: criteria and structure. *Bulletin of Cheyabinsk State University*. 2025;(6(500):159-166. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-159-166.

Введение

Письменный перевод предполагает поэтапную реализацию макро- и микростратегий. Первая представляет собой предпереводческий анализ, посредством которого происходит ознакомление с текстом оригинала, вторая же связана с определением переводческих решений, непосредственно влияющих на качество переведенной версии. В данной работе нами была принята попытка сформулировать основные положения предпереводческого анализа, который можно было бы применить практически ко всем типам текстов.

Актуальность темы обусловлена тем, что в большинстве учебных пособий отсутствует теоретический и практический материал, касающийся основных аспектов макростратегии перевода, в результате чего в процессе обучения не уделяется должного внимания развитию у студентов навыков выявления значимых текстовых характеристик [2. С. 109]. Между тем грамотно выполненный предпереводческий анализ позволяет понять языковые особенности ИТ, очертить контуры его коммуникативной организации [6. С. 4] и воспроизвести его содержание на другом языке, максимально сохранив авторский стиль [18. Р. 32].

Цель исследования заключается в систематизированном, логически последовательном описании критериев предпереводческого анализа текста. Постановка цели обусловила необходимость

решения следующих **задач**: 1) определить круг вопросов, рассмотрение которых принципиально важно именно на начальном этапе перевода; 2) объяснить суть критериев предпереводческого анализа; 3) оформить полученный материал структурно. Для достижения поставленной цели и решения указанных задач были задействованы лингвокультурологический и лингвопереводческий виды анализа текста, а также **метод** наблюдения. Результаты исследования можно использовать для подготовки методических рекомендаций при составлении пособий по переводу.

В качестве **материала** для исследования были выбраны разножанровые текстовые источники на английском языке, которые мы разбираем на занятиях по дисциплинам «Основы профессионально ориентированного перевода» и «Практикум по письменному переводу» на отделении «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в Кубанском государственном университете. Объем текстов не превышает 200 знаков, а их тематика соответствует направлениям обучения, реализуемым в данном вузе. Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, таких как И. С. Алексеева, М. П. Брандес, В. И. Провоторов, К. Норд, Дж. Мандей, С. Крейг и ряда других авторитетных специалистов, которые активно занимаются научными изысканиями в области теории и практики перевода.

Обсуждение и результаты

Итак, первым критерием предпереводческого анализа является наличие инструкции для переводчика, в которой указываются выходные данные источника — название, автор, место и время публикации, адресат ИТ, цель его перевода на другой язык, реципиент ПТ, способ перевода — устный или письменный [19. С. 57], а также рекомендации, касающиеся перевода узкоспециальных лексических единиц.

Вторым критерием является уровень осведомленности переводчика о тематической направленности ИТ. Практика показывает, что достижение эквивалентного и адекватного перевода возможно лишь с учетом знания предметной области оригинала [11]. Данный критерий требует проработки следующих параметров: 1) определения назначения текста: специализированный (например, научный текст или инструкция); частично специализированный (реклама) и неспециализированный (художественное произведение); 2) знания не только основ, но и особенностей предмета обсуждения [11] (например, история Англии — это общая тема, появление в Британии викингов — тема более узкая); 3) использования различных ресурсов, которые могут существенно расширить горизонты познания переводчика по теме переводимого материала; 4) опыт работы переводчика с текстами данной направленности [17. Р. 6].

Идентификация цели написания ИТ — это третий критерий предпереводческого анализа. Понимание намерения автора помогает переводчику определить доминанты перевода [4]. Обычно мы делаем выводы об авторской точке зрения после перевода названия источника. Однако в силу определенных особенностей английских заголовков их не всегда можно перевести корректно с первого раза, поэтому для правильного понимания цели ИТ имеет смысл прочитать его в полном объеме, так чтобы он воспринимался как законченное речевое произведение [16. С. 233].

Важно отметить, что текст может иметь как одну, так и несколько целей. Например, цель научной статьи — ознакомить представителей академического сообщества с результатами исследования. Авторы газетной публикации на тему международных отношений преследуют две цели: с одной стороны, они информируют аудиторию о текущем положении дел в мире, с другой же, пытаются воздействовать на нее, формируя общественное мнение в соответствии со своими политическими взглядами. Что касается произведений художественной литературы, то их цели

могут быть как явными, так и завуалированными. Например, Г. К. Честертон, автор детективных рассказов, главным героем которых является священник отец Браун, рассказывает не только о расследовании какого-либо преступления, но и остроумно высмеивает плутократию, невежество, пренебрежительное отношение к простым людям и другие недостатки, присущие его современникам. В подобных случаях переводчик должен не просто переложить текст оригинала на другой язык, но и в полной мере передать авторскую задумку, при этом не выходя за рамки своей компетенции [12. С. 71].

Четвертым критерием являются жанрообразующие характеристики ИТ, такие как: 1) деление текстов на художественные и нехудожественные [1. С. 34]; 2) их языковое оформление; 3) понимание целевой аудиторией жанра, в котором написан ИТ. При этом нужно учитывать особенности жанровых норм языка перевода [3. С. 8]. Например, в английской газетной статье сначала идет цитата, а затем упоминается лицо, которому она принадлежит, в русском же языке наоборот, сначала мы указываем источник информации, затем даем само высказывание. Как следствие, умение переводчика определить жанр ИТ влияет не только на качественные характеристики ПТ, но и на степень его восприятия читательской аудиторией, для которой он предназначен.

Пятый критерий предпереводческого анализа — это организация и логика ИТ [15. С. 204]. Здесь целесообразно упомянуть о концепции 3Cs, которая означает следующее: *clarity* — четкость формулировок, *cohesion* — связность высказываний, *coherence* — последовательность изложения доводов и прочей аргументации в рамках всего текста, в том числе, деление его на абзацы и использование средств логической связи [17. Р. 26]. Если ИТ отвечает этим условиям, у переводчика не возникнет проблем в процессе моделирования стратегии перевода. Если же текст в той или иной мере не соответствует упомянутым выше параметрам, то сначала нужно оценить масштаб и характер этих недостатков, а затем продумать, каким образом их можно избежать в ПТ. Признаками неграмотно написанного текста являются наличие в них лишенных конкретики утверждений, неверно сформулированных фраз, несоблюдение правил координации и соподчинения в предложениях, нечеткое разграничение между основными частями текста и другие нарушения, за устранение которых в ПТ ответственность ложится на переводчика.

Шестым критерием рассматриваемой нами процедуры является разбор языковой составляющей ИТ, а именно, его лексических, грамматических и стилистических характеристик. Язык как средство коммуникации находится в состоянии непрерывного развития [10. С. 66], что требует от переводчика постоянного повышения уровня своей профессиональной компетенции.

Анализируя лексические аспекты оригинала, переводчик должен в первую очередь обратить внимание на регистр — неофициальный, официальный и нейтральный [7. С. 102], уровень специализации, диалект и временной интервал написания текста. К грамматическим категориям, перевод которых может вызвать сложность вследствие структурно-семантических различий между английским и русским языками, можно отнести конструкции с неличными формами глагола, некоторые пассивные структуры, многофункциональные слова и другие единицы текста. Морфологические характеристики, например, род и падеж существительного, также должны учитываться при подготовке к реализации макростратегии перевода ИТ. Что касается синтаксического оформления высказывания, то в этом случае предварительный анализ должен фокусироваться на порядке слов в предложении и тема-рематических отношениях между его частями.

Седьмым критерием являются культурные отсылки — концепты, которые вызывают те или ассоциации у носителей языка [5. С. 426], поскольку отражают их внутреннее состояние [13] и напоминают им о конкретном опыте нации в целом. Достижение максимально корректного перевода ИТ во многом обусловлено пониманием его лингвокультурологической составляющей [9. С. 337]. Прежде чем приступить к переводу, нужно: 1) определить степень насыщенности оригинала номинативными единицами с национально-культурной маркированностью [8. С. 181]; 2) выделить те из них, которые потребуют переводческого комментария, поясняющего специфический характер их значений с учетом экстралингвистического компонента [14].

Например, основной культурной отсылкой в тексте *What is Queen Anne Architecture*¹ является имя собственное *Queen Anne*, которое стоит в начале цепочки других референтов. 1. Анна Стюарт — королева Англии, Шотландии и Ирландии, период правления которой (1702–1714) ознаменовался расцветом науки, искусства, литерату-

ры, архитектуры и других сфер жизни общества. 2. По причине того, что люди оценили ее вклад в развитие вышеупомянутых направлений, это имя собственное приобрело статус названия стиля. 3. Однако говоря об архитектуре, определение стиля королевы Анны требует конкретизации: в Англии — это «замки», отличающиеся симметричными формами и утонченной роскошью, в США — это так называемая «пряничная архитектура» (*gingerbread architecture*), изобилующая ассиметричными деталями, вычурными элементами декора и яркими оттенками. 4. Поскольку сам стиль был назван в честь великой женщины, то строения, спроектированные с учетом его особенностей, по закону метонимии стали называть *Queen Annes* — королевы Анны, а также *painted ladies* — разноцветные леди (в 60-70 годы прошлого столетия жители построенных еще в викторианскую эпоху домов в процессе реставрации начали покрывать их фасады разными цветами).² Приведенный пример также подчеркивает когнитивный характер ознакомления студентов с культурными отсылками, содержащимися в тексте оригинала.

И, наконец, восьмым критерием предпереводческого анализа является формат ИТ, а именно: 1) его компоновка (существуют различные виды размещения текстового контента, например, расположение по ширине страницы или разбивка на две колонки); 2) границы; 3) наличие или отсутствие паралингвистических элементов — поясняющих графических изображений, которые конечный потребитель информации декодирует в процессе чтения всей работы. Переводческое задание должно содержать четкие указания относительно того, нужно ли сохранять все параметры ИТ или же их в ПТ можно модифицировать, например, вынести иллюстративные материалы в отдельный блок в виде приложений, или изначально имеющий нестандартное расположение текст представить просто по ширине страницы. Все зависит от цели использования переведенного материала. Так, при работе с рекламными объявлениями предпочтительно сохранять их оригинальный формат, поскольку помимо информационной составляющей данные тексты отличаются еще и рядом презентационных особенностей, способствующих полноценному визуальному восприятию их содержания реципиентом. В то же время, если переведенную версию аутентичного текста предполагается использовать в обучающих целях,

¹ Parker J. March 31, 2023. URL: <http://architecturemaker.com> (accessed 11.06.2024).

² Craven J. Queen Anne Architecture in the USA. URL: <http://architecture.about.com/cs/housestyles> (accessed 11.06.2024).

например, для подготовки лекционного материала, формат ИТ сохранять нет смысла, поскольку составитель данного документа прибегает либо к компиляции наиболее важных с его точки зрения сегментов текста, либо изучает источник с целью ознакомления с актуальными идеями, имеющими непосредственное отношение к теме лекции.

Для усиления доказательной базы статьи приведем пример предпереводческого анализа, который выполняют студенты отделения «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Text 1.

Translation brief. The following text is an extract from the book *A Better Way to Think About Business: How Personal Integrity Leads to Corporate Success* written by Robert C. Solomon and published in the USA in 1999. It is to be rendered into Russian for inclusion in a lecture on Human Resource Management.

Every discipline or profession has its own self-glorifying vocabulary. It is how its proponents justify themselves, sell themselves, and think of themselves and what they do.

- Politicians bask in the concept of public service even while they pursue personal power and exploit the fears and prejudices of their constituents. But who would question the virtue of devoting oneself to public service?

- Lawyers defend justice and our rights on a handsome contingency basis as they lead us through a thicket of regulations and liabilities created by other lawyers. But who would question the virtue of devoting oneself to justice and rights?

- Physicians (even those with bulging portfolios) heal and save lives, an undeniably noble cause. Who would question the value of human life and well-being?

- University professors immodestly celebrate what they do in the noble language of truth and knowledge even when they spend most of their time and energy battling one another for status in exquisitely petty but vicious campus politics. But who would question their dedication to the truth, to enlightening young minds, and to preserving the values of civilization?

In the case of business, however, the language of self-description is hardly noble or self-glorifying.

Analysis

Subject matter: ethical aspects of interpersonal relationships in society.

Purpose: to show how representatives of different spheres follow the values and ethics of their professions.

Genre: non-fiction — the text is informative, contains an expert's opinion on the behavioral traits people demonstrate in different situations.

Organization and logic: the text is well-structured, the initial sentence is followed by the utterances relevant to its core idea — what people do to stand out of the crowd.

Language: grammatical categories are used correctly; sentence structures are standard; the diversity of lexis ranges from emotionally loaded (*self-glorifying, bask; virtue*) to specialist (*public service; liability*); figurative (*idiom 'through thick and thin'*) and non-figurative (*sell oneself, on a contingency basis*) set expressions as well as lexical (*metonymy 'young minds', metaphors 'bulging portfolios', 'lead through a thicket of regulations'*), and syntactical (*syntactical repetition 'who would question the virtue of'*) stylistic devices make the discourse user-friendly, which is important for understanding the overall tone of the text.

Culture and context: the reference relates to the term *professor*. In British English professor is a teacher of the highest rank in a university department (профессор); in American English it is any full member of the teaching body at a university or college (преподаватель)¹. Bearing in mind that Robert C. Solomon was an American philosopher and business ethicist, the word combination *university professors* could be translated by a more general term *преподаватели вузов*.

Format: the text has a simple layout; the sentences which express arguments for the theses sentence are marked with a hyphen which helps to present information in a logical and coherent way.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, еще раз подчеркнем, что качественно выполнить предпереводческий анализ возможно лишь при наличии четко структурированного набора критериев, которые отражают языковые и содержательные аспекты ИТ. Первичная проработка оригинала дает возможность получить представление о дискурсивных особенностях источника, а также выявить наиболее проблемные сегменты, перевод которых в дальнейшем может потребовать принятия нестандартных решений. Данный подход помогает выработать у студентов не только профессиональные компетенции, но и стимулировать их когнитивный потенциал, поскольку детальное рассмотрение указанных критериев в большинстве случаев сопровождается обращением к дополнительным источникам информации, расширяющим их картину мира. Однако по причине того,

¹ Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1992. 1528 p. P. 1050.

что в учебных пособиях по переводу эта сторона вопроса практически не затрагивается, возникает необходимость в более детальном описании ключевых позиций предпереводческого анализа как платформы для перехода к реализации микростра-

тегии перевода. Результаты проведенного нами исследования могут найти применение в работе по усовершенствованию теоретико-практической базы дисциплин, связанных с переводческой деятельностью.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Транслатологические типы текста. Опыт классификации. Ч. II // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2008. Сер. 9. № 1. Ч. 1. С. 32–40.
2. Андреева О. В., Качалов Н. А. Основные компоненты содержания обучению прелпереводческому анализу профессионально-ориентированных текстов // Вестник Томского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки (Филология). 2007. № 4 (67). С. 108–113.
3. Ачкасов А. В. Жанровые вопросы перевода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2016. Сер. 10. № 4. С. 5–13.
4. Болдырев А. В., Крапивкина О. А. Предпереводческий анализ как условие адекватного перевода // European Student Scientific Journal. 2015. № 2. URL: <https://sjes.esrae.ru/ru/article/view?id=336> (дата обращения 01.01.2024).
5. Большак А. В., Макоедова Н. В. К вопросу о роли культурной отсылки в переводе // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации — материалы докладов XIII Всерос. науч.-практ. конф. Саратов. 2021. С. 425–428.
6. Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): учебное пособие. М., 2001. 224 с.
7. Калашникова А. А., Ковалева И. В. О явлении ситуативной вариативности в различных регистрах общения // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 4-х ч. 2015. № 12 (54). Ч. I. С. 101–103.
8. Комарова Л. А. Культурологическая маркированность лексических единиц в тексте // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 1 (81). С. 181–187.
9. Кононов Д. А. Стратегии реализации компетентностного подхода в преподавании предпереводческого анализа текста // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 12 (2). С. 335–339.
10. Котик О. В., Жукова Л. В., Комарова Л. В. Неологизмы в англоязычных текстах экономической направленности // Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. Краснодар: Кубанский государственный университет. 2023. С. 60–66.
11. Куликова О. В. Предпереводческий анализ профессионально ориентированного текста // Мир науки. Педагогика и психология. 2018. Т. 6. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/64PDMN318.pdf> (дата обращения 05.07.2024).
12. Паршина Т. В. Об этике переводчика // Филология и лингвистика в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. 2017. М.: Буки-Веди. С. 67–76.
13. Семенова С. Н., Аксютенкова Л. Г. Когнитивно-прагматическая интерпретация языковой личности (на примере рыночно-экономической терминологии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. № 4. URL: <https://sochum.ru/s2313-22990000619-7-1-ru-98/> (дата обращения 04.07.2024).
14. Спасова М. В., Савельева О. Г. Явления современной массовой культуры как источник культурно-маркированной лексики в современном английском языке // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK423.pdf> (дата обращения 19.05.2024).
15. Сулова Л. В. Создание модели предпереводческого анализа немецкоязычных газетных и журнальных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4 (82). Ч. 1. С. 201–204.
16. Яшина Н. К. Подход к переводу с позиции лингвистики текста // Известия науки. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. С. 232–235.
17. Cragie S., Pattison A. Thinking English Translation. Analysing and Translating English Source Texts. USA. Routledge, 2018. 134 p.
18. Munday J. Introducing Translation Studies. Theories and applications. USA. Routledge, 2012. 237 p.
19. Nord Ch. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. USA. Routledge, 2018. 154 p.

References

1. Alekseeva IS. Translatologicheskie tipy teksta. Opyt klassifikacii. Ch. II. Translatological types of text. Classification experience. Part II. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura = Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*. 2008;1:32-40. (In Russ.).
2. Andreeva OV., Kachalov NA. Osnovnye komponenty sodержaniya obucheniju prelperevodcheskomu analizu professional'no-orientirovannyh tekstov — Basic components of teaching pre-translation analysis of professionally oriented texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki (Filologija) = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. Humanities (Philology)*. 2007;4(67):108-113. (In Russ.).
3. Achkasov AV. Zhanrovye voprosy perevoda — Genre issues of translation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura = Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*. 2016;4:5-13. (In Russ.).
4. Boldyrev AV., Krapivkina OA. Predperevodcheskij analiz kak uslovie adekvatnogo perevoda — Pre-translation analysis as a condition for adequate translation. *European Student Scientific Journal*. 2015;2. Available at: <https://sjes.esrae.ru/ru/article/view?id=336> (accessed: 05.07.2024). (In Russ.).
5. Bol'shak AV., Makoedova NV. K voprosu o roli kul'turnoj otsylki v perevode — The role of cultural reference in translation. *Inostrannye jazyki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii — materialy dokladov XIII-oj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet imeni N. G. Chernyshevskogo = Foreign languages in the context of intercultural communication — reports of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky*. 2021. Pp. 425-428. (In Russ.).
6. Brandes MP., Provotorov VI. Pre-translation analysis of the text (for institutes and departments of foreign languages): Textbook. Moscow; 2001. 224 p. (In Russ.).
7. Kalashnikova AA., Kovaleva IV. O javlenii situativnoj variativnosti v razlichnyh registrah obshhenija — Situational variability in various registers of communication. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2015;12(54):101-103. (In Russ.).
8. Komarova LA. Kul'turologicheskaja markirovannost' leksicheskikh edinic v tekste — Culturological, marking of lexical units in the text. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija "Gumanitarnye nauki" = Bulletin of Tambov University. Series "Humanities"*. 2010;1(81):181-187. (In Russ.).
9. Kononov DA. Strategii realizacii kompetentnostnogo podhoda v prepodavanii predperevodcheskogo analiza teksta — Strategies for implementing a competency-based approach to teaching pre-translation text analysis. *Sovremennye naukoemkie tehnologii = Modern high technology*. 2015;12(2):335-339. (In Russ.).
10. Kotik OV., Zhukova LV., Komarova LV. Neologizmy v anglojazychnyh tekstah jekonomicheskoi napravlenosti — Neologisms in English economic texts. *Aktual'nye aspekty lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoj kommunikacii. Sbornik nauchnyh statej. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet = Current aspects of linguistics, linguodidactics and intercultural communication. Collection of scientific articles*. 2023, Krasnodar: Kuban State University. Pp. 60-66. (In Russ.).
11. Kulikova OV. Predperevodcheskij analiz professional'no orientirovannogo teksta — Pre-translation analysis of a professionally oriented text. *Mir nauki. Pedagogika i psihologija = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2018;3. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/64PDMN318.pdf> (accessed 05.07.2024). (In Russ.).
12. Parshina TV. Ob jetike perevodchika — *Filologija i lingvistika v sovremennom mire: materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii = Philology and linguistics in the modern world: materials of the I International scientific conference*. 2017, Moscow: Buki-Vedi. Pp. 67-76. (In Russ.).
13. Semenova SN., Aksjutenkova LG. Kognitivno-pragmaticeskaja interpretacija jazykovoj lichnosti (na primere rynochno-jekonomicheskoi terminologii) — Cognitive-pragmatic interpretation of linguistic personality (based on the market economic terminology). *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*. 2020;4. Available at: <https://sochum.ru/s2313-22990000619-7-1-ru-98/> (accessed 04.07.2024). (In Russ.).
14. Spasova MV., Savel'eva OG. Javlenija sovremennoj massovoj kul'tury kak istochnik kul'turno-markirovannoj leksiki v sovremennom anglijskom jazyke — Phenomena of modern mass culture as a source

of culturally marked vocabulary in modern English. *Mir nauki. Sociologija, filologija, kul'turologija = World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023;4. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK423.pdf> (accessed 19.05.2024). (In Russ.).

15. Suslova LV. Sozdanie modeli predperevodcheskogo analiza nemeckojazychnyh gazetnyh i zhurnal'nyh tekstov — Creation of a model for pre-translation analysis of German-language newspaper and magazine texts. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2018;4(82):201-204. (In Russ.).

16. Jashina NK. Podhod k perevodu s pozicii lingvistiki teksta — The approach to translation from the perspective of text linguistics. *Izvestija nauki. Serija "Gumanitarnye nauki" = News of science. Series "Humanities"*. 2015:232-235. (In Russ.).

17. Cragie S., Pattison A. Thinking English Translation. Analysing and Translating English Source Texts. USA. Routledge; 2018. 134 p.

18. Munday J. Introducing Translation Studies. Theories and applications. USA. Routledge; 2012. 237 p.

19. Nord Ch. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. USA. Routledge; 2018. 154 p.

Сведения об авторах

К. С. Волошина — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере.

А. В. Большак — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере.

Information about the authors

K. S. Voloshina — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English in the Professional Sphere.

A. V. Bolshak — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English in the Professional Sphere.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.25

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-167-175

РЕАЛИИ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» В ПЕРЕВОДЕ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Лю Шижао

Московский государственный имени М. В. Ломоносова, shiraoliu@gmail.com, ORCID: 0009-0003-3828-490

Аннотация. Как писатель-урбанист М.А. Булгаков разворачивает сюжеты своих произведений в городском пространстве, максимально достоверно изображая окружающую обстановку. Особое внимание автора привлекает московский хронотоп. Предметом анализа в данной статье является перевод на китайский язык реалий московской жизни в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (главы первая и третья). Актуальность темы определяется как значением произведения М.А. Булгакова в мировой литературе, так и обстоятельствами переводческого характера, среди которых необходимость выявления и устранения с помощью различных приемов несоответствий между текстом оригинала и переводом. Основным методом исследования явился сопоставительный анализ. Предложенная нами классификация реалий состоит из пяти групп: топонимы, их разновидности хоронимы и урбанонимы; реалии, отражающие культуру быта; реалии интеллектуальной жизни; реалии, характеризующие мировоззрение героев; вокативы. В статье рассмотрен перевод на китайский язык реалий первых трех групп, которые достаточно информативны: топонимы, их разновидности хоронимы и урбанонимы; реалии, отражающие культуру быта; реалии интеллектуальной жизни. Герменевтический подход позволил определить достоинства китайского перевода и выявить фрагменты, нуждающиеся в конкретизации, что предложено осуществить с помощью приемов уточнения, переводческого комментария, детализации существующего переводческого комментария. Использование перечисленных приемов будет способствовать приближению перевода к тексту оригинала, а также расширению горизонта восприятия китайскими читателями географической, политической, социальной, бытовой, культурной, литературной сторон московской жизни, репрезентированной М.А. Булгаковым. Выбранный для анализа перевод, осуществленный Цянь Чэном, считается наиболее близким к оригиналу.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, роман «Мастер и Маргарита», московская жизнь, реалии, русско-китайская языковая комбинация, герменевтический подход.

Для цитирования: Лю Шижао Реалии московской жизни в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в переводе на китайский язык // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 167–175. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-167-175.

Original article

THE REALITIES OF MOSCOW LIFE IN M. A. BULGAKOV'S NOVEL “THE MASTER AND MARGARITA”: A STUDY OF CHINESE TRANSLATION

Liu Shirao

Moscow State University named after M. V. Lomonosov, shiraoliu@gmail.com, ORCID: 0009-0003-3828-490

Abstract. As an urbanist writer, M.A. Bulgakov develops the plots of so many manifestations in the urban space, depicting the surrounding environment as reliably as possible. The author pays special attention to the Moscow chronotope. The subject of analysis in this article is the translation into Chinese of the realities of Moscow life in the novel by M.A. Bulgakov “The Master and Margarita” (chapters one and three). The relevance of the topic is determined by both the significance of M.A. Bulgakov’s work in world literature and the circumstances of a translation nature, including the need to identify and eliminate, using various techniques, inconsistencies between the original text and the translation. The main research method was a comparative analysis. The classification of realities proposed by us consists of five groups: toponyms, their varieties horonyms and urbanonyms; realities reflecting the culture of everyday life; realities of intellectual life; realities characterizing the worldview of the heroes; vocatives. The article

examines the translation into Chinese of the realities of the first three groups, which are quite informative: toponyms, their varieties, homonyms and urbanonyms; realities reflecting the culture of everyday life; realities of intellectual life. The hermeneutic approach made it possible to determine the merits of the Chinese translation and identify fragments that need to be specified, which is proposed to be done using clarification techniques, translation commentary, and detailing the existing translation commentary. The use of the listed techniques will help bring the translation closer to the original text, as well as expand the horizon of perception by Chinese readers of the geographical, political, social, everyday, cultural, literary aspects of Moscow life, represented by M.A. Bulgakov. The translation chosen for analysis, carried out by Qian Cheng, is considered to be the closest to the original.

Keywords: M. A. Bulgakov, the novel “The Master and Margarita”, Moscow life, realities, Russian-Chinese language combination, hermeneutic approach.

For citation: Liu Shirao The realities of Moscow life in M.A. Bulgakov’s novel “The master and Margarita”: a study of Chinese translation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):167-175. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-167-175.

Введение

Перевод художественного текста обоснованно считается и теоретиками, и практиками наиболее сложным видом перевода. Обращение к художественному тексту в герменевтической парадигме приобретает особую сложность в связи с тем, что переводчику следует добиться «слияния горизонтов понимания» [5. С. 443] с автором исходного текста, в результате чего возникают новые смыслы.

Не подлежит сомнению, что чем сложнее проблематика и поэтика художественного произведения, тем труднее добиться адекватности перевода. К подобным «трудночитаемым» сочинениям российских авторов XX в. относится итоговый роман классика литературы М. А. Булгакова (1891–1940) «Мастер и Маргарита», который, несмотря на глубину авторского замысла и сложную повествовательную структуру, вскоре после своей публикации в 1966–1967 гг. стал объектом перевода на иностранные языки.

Предметом анализа в данной статье являются реалии московской жизни в названном произведении М. А. Булгакова в переводе на китайский язык. Реалии столичной жизни конца 1920–1930-х гг. представлены на всем протяжении романа, за исключением ершалаимской линии, однако наиболее полно и наглядно они воссозданы автором в первой, третьей и двенадцатой главах: «Никогда не разговаривайте с неизвестными», «Седьмое доказательство», «Черная магия и ее разоблачение». Для исследования в статье избраны реалии в первых двух названных главах.

История перевода романа М. А. Булгакова на китайский язык, начавшаяся в 1985 г., успешно продолжается до сегодняшнего дня. За последние сорок лет вышло одиннадцать переводов произведения, которые были опубликованы и переизданы в Китае в общей сложности тридцать два раза [10. С. 262]. По мнению отечественных

специалистов, наиболее профессиональным является перевод, выполненный Цянь Чэном (р. 1922; настоящее имя Цянь Юйцай), который и привлечен нами для анализа. Переводчик был первым, кто обратился к роману М. А. Булгакова, опубликовав в 1985 г. в журнале «Советская литература» (№ 5, 6) отрывки из романа, в 1987 г. вышла полная версия романа, которая затем выпускалась в свет различными издательствами семь раз. Цянь Чэн, переводчик, журналист, ученый, посвятил долгие годы исследованию и популяризации русской и советской литературы. В объемном предисловии к изданию перевода в 1987 г. Цянь Чэн проанализировал проблематику и систему образов произведения, авторскую позицию; предисловие во многом способствовало распространению сочинения М. А. Булгакова в Китае [13. С.38].

Понятие «реалия» имеет в русском языке несколько значений: «1) всякий предмет, всякое явление материального мира, материальной культуры; 2) слово, обозначающее предмет, явление материальной культуры того или иного народа, какую-либо его национальную особенность, обычай, традицию и т.п., а также исторический факт, событие; такие слова обычно не имеют эквивалентов в других языках; 3) существующая обстановка, действительность...»¹. В данной статье понятие «реалия» используется во втором своем значении. В понятии «культурно-исторические реалии» акцентировано значение предмета или явления в истории культуры страны или национальности. Под культурно-исторической реалией И.А. Самохиной понимается «лексическая единица (слово, словосочетание), входящая в класс безэквивалентной лексики, обозначающая понятия и объекты быта, культуры, соци-

¹ Реалия // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/realia-0db617> (дата обращения: 15.12.2022).

ально-исторического развития, являющиеся уникальными принадлежностями одной культуры и отсутствующие в другой и не имеющие эквивалентов в других языках» [8. С. 8].

Анализ и особенности перевода реалий романа в различных языковых комбинациях представлены в публикациях В. Н. Алексеевой [1], Т. В. Тарасенко и Э. Ф. Коро Хервилья [11], М. А. Амири [2], Е. Л. Телицыной [12], Ю.Н. Сандлер [9], Н. М. Нестеровой и Н. В. Васильевой [7]. К проблеме китайского перевода ряда реалий в романе обращались и китайские исследователи, в частности Ши Янань, представивший лингвокультурологический анализ концептосферы «Москва» [14], и Ли Чжэ и Тан Ихон, изучившие образы интеллигенции [6].

Актуальность выбранной нами темы определяется рядом обстоятельств, среди которых: значение романа М. А. Булгакова в мировой литературе; широкая репрезентация реалий жизни Москвы конца 1920–1930-х гг.; интерес китайских переводчиков к роману «Мастер и Маргарита»; необходимость выявления и исправления ошибок и неточностей в китайских переводах с целью достижения максимальной адекватности; возможность применения различных методов и приемов перевода в условиях культурной асимметрии.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в российском и китайском переводоведении осуществлен комплексный анализ с герменевтической точки зрения перевода на китайский язык воссозданных М. А. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита» реалий московской жизни, а также предложены приемы перевода, способствующие повышению его качества.

Исследование и его результаты

Будучи писателем-урбанистом, М. А. Булгаков репрезентирует своих героев только в пространстве города, реального или вымышленного. Для пространственной модели города как реальности «характерны следующие признаки: относительная тождественность существующему в реальной действительности объекту-городу, объективность описания, определенность дифференцирующих признаков, конкретность, дискретность, подчеркнутая детализация [16. С. 17]. Перечисленные признаки обнаруживаются прежде всего в реалиях городской, в данном случае московской, жизни. На основе проведенного анализа текста нами составлена следующая классификация реалий:

- 1) топонимы и их разновидности хоронимы и урбанонимы;
- 2) реалии, отражающие культуру быта;
- 3) реалии интеллектуальной жизни;

4) реалии, характеризующие мировоззрение героев;

5) вокативы.

В результате анализа в названных главах выявлены 34 реалии московской жизни, в число которых входят как собственно московские номинации, так и объекты, занявшие свое место в круге московской жизни. В силу ограниченности объема в статье предполагается рассмотреть отдельные реалии первой, второй и третьей групп, которые достаточно полно характеризуют изображенную в романе М. А. Булгакова московскую жизнь конца 1920–1930-х гг.

1. Топонимы и урбанонимы

Топоним представляет собой «собственное имя природного объекта на земле, а также созданного человеком, который четко зафиксирован в данном регионе»¹. В материале исследования обнаружен один топоним — *Кисловодск* и такие урбанонимы, как *Патриаршие пруды*, *Малая Бронная улица*, *Садовое кольцо*, *Ермолаевский переулок*, «*Метрополь*».

Топоним

Слово *Кисловодск* не имеет прямого отношения к Москве, но для столичной элиты и литераторов этот город часто фигурирует в их жизни как любимое место отдыха. Поэтому это выражение также рассматривается в данной работе.

Слово *Кисловодск* появляется два раза в тексте:

*Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало. Он побледнел, вытер лоб платком, подумал: «Что это со мной? Этого никогда не было... сердце шалит... я переутомился. Пожалуй, пора бросить все к черту и в Кисловодск...»*².

*...а бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск, — тут иностранец прищурился на Берлиоза, — пустьяковое, казалась бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему вдруг возьмет — поскользнется и попадет под трамвай...»*³.

В обоих случаях Цянь Чэн переводит «Кисловодск» как 基斯洛沃德斯克 (jī sī luò wò dé sī kè), что является транслитерацией этого слова, и китайские читатели, не обладающие достаточным знанием русской географии, не понимают, где находится Кисловодск и что он собой представляет: город, государство, область или даже страну.

¹ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1998. 194 с.

² Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Худ. лит., 1984. С. 10.

³ Там же. С. 17.

С герменевтической точки зрения, читателю необходима дополнительная информация, чтобы расширить свой горизонт для более широкого понимания текста. Этой цели можно достигнуть с помощью переводческих комментариев. Как справедливо отмечает В. Н. Алексеева, переводческие комментарии в виде сносок и примечаний могут, не нарушая целостности и продолжительности текста и его смысла, передать пресуппозицию иноязычного текста. А пресуппозиция — сумма знания, которую отправитель хотел бы определить как общую основу для себя и получателя информации — помогает образовывать невыраженный горизонт нашего опыта [1. С. 211].

В случае с «Кисловодском» в сноске может поставить: *Бисловотск* (Бисловотск) — это город, но и выяснить, что это популярное место отдыха, и в результате понять, почему Берлиоз, который чувствует себя уставшим, захотел бросить все дела и поехать в Кисловодск.

Урбанонимы

Рассмотрим перевод названий водоемов и улиц в Москве:

Патриаршие пруды — 牧首湖 mù shǒu hú;

Малая Бронная улица — 小铠甲街 xiǎo kǎi jiǎ jiē;

Садовое кольцо — 花园环形路 huā yuán huán xíng lù;

Ермолаевский переулочок — 耶莫拉耶夫胡同 yē mò lā yē fū hù tóng;

Способ перевода этих слов один и тот же — прямой дословный перевод:

Патриаршие — 牧首 mù shǒu, пруды — 湖 hú;

Малая — 小 xiǎo, бронная — 铠甲 kǎi jiǎ, улица — 街 jiē;

Садовое — 花园 huā yuán, кольцо — 环形路 huán xíng lù;

Ермолаевский — 耶莫拉耶夫 yē mò lā yē fū, переулочок — 胡同 hú tóng.

Среди них только первая часть названия Ермолаевского переулочка, который получил свое наименование в XVII в. в связи с деревянной церковью Ермолая Священномученика, переводится по транслитерации, все остальные выражения переводятся по смыслу.

Между китайскими городами и Москвой есть определенное сходство в плане городского планирования и образования урбанонимов. Наименова-

ния многих улиц, площадей, парков и озер в Китае звучат так же: имя человека или название предмета + слово “улица / дорога / переулочок / кольцевая дорога / озеро”. Так что перевод Цянь Чэна вполне соответствуют культурной и языковой привычке китайских читателей.

Кроме того, Цянь Чэн добавил сноску к 牧首湖 (mù shǒu hú; Патриаршие пруды): “牧首”即宗主教主, 在俄罗斯东正教中称牧首, 是最高级的主教, 教会最高首脑。牧首湖是莫斯科市内一个小公园(сквер), 内有水池, 后改名为少先队员湖。(Патриарх — это высший епископ Русской православной церкви. Патриаршие пруды — это сквер в городе Москве с водоемом, позже переименованный в Пионерский пруды.)

Характеризуя особенности перевода топонимов с русского языка на китайский, Ю. И. Вилиявина называет такие распространенные методы перевода, как транскрипция, калькирование, добавление. Автор статьи отмечает, что ввиду кардинальных различий китайского и русского языков в процессе перевода целесообразно использовать несколько методов в следующей комбинации:

- 1) калькирование+перестановка;
- 2) транскрипция+калькирование;
- 3) транскрипция+перестановка;
- 4) калькирование+транскрипция+перестановка

[3. С. 513, 514].

Предложения Ю. И. Вилиявиной полезны исследователям текстов в русско-китайской языковой комбинации.

Завершая анализ перевода топонимов в романе «Мастер и Маргарита», следует констатировать, что в произведении М. А. Булгакова прослеживаются все выделяемые исследователями функции топонимов: номинативная, идентифицирующая, дифференцирующая [15. С. 102]. Каждое из наименований называет объект; несет в себе совокупность индивидуальных черт, как видимых, реальных, так и символических; определяет границы объекта, выделяет его.

2. Реалии, отражающие культуру быта

Одежда

Внешность и одежда Берлиоза и Бездомного описаны в самом начале первой главы:

Первый из них, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе.¹

Китайский перевод звучит так:

¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Цит. изд. С. 9.

身材矮小的那个穿一身浅灰色夏季西装，膘肥体壮，光着秃头，手里郑重其事地托着顶相当昂贵的礼帽，脸刮得精光，鼻梁上架着一副大得出奇的角质黑框眼镜。另一个很年轻，宽肩膀，棕黄头发乱糟糟的，脑后歪戴一顶方格鸭舌帽，上身穿方格布料翻领牛仔衫，下面是一条皱巴巴的白西服裤，脚上蹬一双黑色平底鞋。

Переводя описание внешнего вида и одежды Берлиоза, Цянь Чэн использует такие слова, как *郑重其事地托着* (zhèng zhòng qí shì de tuō zhe; бук. со всей серьезностью держать), *相当昂贵的礼帽* (xiàng dāng áng guì de lǐ mào; бук. довольно дорогая шляпа) и *脸刮得精光* (liǎn guā dé jīng guāng; бук. чисто выбритое лицо), которые точно отражают внимание героя к своей внешности, его манеру поведения и финансовое положение.

Переводя информацию о внешности и одежде поэта, Цянь Чэн выбрал такие слова, как *头发乱糟糟的* (tóu fā luàn zāo zāo de; бук. волосы без стили, в беспорядке), *歪戴一顶方格鸭舌帽* (wāi dài yī dǐng fāng gé yā shé mào; бук. заломить клетчатую кепку на бочок), *一条皱巴巴的白西服裤* (yī tiáo zhòu bā bā de bái xī fú kù; бук. пару помятых белых костюмных брюк), *脚上蹬一双黑色平底鞋* (jiǎo shàng dēng yī shuāng hēi sè píng dǐ xié; бук. топтать черные туфли), что отражает неприязнательность Ивана, отсутствие внимания к одежде.

С герменевтической точки зрения, изображение персонажей переводчиком в большой степени соответствует изображению героев автором в оригинальном тексте. Однако в переводе нет дополнительной информации о моде советского времени. Хотя китайские читатели чувствуют разницу между личностями и статусом двух персонажей, перевод требует уточнений.

Чтобы донести эту деталь до китайского читателя, переводчику необходимо объяснить в сносках модные представления интеллектуалов того времени или добавить в текст пояснительные слова, например, *他穿着一身知识分子式的灰色夏季西装* (он одет в серый летний костюм, который был популярен у интеллигенции).

Напитки

В первой главе романа звучат названия двух напитков — «Нарзан» и «Абрикосовая».

«Нарзан»

— *Дайте нарзану,* — *попросил Берлиоз.*

— *Нарзану нету,* — *ответила женщина в будочке и почему-то обиделась*¹.

Цянь Чэн переводит слово «нарзан» как *纳尔赞矿泉水* (nà ěr zàn kuàng quán shuǐ; минеральная вода

¹ Булгаков М. А. *Мастер и Маргарита*. Цит. изд. С. 9–10.

Нарзан) и пишет в сноске: *苏联北高加索的疗养胜地基斯洛沃德斯克有纳尔赞碳酸矿泉，泉水对心脏病有疗效。(В Кисловодске, санатории-курорте на Северном Кавказе СССР, есть углекислый минеральный источник «Нарзан», вода которого оказывает лечебное действие при болезни сердца).*

Здесь тоже используется переводческий прием добавления. *纳尔赞矿泉水* = *纳尔赞* (nà ěr zàn; транслитерация слова Нарзан) + *矿泉水* (kuàng quán shuǐ; минеральная вода). Следует, однако, уточнить: «Нарзан» оказывает лечебное действие при болезнях сердца и желудочно-кишечного тракта. Таким образом, переводчик истолковывает, что такое «Нарзан», делая его понятным китайским читателям.

«Абрикосовая»

Перевод этого названия звучит как *杏汁水* (xìng zhī shuǐ; бук. абрикосовая вода), который мы считаем неточным. Китайцы понимают *杏汁水* как воду с абрикосовым соком или концентратом сока, которая, как предполагается, негазированная. Это помешает китайским читателям понять следующий отрывок текста: *打开杏汁水，冒出很多黄色泡沫……杏汁水刚刚下肚，两位文学家就打起嗝来。(Оригинальный текст на русском: Абрикосовая дала обильную желтую пену... Напившись, литераторы немедленно начали икать.)* Согласно китайскому переводу, вода с абрикосовым соком не пузырится и не вызывает отрыжку. Напиток «Абрикосовая» был у москвичей одним из популярных газированных напитков летом. Поэтому более разумным переводом этой реалии будет *杏汁汽水* (xìng zhī qì shuǐ), где *杏汁* (xìng zhī) обозначает абрикосовый сок, а *汽水* (qì shuǐ) — газированную воду.

3. Реалии, характеризующие интеллектуальную жизнь

Сюжет анализируемого произведения М. А. Булгакова тесно связан с жизнью московских литературных кругов. В произведении нами выделены такие характеризующие интеллектуальную жизнь булгаковской Москвы явления, как *МАССОЛИТ*, толстый художественный журнал, «Литературная газета», псевдоним.

Первые две реалии встречаются в представлении личности Берлиоза:

*Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, и редактор толстого художественного журнала...*²

Перевод Цянь Чэна:

² Булгаков М. А. *Мастер и Маргарита*. Цит. изд. С. 9.

Эта одна из не других, это Бай Ляозэ·Михайл·Алехандрович, он является одним из основных культурных работников Союза — «Молитва» президентом, одновременно редактором крупного литературного журнала.

МАССОЛИТ

В романе не звучит полное название организации МАССОЛИТ, лишь говорится, что это «одна из крупнейших московских литературных ассоциаций»¹. Слова «московская», «литературная» и «ассоциация» по отдельности переводятся как Москва (mò sī kē), литература (wén xué), союз (liàn hé huì). Так что созданное Цянь Чэном сокращение организации на китайском «Молитва» (mò wén lián; Мол как сокращение Москва/московская, Лит — сокращение литература/литературная, Союз — союз/ассоциация) вполне логично.

Возникает вопрос, с какой целью автор придумал это слово и какой исторической реалией за ним стоит. Существует несколько предположений относительно полного названия МАССОЛИТ. В «Булгаковской энциклопедии» отмечается, что писатель составил слово МАССОЛИТ по образцу МАСТКОМДРАМ (Мастерская коммунистической драмы), и поэтому полное название, вероятно, было бы Мастер (или Мастерская) социалистической литературы². В данном случае более подходящий перевод на китайский — «Социалистическая литературная мастерская» (shè huì zhǔ yì wén xué gōng zuò shì; Социалистический, литература — литература, мастерская — мастерская).

Н. Я. Зарецкая в своей статье полагает, что «фантазия Булгакова создает МАССОЛИТ по образцу РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), так что полное название выдуманной организации должно быть «Мастерская советской литературы»³. В соответствии с этим пониманием, МАССОЛИТ следует переводить как «Советская литературная мастерская» (sū lián wén xué gōng zuò shì; Советская, литература — литература, мастерская — мастерская).

Возможно, чтобы избежать неверного предположения о полном названии организации, Цянь Чэн не указывал в своем переводе полное китайское название МАССОЛИТ и всегда обозначал ее аббревиатурой «Молитва».

¹ Там же.

² Дом Грибоедова <http://www.bulgakov.ru/d/dom-griboedova>

³ Зарецкая Н. Я. М. Булгаков: между мистикой и реальностью (по мотивам романа «Мастер и Маргарита») // Вестник Казанского технологического университета. 2012. № 1. С. 238–244. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-bulgakov-mezhdu-mistikoy-i-realnostyu-po-motivam-romana-master-i-margarita> (дата обращения: 26.02.2025).

Толстый художественный журнал

Толстый художественный журнал — неотъемлемая часть жизни московских литераторов. Они не только его читают, но и публикуют в нем свои произведения. Дословный перевод выражения — «толстый журнал» (hòu de wén xué zá zhì; Толстый — толстый, литература — литературный / художественный, журнал — журнал), но в китайском языке нет подобного устойчивого выражения, и «толстый журнал» может пониматься как литературный журнал с большим количеством страниц. Перевод Цянь Чэна звучит как «Крупная литература» (dà xíng wén xué qī kān wù): Крупная — крупная, литература — художественное периодическое издание. В переводе акцент сделан не на серийности публикаций произведений в журнале, а на его популярности и основательности. Это повышает статус Берлиоза: он не просто руководитель безымянного издания, но редактор солидного художественного журнала.

Псевдоним литератора

В советские годы псевдоним литератора подчеркивал его социальное происхождение и политические взгляды. «Горький», «Бедный», «Голодный» — такие псевдонимы авторы избирали для того, чтобы подчеркнуть свою общность с обездоленными. Выбирая подобные псевдонимы, писатели вызывают сочувствие и привлекают читательскую аудиторию [4. С. 215]. Качественный перевод должен не просто представлять собой транслитерацию псевдонимов, но включать расшифровку глубинного смысла.

Дословный перевод слова «Бездомный» — человек без дома (méi yǒu fáng zi de rén; человек без дома), что в данном случае отражает пролетарское происхождение Ивана. Перевод Цянь Чэна — «Бездомный» (wú jiā hàn; Без — без, дом — дом, человек — человек) — считается более формальным, но синонимичным ему человек без дома (человека без дома, бездомный), и лучше звучит как псевдоним литератора.

При первом появлении слова, Цянь добавил следующую сноску: «Перевод: «Бездомный». Значение: человек, который не имеет крыши над головой, бродяга». Жаль только, что переводчик не уточнил, что означал этот псевдоним в советской культуре 1930-х гг., китайские читатели не сразу смогли догадаться, почему Иван выбрал именно этот псевдоним.

Заключение

Реалии относятся к лексическим единицам, которые наиболее полно выражают национальную специфику; это обстоятельство создает

особые трудности при переводе художественного текста. В статье проанализирован перевод на китайский язык реалий московской жизни конца 1920–1930-х гг., воссозданной в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (главы первая и третья). Ограниченный объем публикации не позволил представить материалы исследования перевода всех групп предложенной нами классификации: топонимы и их разновидности хоронимы и урбанонимы; реалии, отражающие культуру быта; реалии интеллектуальной жизни; реалии, характеризующие мировоззрение героев; вокативы — в статье изучен перевод на китайский язык реалий первых трех групп, которые, тем не менее, достаточно информативны.

Среди существующих текстов романа М. А. Булгакова на китайском языке избран считающийся отечественными специалистами лучшим перевод, осуществленный Цянь Чэном. Являясь знатоком советской и российской литературы и культуры, опытным переводчиком, Цянь Чэн, как показало исследование, создал у китайских читателей адекватное представление о фигурирующих в произведении топонимах, хоронимах и урбанонимах; реалиях, отражающих такие стороны культуры быта, как одежда, напитки, марка сигарет, город-

ской ландшафт; реалиях интеллектуальной жизни. Россия и Китай являются странами с развитой городской культурой, что не могло не сказаться на восприятии романа урбаниста Булгакова как переводчиками, так и реципиентами. Вместе с тем, в ряде случаев требуется конкретизация, что достижимо с помощью таких известных в переводоведении приемов, как уточнение, переводческий комментарий, расширение существующего переводческого комментария.

Уточнения необходимы в переводе лексической единицы «Абрикосовая», что будет способствовать приближению перевода к тексту оригинала. Переводческий комментарий к урбанонимам «Патриаршие пруды», «Садовое кольцо», «Малая Бронная улица», «Ермолаевский переулок», «Метрополь» расширит горизонт восприятия булгаковского городского текста китайскими читателями, позволит им свободнее ориентироваться в пространстве, четче представлять траектории передвижения героев романа. В топониме «Кисловодск» переводческий комментарий раскроет не только географическое, но культурное и социальное значение. Дополнительные сведения о псевдониме «Бездомный» метонимически охарактеризуют направленность советской литературы конца 1920–1930-х гг.

Список литературы

1. Алексеева В. Н. Переводческий комментарий в художественном тексте // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. С. 211–213.
2. Амири М. А. Методы перевода советизмов на персидский язык на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2 (26). С. 178–186.
3. Вилявина Ю. И. Особенности перевода топонимов Астраханского края с русского языка на китайский // Молодой ученый. 2024. № 19 (518). С. 513–515.
4. Воробьев В. М. Понырев и Бездомный: антропонимическая загадка Михаила Булгакова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2022. С. 214–218.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
6. Ли Чжэ, Тан Ихон. Анализ изображения интеллектуалов в романе «Мастер и Маргарита» // Культурный журнал. 2011. № 6. С. 139–142.
7. Нестерова Н. М., Васильева Н. В. Московские локации в романе «Мастер и Маргарита» и в его англоязычных переводах // Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного: сб. статей. 2024. С. 202–208.
8. Самохина И. А. Интерпретационный потенциал культурно-исторических реалий в разных вещах перевода художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 185 с.
9. Сандлер Ю. Н. Советизмы в контексте разных языковых культур (на материале перевода на испанский язык романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Национально-культурные коды мировой литературы в контексте аудиовизуальных практики искусства: коллект. монография. Н. Новгород. 2022. С. 652–661.
10. Се Ч. Китайское булгаковедение: перевод, восприятие и перспективы // Один пояс — один путь: российско-китайский культурный диалог: коллект. монография. Ярославль. 2021. С. 261–268.

11. Тарасенко Т. В., Керо Хервилья Э. Ф. Повседневная культура и ее элементы в художественном и переводном тексте (на материале переводов на испанский язык романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Вестник Московского университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 14–26.
12. Телицына Е. Л. Трудности перевода культурно-специфического лексикона на примере романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Челябинского университета. 2018. № 10 (420).
13. Чжоу Шицинь, Цай Сю, Жу Шуй. Три двадцать восьмых года Цянь Юйцая // Новое чтение. 2008. № 12. С. 38–39.
14. Ши Янань. Лингвокультурологический анализ концептосферы «Москва» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Даляньский университет иностранных языков. 2018. 126 с.
15. Шнырова В. Э., Дубинин С. И. Топонимы в заглавиях современных немецкоязычных романов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16. № 3. С. 100–110.
16. Щукина Д. А. Пространство как лингвокогнитивная категория (на материале произведений М. А. Булгакова разных жанров): автореф. дис. ... д-ра филол.наук. СПб., 2004. 36 с.

References

1. Alekseeva VN. Perevodcheskij kommentarij v hudozhestvennom tekste= Translation commentary in a literary text. *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik=Jaroslavl pedagogical bulletin*. 2012;4:211–213. (In Russ.).
2. Amiri MA. Metody perevoda sovetizmov na persidskij jazyk na materiale romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita»= Methods of translating Sovietisms into Persian based on M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". *Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki= Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2017;2(26):178–186. (In Russ.).
3. Viljavina JuI. Osobennosti perevoda toponimov Astrahanskogo kraja s russkogo jazyka na kitajskij= Features of the translation of toponyms of the Astrakhan region from Russian into Chinese. *Molodoj učenij=Young scientist*. 2024;19(518):513–515. (In Russ.).
4. Vorob'ev VM. Ponyrev i Bezdomnyj: antroponimicheskaja zagadka Mihaila Bulgakova= Ponyrev and Bezdomny: the anthroponymic riddle of Mikhail Bulgakov. *Regional'naja onomastika: problemy i perspektivy issledovanija: sbornik nauchnyh statej= Regional onomastics: problems and prospects of research: collection of scientific articles*. Vitebsk. 2022. Pp. 214-218. (In Russ.).
5. Gadamer H.-G. Truth and Method. Foundations of Philosophical Hermeneutics. Translated from German. Moscow: Progress. 1988. 704 p. (In Russ.).
6. Li Chzhe, Tan Ikhon. Analiz izobrazheniya intellektualov v romane «Master i Margarita»= Analysis of the image of intellectuals in the novel "The Master and Margarita". *Kul'turnyj zhurnal= Cultural Journal*. 2011;6:139-142. (In Russ.).
7. Nesterova NM., Vasil'yeva NV. Moskovskiye lokatsii v romane «Master i Margarita» i v yego angloyazychnykh perevodakh= Moscow locations in the novel "The Master and Margarita" and in its English translations. *Novoye i traditsionnoye v perevodovedenii i prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo=New and traditional in translation studies and teaching Russian as a foreign language*. 2024:202-208. (In Russ.).
8. Samokhina IA. Interpretive potential of cultural and historical realities in different things of translation of a literary text: abstr. dis. ... cand. sci. (Philology). Tver, 2011. 125 p. (In Russ.).
9. Sandler YuN. Sovetizmy v kontekste raznykh yazykovykh kul'tur (na materiale perevoda na ispanskiy yazyk romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita») = Sovietisms in the context of different linguistic cultures (based on the translation into Spanish of M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita"). *Natsional'no-kul'turnyye kody mirovoy literatury v kontekste audiovizual'nykh praktiki iskusstva. Kollekt. Monografiya National and cultural codes of world literature in the context of audiovisual art practices. Collective monograph*. N. Novgorod, 2022. Pp. 652-661. (In Russ.).
10. Se Ch. Kitayskoye bulgakovedeniye: perevod, vospriyatiye i perspektivy= Xie Ch. Chinese Bulgakov studies: translation, perception and prospects. *Odin poyas — odin put': rossiysko-kitayskiy kul'turnyy dialog. Kollekt. monografiya= One Belt, One Road: Russian-Chinese cultural dialogue. Collective Monograph*. Yaroslavl, 2021. Pp. 261-268. (In Russ.).
11. Tarasenko TV., Kero Khervil'ya EF. Povsednevnyaya kul'tura i yeye elementy v khudozhestvennom i perevodnom tekste (na materiale perevodov na ispanskiy yazyk romana M. A. Bulgakova «Master i Margari-

ta»)= Everyday culture and its elements in fiction and translated text (based on translations into Spanish of M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita"). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya= Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*. 2016;3:14-26. (In Russ.).

12. Telitsyna YeL. Trudnosti perevoda kul'turno-spetsificheskogo leksikona na primere romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita»= Difficulties in translating culturally specific vocabulary using the example of M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". *Vestnik Chelyabinskogo universiteta=Bulletin of Chelyabinsk University*. 2018;10(420). (In Russ.).

13. Chzhou Shitsin', Tsay Syu, Zhu Shuy. Tri dvadtsat' vos'mykh goda Tsyan' Yuytsaya= Zhou Shiqin, Cai Xiu, Zhu Shui. Three twenty-eighths of Qian Yucai. *Novoye chteniye=New reading*. 2008;12:38-39. (In Chinese)

14. Shi Yanan. Linguocultural analysis of the conceptual sphere "Moscow" in M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". Master's thesis. Dalian University of Foreign Studies. 2018. 126. (In Chinese)

15. Shnyrova VE., Dubinin SI. Toponimy v zaglaviyakh sovremennykh nemetskoyazychnykh romanov=Toponyms in the titles of modern German-language novels. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya= Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*. 2024;3:100-110. (In Russ.).

16. Shchukina DA. Prostranstvo kak lingvokognitivnaya kategoriya (na materiale proizvedeniy M. A. Bulgakova raznykh zhanrov): abstr. dis. ... doct. Sci. (Philology). Saint-Petersburg, 2004. 36 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Лю Шижао — аспирант кафедры теории и методологии перевода.

Information about the author

Liu Shirao — Post-graduate student, Department of Theory and Methodology of Translation.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025; одобрена после рецензирования 06.06.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 13.05.2025; approved after reviewing 06.06.2025; accepted for publication 15.08.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.272

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-176-184

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТИПА ЧЭНЬЮЙ (成语) В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Нефедова Лилия Амиряновна¹, Болдырева Анна Сергеевна²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, lan2@mail.ru,

² Челябинский государственный университет, Челябинск, ana.boldyreva@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются особенности перевода китайских фразеологических единиц (ФЕ) чэньюй (成语) в политическом дискурсе с китайского на русский язык. Актуальность исследования обусловлена высокой частотой использования чэньюй в политической риторике Китая и сложностями их передачи на русский язык, что связано с культурно-историческими различиями между языками. Основной целью работы является анализ методов перевода чэньюй в политических текстах и оценка их прагматической функции при передаче на русский язык. В статье рассматриваются различные подходы к переводу, включая описательный перевод и использование простых слов и словосочетаний вместо фразеологизмов, что может повлиять на сохранение выразительности и точности оригинала. Методологическая основа исследования включает сравнительно-сопоставительный анализ, компонентный и этимологический анализ, а также статистическую обработку перевода чэньюй, отобранных из новостных статей, опубликованных на крупных китайских информационных платформах. Результаты исследования показывают, что при переводе чэньюй на русский язык чаще всего используются описательные стратегии и замена фразеологизмов простыми словами. Также выявлено, что значительная часть чэньюй (22%) не была переведена, что может привести к утрате прагматической функции этих единиц, а также их выразительности и эмоциональной окраски. В статье подчеркивается важность учета прагматической нагрузки чэньюй, такой как повышение экспрессивности, побуждение к действию и усиление значения сказанного. Автор также отмечает, что для сохранения этих функций переводчик должен не только ориентироваться на лексическое значение фразеологизмов, но и учитывать культурные и политические аспекты. В заключение выделяется необходимость дальнейших исследований в этой области для более точной передачи китайской фразеологии в русском языке, особенно в контексте политической коммуникации.

Ключевые слова: фразеологизм; политический дискурс; чэньюй; описательный перевод; функциональный аналог; прагматический аспект.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (Приказ № 86-1 от 18.02.2025, проект «Разработка комплексной когнитивной модели перевода метафорических единиц на материале китайского и русского языков»).

Для цитирования: Нефедова Л. А., Болдырева А. С. Проблема перевода китайских фразеологических единиц типа чэньюй (成语) в текстах политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 176–184. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-176-184.

Original article

THE PROBLEM OF TRANSLATION OF CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE CHENGYU (成语) TYPE IN POLITICAL DISCOURSE TEXTS

Liliya A. Nefedova¹, Anna S. Boldyreva²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, lan2@mail.ru,

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia ana.boldyreva@gmail.com

Abstract. The article examines the features of translating Chinese phraseological units (PU) chengyu (成语) in political discourse from Chinese into Russian. The relevance of the study is due to the high frequency of use of chengyu in Chinese political rhetoric and the difficulties of translating them into Russian, which is associated with cultural

and historical differences between the languages. The main goal of the work is to analyze the methods of translating chengyu in political texts and assess their pragmatic function when translating into Russian. The article examines various approaches to translation, including descriptive translation and the use of simple words and phrases instead of phraseological units, which can affect the preservation of the expressiveness and accuracy of the original. The methodological basis of the study includes comparative analysis, component and etymological analysis, as well as statistical processing of the translation of chengyu, selected from news articles published on major Chinese information platforms. The results of the study show that when translating chengyu into Russian, descriptive strategies and replacing phraseological units with simple words are most often used. It was also revealed that a significant portion of chengyu (22%) was not translated, which can lead to the loss of the pragmatic function of these units, as well as their expressiveness and emotional coloring. The article emphasizes the importance of taking into account the pragmatic load of chengyu, such as increasing expressiveness, inciting action and enhancing the meaning of what is said. The author also notes that in order to preserve these functions, the translator should not only focus on the lexical meaning of phraseological units, but also take into account cultural and political aspects. In conclusion, the need for further research in this area is highlighted for a more accurate rendering of Chinese phraseology in Russian, especially in the context of political communication.

Keywords: phraseological unit; political discourse; chengyu; descriptive translation; functional analogue; pragmatic aspect.

Acknowledgements: This research is accomplished with financial support by the Advanced Research Foundation of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chelyabinsk State University” grant (Order No. 86-1 of 18.02.2025, project “Development of a comprehensive cognitive model for translating metaphorical units based on the Chinese and Russian languages”).

For citation: Nefedova LA, Boldyreva AS. The problem of translating Chinese phraseological units such as chenyu (成语) in political discourse texts. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):176-184. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-176-184.

Введение

Перевод общественно-политических текстов представляет собой сложную задачу, которая требует от переводчика не только глубоких знаний языка, владение политической терминологией, а также понимание культурных особенностей как языка перевода, так и языка оригинала. Основной задачей перевода таких текстов является точная передача политического контекста и сохранение смысловой и риторической специфики с учётом культурных различий и нюансов политической лексики.

Общественно-политическая публицистика характеризуется стилевым синтезом: в ней сочетаются элементы научного стиля и художественного стиля. Научный компонент проявляется в использовании специализированной терминологии, книжной лексики, а также сложных синтаксических структур. В то же время художественный стиль вносит в текст образные средства выражения, эмоционально окрашенную лексику и элементы из различных слоёв общего лексического фонда современного языка [12].

В отличие от многих других языков, китайский язык обладает уникальной политической лексикой, что обусловлено многовековым историческим развитием страны. Важное место в этой лексике занимает фразеологический слой, отличающийся высокой степенью устойчивости и об-

разности. Особенности освоения политических фразеологических единиц (ФЕ) современного китайского языка связаны не только со специфической их структурной организацией, о чём подробно писал В. И. Горелов [7], но и с необходимостью учитывать их образный характер, а также семантические и этимологические аспекты, без анализа которых понимание значений данных единиц затруднительно [3].

Согласно точке зрения Р. А. Полончука, перевод с китайского на русский язык представляет собой отдельное направление в переводоведении, отличающееся рядом специфических трудностей. К числу таких трудностей относится работа с иероглифической письменностью, а также необходимость глубокого осмысления культурно-исторического контекста. Эффективная переводческая деятельность в данной области невозможна без обширных знаний в области страноведения, включая историю, культуру, традиции, литературу, искусство, обычаи и особенности мировоззрения китайского народа [12].

Из вышесказанного логично вытекает, что при переводе китайских ФЕ на русский язык возникают определённые сложности, обусловленные данными особенностями.

Фразеология как важный компонент языковой системы демонстрирует метафорику языка, эмоции, чувства, логику мысли народа [4]. Китайские

фразеологизмы являются важным средством передачи культурных ценностей и особенностей мировосприятия китайского народа. Эти устойчивые выражения не только отражают национальные черты и элементы культурного сознания, но и активно участвуют в их формировании. Каждый фразеологизм, содержащий культурную окраску, встраивается в многослойную картину китайской ментальности и обогащает её. В них зашифрована информация о прошлом, этнографических особенностях, особенностях национального характера и моделей поведения — обо всём, что составляет суть культуры [7].

В современной политической риторике фразеологизмы играют особую роль как одно из самых действенных средств воздействия на массовое сознание. За счёт образности и эмоциональной насыщенности они не только делают речь более яркой и запоминающейся, но и помогают политикам донести ключевые идеи в сжатой, выразительной форме. Такие устойчивые выражения способны вызывать у аудитории ассоциации, апеллировать к коллективному опыту и культурным кодам, тем самым усиливая доверие, формируя нужные установки и побуждая граждан к определённым действиям. Недаром именно фразеология становится важным инструментом манипуляции общественным мнением в политических кампаниях и публичных выступлениях. Возросший интерес к когнитивным, лингвокультурологическим и прагматико-коммуникативным аспектам фразеологии способствовал активному развитию научных исследований, посвящённых анализу переводческих стратегий, направленных на сохранение образности, выразительности и социокультурной значимости фразеологических единиц при их передаче на другой язык.

Несмотря на широкое распространение китайских фразеологических единиц и их активное использование на протяжении веков, систематическое научное изучение фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины в Китае началось сравнительно поздно. Фразеологизмы длительное время воспринимались преимущественно как элементы лексической системы языка, не выделяясь в качестве самостоятельного объекта исследования. Они рассматривались в рамках лексикологии, стилистики или комментариев к классическим литературным памятникам.

Первая зафиксированная попытка научного осмысления китайских фразеологических выражений восходит к 1942 году, когда в словаре китайского языка «Шэн Пин» было дано определе-

ние фразеологизмов как «гухуа» (古话), что в словном переводе означает «древние слова». Под этим термином понимались устойчивые выражения, восходящие к древней китайской культуре, отражающие исторический и культурный опыт народа. Однако на данном этапе речь шла скорее о описательной фиксации фразеологических единиц, нежели о полноценном теоретическом анализе [1].

Лишь во второй половине XX века фразеология постепенно начала формироваться как самостоятельная область лингвистического знания. Это было обусловлено не только необходимостью систематизации обширного корпуса устойчивых выражений, но и растущим интересом к фразеологизмам как носителям национально-культурной информации. Современные исследования в области китайской фразеологии направлены на выявление специфики семантики, структуры и прагматики фразеологических единиц, а также на изучение их культурно-коннотативной и когнитивной функции.

Изучением китайской фразеологии в российской науке занимались видные лингвисты-синологи, среди которых следует отметить И. В. Войцеховича, И. Д. Клемина, В. Ф. Щичко и Т. Л. Гурулеву. Среди китайских исследователей, внёсших существенный вклад в разработку данной темы, можно выделить Вэнь Дуаньчжэна (温端政), Ма Гофаня (马国凡), Яо Пэнцы (姚鹏慈) и других. Проблемы перевода чэньюй (成语) были рассмотрены в работах Р. А. Полончука [12], В. Ю. Вашкявичус, О. В. Павловой [6], О. Ф. Циберной [16], О. Н. Болдыревой [4].

Фразеологический фонд китайского языка богат и многообразен, этим обуславливается большое количество классификаций китайских ФЕ.

Согласно классификации авторитетного китайского лингвиста Ма Гофаня (马国凡), существует 5 видов ФЕ:

- 1) 成语 (чэньюй) — фразеологизмы чэньюй;
- 2) 颜语 (яньюй) — пословицы;
- 3) 歇后语 (сехоуяй) — недоворки-иносказания;
- 4) 惯用语 (гуаньюньюй) — фразеологические сочетания;
- 5) 俗语 (суяй) — поговорки [14].

Особое место в системе китайской фразеологии занимают выражения типа чэньюй. Они представляют собой наиболее распространённую форму фразеологических единиц в китайском языке. Как указывает Ма Гофань, данные конструкции, как правило, состоят из четырёх иероглифов, оформ-

лены в соответствии с нормами классического письменного языка (вэньянь), обладают внутренней семантической цельностью и метафорическим значением. При этом они характеризуются высокой степенью экспрессивности и функционируют как самостоятельные компоненты предложения [14].

Российские лингвисты — востоковеды И. Д. Кленин и В. Ф. Щичко выделяют следующие типы ФЕ: 1) чэньюй (成语) — идиомы, готовые выражения; 2) суюй (俗语) — поговорки; 3) яньюй (谚语) — пословицы; 4) сехоуюй (歇后语) — недоговорки; 5) цзинцзюй (警句) — крылатые слова; 6) гэянь (格言) — афоризмы; 7) цишо (奇说) — парадокс [9].

В своем исследовании мы опираемся на мнение В. И. Горелова, что «чэньюй (成语) — это устойчивые фразеологические словосочетания в китайском языке, которые являются семантически монолитными и обладают обобщенно-переносным значением. Они, как правило, состоят из четырех иероглифов и представляют собой выражение с глубоким смыслом, отражающее культурный, философский и исторический опыт [8].

Актуальность нашего исследования обусловлена особой значимостью чэньюй (成语) в речи китайских политиков, высокой частотностью их использования в средствах массовой информации КНР, а также трудностями их перевода на русский язык.

Стоит отметить, что существует крайне мало работ, в которых фразеологизмы чэньюй (成语) являлись бы объектом лингвистического исследования в политическом дискурсе с позиций перевода и переводоведения.

Под термином «политический дискурс» нами понимаются «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [17]. Прагматическая составляющая политического дискурса отражает его целевую установку — стремление коммуникатора, чаще всего политического деятеля, передать значимую для общества информацию, интерпретировать её с позиции актуальных ценностей и интересов. В рамках политического дискурса языковой знак функционирует не только как носитель значения (семантический аспект) и как элемент структуры высказывания (синтаксический аспект), но и как инструмент взаимодействия с аудиторией — то есть обладает прагматической направленностью. Формулируя речевые акты, говорящий отбирает языковые средства с учётом поставленных коммуникативных целей — будь то создание нужного впечатления, убеждение, вну-

шение или манипуляция восприятием слушателей, с расчётом на конкретный поведенческий отклик со стороны адресата [12]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что употребление фразеологизмов несет в себе прагматическую функцию воздействия на аудиторию. В нашем предыдущем исследовании были выявлены следующие прагматические функции чэньюй (成语): 1) функция повышения экспрессивности и образности высказывания; 2) функция побуждения к действию; 3) функция выражение оценки и эмоционально-экспрессивной окраски; 4) функция преувеличения с целью усиления значения сказанного [2]. Важность и целевая направленность использования чэньюй в речи политиков не подлежит сомнению. В рамках данного исследования, мы задались вопросом перевода ФЕ на русский язык. Удастся ли сохранить их прагматическую функцию при переводе на русский язык? Какие переводческие приёмы применяются при передаче проанализированных фразеологических единиц с китайского языка на русский?

Материалы и методы исследования

В нашем исследовании применяется метод сопоставления оригинального текста и перевода в отношении указанного материала, что позволяет выявить их сходства и различия, а также сделать выводы о способах перевода. Именно это и обуславливает новизну данного исследования.

Цель нашего исследования заключается в рассмотрении специфики перевода с китайского на русский язык чэньюй (成语) в политическом дискурсе.

Материалом для исследования выступают чэньюй (成语), отобранные из новостных статей «методом случайной выборки», с сайтов самых крупных китайских новостных порталов: сайт агентства Синьхуа (<http://www.xinhuanet.com>), сайт МИД КНР (<https://www.fmprc.gov.cn/rus/>), сайт газеты «Жэньминь жибао» (<http://www.people.com.cn/>) за 2023–2025 год. Нами было проанализировано 45 статей, в которых встретился 26 чэньюй (成语). Также был найден перевод данных статей на русский язык. Мы проанализировали выбор переводчиком способов перевода и провели статистическую обработку данных.

В статье использованы методы сравнительно-сопоставительного анализа, метод лингвистической интроспекции, интерпретативный метод, компонентный и этимологический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках данного исследования мы опираемся на взгляды В. Ф. Щичко, который подчеркивает, что для корректного перевода чэньюй (成

语) важно учитывать виды этих единиц в зависимости от соотношения их прямого и переносного значений [18]. В соответствии с классификацией, предложенной В. Ф. Щичко, можно выделить пять типов и методов перевода чэньюй: совпадение образного содержания и переносного значения (в данном случае перевод не вызывает затруднений); сохранение переносного значения при изменении образной основы (функциональный аналог); замена образной основы чэньюй на аналогичный фразеологизм с образной основой на русском языке; описательный перевод, когда в русском языке отсутствует точный аналог; и перевод парных выражений, близких по структуре к чэньюям, с использованием простых слов и словосочетаний русского языка, а не фразеологизмов [18. С. 103].

Проведенный нами анализ показал, что при переводе чэньюй (成语) переводчиками чаще всего используются следующие способы:

Перевод парных выражений чэньюй (成语) с использованием простых слов и словосочетаний русского языка, без применения фразеологизмов. Данным способом было переведено 10 примеров, что составляет 37% от выбранного материала.

Приведем пример: “习近平指出，中柬建交65年来，不管国际风云如何变幻，中柬友谊历久弥新，中柬关系已经成为国际关系的典范”。¹ «Си Цзиньпин отметил, что за 65 лет с момента установления дипломатических отношений между Китаем и Камбоджей, независимо от перемен в международной обстановке, китайско-камбоджийская дружба *не увядала* и демонстрировала жизненную силу, а двусторонние отношения стали образцом международных отношений»². В данном примере образное значение чэньюя 历久弥新 (досл. давно минувшее еще более ново) переведено как «не увядать».

Приведем другой пример, на встрече с Владимиром Путиным в своей речи Си Цзиньпин употребил чэньюй 责无旁贷 (досл. долг нельзя переложить на другого; неукоснительная обязанность). “.....作为联合国安理会常任理事国和世界主要大国，中俄责无旁贷，应该共同努力，引导和推动全球治理朝着符合国际社会期待的方向前进”。³ «...в качестве постоянных членов Совета Безопасности ООН и крупнейших мировых

держав, Китай и Россия *обязаны* прикладывать совместные усилия, чтобы направлять и продвигать глобальное управление в направлении»⁴.

Важно отметить, что для перевода чэньюй необходимо учитывать контекст, в котором они используются. Несмотря на то, что в словарях, зачастую, присутствует несколько эквивалентов перевода, иногда переводчику необходимо выработать свой, подходящий под данный контекст перевод фразеологизма.

Описательный перевод. Данным способом были переведены 7 фразеологизмов, что составляет 26 % от общего числа проанализированных.

В качестве примера, рассмотрим чэньюй 饮水思源 (досл. пьешь воду, помни об источнике). У данного фразеологизма отсутствует функциональный аналог в русском языке, переводчиком была выбрана стратегия описательного перевода. “饮水思源，这要归功于中国老一辈领导人同西哈努克太皇陛下缔结和培育的深厚友谊”。⁵ «По словам Си Цзиньпина, это *стало возможным благодаря глубокой дружбе, завязанной и выкованной старшими поколениями* китайских руководителей и королем-отцом Камбоджи Нородомом Сиануком»⁶.

На переговорах с президентом Ирана, председатель КНР использовал чэньюй 风云变幻 (досл. гонимые ветром облака изменчивы). Данный фразеологизм означает быстрые и кардинальные изменения, калейдоскоп событий. “习近平指出，中伊两国传统友好，两国关系经受住各种国际风云变幻考验”。⁷ «Как отметил Си Цзиньпин, Китай и Иран связаны традиционной дружбой, и двусторонние отношения выдержали проверку *различными серьезными изменениями* международной обстановки»⁸.

Образная основа данных фразеологизмов понятна русскому читателю, проблема заключается в несовпадении образного и переносного значения в русском и китайском фразеологизме или отсутствии функционального аналога. Поэтому переводчику приходится прибегать к описательному переводу.

⁴ <https://russian.people.com.cn/n3/2023/0322/c31519-10225556.htm> (accessed 19.04.2025).

⁵ https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/24/content_5743155.htm (accessed 19.04.2025).

⁶ <https://russian.people.com.cn/n3/2023/0224/c31521-10212733.html> (accessed 19.04.2025).

⁷ https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202302/t20230214_11024958.shtml (accessed 19.04.2025).

⁸ <https://russian.news.cn/20230215/69219c42b4da4410bd e53f5ed46e49df/c.html> (accessed 19.04.2025).

¹ https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202302/t20230224_11030944.shtml (accessed 19.04.2025).

² <https://russian.news.cn/20230224/1f0173795c76485490313da1845e2754/c.html> (accessed 19.04.2025).

³ <https://russian.people.com.cn/n3/2023/0322/c31519-10225556.htm> (accessed 19.04.2025).

Совпадение образной основы и переносного значения. В наших материалах мы встретили 4 примера перевода данного типа (15%).

Для примера рассмотрим фразеологизм 宾至如归 (досл. гость словно вернулся домой). У данного фразеологизма образная основа и переносное значение совпадают с русским фразеологизмом «чувствовать себя как дома». “洛伦索表示，来到中国访问，我们感到宾至如归”。¹ «По словам Жоау Лоуренсу, приезжая в Китай с визитом, он *почувствовал себя как дома*».²

Еще один чэньюй, относящийся к данной группе 同舟共济 (досл. переправляться в одной лодке) совпадает с русским фразеологизмом «плыть в одной лодке» с своим образом и переносным значением. “世界各国乘坐在一条命运与共的大船上，要穿越惊涛骇浪、驶向光明未来，必须同舟共济，企图把谁扔下大海都是不可接受的”。³ «Все страны мира связаны общей судьбой, мы — в одной лодке. Если хочешь плыть к светлому будущему и *в штиль, и в шторм — быть вместе*. Пытаться кого-либо вытеснить — это недопустимо и неприемлемо»⁴.

Сохранение переносного значения при изменении образной основы.

В материалах нашего исследования не встретился ни один пример данного типа. Возможно, это связано с тем, что в проанализированных текстах не было чэньюй, этимология которых связана с историческими событиями, или сюжетами произведений или фразеологизмов, содержащих безэквивалентную лексику и несущих в себе культурную информацию национального характера.

Перевод чэньюй без образной основы русским фразеологизмом с образной основой.

Несмотря на то, что в материалах исследования были чэньюй без образной основы: 弥足珍贵 (досл. чрезвычайно ценный), 历久弥坚 (досл. с течением времени становиться крепче), они не были переведены на русский язык ни одним из способов. Это может быть обусловлено спецификой политического дискурса в русскоязычных СМИ.

В ходе нашего анализа было выявлено, что 22 % чэньюй (6 фразеологизмов) не были переведены на русский язык. Хотя чэньюй 火上浇油 (досл.

¹ <https://news.lnd.com.cn/system/2024/03/15/030458305.shtml> (accessed 19.04.2025).

² https://www.mfa.gov.cn/rus/wjb/zzjg/fzs/xwlb/202403/17_11261666.html (accessed 19.04.2025).

³ https://www.gov.cn/xinwen/2022-04/21/content_5686417.htm (accessed 19.04.2025).

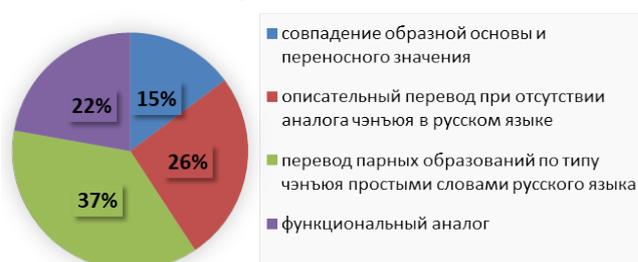
⁴ <https://russian.news.cn/20220421/b9636a7570754147ca06d32e1d3a991/c.html> (accessed 19.04.2025).

огонь поливать маслом) совпадает в своем образном и переносном значении с русским фразеологизмом «подлить масла в огонь», а чэньюй 百废待兴 (досл. всё нуждается в возрождении) имеет функциональный аналог «в плачевном состоянии».

Напомним, что основными функциями чэньюй в политическом дискурсе являются эмоционально-экспрессивная и функция усиления значения сказанного, нацеленные на языковое воздействие [8]. По мнению А. Н. Баранова одной из предпосылок аргументированного воздействия является речевоздействующий потенциал лексики, к которой также можно отнести и ФЕ. Именно поэтому, вопрос перевода чэньюй является актуальным.

Статистический анализ показал, что большинство чэньюй (37%) были переведены простыми словами и словосочетаниями русского языка — не фразеологизмами, однако отметим, что это не подавляющее большинство примеров. В 26 % случаев был выбран описательный перевод, в то же время значительная часть фразеологизмов (22%) не была переведена.

Способы перевода чэньюй (成语)

Наше исследование показало, что более чем 1/5 часть чэньюй не была переведена на русский язык. Можно утверждать, что их прагматическая функция была упущена. В свете того, что формирование фразеологизмов напрямую связано с языковой картиной мира народа Китая, они раскрывают черты китайского менталитета, следовательно важность их перевода на русский язык не вызывает сомнений.

Безусловно, выбор конкретных приемов перевода — это сложный процесс, зависящий от множества факторов. В ходе этого процесса переводчик должен не только создать текст, доступный для восприятия читателем, но и сохранить лексическое богатство исходного языка и неповторимость авторского стиля, что особенно важно при передаче фразеологии, где важно учитывать стиль и культурные особенности оригинала.

Заключение

У китайских лингвистов триада «достоверность, норма, стиль» (信, 达, 雅), предложенная

Янь Фу долгое время считалась стандартом перевода [5]. Несмотря на то, что текст перевода это специфическое отражение текста оригинала, возникает вопрос, отвечает ли перевод, в котором не переведен фразеологизм данному стандарту?

В ответ на данный вопрос можно было бы привести цитату Л.Н. Соболева о том, что «...мера точности меняется в зависимости от цели перевода, характера переводимого текста и читателя, которому перевод предназначается... перевод публицистического текста... — это не точный перевод» [4. С. 226]. Но мы всё же придерживаемся мнения, что переводчик должен расширять свою языковую картину мира и проникать вглубь нее, знакомясь и с паремиологической составляющей, знание которой поможет избежать «белых пятен» в переводе.

Наше исследование показало, что перевод на русский язык чэньюй, использованных в политическом дискурсе, осуществляется с применением различных способов, выбираемых в зависимости от конкретных факторов. Для перевода ряда чэньюй подбирались наиболее подходящие эквиваленты, а для безэквивалентных выражений использовались нефразеологические способы перевода (описание простыми словосочетаниями русского языка, т.е. описательный перевод). Значительная часть ФЕ не была переведена на русский язык, мотивы этого будут исследованы нами в дальнейшем при опросе переводчиков, проведении переводческих экспериментов, вследствие этого можно будет ответить на поставленные вопросы, потому что проблема перевода чэньюй очень актуальна и востребована.

Список источников

1. Арекеева Ю. Е. Чэньюй в системе китайской фразеологии и паремиологии // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chenyuy-v-sisteme-kitayskoy-frazeologii-i-paremiologii> (дата обращения: 19.04.2025).
2. Болдырева А. С. Употребление фразеологических единиц типа чэньюй (成语) в текстах политического дискурса: прагматический аспект // Joint innovation — Joint development: сб. ст. VI Foreign International Scientific Conference (Harbin, China, декабрь 2024). СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2024. С. 118–121.
3. Башкатова М. В. Политические фразеологические единицы современного китайского языка как репрезентанты образно-ассоциативного видения функционирования политической системы // Magister Dixit. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-frazeologicheskie-edinitiy-sovremennogo-kitayskogo-yazyka-kak-reprezentanty-obrazno-assotsiativnogo-videniya> (дата обращения: 19.03.2025).
4. Болдырева О. Н., Хань Шуци. Особенности перевода китайских фразеологизмов (чэньюев) на русский язык // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 69–71.
5. Ван Мэняо. Категория верности в китайской теории перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-vernosti-v-kitayskoy-teorii-perevoda> (дата обращения: 31.03.2025).
6. Васьквичус В. Ю., Павлова О. В. Проблемы перевода китайских фразеологических единиц в дискурсе художественной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-perevoda-kitayskih-frazeologicheskikh-edinitiy-v-diskurse-hudozhestvennoy-literatury> (дата обращения: 31.03.2025).
7. Го Ниннин. Лингвокультурные аспекты китайской фразеологии // Вестник ТГУ. 2013. № 2 (118). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-aspekty-kitayskoy-frazeologii> (дата обращения: 19.04.2025).
8. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
9. Кленин И. Д., Щичко В. Ф. Лексикология китайского языка: курс лекций. М.: Восточная книга, 2013. 120 с.
10. Мазейна А. А., Селина А. В. Особенности употребления фразеологических единиц в речи политиков: прагматический аспект // Философия и наука в культурах Запада и Востока : сб. ст. по материалам IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием (27 мая 2021 г.). Томск, 2021. С. 53–55. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/kohta:000731005> (дата обращения: 31.03.2025).
11. Пашковская Н. Д., Сукроева Н. С. О специфике перевода общественно-политических текстов // ИСОМ. 2015. № 5–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-spetsifike-perevoda-obschestvenno-politicheskikh-tekstov> (дата обращения: 05.03.2025).

12. Полончук Р. А. Фразеологические единицы военной тематики типа «ченьюй» («成语»): результаты сопоставительного исследования и особенности перевода на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4–1 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-edinitsy-voennoy-tematiki-tipa-chenyuy-rezultaty-sopostavitelnogo-issledovaniya-i-osobennosti-perevoda-na-russkiy> (дата обращения: 31.03.2025).
13. Степанов Ю. В. Проблема автора в интерпретации языковой личности. М.: РГТУ, 1994. 54 с.
14. Тё О. Е., Звягинцева Е. В. Особенности фразеологизмов чэньюй в китайском языке как компонента картины мира (на примере романа «Троецарствие») // Гуманитарный вестник. 2021. № 1 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-frazeologizmov-chenyuy-v-kitayskom-yazyke-kak-komponenta-kartiny-mira-na-primere-romana-troetsarstvie> (дата обращения: 19.04.2025).
15. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для институтов и факультетов иностр. языков. 5-е изд. СПб.: СПбГУ; М.: Филология Три, 2002. 416 с.
16. Циберная О. Ф., Лазарева А. А. Перевод фразеологических выражений в современном политическом дискурсе Китая // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-frazeologicheskikh-vyrazheniy-v-sovremennom-politicheskom-diskurse-kitaya> (дата обращения: 31.03.2025).
17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 4 с.
18. Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. 4-е изд. М.: Восточная книга, 2020. 226 с.

References

1. Arekeeva YE. Chengyu in the system of Chinese phraseology and paremiology. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2020;1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chenyuy-v-sisteme-kitayskoy-frazeologii-i-paremiologii> (accessed 19.04.2025). (In Russ.).
2. Boldyreva AS. The use of idiomatic expressions of the chengyu (成语) type in political discourse texts: a pragmatic aspect. *Joint Innovation — Joint Development: Proceedings of the VI Foreign International Scientific Conference (Harbin, China, December 2024)*. St. Petersburg: GNII “National Development”, 2024. Pp. 118-121.
3. Bashkatova MV. Political phraseological units of modern Chinese as representations of the figurative-associative perception of the functioning of the political system. *Magister Dixit*. 2013;3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-frazeologicheskie-edinitsy-sovremennogo-kitayskogo-yazyka-kak-representanty-obrazno-assotsiativnogo-videniya> (accessed 19.03.2025). (In Russ.).
4. Boldyreva ON., Han Shutszy. Features of translating Chinese phraseologisms (chengyu) into Russian. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities Research*. 2020;2 (27):69–71. (In Russ.).
5. Wang Menyao. The category of fidelity in Chinese translation theory. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda = Moscow University Bulletin. Series 22. Theory of Translation*. 2014;1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-vernosti-v-kitayskoy-teorii-perevoda> (accessed 31.03.2025). (In Russ.).
6. Vashkyavichus VYu., Pavlova OV. Problems of translating Chinese idiomatic expressions in the discourse of fiction. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2019;12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-perevoda-kitayskih-frazeologicheskikh-edinits-v-diskurse-hudozhestvennoy-literatury> (accessed 31.03.2025). (In Russ.).
7. Guo Ningnin. Linguocultural aspects of Chinese phraseology. *Vestnik TGU*. 2013;2(118). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-aspekty-kitayskoy-frazeologii> (accessed 19.04.2025). (In Russ.).
8. Gorelov VI. *Leksikologiya kitayskogo yazyka = Lexicology of the Chinese Language*. Moscow: Prosveshchenie, 1984. 216 p. (In Russ.).
9. Klenin ID., Shchichko VF. *Leksikologiya kitayskogo yazyka: kurs lektsiy = Lexicology of the Chinese Language: A Course of Lectures*. Moscow: Vostochnaya kniga, 2013. 120 p. (In Russ.).
10. Mazeina AA., Selina AV. Features of the use of phraseological units in the speech of politicians: pragmatic aspect. *Filosofiya i nauka v kulturakh Zapada i Vostoka: sbornik statey po materialam IV Vserossiiskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (27 maya 2021 goda) = Philosophy and Science in the*

Cultures of the West and the East: Collection of Articles Based on Materials of the IV All-Russian Scientific Conference with International Participation (May 27, 2021). Tomsk, 2021. Pp. 53–55. Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koha:000731005> (accessed 31.03.2025). (In Russ.).

11. Pashkovskaya ND., Sukroeva NS. On the specifics of translating socio-political texts. *ISOM*. 2015;5–1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-spetsifike-perevoda-obschestvenopoliticheskikh-tekstov> (accessed 05.03.2025). (In Russ.).

12. Polonchuk RA. Military-themed phraseological units of the “chengyu” (成语) type: results of comparative study and features of translation into Russian. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2018;4–1(82). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-edinitsey-voennoy-tematiki-tipa-chenyuy-rezultaty-sopostavitelnogo-issledovaniya-i-osobennosti-perevoda-na-russkiy> (accessed 31.03.2025). (In Russ.).

13. Stepanov YuV. The problem of the author in the interpretation of linguistic personality. Moscow: RGTU, 1994. 54 p. (In Russ.).

14. Tyo OE., Zvyagintseva EV. Features of Chengyu idioms in the Chinese language as a component of the worldview (based on the novel “Romance of the Three Kingdoms”). *Gumanitarnyi vestnik = Humanitarian Bulletin*. 2021;1(87). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-frazeologizmov-chenyuy-v-kitayskom-yazyke-kak-komponenta-kartiny-mira-na-primere-romana-troetsarstvie> (accessed 19.04.2025). (In Russ.).

15. Fedorov AV. Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): uchebnik dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov = *Fundamentals of General Theory of Translation (Linguistic Problems): Textbook for Institutes and Faculties of Foreign Languages*. 5th ed. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta; Moscow: Filologia Tri, 2002. 416 p. (In Russ.).

16. Tsibernaya OF., Lazareva AA. Perevod frazeologicheskikh vyrazheniy v sovremennom politicheskom diskurse Kitaya = *Translation of phraseological expressions in modern Chinese political discourse. PNIPU Vestnik. Problemy lingvistiki i pedagogiki = PNIPU Bulletin. Problems of Linguistics and Pedagogy*. 2020;3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-frazeologicheskikh-vyrazheniy-v-sovremennom-politicheskom-diskurse-kitaya> (accessed 31.03.2025). (In Russ.).

17. Sheygal EI. Semiotics of Political Discourse. Volgograd: Peremena, 2000. 4 p. (In Russ.).

18. Shchichko VF. Kitayskiy yazyk. Teoriya i praktika perevoda = *Chinese Language. Theory and Practice of Translation*. 4th ed. Moscow: Vostochnaya Kniga, 2020. 226 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. А. Нефедова — доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода, заслуженный работник РФ.

А. С. Болдырева — старший преподаватель кафедры теории и практики перевода.

Information about the author

L. A. Nefedova — Dr. Sci. (Philology), Professor, Dean of Faculty of Linguistics and Translation, Honored Worker of the Russian Federation.

A. S. Boldyreva — Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of Translation.

Статья поступила в редакцию 19.04.2025; одобрена после рецензирования 25.05.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 19.04.2025; approved after reviewing 25.05.2025; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 347.78.034

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-185-194

ОШИБКИ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ ПОЛИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПЕРЕВОДА КОМИКСОВ MARVEL)

Андрей Александрович Семенов¹✉, Ирина Николаевна Филиппова²

¹ Государственный университет просвещения, Москва, Россия, semyonovandre@mail.ru

² Государственный университет просвещения, Москва, Россия, little_lion06@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6799-2065

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме качества межъязыкового перевода полимодального текста, имеющей большую актуальность и составляющей сравнительно новое направление в теории и практике перевода. Внимание к вербальным компонентам гомогенной коммуникации, бывшими центром лингвистического переводоведения, не исчерпывает вопросов трансляции гетерогенных текстов и требует нового подхода к классификации погрешностей перевода в условиях полимодальности. Ошибки межъязыковой передачи полимодального текста исследованы в настоящей статье на примере русскоязычного перевода комиксов Marvel. Эмпирическая база, которую составили 33 англоязычных комикса и 27 их русскоязычных переводов, исследована с помощью методов направленной выборки, аналитического, описательного, сопоставительного и количественного методов, приемов ранжирования и графической интерпретации данных. В ходе сопоставительного анализа оригиналов и перевода обнаружена 31 ошибка и разработана авторская классификация межъязыковых ошибок в корреляции с отклонением от полной эквивалентности и адекватности, имеющая двухъярусную структуру и позволяющая дифференцировать 8 типов ошибок: ошибки в отношении плана содержания знаков оригинала (неточности и искажения), ошибки в отношении плана выражения знаков оригинала (лексические, грамматические, стилистические, пунктуационные) и дискурсивные ошибки (собственно вербальные и синкретичные). В работе выявлены причины ошибок при переводе англоязычных комиксов на русский язык: типологические различия контактирующих языков, несовершенное владение языком оригинала, недостаточно тщательный предпереводческий анализ, дефицит времени на перевод комикса, предложены варианты их коррекции, а также намечены средства их предупреждения и пути оптимизации перевода комиксов. В ходе оценки влияния ошибок на восприятие и коммуникативный эффект раскрыты урон сюжетно-дискурсивной целостности вселенной Marvel, разрушение синергии визуального и вербального компонентов, а также недоверие к переводчику и/или издательству. Количественным анализом выявлена частотность выделенных типов ошибок перевода комиксов. Представлены перспективы исследования в данной сфере дискурса и данной отрасли перевода и переводоведения.

Ключевые слова: комикс, межъязыковой перевод, ошибка перевода, полимодальный текст, синергия, трансформация, Marvel.

Для цитирования: Семенов А. А., Филиппова И. Н. Ошибки межъязыковой передачи полимодального текста (на примере русскоязычного перевода комиксов Marvel) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 185–194. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-185-194.

Original article

INTERLANGUAGE TRANSMISSION MISTAKES OF POLYMODAL TEXT (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN-LANGUAGE TRANSLATION OF MARVEL COMICS)

Andrey A. Semenov¹✉, Irina N. Filippova²

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russia, semyonovandre@mail.ru

² Federal State University of Education, Moscow, Russia, little_lion06@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6799-2065

Abstract. This article is devoted to the problem of the quality of interlanguage translation of a polymodal text, which has a great relevance and constitutes a relatively new direction in the theory and practice of translation. Attention to the verbal components of homogeneous communication, which were the center of linguistic translation studies,

does not exhaust the issues of translation of heterogeneous texts and requires a new approach to the classification of translation mistakes in conditions of polymodality. Mistakes in the interlanguage transmission of a polymodal text are investigated in this article on the example of a Russian-language translation of Marvel comics. The empirical base, which consisted of 33 English-language comics and 27 of their Russian-language translations, was investigated using directed sampling technique, analytical, descriptive, comparative and quantitative methods, ranking techniques and graphical interpretation of data. During the comparative analysis of the originals and their translations, 31 mistakes were found and the author's classification of interlanguage mistakes in correlation with deviation from full equivalence and adequacy was developed, which has a two-tiered structure and allows differentiating 8 types of mistakes: mistakes of the content plan of the original signs (inaccuracies and distortions), mistakes of the expression plan (lexical, grammatical stylistic, punctuation) and discursive mistakes (actually verbal and syncretic). The paper identifies the causes of mistakes in the translation of English-language comics into Russian: typological differences in the languages in contact, imperfect acquaintance with an original language, insufficiently thorough pre-translation analysis, lack of time to translate comics, options for their correction were suggested, as well as outlines means of preventing them and ways of optimization of the translation of comics. During the assessment of the impact of mistakes on perception and communicative effect, the loss to the plot-discursive integrity of the Marvel universe, the destruction of the synergy of visual and verbal components, as well as distrust of the translator and/or publishing house were revealed. Quantitative analysis revealed the frequency of the identified types of mistakes in the translation of comics. The prospects of research in this field of discourse and this branch of translation and translation studies were presented.

Keywords: comics, interlanguage translation, mistake of translation, polymodal text, synergy, transformation, Marvel.

For citation: Semenov AA., Filippova IN. Interlanguage transmission mistakes of polymodal text (on the example of the Russian-language translation of Marvel comics). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):185-194. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-185-194.

Введение

В конце 1920-х годов в США начался рассвет «девятого искусства» — комиксов. За свою многолетнюю историю комиксы не только не потеряли свою популярность, но смогли преумножить её, за счёт выхода различных детских игрушек, компьютерных игр, кинопроизведений и перевода на различные языки. В нашей стране комиксы Marvel появились в 2001 г. благодаря издательству «Комикс ЛТД» [7. С. 49]. Однако несмотря на долгую публикацию комиксов о супергероях Marvel для русскоговорящего населения, в них обнаруживаются эксплицитные ошибки, которые провоцируют недоверие читателя к переводчику, его компетентности и конечному продукту в целом [8. С. 91].

Цель работы — выявить и описать основные типы межъязыковых ошибок при переводе комиксов издательства Marvel на русский язык. Основные **задачи** нашего исследования — следующие:

- 1) выявить в эмпирической базе работы факты межъязыковых ошибок и осуществить их идентификацию;
- 2) разработать классификацию выявленных ошибок в корреляции с отклонением от эквивалентности и адекватности;
- 3) установить причины выявленных ошибок и предложить варианты коррекции;
- 4) наметить средства предупреждения ошибок и предложить пути оптимизации перевода комиксов.

Научная новизна определена ранее не исследованным аутентичным материалом, раскрытием новых типов ошибок перевода в соответствии со спецификой комиксов, и представлением новой классификации ошибок перевода полимодальных тексты. **Теоретическая значимость** работы заключается в пополнении системы научного знания о переводе и критериях его качества, особенно в связи с ростом популярности комиксов и тенденцией к полимодальной коммуникации, **практическая** — в перспективах внедрения полученных результатов в подготовку переводчиков: в теоретических курсах «Теория перевода», «Актуальные проблемы перевода», «Когнитивные аспекты перевода», «Стилистические аспекты перевода», «Межкультурная коммуникация», «Лингвосомиотика» и др.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили 33 комикса издательства Marvel 1965–2019 гг.: Ultimate Spider-Man, Daredevil, Spider-Man 2099, Punisher Kill Krew, What If?, Avengers Final и др. — и 27 их переводов на русский язык. Из этого массива выделена 31 межъязыковая ошибка. В ходе работы нашли применение аналитический и описательный методы, метод направленной выборки, сопоставительный метод, количественный метод, приемы ранжирования и графической интерпретации данных. В изложении использованы традиционные сокращения терминов ИТ (текст оригинала), ПТ (текст перевода), ИЯ (язык оригинала), ПЯ (язык перевода).

Результаты исследования и их обсуждение

Выпуск комиксов Marvel на русском языке сопряжен с проблемами в переводческом аспекте публикаций [6. С. 44], которые определены их дискурсивными особенностями. В отличие от произведений художественной литературы комиксы почти полностью состоят из персонажной речи, что увеличивает частотность лексических и синтаксических средств неформального регистра. В лексике комиксов присутствуют единицы сниженной функционально-стилистической окраски, дисфемизмы, слэнг, обценная лексика. Так, в “Deadpool Kills the Marvel Universe Again” #1 один из персонажей произносит: “*All right, dirtbag!*”¹, где *dirtbag* является дисфемизмом и по толкованию одноязычного словаря “Cambridge Dictionary” обозначает «неприятного человека, сделавшего что-то нечестное или неприемлемое»² (перевод наш — А. С.). Комикс “Ms. Marvel” 2014 г. посвящен супергерою-подростку Камале Хан, что подталкивает к использованию молодёжных слэнгизмов: “*Not to sound lame, but... what’s up with your arm?*”³. Ещё один пример встречается в комиксе “Punisher” линейки “Marvel Knights”: “*Mr. Smith, dude!*”⁴. В 2001 г. Marvel запустили линейку MAX, которая содержала откровенные и жестокие сцены, ненормативную лексику, нарушая правила Кодекса комиксов. Одним из них был “The Punisher presents: Barracuda MAX”, где без стеснения использовали обценную лексику: “*I’m ’a claw yo’ m*** eyes out, b***!*”⁵. К проблемам стоит отнести также лингвокультурную специфику комиксов, требующую от русскоязычных переводчиков владение информацией этой предметной сферы. Низкий уровень фоновых знаний о персонажах, их истории и о комиксах в целом, а также «отсутствие чувства ответственности за качество своего труда» [12. С. 87] снижает качество выпускаемого продукта.

Всё это в совокупности влияет на появление ошибок. Классифицирование ошибок перевода достаточно продуктивно в лингвистических теориях межъязыкового посредничества, но этот во-

прос не утрачивает актуальности. В связи с развитием новых концепций, выходящих за рамки строго лингвистического подхода, таких как интерпретативный перевод, адаптивный перевод и др. и понимания множественности теорий перевода [4. С. 94, 96–97], появляется необходимость пересмотра ранее выработанных классификаций. Расширение эмпирического поля перевода также создает предпосылки для выявления новых типов несоответствий перевода оригиналу и ожиданиям аудитории. В работе с полимодальными текстами комиксов, как типа иконотекстов [2. С. 4], мы принимаем за основу классификации Н. С. Кирсанова [6. С. 45, 51] и Л. К. Латышева [8. С. 90–101], работы по феноменологической концепции перевода [5], классифицирующим принципом считаем нарушения предметно-смыслового параллелизма [11. С. 43] знаков ИТ и ПТ. В соответствии с этими принципами классификации в рамках исследуемого материала нами выделены 3 типа ошибок межъязыкового перевода: ошибки в отношении плана содержания знаков ИТ, ошибки в отношении плана выражения знаков ИТ, дискурсивные ошибки.

1. Ошибки, допущенные при передаче плана содержания знаков ИТ в англоязычном комиксе на русский язык, как правило, вызваны непониманием ИТ вследствие плохого знания языка оригинала или недостаточного предпереводческого анализа. Комиксы компании Marvel, издаваемые в настоящее время, опираются на 60-летнюю историю своих персонажей в родной лингвокультуре. В связи с чем переводчики должны иметь достаточную базу для работы с комиксами от Marvel, чтобы обеспечить полноценное освоение комикса в принимающей лингвокультуре на ПЯ. Здесь мы отметим такие ошибки, как **неточности** (несущественные изменения исходного смысла) и **искажение** (деформация исходного смысла), затрагивающие лексический уровень языковой системы.

1.1. Неточность выражена в комиксе «Человек-Паук. Грусть». Фразу “*You see, I’ve come to believe that things have to get really, really bad before they can get good!*”⁶ российские переводчики передают следующим образом: «*Понимаешь, я верю в то, что хорошее случается только после того, как переживешь что-то очень-очень плохое!*»⁷. ИТ *come to believe* указывает на предше-

¹ Bunn C. Deadpool Kills the Marvel Universe Again. 2017;1:18.

² Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/dirtbag> (дата обращения: 15.08.2024).

³ Willow Wilson G. Ms. Marvel. 2014;2:11.

⁴ Ennis G. Punisher. 2000;1:5.

⁵ Ennis G. The Punisher presents: Barracuda MAX. 2007;2:23.

⁶ Loeb J., Zimmerman R. Spider-Man: Blue. New York: Marvel Enterprises, 2009. P. 9.

⁷ Лозб Д., Сэйл Т. «Человек-Паук. Грусть». Серия «Marvel — избранное». М.: ООО «Параллель Комикс», 2019. С. 11.

ствующий опыт героя, это следовало перевести как ‘*поверил, стал верить, пришёл к выводу*’, т.к. персонаж изменил мнение после определённых событий в прошлом, о которых рассказывается в данном комиксе. Для такой полной эквивалентности ИТ и ПТ нет препятствий ни в языковых ресурсах (на уровне лексики) английского и русского языков, ни в условиях функционирования полимодального текста комикса (ограниченности объема филактера). В связи с недостаточным предпереводческим анализом переводчик неправильно передаёт смысл ИТ. Данная ошибка не существенна для понимания текста и может остаться неопознанной читателем, не деформирует генеральную мысль ИТ. Прагматического искажения в данном примере не усматриваем, поэтому идентифицируем её как *неточность*.

1.2. Искажение представлено в комиксе «Девушки-Пауки» №3. Энни Паркер из Вселенной-18119 в диалоге с Мэй Паркер из параллельной Вселенной говорит: “*There was a May in my world. I would have had an older sister if she had —*”¹. В ПТ «*Что в моём мире тоже была Мэй. Я была бы её старшей сестрой, если бы она не...*»² переводчик допускает грубую ошибку, влияющую на восприятие сюжета комикса: в ИТ Энни не была бы сама старшей сестрой, а имела бы её. Верный перевод на русский язык должен быть следующим: «*У меня была бы старшая сестра, если бы она не...*». Такая ошибка ведёт к неправильному пониманию сюжета комикса, т.к. информация о том, что у Энни была старшая сестра, остается недоступной получателю ПТ. Это противоречит прецизионной информации в предыстории анализируемого комикса и разрушает дискурсивную целостность вселенной Marvel. При знакомстве читателя с описываемой историей возникает диссонанс с ранее известным, ошибка становится эксплицитной. В связи с этим ущербом для коммуникации признаем ее *искажением*.

2. Ошибки в передаче плана выражения знаков ИТ: *лексические, грамматические, стилистические и пунктуационные* — нормативно-языковые, т.к. противоречат языковой норме языка перевода. Они связаны, как правило, с невысоким профессионализмом, недостаточным знанием ИЯ и ПЯ, а также с невниманием к стилистическим особенностям ИТ.

2.1. Лексическая ошибка допускается в комиксе «Гражданская война» от издательства

«Комильфо». В № 2 в самом начале при поимке суперзлодеев директор организации «ЗАЩИТА» произносит: “*Our nightmare scenario, unit five.*”³. При переводе на ПЯ допускается ошибка в лексеме *сценарий*, где пропускается буква «с», вследствие чего лексема превращается в «*ценарий*»: «*Худший **ценарий**, пятый...*»⁴. Скорее всего, данная погрешность допущена из-за технической ошибки (сбоя в работе компьютерной клавиатуры, мыши), а также невнимательности самого переводчика или корректора при проверке текста [15. Р. 38–40]. Нарушение орфографической нормы искажает только форму лексической единицы, но не препятствует выполнению ею дескриптивной функции, поэтому не относим такого рода погрешности к ошибкам плана выражения.

2.2. Грамматическая ошибка. В комиксе «Удивительный Человек-Паук» №91 при разговоре с Питером Паркером его друга, Гвен Стэйси, говорит: «*...Хочу избавить **этого** город от злодеев вроде Человека-Паука!*»⁵. В ИТ: “*--To do what I can to rid the city of menaces like -- Spider-Man!*”⁶. Как видно в сравнении с ИТ в предложении ПТ очевидна грамматическая ошибка, неверный выбор падежа для указательного местоимения *этот*. Корректным было бы использование винительного падежа *этом*, т.к. глагол *избавить* — переходный, требующий прямого дополнения в винительном падеже. В анализируемом примере эту обязательную валентность глагола заполняет словосочетание существительного с указательным местоимением, объединенных атрибутивной связью с согласованием. Нормативным было бы «*...Хочу избавить **этом** город от злодеев вроде Человека-Паука!*»

Невнимательность переводчика при передаче “Ultimate Spider-Man” #88 также приводит к ошибке. В разговоре с Человеком-Пауком Серебряный Соболю говорит: “*We’re not here to **kill** you*”⁷. Для русскоязычной аудитории данный текст передали следующим образом: «*Мы не хотели **убить** тебя*»⁸. Глагол совершенного вида в данном случае

³ Millar M. Civil War. 2006;2:4.

⁴ Миллар М. и др. Золотая коллекция Marvel. Гражданская война. М.: ЭКСМО, 2022. С. 47.

⁵ Ли С., Конуэй Д. Ф. и др. Золотая коллекция Marvel. Человек-Паук. Утраты. М.: ЭКСМО, 2022. С. 80.

⁶ Lee S. The Amazing Spider-Man. 1970;91:5.

⁷ Bendis M.B. Ultimate Spider-Man. 2005;88:22.

⁸ Бендис Б. М. Современный Человек-Паук. Т. 9. Морбиус. СПб.: ИП Колтаков И. М., 2021. С. 84.

¹ Houser J. Spider-Girls. 2018;3:21.

² Гейдж К. Паукоеддон. М.: ЭКСМО, 2020. С. 527.

неуместен: он подразумевает, что Человека-Паука уже убили, что не соответствует обстоятельствам изображаемого мира. Ситуативно верным вариантом перевода в этом контексте должен быть глагол несовершенного вида *убивать*: «Мы не хотели *убивать* тебя». Неверный выбор наносит ущерб логике протекания событий в сюжете и не осознается читателем в связи с вербальным контекстом комикса. Причиной такой ошибки может служить также типологическое нетождество средств выражения видо-временных отношений в ИЯ и ПЯ. В ПТ они возникают из-за лингвистической интерференции, которая проявляется при переносе «языковых привычек» с языка оригинала на язык перевода, при этом игнорируя нормы иностранной речи [14. Р. 321].

2.3. Стилистическая ошибка представлена в переводе комикса “Captain Marvel” (2014 г.) #4: “*You have three days to organize an evacuation. We can transport one thousand of your youngest and healthiest and resettle them*”¹. В ПТ «У тебя три дня, чтобы организовать эвакуацию. Мы поможем с эвакуацией тысячи самых молодых и здоровых представителей твоего народа»² дважды повторяется лексема *эвакуация*, что является явной тавтологией. В стилистике русского языка такая форма плеоназма трактуется как нарушение нормы. ИТ может быть корректно передан с применением трансформации грамматической замены (замены глагола на существительное): «У тебя три дня, чтобы организовать *эвакуацию*. Мы поможем с *перевозкой* тысячи самых молодых и здоровых представителей твоего народа». Ресурсы ИТ и ПТ в этом случае демонстрируют симметрию, поэтому нет препятствий и для строгого синтаксического параллелизма: «У тебя три дня, чтобы организовать *эвакуацию*. Мы поможем *перевезти* тысячи самых молодых и здоровых представителей твоего народа».

2.4. Пунктуационная ошибка обнаруживается в сингле «Что, если... Инопланетный костюм завладел бы Человеком-Пауком?». В ИТ реплика Чёрной Кошки в разговоре с Человеком-Пауком разделена на 2 предложения: “*Uh, Gee, Spider, there are enough earthly diseases a person can get these days -- And you were on another world!*”³. При переводе на русский язык теряется знак препи-

вания: «*Ой, Божечки, Паук, и на Земле хватает заразы, которую можно подхватить а ты был в другом мире!*»⁴. Переводчику следовало поставить многоточие, как альтернативу двойному тире. Возможен также вариант использования запятой в одном сложносочиненном предложении. Эта ошибка противоречит пунктуационной норме русского языка, очевидна получателю перевода и может спровоцировать недоверие к переводчику и/или издательству.

3. Дискурсивные ошибки определены нарушением значимых характеристик комикса как особой дискурсивной практики. Неотъемлемой чертой всех комиксов является синергичное взаимодействие визуального и вербального кодов коммуникации, которые оказывают больший коммуникативный эффект на получателя, чем использованные в отрыве друг от друга. Это универсальное свойство иконотекстов присуще и комиксам. Но есть также национально специфичные особенности комиксов, которыми обладает анализируемый фактический материал. История комиксов Marvel в аутентичной лингвокультуре выработала свои жанровые каноны, которые остаются неизменными атрибутами серии американской супергероики.

3.1. Собственно вербальная ошибка ограничена языковыми средствами ее воплощения в ПТ. Так, перевод названия серии “*Ultimate Spider-Man*” — «*Комикс Человек-Паук*», перезапуска истории Человека-Паука в новой вселенной Marvel (см. рис. 1) некорректен. Именно с данной серии начинается выпуск комиксов о Человеке-Пауке в России. В американской лингвокультуре дискурсивная традиция заглавия сформировала канон — выражение названия в форме атрибутивной группы: *The Amazing Spider-Man*, *The Superior Spider-Man*, *The Spectacular Spider-Man*, *The Sensational Spider-Man*. Эта дискурсивная практика безальтернативна в истории комиксов супергероики Marvel (до 2000-х гг.). Однако переводчик не стал следовать этой традиции, удалив прилагательное. Перевод лексем *ultimate* — ‘конечный, максимальный, предельный, основной’ создает определённые трудности: варианты *конечный, максимальный, предельный* не отражают смысл ИТ и провоцируют неясность, а *основной* данная версия супергероя не может быть, т.к. это осовремененная версия старого персонажа. Переводчики могли использовать прилагательное *абсолютный*. В ПТ синтаксическая и прагматическая параллель прилагательному *ultimate* от-

¹ Deconnick K.S. Captain Marvel. 2014. no. 4. pp. 16.

² ДеКонник К. С. Капитан Марвел. Т. 1. Выше, дальше, быстрее, больше. М.: ИП Коташевская Б. Д., 2018. С. 86.

³ Fingerot D. What if...? Vol. 2. 1989;4:4.

⁴ Фингерот Д. Что, если?.. Инопланетный костюм завладел бы Человеком-Пауком. М.: ЭКСМО, 2022. С. 4.

Рис. 1 Вербальная ошибка межъязыкового перевода

Fig. 1 Verbal mistake in interlanguage translation

сутствует, в заглавии представлено существительное *комикс*, не несущее смысловой и эмоциональной нагрузки. Таким образом, нарушая традицию формулировки заглавия, переводчик отказывается от потенциально возможной симметрии коммуникативного воздействия на получателя, ПТ не удовлетворяет традиционным требованиям к переводу [9. С. 231]. Отметим, что с данной задачей справилось издательство «Зодиак», назвав её «Современный Человек-Паук», что коррелирует с прагматикой ИТ и соответствует сюжету комикса.

3.2. Синкретичные ошибки проявляются как рассогласование вербального и визуального компонентов, составляющих коммуникативное единство в комиксе [10. С. 206–207]. В таких случаях переводчик не обращает внимание на невербальный компонент комикса, на изображение, которое является важной частью полимодального иконотекста. Это дает возможность различной интерпретации содержания ПТ читателем, в то время как получатели ИТ находятся в условиях безальтернативности видения контекста. Такие ошибки происходят на стыке лингвистики и издательской технологии, требуя учитывать лимит места для демонстрации ПТ в облаке, что является серьез-

ной проблемой в переводе комиксов [1. С. 60]. В ИТ “Spider-Man: Blue” Зелёный Гоблин говорит: “*Because this is the last face you are ever going to see*”¹. Из ПТ «Потому что *это* последнее, что ты увидишь перед смертью»² не совсем ясно, что подразумевается под эврисемичным местоимением *это*. На соответствующей панели изображена голова суперзлодея, но Человек-Паук видит не только её (см. рис. 2). Местоимением *это* могут быть обозначены окружающая обстановка или оружие. В оригинале визуальная составляющая сопровождается точным указанием “... *the last face...*”, существительному ИТ есть абсолютный эквивалент в русском языке — *лицо*, поэтому не понятно, почему переводчик прибегает к трансформации опущения. Так разрушается синергия визуального и вербального компонентов, которая является неизменной характеристикой комикса.

Таким образом, представленная авторская классификация ошибок перевода комиксов построена

¹ Loeb J., Zimmerman R. Spider-Man: Blue. New York: Marvel Enterprises, 2009. pp. 14.

² Лоэб Д., Сэйл Т. «Человек-Паук. Грусть». Серия «Marvel — избранное» / пер. с англ. С. Карма М.: ООО «Параллель Комикс», 2019. С. 16.

Рис. 2 Синкретичная ошибка межъязыкового перевода

Fig. 2 Syncretic mistake in interlanguage translation

Рис. 3 Классификация ошибок межъязыкового перевода комиксов

Fig. 3 Classification of interlanguage translation mistakes of comics

как двухъярусная структура, организована по оппозиционному принципу и позволяет дифференцировать 8 типов ошибок (см. рис. 3).

Анализ частотности ошибок межъязыкового перевода комиксов Marvel (см. рис. 4) выявляет большую представленность ошибок плана выра-

жения (58%) и меньшую – ошибок плана содержания (26%) и дискурсивных (16%).

Заключение

Анализ фактического материала убеждает в том, что вопрос качества межъязыкового перевода остаётся актуальным, но в работе с комиксом,

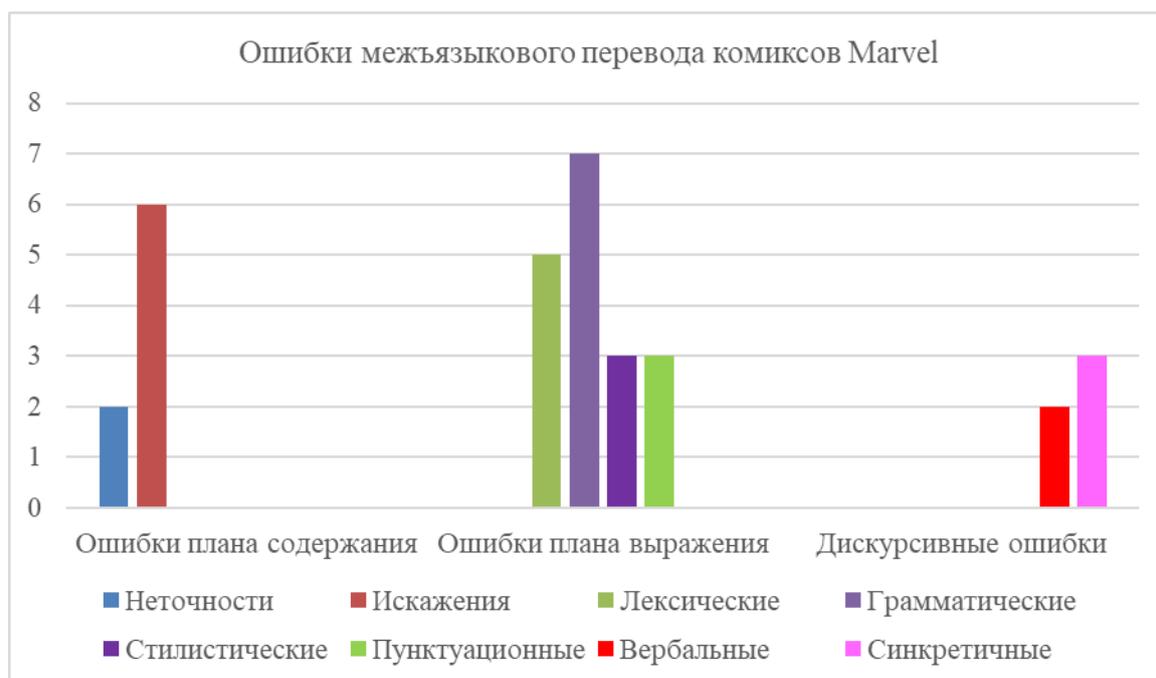

Рис. 4 Ошибки межъязыкового перевода комиксов Marvel

Fig. 4 Interlanguage translation mistakes of Marvel comics

как полимодальным продуктом, имеет новые особенности. Ошибки могут быть определены субъективными причинами (невниманием, недостаточной предметной осведомленностью, непониманием дискурсивной целостности и традиции комиксов — в нашем случае супергероики) и объективными (лимитом времени в асинхронной коммуникации, разницей лингвокультур, асимметрией контактирующих языков). Стоит подчеркнуть неабсолютный характер выявленных ошибок (их преодолимость) и потенциальное повышение качества перевода полимодальных текстов.

Значимыми выводами из представленной работы считаем следующие:

1. При переводе комикса изучение его дискурсивной традиции и предметной области в аутентичной лингвокультуре (как полимодального текста с определенной коммуникативной задачей) может минимизировать ошибки в отноше-

нии прагматики ИТ: плана содержания и дискурсивные ошибки;

2. Мерами повышения качества межъязыкового перевода комиксов могут стать также адекватная организация рабочего времени переводчиком, ответственное отношение корректора (для упреждения ошибок плана выражения), внимание к визуальной составляющей ИТ.

Дальнейшая перспектива исследования состоит в выявлении новых типов межъязыковых ошибок при переводе комиксов иных лингвокультур на русский язык, а также при адаптации произведений игровой индустрии, основанных на персонажах Marvel. Пополнить теорию перевода может изучение ошибок межъязыковой передачи иных полимодальных текстов (художественных и анимационных фильмов). Интересным предметом анализа может стать исследование взаимосвязи межъязыкового перевода с интерсемиотическим (преобразование комиксов в фильмы и фильмов в комиксы).

Список источников

1. Вавилова Л. Я., Мезина В. В. Проблемы перевода комиксов // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики: сб. материалов XVIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Красноярск, 23–24 мая 2018 года. Красноярск, 2018. С. 60–62.
2. Волоскович А. М. Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 29 с.
3. Воробьева Е. В., Рачинская Е. С. Переводить вдвоём: Опыт перевода графической биографии Стеффена Квернеланна «Мунк» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. №5 (834). С. 58–68.

4. Гарбовский Н. К. Теория перевода. Век XXI: от эмпиризма к рационализму // Труды Высшей школы перевода (факультета) Московского университета. Книга I. 2005–2010. М.: МГУ, 2010. С. 83–97.
5. Иванов Н. В. О риторическом аспекте переводческого анализа (в защиту трансформационного подхода к переводу) // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». № 8. М.: Военный университет Минобороны России, 2023. С. 33–41
6. Кирсанов Н. С., Тюнякин А. И. Проблематика переводов комиксов и графических романов в России путём сравнения оригинальных и переводных изданий // Молодой ученый. 2022. № 8 (403). С. 43–53.
7. Кунин А. И. Комикс в России // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2013. № 4 (387). С. 45–55.
8. Латышев Л. К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. 2–е изд., перераб. и доп. М.: Издат. центр «Академия», 2005. 320 с.
9. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 9-е изд. М.: Флинта: Наука, 2018. 318 с.
10. Новоселова А. С., Боровикова К. В. Особенности перевода комикса с английского языка на русский язык // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2018. №2. С. 200–207.
11. Федулова М. Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерении (на материале английских и русских текстов судебной риторики): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020. 54 с.
12. Чайковский Р. Р. Эксплицитные переводческие ошибки // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2011. № 6–2. С. 84–87.
13. Шумилина К. А. Специфика перевода комиксов на графическом и фонетическом уровнях // Огарёв–Online. 2021. № 9 (162). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-perevoda-komiksov-na-graficheskom-i-foneticheskom-urovnyah> (дата обращения: 11.08.2024).
14. Lekova B. Language interference and methods of its overcoming in foreign language teaching // *Trakia Journal of Sciences*. 2010. Vol. 8, no. 3. P. 320–324.
15. Zanettin F. Comics // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / Edited by M. Baker, G. Saldanha. 2nd ed. London and New York: Routledge's, 2009. P. 37–40.

References

1. Vavilova LYa., Mezina VV. Problems with comic book translation // *Aktual'nye problemy lingvistiki, perevodovedeniya, yazykovej kommunikacii i lingvodidaktiki = Current issues in linguistics, translation studies, language communication, and linguodidactics: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Krasnoyarsk, May 23-24, 2018*. Pp. 60-62. (In Russ.).
2. Voloskovich AM. Cognitive and semiotic aspects of the interaction of components of a polymodal text: Abstract of dis. ... Cand. Sci. (Philology). Moscow, 2012. 29 p. (In Russ.).
3. Vorob'eva EV. Co-translating: working on translation of Steffen Kverneland's "Munch" into Russian. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2020;5(834):58-68. (In Russ.).
4. Garbovskiy NK. Theory of translation. The 21st century: from empiricism to rationalism. Proceedings of the Higher School of Translation (Faculty) Moscow University. Book I. 2005-2010. Moscow: MSU, 2010. Pp. 83-97. (In Russ.).
5. Ivanov NV. On the rhetorical aspect of the translational analysis (in support of the transformational approach to translation). *Voенно-gumanitarnyy al'manakh. Seriya «Lingvistika» = Military and Humanities Almanac. Linguistics Series*. Moscow: Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 2023;8:33-41 (In Russ.).
6. Kirsanov NS. The problems of translations of comics and graphic novels In Russia by comparing original and translated editions. *Molodoy uchenyy = Young Scientist*. 2022;8(403):43-53. (In Russ.).
7. Kunin AI. History of Russian comics. *Bibliografiya. Nauchnyy zhurnal po bibliografovedeniyu, knigovedeniyu i bibliotekovedeniyu = Bibliography and Bibliology*. 2013;4(387):45-55. (In Russ.).
8. Latyshev LK. Translation technology. Study guide. Moscow: Publishing house "Academia"; 2005. 320 p. (In Russ.).
9. Nelyubin LL. Explanatory translation dictionary. Moscow: Flinta: Nauka; 2018. 318 p. (In Russ.).

10. Novoselova AS., Borovikova KV. Features of comics translation from English into Russian. *Vestnik nauchnogo obshchestva studentov, aspirantov i molodykh uchenykh = Bulletin of the Scientific Society of Students, Postgraduates and Young Scientists*. 2018;2:200-207. (In Russ.).

11. Fedulova MN. The interpretational nature of discourse in sociocultural and communicative aspects (on the material of English and Russian texts of judicial rhetoric): Abstr. dis. ... Dr. Sci. (Philology). Moscow, 2020. 54 p. (In Russ.).

12. Chaykovskiy RR. Explicit translation mistakes. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series of Linguistics*. 2011;6-2:84-87. (In Russ.).

13. Shumilina KA. Spetsifika perevoda komiksov na graficheskom i foneticheskom urovnyakh = Specifics of comics translation on graphical and phonetic levels. *Ogarev-Online*. 2021;9(162). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-perevoda-komiksov-na-graficheskom-i-foneticheskom-urovnyah> (accessed: 11.08.2024). (In Russ.).

14. Lekova B. Language interference and methods of its overcoming in foreign language teaching. *Trakia Journal of Sciences*. 2010;8(3):320-324.

15. Zanettin F. Comics. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. Edited by M. Baker, G. Saldanha. 2nd ed. London and New York: Routledge's. 2009. Pp. 37-40.

Информация об авторах

А. А. Семенов — аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики

И. И. Филиппова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики

Information about the author (authors)

A. A. Semenov — Postgraduate Student of the Department of Translation and Interpreting Studies and Cognitive linguistics

I. I. Filippova — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Translation and Interpreting Studies and Cognitive linguistics

Статья поступила в редакцию 09.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 09.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.